

Дэвид Дрейк Эрик Флинт Удар судьбы

Велисарий – 4

<http://www.fenzin.org>

«Щит судьбы; Удар судьбы»: АСТ; Москва; 2004

ISBN 5-17-025433-4

Аннотация

...Восточная Римская Империя достигла наибольшего расцвета в V веке н.э. при императоре Юстиниане I. Немало этому способствовал великий полководец Велисарий, чьи армии значительно расширили пределы Империи, одерживая победу за победой в Африке и Италии...

Это — наша с вами история. История НАШЕГО мира.

Но — в это же время на севере Индии сформировалась и другая Империя. На их стороне — оружие будущего, богатства прошлого и неудержимое стремление к власти. Их ведут те, кого люди всегда считали БОГАМИ. Земля ПОЧТИ покорена, на их пути — лишь один человек. И лишь одному человеку под силу остановить шествие ЗЛА.

Он — человек, возведший войну в ранг искусства. Человек, чье призвание — командовать. Приказ прост — сражайся и умри!

И это — история Велисария. История расцвета и гибели великих ИМПЕРИЙ. История противостояния величайшего полководца прошлого — и супероружия будущего.

История о том, как ВОЗМОЖНОСТЬ становится РЕАЛЬНОСТЬЮ!

Дэвид Дрейк, Эрик Флинт Удар судьбы

Джону и Бекки посвящается

ПРОЛОГ

Лучшая сталь в мире производилась в Индии. Эта сталь спасла ему жизнь.

Он усталился на медленно ползущую вниз по мечу каплю крови... Покрывающая прекрасную сталь кровь уже засыхала на солнце. Пока он наблюдал, последняя капля жидкости остановилась и начала застывать.

Он не представлял, сколько времени наблюдал за тем, как сохнет кровь. Кажется — часами. Он провел несколько часов, уставившись на меч, потому что слишком устал и был не в состоянии делать что-либо еще.

Но какая-то часть сознания опытного, закаленного в боях воина, которая всегда оставалась настороже, подсказывала ему, что прошло всего несколько минут. Только несколько минут, совсем немного.

Он устал. Возможно, даже больше морально, чем физически.

Его жизнь с самого детства заполняла война. Последняя оказалась самой горькой. Даже знаменитый поединок, когда он выступал против одного из легендарных воинов Индии много лет назад, не шел ни в какое сравнение с этой войной. Тот день тоже был наполнен усталостью, борьбой и страхом. Но тогда борьба шла один на один, не то что это массовое побоище. И в той схватке не было такой ярости, такой убийственной ненависти. Смертоносность, целеустремленность, да — как в его сопернике, так и в нем самом. Но также присутствовали и доблесть, и ликование оттого, что оба знали: независимо от того, кто из них победит, имена обоих запомнят в Индии на века.

В этой же битве доблесть отсутствовала. Его военачальники, конечно, станут заявлять, что битва была доблестной, а приближенные к ним барды и историки так и станут называть ее. Но они — лжецы. Неправда дается его хозяевам так же легко, как дыхание. Он думал, что это, возможно, — худшее из их многих преступлений, поскольку оно покрывает все остальные.

Он перевел взгляд с меча на тело последнего соперника. Теперь труп представлял собой жуткое зрелище: множество мух покрывало внутренности, вывалившиеся из огромной раны, которую нанесла лучшая в мире сталь. Это был отчаянный удар, и он нанес его после того, как его свалил на колени сильный удар меча соперника.

Он перевел взгляд на обрубок, все еще остающийся в руке у трупа. Меч врага сломался у рукоятки. Лучшая в мире сталь спасла его жизнь. Она и та огромная сила, с которой он отразил удар врага.

Теперь он смотрел на лицо убитого мужчины. Черты лица застыли. Оно больше ничего не выражало. Жизнь, которая недавно оживляла эти черты, ушла. Смотрящий на труп человек четко видел только бороду, густую, квадратную бороду, подстриженную в персидском стиле.

Ему удалось слегка кивнуть, вместо поклона поверженному врагу. Он слишком устал, чтобы кланяться. Его соперник был смелым человеком. Соперник намеревался в последний раз отомстить за сражение, которое, как он знал, уже проиграно. Он нацелился убить человека, который привел врагов на его землю.

А человек, который смотрел — захватчик, оккупант, называл он себя, поскольку не имел склонности врать — проследит, чтобы над телом перса провели положенные ритуальные обряды. Эти обряды казались ему странными, но именно так арии освобождают душу.

Человек, который смотрел на поверженного врага, вторгся на чужую землю, он убивал, опустошал, покорял. Но он не станет бесчестить и осквернять. Так низко он не опустится.

Он услышал за спиной звук приближающихся шагов. Несколько человек. Среди них он узнал шаги своего военачальника.

Он собрался с силами и поднялся. В глазах у него потемнело, он покачнулся, но вскоре пришел в себя и усталился на поле брани. Каспийские Ворота — так его называли. Ключ ко всей Персии. Человек, который смотрел на поле брани, эти ворота открыл¹.

¹ Каспийские Ворота — название связано с племенами каспиев, кочевников-скотоводов, обитавших в степных районах Восточного Азербайджана. От них получило название и Каспийское море.

Он бросил взгляд на тело с вывалившимися внутренностями.

Да, он проследит, чтобы над телом провели необходимые обряды. Так, как положено у персов.

«Над телами всех врагов», — подумал он, уставившись на поле брани. Каменистая, лишенная растительности земля была усыпана телами мертвых и умирающих людей. Далеко за мрачным зрелищем, на севере, поднималась огромная гора, которую персы называли вулкан Демавенд. Потухший вулкан. Его ровные и чистые склоны стояли, подобно божественному укору омерзительному хаосу человечества.

«Да. Над ними над всеми».

Его честь требовала этого. А честь — это все, что у него осталось.

Она и его имя.

Наконец он смог встать прямо. Он был очень высоким мужчиной.

Его звали Рана Шанга. Величайший из царей Раджпутаны и один из самых легендарных воинов Индии.

Рана Шанга. Собственное имя немного утешало. Честное имя. Но утешало недолго: может, только на мгновение. Потому что он не был склонен лгать и также знал, что еще обозначает его имя. Барды и историки малва могут петь и писать все, что пожелают, но он знал правду.

Рана Шанга. Человек-легенда, царь раджпут — который руководил последней атакой, когда они разбили персов у Каспийских Ворот. Человек, который открыл дверь, чтобы самое мерзкое в мире зло распространилось еще по одному континенту.

Он почувствовал, как кто-то легко коснулся его руки. Шанга посмотрел вниз и узнал пухлую маленькую ручку господина Дамодары.

— Ты тяжело ранен?

Казалось, голос Дамодары наполнен искренним беспокойством. В сознании у Шанги промелькнула горькая мысль. Но он почти сразу же отмахнулся от нее. Да, часть беспокойства Дамодары объяснялась простым страхом — он боялся потерять своего лучшего полководца. Но любой командующий, достойный называться командующим, стал бы беспокоиться о том же самом. Шанга сам был полководцем — и великолепным полководцем — и прекрасно знал, что разуму любого полководца требуется способность к расчетливой безжалостности.

Но в основном беспокойство Дамодары было личным. Глядя вниз на своего военачальника, Шанга поразились странному выражению дружелюбия на пухлом круглом лице. Из всех высокопоставленных лиц в обширной империи малва, с которыми когда-либо сталкивался Шанга, Дамодара был единственным, кого Шанга искренне уважал. Среди других господ из малва встречались способные, даже талантливые люди — как и Дамодара — но ни один не был свободен от зла.

«Конечно, Дамодара — не святой, — уныло подумал Шанга. — Он любит называть себя практичным. А это просто вежливый способ сказать „аморальный“. Но по крайней мере он не получает удовольствия от жестокости и избегает ее, когда возможно».

Рана Шанга одновременно отогнал мысль и вопрос.

— Нет, господин Дамодара. Я устал, но... — Шанга пожал плечами. — Почти вся кровь на мне — чужая. У меня только два пореза. Я уже их перевязал. Один потребует зашить. Потом.

Шанга кивнул на поле брани. Его голос стал резким.

— Сейчас гораздо важнее отдать честь павшим. Я хочу, чтобы все персы были похоронены по их традициям. С оружием.

Шанга холодно посмотрел на стоявшего в нескольких футах человека. Михиракула командовал контингентом йетайцев в армии господина Дамодары.

— Йетайцы могут забрать у погибших все деньги и драгоценности. Но персы должны быть похоронены с оружием. Этого требует честь.

Михиракула нахмурился, но не стал возражать вслух. Он знал, что главнокомандующий из малва согласится с требованием Шанги. Сердцем армии Дамодары были раджпуты, в отличие от любой другой армии империи малва.

— Конечно, — кивнул Дамодара. — Если ты так хочешь.

Главнокомандующий из малва повернулся к другому подчиненному, но тот уже шел к лошади. Тот человек был раджпут. Он проследит, чтобы приказ выполнили.

Дамодара повернулся назад.

— Есть новости, — объявил Дамодара и кивнул на еще одного человека из своей маленькой свиты. Невысокого, жилистого пожилого мужчину. — Один из курьеров Нарсеса прибыл как раз перед окончанием битвы. С новостями из Месопотамии.

Шанга бросил такой взгляд на Нарсеса, словно только что проглотил что-то кислое. Царь раджпутов не любил предателей, даже тех, которые предали его врагов.

Тем не менее Нарсес был исключительно компетентен. С этим никто не спорил.

— И что за новости? — спросил Шанга.

— Наша основная армия в Месопотамии потерпела поражение, — Дамодара сделал глубокий вдох. — Серьезное поражение. Им пришлось снять осаду Вавилона и отступить в Харк.

— Велисарий, — сказал Шанга. Он не сомневался. Дамодара кивнул.

— Да. Велисарий разбил одну армию под Анатой, затем направил Евфрат в новое русло, поймал в капкан другую армию, которая отправилась за ним в погоню, и почти полностью ее уничтожил. Там были ужасные потери. Очевидно, он разрушил построенную им же дамбу и утопил тысячи наших солдат².

Главнокомандующий из малва отвел взгляд.

— В основном все получилось, как ты и предсказывал, Рана Шанга. Велисарий — хитер, как мангуст, — Дамодара глубоко вздохнул. — У Велисария едва ли набиралось десять тысяч человек, но тем не менее ему удалось отогнать нашу армию назад к морю.

— А теперь? — спросил Шанга.

Дамодара пожал плечами.

— Мы не знаем точно. Персидский император послал войска разбираться со своим братом Ормаздом, который пре... который теперь объединился с нами, но большая армия осталась защищать Вавилон. Велисарий отправился в Пероз-Шапур отдохнуть и переукомплектовать свою армию на зиму. После этого...

Он снова перевел дух.

— Он вышел из Пероз-Шапура несколько недель назад и исчез.

Шанга кивнул. Он повернулся к солдатам-раджпутам, которые теперь стояли рядом, окружив своего командира.

— Ни у кого из вас случайно нет вина? — Он поднял меч, который держал в руке. — Я должен его почистить. Кровь засохла.

Один из раджпутов стал рыться в мешке, прикрепленном за седлом. Шанга повернулся назад к Дамодаре.

— Он идет на нас. Именно сейчас. — Главнокомандующий из малва вопросительно приподнял брови.

— Не сомневайся, Дамодара, — твердо сказал Рана Шанга и сам вопросительно посмотрел на предателя-римлянина.

Нарсес кивнул.

— Да, — согласился Нарсес. — Я тоже так думаю.

Когда Нарсес заговорил, то опять произвел на Шангу впечатление. Предатель смог

² См. роман Д. Дрейка и Э.Флинта «Щит судьбы».

очень быстро выучить хинди. В речи Нарсеса четко слышался акцент, но, казалось, словарный запас ежедневно увеличивается, причем значительно. А грамматика стала уже почти безупречна.

Но, как и всегда, Шангу больше всего поразил звук голоса Нарсеса. Какой сильный, низкий голос у старого евнуха! Шанга снова напомнил себе, что не должен позволять своему неприязненному отношению к Нарсесу затемнять несомненные таланты этого человека. Да, евнух — предатель. Но он дьявольски способен, а также — прекрасный советник и шпион.

— Не сомневайся, Дамодара, — повторил Рана Шанга. Солдат протянул ему бурдюк. Величайший из царей Раджпутаны начал чистить меч.

Лучшая сталь в мире производится в Индии.

Ему скоро потребуется эта сталь. Приближается Велисарий.

Глава 1

Персия.

Весна 532 года н.э.

Через два часа после восхода солнца Велисарий добрался до вершины и остановил коня. Проход по горному перевалу был узким и каменистым. Но дыхание захватывало от вида освещенной солнцем местности внизу.

— Какая великолепная страна, — пробормотал он. Велисарий слегка повернулся в седле, к человеку справа.

— Ты так не думаешь, Маврикий?

Маврикий нахмурился. Его серые глаза посмотрели вниз на огромное плато, которое тянулось к далекому горизонту. Цвет его глаз почти совпадал с цветом бороды. Как любил говорить Маврикий, каждый из жестких волосков поседел за годы, проведенные рядом с молодым командующим, который всегда отличался дьявольской хитростью.

— Ты — сумасшедший, — объявил Маврикий. — Полный кретин.

Велисарий хитро улыбнулся и повернулся к человеку слева.

— Ты тоже так думаешь, Васудева?

Командующий кушанского контингента в армии Велисария пожал плечами.

— Трудно сказать, — ответил Васудева на плохом греческом, который только учил. На мгновение обычно ничего не выражающее лицо Васудевы исказила гримаса. — Невозможно точно оценить, — проворчал он. — Этот шлем... — Внезапно его обуял приступ красноречия. — Этот шлем — кусок дерьма, придуманный необразованными глупыми варварами для тех, у кого в головах другой кусок дерьма — мозги необразованных глупых варваров.

Он сделал глубокий вдох. Затем заговорил снова:

— Глупый чертов варварский шлем закрывает весь вид. Я слеп, как летучая мышь. — Он прищурился, глядя на солнце. — Сейчас день, да?

Велисарий улыбнулся еще хитрее. Кушаны не переставали жаловаться на шлемы с той минуты, как их им вручили. Теперь с тех пор прошло уже несколько недель. Как только армия Велисария оказалась в трех днях пути от Пероз-Шапура, и полководец удостоверился, что за ним никто не следит, он велел распаковать новую форму и оружие, приготовленные специально для кушанов, и настоял, чтобы они их носили.

Кушаны возмущались много часов. Затем они наконец подчинились суровым приказам командира — в конце концов, технически они являлись его рабами. Но из-за их упрямства армия задержалась еще на один день.

Целый день, пока они яростно чистили все обмундирование, которое им выдали. Все это время они язвительно и саркастически настаивали, что выданное им обмундирование было придумано чертовым философом и сделано чертовым поэтом из цивилизованных господ и не сможет противостоять ордам убийственных, захватнических, насилующих, грабящих и убивающих чертовых варварских вшей.

Велисарий посмотрел вниз на оружие Васудевы и про себя признал, что сочувствует кушанам.

Велисарий приобрел новые доспехи, оружие и форму для кушанов через посредников, от остготов³. Форма определенно шилась варварами, но — по иронии судьбы — по типу римской формы предыдущего столетия. Что касается вооружения, то оно оказалось достаточно надежным. На самом деле броня была более прочной, чем у современных катафрактов: чешуйчатые доспехи варваров — туника — соединялись с пластинчатой защитой для рук и ног. Конечно, вес доспехов частично объяснял ворчание. Кушаны вообще предпочитали более легкие доспехи, чем римские катафракты, не говоря уже про эти тяжелые, огромные, гротескные остготские.

Но больше всего кушаны жаловались на шлемы. Они привыкли к легким, простым защитным приспособлениям, которые состояли только из стальной пластины, удерживаемой на лбу кожаным ремнем. А тут им выдали эти — эти — огромные, тяжелые, окружающие всю голову, с глупым гребнем наверху, придуманные идиотами стальные чертовы варварские уродства...

«Они закрывают их чубы! Полностью их закрывают!

— Именно это и является целью, — терпеливо объяснял Велисарий после раздачи обмундирования и оружия. — Никто не поймет, что вы — кушаны. Так-то вас сразу распознают по вашим прическам. Я должен держать ваше присутствие в моей армии в секрете.

Кушаны поняли военную логику вопроса. Тем не менее...

Велисарий чувствовал гневный взгляд Васудевы, но спокойно проигнорировал.

— О, у тебя конечно должно быть какое-то мнение, — заявил он.

Васудева перевел гневный взгляд на местность внизу.

— Маврикий прав, — объявил он. — Ты — сумасшедший. Абсолютно сумасшедший.

Васудева с Маврикием быстро обменялись восхищенными взглядами. За месяцы после знакомства между командующим кушанскими «воинами-рабами» и командующим букеллариями Велисария — в основном из фракийских катафрактов, которые составляли элитные войска его армии, — сложились тесные рабочие взаимоотношения. На самом деле — дружба, хотя ни один из этих потрепанных ветеранов не стал бы использовать слово в своих мрачных высказываниях. Наблюдая за молчаливым обменом взглядами, Велисарий с трудом сдержал улыбку.

«Немыслимые слова для раба!» — усмехнулся он про себя. Он захватил кушанов в плен прошлым летом, во время сражения, которое в дальнейшем назовут битва под Анатой. На протяжении месяцев после нее, пока Велисарий концентрировался на снятии осады Вавилона армией малва, кушаны служили ему рабочей силой. После того, как Велисарий отогнал основную армию малва в порт Харк — благодаря стратегии, в которой труд кушанов сыграл ключевую роль, кушаны перешли на другую сторону. На самом деле они никогда не любили своих надменных хозяев из малва. После внимательных наблюдений они пришли к выводу, что Велисарий — самый толковый и способный командующий, которого они когда-либо встречали. Тогда кушаны решили договориться о новом статусе.

Технически они все еще оставались «рабами». Кушаны твердо считали, что следует соблюдать приличия и, в конце концов, их же взяли в плен в честном бою. Их новый статус предложил сам Велисарий, основываясь на видении, посланном ему Эйдом. Магический кристалл показал ему воинов-рабов будущего, которых назовут мамлюки⁴.

³ Остготы — восточная ветвь германского племени готов. Жили в причерноморских степях, в бассейне Нижнего Днепра и частично в Крыму.

⁴ Мамлюки (араб. — невольники) — воины-рабы, составлявшие гвардию династии Айюбидов. В 1250 г. командная верхушка мамлюков свергла египетскую ветвь Айюбидов и основала династию мамлюкских султанов.

Теперь Васудева смотрел на Велисария, но во взгляде не было восхищения, с которым эти глаза мгновение назад смотрели на Маврикия. Эти глаза теперь смотрели жестко. На самом деле почти гневно.

Велисарий почувствовал, как на его губах невольно появляется улыбка.

«Рабы, но весьма своеобразные. Нужно сделать на это скидку. Человеку трудно помнить о своем рабском статусе, когда он едет на одетой в доспехи лошади и сам вооружен».

— Как неуважительно, — пробурчал он себе под нос. Васудева проигнорировал его слова. Кушан показал пальцем на местность внизу.

— Ты называешь это великолепным? — спросил он.

Фыркнул. Снова гневно посмотрел на плато. Скалистая, изрезанная оврагами и ущельями местность простиралась от основания гор на расстояние, куда могли видеть глаза.

— Если в этой несчастной местности и есть одна капля воды, то ее запасла для себя семья полевых мышей, — проворчал Васудева. — Причем небольшая семья.

Он вспомнил о том, что его печалит.

— Так по крайней мере мне кажется, — добавил он кисло. — Но я слеп, как летучая мышь, из-за этого чертова, глупого варварского шлема. Возможно, где-то внизу и есть река, а то и большое озеро!

Он склонил голову набок.

— Маврикий?

Фракийский катафракт мрачно покачал головой.

— Ни капли, как ты и сказал. — Он сам обвинительно показал пальцем. — Внизу практически нет растительности, если не считать нескольких дубов тут и там.

Маврикий какое-то время осматривал окружающие их горы.

Склоны покрывал тонкий слой снега, но эти места все равно казались привлекательнее, чем внизу. Как и по всей горной системе Загрос, местность была густо покрыта дубами и можжевельником. Дождь, выпавший на Загрос, даже вызвал определенное буйство растительности в многочисленных маленьких долинах. Там при помощи ирригации персы могли выращивать пшеницу, ячмень, виноград, абрикосы, персики и фисташки.

Он вздохнул и снова посмотрел на сухое, безводное плато.

— Весь дождь остается в горах, — пробормотал Маврикий. — А там внизу... — он снова вздохнул. — Ничего, кроме...

Наконец он заметил это.

Велисарий улыбнулся. Зрение Велисария усиливалось при помощи Эйда. Он уже давно увидел то, что только сейчас заметил Маврикий.

— Я думаю, там оазис! — весело воскликнул полководец. Васудева проследил за направлением взглядов товарищей. Когда он заметил небольшое зеленое пятно, глаза его округлились.

— Это? — подавился он. — Ты называешь это оазисом? — Велисарий пожал плечами.

— На самом деле это не оазис. Я думаю, это одно из мест, где персы прокопали спуск к своим подземным каналам. То, что они называют кванатами.

Стук копыт позади заставил их обернуться. Двое телохранителей Велисария, Анастасий и Валентин, наконец добрались до горного перевала. Они отстали, потому что Валентину пришлось вынимать камушек из копыта коня.

Велисарий снова повернулся и показал пальцем на «оазис».

— Я хочу его обследовать, — объявил он. — Думаю, мы сможем туда добраться до полудня.

Тут же послышались возражения.

— Это плохая идея, — заявил Маврикий.

— Идиотская идея сумасшедшего, — согласился Васудева.

— Нас только пятеро, — поддержал их Валентин.

— Остальная часть армии все еще в дне пути позади, — добавил Анастасий. Огромный

катафракта, обычно спокойный и философски настроенный, тоже гневно посмотрел на полководца, как и остальные его товарищи. — Не нужна нам эта твоя так называемая «личная рекогносцировка», — пророкотал Анастасий. — И так достаточно.

Огромная рука обвела окружающие их горы. Палец толщиной с сосиску обвиняющим жестом показал на плато внизу.

— Кто, черт побери, знает, что там может скрываться? — спросил Анастасий. — Это так называемое плато почти так же изрезано как эти горы. В любом месте может прятаться вся конница малва!

— Вся армия, — прошипел Валентин. — Не только конница. Думаю, нам надо убираться отсюда. Я определенно считаю, что вниз нам спускаться не следует...

Велисарий откашлялся.

— Не припомню, чтобы я созывал совет, — спокойно заметил он. Его товарищи нахмурились, но замолчали.

Мгновение спустя Маврикий заговорил спокойным тоном.

— Ты намерен спускаться вниз, парень?

— Да, Маврикий, намерен, — кивнул Велисарий. — Я думал об этих кванатах с тех пор, как Баресманас и Куруш описали их мне. На самом деле я серьезно на них рассчитываю.

Он показал на участок зелени.

— Но это все только размышления, пока я сам лично не исследую хотя бы один. Это моя первая возможность, и я не собираюсь ее упускать.

Показав себя начальником, Велисарий на мгновение смягчился. Его ветеранам полагалось объяснение, а не просто приказ.

— Кроме того, я не думаю, что нам пока стоит беспокоиться о встрече с кем-то из войска Дамодары. Битва, когда они взяли Каспийские Ворота, была кровавой и жестокой. Скорее всего, Дамодара просто оставил какие-то силы охранять Каспийские Ворота, в то время как отвел основную часть армии на зиму в Дамгхан. К этому времени они уже переукомплектовались и восстановили силы. Вероятно, они даже снова прошли сквозь Ворота, может даже добрались до Ахмадана в провинции Мах — но оттуда досюда все равно почти пятьдесят миль.

Васудева откашлялся.

— Твоя оценка основывается на отчетах шпионов или... — Велисарий улыбнулся.

— На старой доброй греческой логике, Васудева.

Больше никто ничего не сказал. Но выражения на лицах фракийцев и кушана говорили многое относительно их мнения о «старой доброй греческой логике». Даже Анастасий, увлекающийся греческой философией, сурово хмурился.

Велисарий тронулся с места и поехал вниз по тропе. Подчиненные молча последовали за ним.

То есть более или менее молча. Конечно, Валентин бормотал себе под нос. Велисарий не стал просить перевода. Он не сомневался: каждая фраза состоит из одной матерщины.

На полпути вниз по склону другой голос выразил протест. «Это плохая затея», — пришла мысль от Эйда.

«И ты, Брут?» — ответил Велисарий ментально. «Очень плохая. Я думал над ней, и Маврикий прав. И Васудева, и Валентин, и Анастасий. Слишком много догадок. Вас только пятеро. Тебе следует отказаться от этой затеи и присоединиться к армии. Ты можешь обследовать оазис позднее, с гораздо большими силами».

Велисария слегка удивила неистовость в тоне Эйда. Кристаллическая сущность из будущего теперь находилась рядом с ним на протяжении нескольких лет, с тех пор как монах Михаил Македонский принес кристалл Велисарию. На протяжении этого времени, урывками, постепенно, Велисарий с Эйдом разработали систему взаимоотношений. Эйд советовал Велисарию и направлял его, часто просвещал его, показывая фрагменты человеческой истории. Кристалл являлся почти неистощимым источником информации. Но

по опыту Эйд научился не пытаться перехитрить Велисария, когда дело касалось вопросов стратегии и тактики. В этом царстве, как узнал кристалл, Велисария не было равных. В конце концов именно поэтому он и прибыл в это время из будущего, чтобы спасти себя и расу кристаллов от рабства или простого уничтожения. Эйд вернулся в прошлое в поисках великого римского полководца, который в состоянии отразить попытку «новых богов» изменить человеческую историю.

Но хотя Велисарий и удивился, это не заставило его отказаться от своего намерения. Протест Эйда, эхом повторивший возражения товарищей Велисария, даже усилил его решимость. Итак, Велисарий и небольшая группа сопровождающих его лиц спускалась вниз по склону горной системы Загрос на плато в Персии. И еще один голос присоединился к ворчанию Валентина. «Упрямый фракийский олух», — то была лишь одна из частично улавливаемых полководцем мыслей.

Глава 2

Ловушка обнаружилась, когда римляне находились менее чем в трехстах ярдах от цели. Это была единственная ошибка раджпутов. Но их едва ли можно винить за эту ошибку — если быть объективными. Рана Шанга предупреждал их о быстроте и сообразительности Велисария. Но Шанга ничего не знал об Эйде и о том, как Эйд усиливал зрение и слух Велисария. Поэтому люди Велисария избежали ловушки в тот момент, когда раджпуты уже вроде бы отрезали римлян от любого пути отхода.

Велисарий услышал стук копыт раньше кого-либо из своих товарищей — даже до того, как скрывающиеся враги появились из оврага, где прятались.

— Засада! — прошипел он.

Первым отреагировал Валентин. Он стал разворачивать коня.

— Нет! — крикнул Велисарий. И обеими руками показал в стороны и назад. — Они ждали, пока не отрежут нас от гор!

Он пришпорил коня и пустил его вперед.

— Наш единственный шанс — забаррикадироваться!

Его товарищи, наученные долгим опытом, не стали спорить. Они просто галопом последовали за конем Велисария. А командующий несся во весь опор.

Велисарий осмотрел местность впереди. Небольшой «оазис», к которому они направлялись, представлял собой жалкую рощицу. Хилые фруктовые деревья — абрикосовые, по большей части, и несколько персиковых.

«Бесполезно», — мелькнула мысль.

Но мгновение спустя его обостренное зрение заметило то, на что он надеялся.

— Там есть здание! В рощице! — Велисарий бросил быстрый взгляд через левое плечо. Теперь он видел врага.

«Черт побери! Раджпуты. Возможно, дюжина, — он бросил взгляд через правое плечо. — То же самое».

Велисарий быстро вспомнил свой индийский опыт.

«В стандартном кавалерийском подразделении раджпутов тридцать человек. Что означает...»

Он посмотрел вперед, разглядывая рощицу. Менее чем через две секунды он увидел то, что ожидал.

— В рощице тоже раджпуты! — крикнул он. — Вероятно, полдюжины.

Велисарий не предпринимал попыток достать лук. Он не был настолько хорошим лучником, чтобы стрелять, когда конь несется во весь опор. Никто из его товарищей не был на это способен, за исключением Валентина. А тот уже достал лук. Быстрее, чем Велисарий считал возможным, катафракт выстрелил. Стрела полетела перед несущейся галопом группой римлян и ворвалась в заросли деревьев. Мгновенно последовал крик боли. Почти сразу же пятеро раджпутов выехали из рощицы и поскакали навстречу приближающимся

римлянам. Велисарий видел и шестого, но тот в этот момент соскальзывал с лошади, держась за стрелу, воткнувшуюся ему в плечо.

Теперь придется работать копьями. Все римляне, за исключением Валентина, уже приготовили свои тяжелые копья. К моменту встречи с раджпутами успел и Валентин. Быстрый, как ласка, катафаркт даже успел убрать лук на место, перед тем как взяться за копье. Почти любому другому человеку пришлось бы просто бросить лук наземь.

Схватка при сложившихся обстоятельствах — открытое столкновение между равным числом римских катафрактов и копьеносцев-раджпутов — была совсем не равной. Даже если бы у них не было стремян, более тяжеловооруженные римские кавалеристы победили бы. А со стремянами, с более тяжелыми и длинными копьями, которые стало возможно использовать после введения стремян, Велисарий и его люди фактически проехали прямо по своим соперникам. На мгновение мир превратился в какофонию криков. Удары копий о щиты приглушали, но не могли скрыть ужасные звуки разрываемой плоти и костей. Воинские кличи превратились в крики боли, а потом перешли в предсмертные стоны.

Трех раджпутов убили практически мгновенно, их тела проткнули огромные копья. Четвертый умер через несколько минут, от потери крови, льющейся из наполовину оторванного бедра.

Выжил один-единственный раджпут, который получил только несколько синяков. Он противостоял Васудеве. Хотя кушан и считался опытным воином, он еще не набрался опыта езды со стремянами и работы копьем. Но он был ветераном, и у него имелось достаточно ума, чтобы не пытаться соответствовать товарищам во всем. Вместо того чтобы искать незащищенные доспехами места, он просто врезал копьем по щиту врага. От удара такой силы соперник сразу же свалился с лошади.

Римляне поскакали дальше. Велисарий теперь мог лучше рассмотреть здание среди деревьев. Это была ферма, типичная для больших персидских семей. Квадратная, одноэтажная постройка, длина одной стороны которой составляла примерно тридцать футов. Стены были крепкими и надежными, построенными из камней. Велисарий не мог четко рассмотреть крышу, но знал, что она сделана из деревянных балок, покрытых землей.

Только...

В форме фермы было что-то странное. Деревья закрывали вид, но, казалось, здание перекошило на одну сторону.

От Эйда пришел ментальный импульс.

«В этой местности часты землетрясения, — пояснял кристалл. — Здание наполовину разрушено».

Велисарий кивнул. Они заезжали в небольшую рощицу, окружающую ферму, и он видел, что за фруктовыми деревьями не ухаживают. Место выглядело заброшенным.

«Вероятно, из-за землетрясения, как и сказал Эйд. Потом... началась война. Выжившие сбежали».

Велисарий в последний раз бросил взгляд через плечо. Он увидел, как отряд их преследователей растягивается. Они поняли, что упустили свой шанс поймать римлян в ловушку сразу же, и теперь намеревались окружить рощицу и поймать римлян в капкан в доме.

Велисарий отвернулся с мрачным видом. Пять человек против большей части кавалерийского подразделения раджпутов имеют мало шансов выжить. Очень мало. Но по крайней мере у них будет преимущество: они забаррикадируются, а не останутся на открытой местности.

Мгновение спустя они миновали деревья и остановились у фермы.

«М-да, если тут, конечно, можно забаррикадироваться», — подумал он уныло, оценивая строение.

— Дверь только одна, — заметил Маврикий. — Может, есть и черный ход, но сомневаюсь. Если это — типичная персидская ферма.

— Ты называешь это «дверь»? — спросил Валентин. Его выражение лица напоминало

гримасу человека, который только что съел корзину лимонов.

Маврикию удалось позвать плечами, когда он спрыгивал с лошади.

— Пойдет. Пойдет. Вероятно, мы сможем ее укрепить балками. — Он посмотрел вверх на полуобвалившуюся крышу. — Думаю, их там валяется достаточно.

Валентин не стал больше ничего комментировать, хотя его постоянное кислое выражение лица делало понятным, что он думает о месте обороны с обвалившейся крышей.

Пятеро римлян спешили, открыли дверь и завели лошадей в дом. Наполовину затемненная внутренняя часть фермы на минуту или около того наполнилась шумом и пылью, поднимаемой лошадьми, которые все еще тяжело дышали и нервно гарцевали. Васудева успокоил лошадей, а затем привязал их, в то время как четверо его товарищей разделились и обследовали место.

Обследовали быстро, но тщательно.

Маврикий подвел итог.

— Могло оказаться хуже. Стены толстые. Камни хорошо подогнаны друг к другу. Крыша будет проблемой, но по крайней мере, когда она падала, то потащила за собой и соседние стены, — он показал на разруху в северной трети фермы. — Один или двое раджпутов смогут там протиснуться, но нет шанса пролезть всем сразу же.

Он положил руки на бедра и в последний раз осмотрел их форт.

— На самом деле не так плохо. После того, как забаррикадируем дверь...

Он улыбнулся, наблюдая, как этим занялся Анастасий. Гигант просто взял в руки балку и подпер ею дверь. Затем, так небрежно, словно это был прут, взял еще одну и укрепил дверь и ею.

— ...мы сможем какое-то время их удерживать, — закончил фразу Маврикий.

Выражение лица Валентина оставалось кислым.

— Великолепно, — рявкнул он. — Вы обратили внимание, что выхода отсюда нет? Вы обратили внимание, что тут нет еды?

Валентин с мрачным видом следил за Велисарием, который снимал крышку с того, что казалось колодезем в юго-восточном углу.

— По крайней мере есть вода, — проворчал Валентин. — Может быть. Если этот колодец не высох.

Тогда заговорил Велисарий, с удивительной веселостью.

— Гораздо лучше, Валентин. Гораздо лучше. Я считаю, что это — путь в кванат. — Он показал вниз в колодец. — Взгляни сам.

Валентин с Маврикием поспешили к нему.

— Давайте быстрее, — приказал Васудева. Кушан смотрел в небольшую щель в западной стене. — Раджпуты уже в рощице.

— То же самое с этой стороны, — добавил Анастасий, глядя сквозь подобную щель в противоположной стене. — Они нас окружают. — Мгновение спустя он сообщил: — Теперь они спешиваются, собираются атаковать нас на своих двоих. — Он заговорил оскорбленным тоном: — Я думал, раджпуты никогда не слезают с коней. Даже ездят на них в туалет.

— Не раджпуты Раны Шанги, — лениво заметил Велисарий, все еще глядя в колодец. — Он такой же твердолобый, как и все раджпуты, когда дело доходит до вопросов чести, но не склонён к глупости, когда дело касается военной тактики.

Внезапно Васудева зашипел.

— У них гранаты! — воскликнул он.

Велисарий резко поднял голову, оторвавшись от обследования колодца.

— Ты уверен? — спросил он. Вопрос был риторическим. Васудева — не тот человек, который может так ошибиться.

— Я думал, малва не позволяют никому, кроме своих кшатриев, использовать пороховое оружие, — заметил Валентин.

— И я так думал, — почесывая подбородок, задумчиво произнес Велисарий. — Похоже, Дамодара решил изменить правила.

Он снова принялся за изучение колодца.

— Неудивительно. По слухам, он у них самый лучший полевой командир, а раджпуты — основа его армии. К тому же это раджпуты Раны Шанги.

Пока он продолжал осматривать колодец, его тон стал задумчивым.

— Это объясняет засаду. Я забыл, насколько хорош Шанга. Слишком привык к надменным малва в Месопотамии. И Шанга меня знает. Он, вероятно, просчитал, что я сам буду заниматься рекогносцировкой, и поставил капканы у подножия всех гор.

Закончив обследование, Велисарий поднял голову. Когда заговорил вновь, железный тон показывал, что он принял решение.

— Теперь нет смысла баррикадироваться, — объявил полководец. — Они не станут жертвовать кем-то, пытаясь прорваться сквозь дверь. Они просто взорвут стены фермы.

— Они уже приближаются, — подтвердил Васудева. — С моей стороны — трое, с гранатами. Я даже не могу в них выстрелить. В эту щель едва можно смотреть, стрела не пролезет.

— С моей стороны — двое, — объявил Анастасий. — То же самое.

Велисарий показал пальцем вниз, в колодец.

— Мы уйдем этим путем. Снимайте доспехи. Нам предстоит долгий спуск вниз, по узкой шахте, и я не представляю, сколько места внизу.

— А лошади? — спросил Валентин. Велисарий покачал головой.

— Нет способа спустить их вниз. Мы используем их для отвлекающего маневра. Но вначале... — Он широкими шагами направился к лошадям. — Доставайте наши гранаты. Я хочу установить их вдоль стен. Мы выполним за раджпутов их работу. Взорвем всю ферму. Это скроет наш побег.

Он начал доставать гранаты из седельных выюков. Мгновение спустя Маврикий с Валентином занялись тем же самым.

— У меня есть запал, — объявил Маврикий. — Мы можем связать вместе все гранаты. И взорвать их одновременно.

Велисарий кивнул. Он отнес несколько гранат к западной стене и стал устанавливать там, в то время как Валентин занялся тем же самым у восточной. Маврикий привязывал запалы к запалу.

— Ложитесь! Быстро! — внезапно крикнул Васудева.

Все пятеро римлян мгновенно рухнули на грязный пол. Мгновение спустя серия взрывов сотрясла здание. На западной стене, недалеко от Васудевы, появилась небольшая дыра. Везде в других местах стены выстояли, хотя заметно дрогнули.

— Благослови, Боже, хорошую работу каменщиков, — пробормотал Анастасий. — Всегда восхищался каменщиками. Святые ребята все они.

Лошади дернулись, заржали в страхе, пытаясь вырваться — они были привязаны к упавшей балке. Маврикий, самый лучший специалист по лошадям среди римлян, бросился к животным, чтобы их успокоить.

— Раджпуты готовятся к атаке? — спросил Велисарий. Васудева вернулся к своей щели и покачал головой.

— Нет. Они очень хитрые. Снова готовят гранаты. Они не пойдут в атаку, пока этот дом не превратится в груды обломков. Хотят, чтобы падающие камни сделали за них работу, — одобрительно проворчал он. — Хорошие солдаты. Умные.

Велисарий кивнул.

— Это дает нам несколько минут. — Он показал на дверь. — Анастасий, снимай балки. Потом готовься выбить дверь. Маврикий, как только дверь откроется, гони в нее лошадей. Они на мгновение остановят раджпутов. Они подумают, что мы пытаемся прорваться, а кроме того, раджпуты любят хороших лошадей. — Полководец весело улыбнулся. — Они не смогут устоять и потратят время на их поимку.

Велисарий повернулся. Увидел, что Валентин за это время уже связал все гранаты. Велисарий удовлетворенно кивнул.

— Значит, так. Васудева, ты идешь первым. Потом Валентин. Маврикий с Анастасией, как только выгоните лошадей, сразу же спускаетесь. Я пойду последним.

Велисарий взялся за тяжелую крышку, закрывающую колодец, и поставил ее на низкую каменную стену, окружающую проем. Затем взял короткую балку и поддел ею крышку. Когда придет время, Велисарий сможет закрыть проем крышкой, просто выбив из-под нее балку.

Он начал снимать доспехи. Прежде чем он снял их наполовину, Васудева уже избавился от своих и забирался в колодец. Кушан схватился за деревянный колышек, укрепленный в камне внутри шахты — первый из многих, служивших лестницей — и стал спускаться вниз.

— По крайней мере я избавился от этого ужасного глупого шлема необразованных варваров и этих... — Следующие слова потерялись, когда он исчез в темноте.

Валентин протянул Велисарию конец запала и сам начал спускаться в колодец. Ему было нечего сказать. По крайней мере, ничего конкретного. Он яростно что-то бормотал.

Велисарий поднял голову. Маврикий с Анастасией заняли свои места. Они тоже уже избавились от доспехов.

— Начали, — приказал он, затем вспомнил о невыполненной задаче и прокричал: — Подождите! Мне нужен кремь!

Маврикий нахмурился и быстро запустил руку в один из седельных выюков. Мгновение спустя достал оттуда кремь и бросил Велисарию. Как только Анастасий увидел, что Велисарий его поймал, огромный фракиец сдвинул с места одну из балок. Мгновение спустя за ней последовала вторая. А затем, еще через мгновение, Анастасий одним сильным ударом выбил дверь. Одного сильного удара оказалось достаточно, чтобы разбитая в щепки дверь полетела во двор.

После этого Анастасий бросился к колодцу, в то время как Маврикий, крича и ругаясь, погнал лошадей через проем.

Анастасий с трудом пролез в колодец, но отнесся к проблеме философски.

— О школе киников можно сказать многое, — заговорил он, когда стал неуклюже спускать свое огромное тело вниз по узкой каменной шахте. — Они были несправедливо оклеветаны...⁵

Мгновение спустя Маврикий фактически впрыгнул в колодец.

— Давай быстро, парень, — прошипел он. — Не надо этой твоей чуши с идеальным расчетом времени. Раджпуты уже идут. — Он стал спускаться вниз. — Просто взрывай. Сейчас!

«Хорошо сказано», — согласился Эйд.

Велисарий не собирался спорить. Он только подождал какое-то время, желая удостовериться, что Маврикий спустился достаточно глубоко, и он сам не наступит ему на голову. Тогда он высек искру и поджег шнур. Велисарий подождал еще секунду, теперь желая удостовериться, что шнур хорошо горит, потом бросил его на пол. Затем забрался в колодец, немного спустился вниз, поднял руку и выбил балку. Тяжелая деревянная крышка закрыла проем. Велисарий едва успел опустить голову и убрать руку, чтобы ему не придавило пальцы.

Теперь внутри колодца стояла кромешная тьма. Велисарий стал быстро спускаться вниз, на ощупь находя деревянные колышки.

Он спустился на двадцать футов вниз, когда наверху гроыхнуло. Сила взрыва сотрясла стены шахты. На мгновение Велисарий застыл на месте, напряженно прислушиваясь. Он слышал, как сверху на крышку колодца с грохотом падают камни и тяжелые балки, и боялся, что она может сломаться. Лавина камней и мусора сметет его с

⁵ Киники — др.-греч. эклектическая философская школа, проповедовавшая бедность, полное безразличие ко всем радостям жизни, отказ от культуры.

лестницы. Он не представлял, как далеко вниз придется падать.

«Достаточно, — мрачно подумал Эйд. — Очень далеко».

Падать пришлось бы сорок футов.

Когда он наконец добрался до дна колодезной шахты, его нога какое-то время рассекала воздух в поисках очередного колышка. Затем чья-то рука схватила его за лодыжку.

— Все, полководец, — послышался из темноты голос Валентина. — Анастасий, спускай его.

Огромные руки схватили Велисария за бедра. Полководец отпустил колышки и Анастасий легко поставил его на пол. Велисарию показалось, что под ногами гравий.

Он попытался встать прямо, затем резко замедлил движение. Он не видел потолка и боялся стукнуться головой.

Это заставило задуматься о новой проблеме.

— Черт побери, — проворчал он. — Я забыл, что тут будет так темно.

— Я не забыл, — послышался самодовольный ответ Маврикия. — И Васудева не забыл. Но надеюсь, у тебя хватило ума захватить с собой кремень. Он у нас единственный.

Велисарий опустил руку в тунику и достал кремень. Его рука в темноте встретила с рукой Маврикия. Фракийский хилиарх взял кремень и высек искру. Мгновение спустя Маврикий зажег воженный фитиль. Это был короткий кусок пропитанной воском веревки, один из полевых факелов, которые римские солдаты берут с собой во время кампании.

Чадающего, мерцающего света было достаточно, чтобы озарить окружающее их пространство. Велисарий начал быстрый осмотр, Маврикий зажег второй воженный фитиль, который держал Васудева.

Оглядевшись вокруг, Валентин тихо присвистнул.

— Черт побери! Я впечатлен.

На Велисария увиденное тоже произвело сильное впечатление. Подземный акведук, в котором они оказались, был прекрасно сконструирован — он легко подходил под лучшие стандарты римских инженеров. Акведук — кванат, как его называли персы, используя арабский термин — был квадратным в поперечном разрезе, грубо говоря — восемь футов в ширину на восемь футов в высоту. Центральная часть туннеля, примерно четыре фута в ширину, опускалась вниз на два фута. Центральную часть, где обычно текла вода, за исключением паводков в середине весны, покрывал гравий. Бока оказались грубо вымощенными каменными блоками и достаточно широкими, чтобы по ним мог идти человек⁶.

За исключением небольшой струйки воды, которая струилась по самому центру, кванат оставался сухим. Сезон только начинался, и большая часть снега еще не растаяла.

— Какой тут угол наклона, как думаешь, Маврикий? — спросил Велисарий.

— Я похож на инженера? — проворчал хилиарх. — Не имею ни малейшего...

— Градусов двадцать, — перебил Васудева. — Может, и тридцать. — Кушан нежно улыбнулся. В мерцающем свете факела он казался ухмыляющейся горгульей. — Это горная местность, как и моя родина. Здесь нет никаких пологих римских склонов. — Он показал факелом. — Туда. Благодаря наклону легко определить направление. Но нам далеко идти.

Он пошел первым, следуя по выступу справа.

— Нам предстоит долгий путь, — весело бросил он через плечо. — Изматывающий. В особенности для римлян, привыкших к философским склонам и поэтическим холмам. — Он хрипло рассмеялся. — Ха!

Час спустя Валентин начал жаловаться.

⁶ Акведук — желобочный водовод, перекрытый сверху для предохранения от загрязнения и испарения. Их впервые стали строить римляне. Самый длинный из 14, построенных римлянами, имел протяженность 132 км.

— Хватило бы места лошадям, — стонал он. — Здесь достаточно места.

— А как бы ты спускал их вниз? — спросил Анастасий. — И в любом случае какая бы от этого была польза?

Гигант посмотрел на каменный потолок. В отличие от других, Анастасий решил идти по центральному желобу кваната. С краю ему пришлось бы сутулиться.

— Самое большее, восемь футов, — объявил он. — Ты не смог бы тут ехать на лошади. Ты все равно шел бы пешком и вел бы недовольных животных под уздцы.

В ответ послышалось бормотание.

— Поэтому хватит стонать, Валентин. В жизни есть худшие вещи, чем долгий путь пешком вверх по склону.

— Что, например? — рявкнул Валентин.

— Например, смерть, — последовал спокойный ответ.

По пути они миновали множество вертикальных шахт, идентичных той, по которой спустились вниз. Но Велисарий их проигнорировал. Он хотел удостовериться, что они добрались до гор, перед тем как выходить на поверхность.

Через три часа после начала пути они увидели первое ответвление к какому-то выходу — из тех, которые обеспечивали более легкий доступ в кванат. Теперь не требовалось карабкаться вверх по шахте, можно было просто идти пешком по наклонной поверхности. Велисарий поборол искушение. Он хотел подальше зайти в горы перед тем, как выходить на поверхность, подальше от места возможного обнаружения.

Дальше. Валентин снова стал ворчать.

Через два часа — склон теперь стал значительно круче — они добрались до еще одного выхода. Этот был почти ровным, что показывало, как высоко в горы они зашли.

Снова Велисарий испытал искушение. И снова поборол его.

Дальше. Вперед.

Теперь Валентин ворчал безостановочно.

Через час или около того они добрались до еще одного ответвления, и Велисарий наконец решил, что этот выход безопасен. Когда они вышли на поверхность, то оказались на том же горном перевале, с которого отправились вниз на плато. Спустилась ночь, и местность освещала полная луна.

Было очень холодно. И они очень сильно проголодались.

— Мы встанем лагерем здесь, — объявил Велисарий. — Как только завтра рассветет, тронемся в путь. Надеюсь, часть конницы Кутзеса вскоре найдет нас. Я велел ему постоянно отправлять подразделения на рекогносцировку.

— Которые могли бы сделать то, что только что сделали мы, — проворчал Маврикий. — Главнокомандующий не должен заниматься этой работой.

«Абсолютно верно», — пришел решительный ментальный импульс от Эйда.

— Абсолютно верно, — эхом отозвались Валентин, Анастасий и Васудева.

Увидев, как четверо мужчин гневно смотрят на него в лунном свете, и чувствуя, как кристалл посылает гневные ментальные импульсы ему в сознание, Велисарий вздохнул.

«Это будет долгая ночь. А завтра — еще более долгий день — если мне повезет, а Кутзес выполнит свою работу. Если же нет...»

Он вздохнул.

«Дни! Дни пути! Придется тащиться через горы, и это плохо само по себе, даже когда каждый шаг не сопровождается укоризненными „Я же тебе говорил“».

— Я же тебе говорил, — последовали неизбежные слова Маврикия.

Глава 3

— Я предупреждал вас, — пробормотал Рана Шанга. Царь раджпутов широкими

шагами прошел к колодцу и заглянул в шахту.

Пратап, командующий кавалерийским подразделением, сдержал вздох облегчения. Временами Шанга демонстрировал ужасные вспышки гнева, впадал в дикую ярость. Но на этот раз слова укора звучали скорее философски, чем обвиняющие.

Пратап присоединился к царю у колодца.

— Вы последовали за ними? — спросил Шанга. Пратап колебался, затем расправил плечи.

— Я отправил несколько человек на разведку. Но там внизу — непроглядная тьма, а у нас не было с собой хороших факелов. Ничего, что горело бы дольше нескольких минут. К тому времени, как мы наконец разобрали завал и догадались, что произошло, у римлян был по крайней мере час, за который они могли уйти далеко. Мне показалось бессмысленным...

Шанга отмахнулся от дальнейших объяснений.

— Тебе не нужно оправдываться, Пратап. На самом деле я согласен с тобой. Вы почти наверняка не догнали бы их, даже если бы вы...

Он распрямился, закончил осмотр колодца. На самом деле он практически ничего не увидел. Только выложенную камнями шахту, спускающуюся во тьму.

— Судя по твоему описанию гиганта-римлянина, я уверен: это был один из двух личных телохранителей Велисария. Я забыл, как его зовут. Но второго зовут Валентин и...

Уголкем глаза Рана Шанга заметил, как Удай поморщился. Удай был одним из непосредственных подчиненных Шанги и следующим за ним по рангу. Как и сам Шанга, Удай находился в шатре императора малва после захвата Ранапура. Император решил проверить, на самом ли деле Велисарий планирует предательство, и приказал ему казнить губернатора Ранапура и его семью. Римский полководец не колебался ни минуты и приказал Валентину выполнить работу⁷.

На мгновение, вспомнив, что тогда произошло, Шанга чуть сам не поморщился. Валентин выхватил меч и обезглавил шестерых человек за более короткое время, чем потребовалось бы большинству солдат, чтобы собраться с мыслями. Шанга сам считался одним из величайших мастеров меча в Индии. Валентин был одним из немногих людей, которых встречал Шанга — очень немногих, — кого он считал себе равней. А встретиться с таким человеком там, внизу...

— Я все понял, — твердо сказал он. — В кванате, не имея возможности их окружить, преимущество было бы полностью на стороне римлян.

Рана Шанга отвернулся от колодца и стал пробираться назад среди обломков и прочего мусора.

— Засада провалилась — и все. Такое случается — в особенности, если тебе противостоит такой быстрый и хитрый соперник, как Велисарий.

Шанга увидел впереди Аджатасутру. Наемный убийца стоял у края груды камней, которая недавно была фермой. Шанга остановился и расправил плечи.

— Я не позволю критиковать своих людей, — твердо сказал раджпут ровным тоном. Он неотрывно смотрел на Аджатасутру, брови сомкнулись над гневно горящими глазами.

Аджатасутра улыбнулся и развел руки в успокаивающем жесте.

— Я не произнес ни слова. — Наемный убийца сухо усмехнулся. — На самом деле я с тобой согласен. Единственное, что меня удивило, — это то, что вы подошли так близко, как подошли. По правде говоря, я не воспринимал твой план серьезно. Полководцы, насколько я могу судить по опыту, не проводят рекогносцировку лично.

— Я провожу, — рявкнул Рана Шанга.

— Проводишь, — задумчиво произнес Аджатасутра. Наемный убийца внимательно посмотрел на царя раджпутов. На губах мелькнула улыбка. — Ты был прав, а Нарсес ошибся, — объявил он. — Ты лучше оценил Велисария, чем он.

⁷ См. роман Д. Дрейка и Э.Флинта «В сердце тьмы».

Аджатасутра снова развел руками.

— Я просто сообщаю о фактах, Шанга, и все. Засада была хорошо подготовлена, и вы почти добились успеха. Но план провалился, как и часто случается в случае засад. Это не вменяется вину тебе или твоим людям.

Шанга кивнул. Мгновение он изучал стоявшего перед ним человека. Несмотря на то что Шанга обычно очень не любил шпионов малва, в этом случае он не мог не находиться под впечатлением от Аджатасутры. Аджатасутра являлся одним из самых известных успешных наемных убийц в империи малва. Год назад он был вторым человеком в группе малва, отправленных в Рим, которая организовала восстание против Римской империи. Главным союзником малва из предателей-римлян в этом заговоре считался Нарсес. Восстание — римляне называли его «Ника» — в итоге провалилось благодаря Велисарии. Но заговорщики были близки к успеху и империя малва не обвиняла ни Аджатасутру, ни Нарсеса в провале. Эти двое предупреждали Балбана, главу миссии малва, что Велисарий и его жена Антонина ведут двойную игру. По крайней мере, так заявляли и Аджатасутра, и Нарсес — и доказательства казалось, подтверждали их слова⁸.

Поэтому после того, как Нарсеса признали невиновным в поражении, император Шандагупта назначил старого евнуха советником господина Дамодары. Евнух много лет являлся одним из главных чиновников Римской империи и имел большой опыт и обширные знания о хитросплетениях политики, а также степных варварах, полуварварах и их царьках, которые правили в самых восточных провинциях Персии. Он очень помог во время кампании, когда Дамодара и Шанга с боем прорывались на эти территории. Аджатасутра сопровождал Нарсеса. Он служил римскому предателю в роли первого заместителя или главного помощника, и также был его ногами и глазами. Несмотря на возраст, старый евнух все еще оставался бодрым и энергичным. Но если требовалось проехать верхом двадцать миль, чтобы проверить, почему провалилась засада, как в данном случае, вместо Нарсеса отправлялся Аджатасутра. Наемный убийца осмотрит место, оценит ситуацию, потом доложит.

Шанга расслабился. На самом деле он обнаружил, что Аджатасутра не грешит «отчетами» в свою пользу, которыми шпионы малва славились среди вассалов-раджпутов. Шанга никогда не станет испытывать искреннюю симпатию к Аджатасутре, поскольку любил наемных убийц не больше, чем предателей, даже переметнувшихся на его сторону, но, если быть честным с самим собой, Шанга не мог найти в Аджатасутре других пороков.

— На самом деле тебе повезло, — заметил Аджатасутра. — Ты не понес больших потерь.

— Убили четверых моих людей! — рявкнул Пратап. — Еще двоих ранили, а еще одного наполовину задавило, когда ферма взлетела на воздух. Он лишится обеих ног.

Аджатасутра пожал плечами. В этом движении не было жестокости или безжалостности, он просто философски принимал жизненные факты.

— Могло быть гораздо хуже. Когда Велисарий взорвал стены, большая часть камней осыпалась внутрь. К счастью, он только пытался скрыть свой побег. Если бы его вынудили бороться за свою жизнь, гарантирую: погибла бы половина ваших людей. И очень немногие из выживших остались бы не ранены.

Глаза Пратапа горели от возмущения.

— Я не знал, что ты знаком с Велисарием. — Затем добавил с ухмылкой: — Если не считать поражения в Константинополе.

Аджатасутра внимательно осмотрел разозленного Пратапа. Сам он стоял расслабленно, лицо ничего не выражало.

— На самом деле я с ним не знаком. Я общался с Велисарием только на расстоянии. Но я очень хорошо знаком с его женой Антониной. Знаете, Балбан устраивал ей ловушку в

⁸ См. роман Д. Дрейка и Э.Флинта «В сердце тьмы».

Константинополе, как раз в самом конце восстания.

Злость на лице Пратапа сменилась любопытством.

— Я никогда об этом не слышал, — заявил он.

— И я не слышал! — рявкнул Шанга. Царь раджпутов гневно посмотрел на наемного убийцу из малва. — Вы попытались отомстить Велисарию, убив его жену?!

Теперь знаменитый характер Шанги выступал на поверхность. Аджатасутра снова сделал успокаивающее движение, разведя руками.

— Пожалуйста, Рана Шанга! Это была идея Балбана, не моя. И ты не можешь обвинять и его — приказ пришел прямо от Нанды Лала.

Упоминание Нанды Лала не только не успокоило Шангу, наоборот, ярость прорвалась наружу. Но по крайней мере, как видел Аджатасутра, ярость высокого и наводящего ужас раджпуты теперь больше не направлялась на него самого. Как знал Аджатасутра, Рана Шанга и начальник шпионской сети всей империи малва друг друга терпеть не могут.

Наемный убийца широко развел руками.

— Я сам считал эту идею бредовой. Я предупреждал Балбана, что он недооценил женщину.

Яростный огонь в глазах Шанги потух, но он понял, на что намекает Аджатасутра.

— Засада провалилась, — сказал Шанга. — И жена Велисария выжила.

Аджатасутра резко рассмеялся.

— Выжила? Ну, можно сказать и так. Но точнее будет сказать: она сама устроила засаду и прикончила большую часть головорезов Балбана.

К этому времени все находившиеся поблизости раджпуты сгруппировались вокруг них — как и личное окружение Раны Шанги, так и кавалерийское подразделение Пратапа. Как и все воины во всех странах, они любили послушать занимательные истории. Увидев, что собравшиеся слушают его с интересом, а ярость Шанги сходит на нет, Аджатасутра расслабился. Он вытянул вперед руку, примерно в пяти футах над землей.

— Знаете ли, она — невысокая женщина. Примерно такая, не выше. Но с пышными формами. Красивая, хорошо сложена... — он сделал многозначительную паузу. — Но... — он улыбнулся. — Ее отец был возничим на колеснице. Говорят, он научил ее пользоваться ножом. Но я почти не сомневаюсь, что и муж ее кое-чему обучил. Вероятно, он приказал одному из своих людей — да хотя бы тому же убийце Валентину — отточить ее мастерство.

Аджатасутра замолчал, чтобы удостовериться: окружающие его люди слушают с повышенным вниманием. Потом заговорил вновь:

— Поняв, что Балбан отправил за ней группу уличных головорезов, Антонина забаррикадировалась в кухне небольшого магазинчика, торгующего пирожками и прочими сладостями. Сам я внутрь не заходил — я следил снаружи, но она, очевидно, полила нападавших мясным бульоном, а потом начала рубить их мясницким ножом. Лично убила нескольких перед тем, как ей на помощь прибыл один из катафрактов Велисария. После этого... — Аджатасутра пожал плечами. — Один катафркт против горстки уличных головорезов. — Все кавалеристы-раджпуты, которые окружали Аджатасутру, были ветеранами. Они удовлетворенно заворчали. Да, римские катафракты считались их врагами, но...

Уличные головорезы — против солдата!

— И все это сделала женщина? — спросил один из раджпутов. Теперь довольное выражение исчезло с его лица. Он выглядел почти оскорбленным. — Женщина!

Аджатасутра улыбнулся. Кивнул. Снова вытянул вперед руку.

— Маленькая симпатичная женщина, — сказал он весело. — Не выше вот этого.

Наемный убийца бросил взгляд на Рану Шангу. Увидел, что ярость с лица царя раджпутов полностью ушла. Ее заменило выражение, которое, как подумал Аджатасутра, казалось почти грустью.

Странно.

Шанга резко развернулся и широкими шагами направился к лошади.

— Поехали, — приказал он. — Здесь больше нечего делать. Я хочу вернуться к армии до наступления темноты.

Сев в седло, он в последний раз быстро осмотрел место.

— Засада провалилась, — объявил он. — И все.

Этой же ночью, стоя перед своим шатром в огромном лагере, разбитом армией Дамодары, Рана Шанга изучал горы, маячившие на западе. Полная луна освещала их серебряным светом, и в нем они выглядели очень красивыми. Но в бледном мерцании было что-то зловещее. Эти горы почти казались прозрачными. Их было также трудно разглядеть в деталях, а не только в общих чертах, как трудно прижать к стене человека, который прячется где-то среди них.

— Как жаль, что мы не убили тебя, — прошептал Шанга. — Тогда нам стало бы гораздо легче. Но опять же...

Он вздохнул, отвернулся, откинул кусок ткани, закрывающий вход в шатер. В последний раз взглянул на луну, висевшую высоко в небе и светившую серебряным светом, затем вступил во тьму. Он вспомнил еще одну ночь, когда точно так же смотрел во тьму, после разграбления покоренного Ранapura. Вспомнил свои мысли той ночью. Те же мысли вертелись у него в голове и сейчас.

«Как жаль, что ты мой враг. Но... Я дал клятву».

В это же самое время Велисарий смотрел вниз на плато с горного перевала и изучал мерцающие огни костров в далеко расположенном армейском лагере малва. Наступил следующий день после засады, и прибыла его собственная армия. Римские войска стояли лагерем примерно в полумиле ниже гребня гор.

Велисарий больше не оценивал размеры вражеской армии. С этим он покончил. Он просто раздумывал об одном человеке, который, как он знал, находился среди этого огромного воинства.

«Все было очень хорошо подготовлено, Шанга. Прости, что разочаровал тебя».

Эта мысль не была злобной. На месте Шанги он сделал бы то же самое. Велисарий снова задумался об ироничности ситуации. В мире мало людей, которых он бы боялся так, как Рану Шангу. Тигр в человеческом облике.

Но тем не менее...

Он вздохнул и отвернулся. Они снова встретятся с Шангой.

Велисарий стал в полутьме пробираться вниз по тропе и вспомнил о послании, которое Великие передали Эйду и расе кристаллов. О секрете, по крайней мере его части, который эти вызывающие благоговение сущности передали созданным ими же самими кристаллам, когда кристаллам стали угрожать «новые боги».

Руководствуясь этим посланием, кристаллы послали Эйда назад во времени, чтобы найти «полководца, но не просто воина». Великие понимали целостность человеческой души. Они произошли от человеческой плоти — хотя в них не осталось и следа этой плоти — и понимали все секреты человеческой души и ее противоречия.

«Узри врага в зеркале», — Эйд послал ментальный импульс в разум полководца, напоминая о содержании послания Великих.

Внезапная глубокая грусть охватила Велисария.

«Друга через поле брани», — добавил Эйд.

Глава 4

Аксумское царство

Весна 532 года н.э.

Антонина покачала головой, с благоговением, но недоверчиво.

— А кого-нибудь убило, когда он упал? — спросила она. Стоявший рядом с нею Эон

слегка пожал массивными плечами.

— Никто не знает, Антонина. — На мгновение смуглое лицо принца Аксумского царства исказила гримаса смущения. — В то время мы все еще были язычниками. А все рабочие, вероятно, — рабами. В те времена аксумиты держали большое количество рабов. До того, как мы приняли учение Иисуса Христа, — добавил он быстро.

Антонина с трудом сдержала улыбку. В конце концов полуизвинения в ответе Эона были излишни. Они не требовались. Если вспомнить римских правителей...

— Пожалуйста, Эон! Ты не должен извиняться за варварство твоих предков-язычников. По крайней мере, ваши цари древности не устраивали гладиаторских боев и не скармливали христиан львам.

Бессмысленно. Судя по выражению лица Эона, она сразу же могла сказать: ее попытка успокоить его полностью провалилась.

— Не христиан, нет, — пробормотал Эон. — Но... — Он снова пожал своими невероятными плечами. — Ну... Здесь в Африке было много крупных животных. Львы, слоны. И, кажется, цари древности...

Он снова пожал плечами. Но жест на этот раз не содержал ни извинения, ни смущения. Это было движение могучих плеч молодого принца, который на самом деле не склонен тушеваться или держаться в тени.

— Теперь все прошло, — заявил он. — Мы ввели христианские принципы правления двести лет назад. — Он показал пальцем на огромный обелиск перед ними. — Мы оставили его здесь, как напоминание о наших царях. О языческой ошибке — царской грандиозности.

Глаза Антонины вернулись к обсуждаемому предмету. Эон привел ее сюда из царской резиденции, которая располагалась в миле на юго-запад — комплекс зданий именовался Тааха Мариам — для продолжения ознакомительного тура по столице Аксумского царства, которое в будущие столетия назовут Эфиопией. Они начали обзорную экскурсию рано утром, и Эон показал Антонине великолепные церкви, украшающие город. Церкви, в особенности собор, который аксумиты называли Мариам Тсион, были гордостью Аксумского царства и столицы — Аксума. Но затем, в середине дня, принц настоял на том, чтобы показать ей и это.

Это был обелиск, лежавший на боку, сломанный в нескольких местах. Огромные куски валялись на гробницах дохристианских царей, и монумент воспринимался как нелепый памятник древним ошибкам. Больше всего остального он напоминал Антонине огромную каменную змею, которая пробирается через аксумские возвышенности.

Как объяснил Эон, обелиск упал, когда его пытались установить. Уставившись на него, Антонина вполне могла поверить в это. Из-за того, что он разбился и его части валялись на земле, было трудно судить о его величине, но Антонина решила: этот обелиск значительно превышает размерами все, что когда-либо создавали даже древние египтяне. Только царь, объятый манией грандиозности, мог додуматься приказать смертным воздвигнуть такое нелепое и бессмысленное сооружение.

Она слегка содрогнулась, подумав о людях, которые, вероятно, попали в капкан, когда обелиск упал. Падая, он разбил несколько гробниц. Наверное, кровь и разорванная плоть рабов какое-то время украшали могилы, где лежали царственные кости.

Эон неправильно понял ее движение.

— Ты замерзла! — воскликнул он. — Я не подумал о тебе. Я забыл, что ты непривычна...

Она отмахнулась от его извинений.

— Нет, нет, Эон. На самом деле я не замерзла. Я просто думала... — Она замолчала и снова содрогнулась. Да, ей холодно, как она внезапно поняла. Она всегда думала об Африке, как теплой земле. Но основная часть Аксумского царства лежала среди возвышенностей. Да, столица находилась в обширной плодородной долине под названием Хацебо, значительно ниже гор, которые величественно возвышались со всех сторон. Но все равно столица лежала в миле над уровнем моря.

— Возможно, нам следует вернуться в Тааха Мариам, — признала она. Немного поспешно, чтобы предотвратить новый поток извинений, добавила: — Твоему отцу может не понравиться наше долгое отсутствие.

На самом деле, как она знала, отец Эона — негуса нагаст, или царь царей, как его официально именовали — ни в коей мере не станет возражать против ее отсутствия. Антонина не сомневалась: царь Калев, наоборот, приветствует ее долгое отсутствие днем в царской резиденции. Это дает ему время проконсультироваться с советниками перед тем, как дать ответ на предложения Римской империи.

Антонина и сопровождающие ее лица прибыли в город Аксум неделю назад. Название столицы дало название и всему государству, как и в случае Римской империи. Аксумское царство никогда прежде не принимало такую важную делегацию и таких высокопоставленных лиц Римской империи. После перехода Аксумского царства в христианство под руководством миссионеров, известных, как «девять святых», аксумиты поддерживали теплые отношения с великой империей на севере. Но за исключением торговли, контактов было мало, в особенности официального обмена дипломатическими миссиями. Так было раньше — до приезда Антонины во главе небольшой армии, вооруженной новым странным пороховым оружием, со множеством предложений от римского императора.

Когда они стали пробираться между камней, оставшихся от древних царей, Антонина снова обнаружила, что старается не улыбнуться. Она прекрасно понимала, что царь Калев хочет потратить день — по крайней мере! — чтобы подумать о предложениях Рима.

В конце концов, эти предложения едва ли можно назвать туманными и не имеющими значения фразами, типичными для дипломатического общения.

«Рим принимает предложение Аксума о союзничестве в борьбе против империи малва. Для достижения нашей общей цели уничтожения чудовищного королевства, мы предлагаем:

Рим обеспечит Аксум пороховым оружием и специалистами, которые обучат аксумитов их использованию и производству.

Аксум предоставит флот, необходимый для поддержания восстания в Южной Индии. Аксумские корабли прорвут блокаду берега Махараштры, чтобы доставлять оружие и боеприпасы, предоставленные Римом.

Аксум также предоставит флот, необходимый...»

Ее мысли оборвались. Они с Эоном оставили руины позади. Когда они пробирались вокруг еще одного полуразрушенного строения, она заметила фигуру, маячившую у одной из гробниц на самом краю места захоронений.

Для разнообразия Усанас не улыбался. На самом деле он определенно выглядел недовольным.

Теперь Антонина не делала попыток скрыть улыбку.

— В чем дело, Усанас? — крикнула она. — Твой философский подход к жизни временно оставил тебя? Позор, позор! Что бы сказали стоики?

Усанас покачал головой.

— Стоики проповедовали спокойствие и безмятежность перед лицом жизненных трагедий и больших неприятностей. — Он нахмурился. — Они не растрчивали свои бесценные знания на мелкие раздражители. Такие, как потеря половины дня, пока глупый молодой принц показывает легкомысленной женщине, у которой слишком много свободного времени, неизбежные результаты стремления к величию: урок, который любой ребенок усваивает, когда в первый раз грубит старшим, — Усанас сурово нахмурился.

Антонина с Эоном добрались до края поля. Усанас выпрямился; до этого он стоял, облокотившись на одну из гробниц. Движение выглядело очень грациозным, в нем не было ничего лишнего, Усанас даже не покачнулся, как покачнулась бы большинство людей. На одном из могучих предплечий Усанаса имелся шрам, оставленный пантерой, которую он убил много лет назад. Высокий африканец победил в той схватке, как и во многих других, поскольку обладал хитростью, грациозностью и силой великих охотников из животного мира

африканского континента. Несмотря на то что Усанас всячески унижал особ королевской крови — что являлось его обязанностью как давазза принца Эона, — сам по себе он представлял величественную фигуру.

Антонина все еще улыбалась. Она показала через плечо большим пальцем на огромный участок с памятниками позади себя.

— Я думала, ты одобришь эту экскурсию, — сказала она. — Как помощь твоей задаче. Это же показ результатов излишнего самомнения особ королевской крови.

Усанас кисло посмотрел на каменные развалины, о которых шла речь.

— Чушь, — с силой сказал он. — То, что это гротескное и бесполезное поле не сравнивали с лицом земли, само по себе является доказательством глупости особ королевской крови. Кто, кроме царей-кретинов, станет тратить такой участок хорошей земли для такой тривиальной цели? Ребенку достаточно помнить о своих последних синяках.

Он пошел прочь, направляясь в Тааха Мариам.

— Было бы гораздо полезнее, если бы мы раз или два в год вытаскивали негусу нагаста из дворца и хорошенько пороли. — Он повторил жест Антонины и показал большим пальцем на руины за спиной. — Тогда мы могли бы превратить этот участок в хорошую ферму. Растить злаковые для детей бедняков. Кормить бедного давазза, который ослаб после бесконечного сизифова труда.

Антонина бросила взгляд на Эона, который шел рядом с ней. Она ожидала, что лицо принца исказит гримаса или он нахмурится после немыслимых предложений Усанаса. Но, к ее удивлению, Эон хитро улыбался. Ему было весело.

Похоже, давазз хорошо выполнил порученное ему задание. С другим даваззом и принц мог бы стать другим.

— А кто выполнит всю работу, Усанас? — спросил принц. — Кто потащит огромные камни, тысячи камней, с этого поля? Очень тяжелая работа. День за днем и снова. Вероятно, для этого потребуются годы. Ты этим займешься?

Ответом послужило фырканье Усанаса.

— И я так подумал, — задумчиво продолжал Эон. — Ни один человек в здравом уме не станет ею заниматься. То есть ни один свободный человек. Поэтому нам придется восстановить массовое рабство. Дать царю Калебу целую армию рабов — снова — как в старые времена.

Улыбка Эона не полностью соответствовала той, которую обычно демонстрировал давазз, но принц подошел довольно близко.

— Поэтому, чтобы достичь твоей цели унижения особ королевской крови, нам придется поднять царскую семью до древнего грандиозного статуса, — весело сделал вывод Эон. — Ты отлично придумал, Усанас! — Принц покачал головой, показательно изображая досаду и огорчение. — Мне стыдно! Все эти годы я считал, что твое навязчивое пристрастие к философии — это просто потеря времени. Но теперь я вижу...

— Достаточно! — перебил Усанас.

Давазз резко остановился и уставился на далекие горы, которые окружали долину Хацебо. Выражение его лица изменилось — от гримасы раздражения к задумчивости.

— Видишь те горы? — спросил он мягко. — До самых великих из них невозможно добраться. Точно так же люди смотрят на справедливость и правосудие. Недостижимая цель, но та, которую мы никогда не должны упускать из виду. Или мы утонем в сумасшествии ада.

Он надул щеки, затем медленно выпустил воздух.

— Жаль, что демократия не более чем утопия, — задумчиво сказал он. — Но это вместе со многими другими вещами доказали греки. Греки — самые умные люди в мире. Кто еще будет заблуждаться в такой мере, чтобы пытаться управлять страной без царя?

Он грустно покачал головой.

— Все, что они когда-либо делали — это сражались, ссорились и спорили. Бесконечные войны между крошечными государствами — никогда не могли управлять ничем больше города в лучшем случае! — и все зря. Разрушение и уничтожение — просто

почитай Фукидида. — Усанас снова покачал головой. — Конечно, в итоге умные люди типа Филиппа Македонского положили конец этим глупостям⁹.

Все еще глядя на горы, Усанас тяжело вздохнул.

— Нужно, чтобы были цари и императоры. Без них не обойтись. Кто-то должен отдавать приказы.

Он повернулся и посмотрел на молодого принца, которого ему поручили много лет назад. Теперь он улыбнулся. Это было редкое выражение для давазза. На его лице часто сияла улыбка, подобная маяку. Но Антонина, наблюдая за ним, не помнила, чтобы когда-либо видела такую простую, мягкую улыбку на лице человека по имени Усанас.

— Ты хороший парень, Эон, — сказал охотник. — Завтра тебя провозгласят мужчиной и я больше не буду твоим даваззом. Поэтому я скажу это сейчас и только один раз.

Усанас склонил голову, очень легко.

— Было почетно служить твоим даваззом, и это доставило мне удовольствие. И на самом деле я не думаю, что мой труд был похож на труд Сизифа.

Эон посмотрел вверх на высокую фигуру человека, который направлял его и обучал его и — больше всего — подвергал суровой критике, обуздывал и отрезвлял на протяжении всех этих лет. Его глаза слегка увлажнились.

— А я не смог бы найти нигде в мире лучшего человека на роль моего давазза, — ответил принц.

Осторожно, почти робко Эон протянул руку и положил ее на руку Усанаса.

— Тебе завтра нечего бояться, — тихо сказал принц. Вернулось нормальное и правильное взаимоотношение между даваззом и принцем. Усанас тут же дал Эону подзатыльник. Очень сильный.

— Глупый мальчишка! — закричал он. — Конечно, мне есть чего бояться! Весь сарв Дакуэн — по крайней мере половина, а это — более чем достаточно, чтобы со мной справиться, — будет меня судить. Меня, не тебя!

Он повернулся к Антонине, и его лицо исказила гримаса. Глаза почти вылезли из орбит.

— Аксумские сарвены — самые безжалостные существа во Вселенной! Солдаты — жестокие звери! А этот... этот... — он обвиняюще показал пальцем на Эона. — Этот идиот принц говорит, что мне нечего бояться!

Он вскинул руки вверх.

— Мне конец! — закричал он. — Годы работы — зря! Мальчишка — такой же дурак, как и всегда! — Он снова широкими шагами пошел прочь. Бросил через плечо: — Особы королевской крови глупы по своей природе, как я всегда и говорил. Сарв Дакуэн сделает то, что должен, кретин-который-когда-нибудь-может-стать-царем! Не станет обращать на тебя внимания.

Антонина с Эоном последовали за ним. Они смутно слышали бормотание Усанаса.

— Идиоты аксумиты и их идиотские традиции. Если бы у них было хоть сколько-то ума, то били бы принца вместо бедного давазза, — последовал глухой стон. — Почему я только пошел на это? Мог бы остаться в Центральной Африке. Делал бы простую безопасную работу. Охотился бы за львами и слонами и занимался бы другими разумными занятиями.

Антонина склонилась к принцу и прошептала:

— А он правда волнуется, Эон? Беспокоится о завтрашнем решении?

Эон улыбнулся.

— Не думаю. На самом деле, скорее, нет. Но ты же знаешь Усанаса. Вся эта философия делает его мрачным. — Выражение его лица немного изменилось. — И он прав в одном.

⁹ Фукидид (460-400 гг. до н.э.) — др.-греч. историк, автор «Истории», сочинения в восьми книгах, посвященной Пелопоннесской войне 431-404 гг. до н.э.

Будет иметь значение только решение сарва Дакуэн, к которому они придут завтра утром. Это не публичная церемония. Туда никого больше не приглашают, даже самого царя. Присутствуют только солдаты моего полка.

Антонина открыла от удивления рот.

— Но... тогда почему пригласили меня? Вчера Вахси попросил меня прийти. Он очень настаивал, а теперь он ведь командует этим полком.

Антонина вопросительно посмотрела на Эона.

— Ты — не гостя, Антонина, — сказал принц. — Тебя пригласили как свидетельницу.

Когда перед ними замаячила царская резиденция Тааха Мариам, Антонина отбросила задумчивость и вспомнила о своей миссии. Несколькими быстрыми шагами догнала Усанаса.

— На самом деле, я думаю, нам следует посетить гробницу Базена перед тем, как возвращаться в царскую резиденцию, — заявила она. — И находящиеся рядом гробницы, высеченные в скале! Эон мне все рассказал о них.

Усанас резко остановился и посмотрел на нее сверху вниз.

— Зачем? — спросил он и нахмурился. — Это только еще какие-то гробницы, в которых похоронены древние люди, которых обуревали навязчивые смехотворные идеи об их важности для природы вещей. — Он фыркнул и добавил: — Кроме того, они пустые. Воры — умные люди! — давно их разграбили.

Антонина терпеливо объяснила.

— Усанас, я на самом деле думаю, что негусе нагасту требуется целый день для совещания со своими советниками без присутствия на нем посла Римской империи. По правде говоря, два полных дня, поскольку завтра я целый день буду занята на церемонии в сарве Дакуэн.

Усанас не успокоился. Как раз наоборот.

— Отлично, — проворчал он. — Я забыл. Одна из свидетельниц разумности принца — это сама сумасшедшая. Приехала в Аксумское царство, чтобы предложить ввязаться в войну против самой могущественной в мире империи, и только по одной причине: потому что ее мужа посещают видения.

Он снова пошел вперед. Правда, теперь направился к гробнице Базена на востоке. Антонина с Эоном следовали в нескольких шагах позади.

После того как они прошли несколько ярдов в новом направлении, Антонина повернула голову к Эону. Она собиралась сделать какое-то веселое замечание об Усанасе, но ее внимание привлекло движение у Тааха Мариама.

Три человека бежали со стороны царской резиденции, словно за ними гнался лев. Двое из них были аксумитами, но третий...

Она остановилась и зашипела. Эон повернул голову и проследил за направлением ее взгляда.

Третий из бегущих от Тааха Мариама заметил их. Он резко остановился, чуть не упал и уставился на них. С такого расстояния — возможно, ярдов пятьдесят — Антонина не могла четко рассмотреть черты его лица, но две вещи были очевидны.

Первое: это индус. Второе: он ругался.

Мгновение спустя человек снова побежал.

— Усанас! — крикнул Эон.

Но охотник уже заметил троих мужчин. И быстрее, чем Антонина или Эон, догадался о правде. Усанас прыгнул на Эона и Антонину, как лев, схватил каждого одной рукой и бросил на землю.

От падения у Антонины перехватило дыхание. Затем последовал взрыв невероятной силы, после которого она оказалась в полубессознательном состоянии.

Она смотрела, парализованная, как взорвалась царская резиденция. Вначале из-за шока она не поняла, что именно видит. Что-то прогрохотало, на самом деле это была серия звуков, быстро следующих один за другим, сливающихся в один, за которыми вверх поднялось

огромное облако пыли. Затем Антонина увидела, как двигаются огромные камни. Некоторые из меньших кусков взлетели высоко в небо, но большинство массивных глыб, из которых состояла Тааха Мариам, только приподнялись. Секунды спустя резиденция стала рушиться. Здание, в котором находился тронный зал, обвалилось первым, подобно сломанному мосту. Затем последовала цепная реакция, во время которой падающие стены одной комнаты или здания вызвали также падение соседних. Крики были погребены под грохотом камней. К тому времени, как процесс прекратился, возможно, минутой спустя, более трети царской резиденции Тааха Мариам превратилось в груды камней и обломков. Грохот разрушений смолк и перешел в леденящую тишину — за исключением какого-то слабого крика боли, который разносился по покрытой пылью местности, подобно растекающемуся следу крови.

Задолго до этого Антонина поняла, что произошло. Первый порыв ветра, который принес пыль, принес и другой резкий знакомый ее носу запах. Порох. Много пороха.

Империя малва нанесла удар. Царь Калевб, негуса нагаст Аксумского царства, лежал где-то под этими камнями. Как и его старший сын Вазеб, наследник. И также лежали бы сама Антонина и Эон, если бы она в последний момент не настояла на изменении планов. Она поняла — смутно, все еще пребывая в полубессознательном состоянии — что люди, которые поджигали фитиль, ждали, пока не удостоверились: они с Эоном вот-вот войдут на территорию царской резиденции.

Антонина болезненно поморщилась. Они не будут уверены, пока не поднимут все обломки и не отыщут живых, но она подозревала, что Эон является единственным выжившим из царской семьи. А он еще даже не мужчина — по традициям его народа, по крайней мере, пока не пройдет завтрашняя церемония.

Эон Бизи Дакуэн, принц Аксумского царства, уже поднялся на ноги. Он смотрел вслед Усанасу. Давазз с огромным копьем в руке неся за тремя людьми, которые совсем недавно покинули пределы Тааха Мариам. Они убежали вперед на двести ярдов и бежали на максимально возможной для них скорости, но Антонине потребовалась лишь секунда, чтобы оценить исход забега.

Эон, очевидно, пришел к тому же выводу. Он сделал два шага в том же направлении, словно собираясь последовать, но остановился.

— Усанас — самый великий охотник из всех охотников, которых видели в Аксуме, — тихо сказал он. — Эти люди — мертвецы.

Он повернулся, наклонился и помог Антонине подняться на ноги. Его лицо казалось лицом гораздо более взрослого человека. Выражение было мрачным и горьким.

— С тобой все в порядке? — спросил принц. — Я должен организовать поиски отца и брата. — Он сморщился, как от боли. — И Зайи, и нашей дочери Мириам, и Тарабай. И моего советника Гармата. Все они находились там.

Она кивнула.

— Я помогу. Несколько моих людей тоже находились в Тааха Мариаме.

Эон обвел разрушение глазами.

— С римской делегацией все должно быть в порядке. Та часть царской резиденции, где вы разместились, все еще стоит.

Они пошли к разрушенной резиденции. Оттуда снова доносились звуки — теперь это были приказы и крики о помощи. Люди уже перемещались по руинам, начинали копать, снимать камни с верха. Один из этих людей заметил Антонину и Эона и закричал от радости, потом понесся к ним.

Его радость была не меньше, чем радость Антонины или Эона. Этого человека звали Вахси, и он командовал сарвом Дакуэн.

Когда-то это был полк принца. Теперь, по всей вероятности, он станет царским полком.

Вахси добежал до них и крепко обнял принца. За ним следовали другие солдаты из сарва Дакуэн и их радость была заметна.

Антонина услышала сдавленный голос принца.

— Собирай весь полк, Вахси. А также сарвы Лазен и Хадефан, если мои отец и брат

мертвы. Они также должны присутствовать при принятии решения по Усанасу, если я стану негусой нагастом.

Он высвободился из объятий Вахси. Затем все еще с ничего не выражающим лицом начал отдавать приказы.

— Мы должны обыскать руины. Затем проведем церемонию, как можно скорее. Нельзя терять время. Это не последний удар малва. Мы вступили в войну, и я намереваюсь не давать им передышки. И никакой пощады.

Вахси кивнул. Его собственное выражение лица было яростным. Как и у других, стоявших вокруг них солдат. Антонину обуяло внезапное страстное — и очень неподходящее к месту — желание хихикнуть. Она с трудом его поборола.

«Плохой ход, малва. Если бы вам удалось также убить Эона... Но вам не удалось. Плохой ход. Очень, очень, очень плохой ход».

Глава 5

Деогхар.

Весна 532 года н.э.

Нанда Лал, начальник шпионской сети империи малва, изучал Деогхар. Окруженный стенами город находился в двух милях от вершины возвышенности, где Нанда Лал стоял всего в нескольких ярдах от шатра господина Венандакатры. Венандакатра расположил свой штаб на единственной возвышенности в этой местности, прилегающий к другой возвышенности, на которой стоял Деогхар. Люди, построившие Деогхар несколько столетий назад, знали, как подготовить город к обороне.

«И очень хорошо его спланировали», — грустно подумал Нанда Лал. С крепостных валов Деогхара воины Рао удерживали малва на расстоянии. Это был один из самых укрепленных городов в Индии. Верхняя крепость стояла на скале конической формы, расположенной на возвышенности, которая поднималась на сто пятьдесят ярдов почти перпендикулярно к окружающей долине. Внешняя стена города составляла почти три мили, там также имелись три дополнительные линии укреплений, которые находились между стеной и верхней крепостью. Везде стены были сложены из больших крепких камней, и сложены надежно.

Император Шандагупта отправил Нанду Лала сюда, чтобы определить, почему господин Венандакатра столкнулся с такими трудностями при подавлении восстания на Деканском плоскогорье. Начальнику шпионской сети не потребовалось много времени, чтобы найти ответ. Хватило и часового осмотра Деогхара, в дополнении к тем дням, которые заняло путешествие сюда из Бхаруча. По дороге, когда они пробирались по горам Махараштры, они столкнулись с большим отрядом раджпутов. Все эти дни они ожидали засады от представителей народности маратхи и отбили три из них. Мрачные мысли прервал резкий крик боли. Кричали где-то за спиной у Нанды Лала. Нанда Лал даже не повернул голову. Он знал источник этого крика. Одного из партизан маратхи, которых поймали раджпуты во время последней засады, сажали на кол.

На мгновение этот звук развеселил его. Но только на мгновение. Во всех городах Махараштры на колах сидели тела мятежников. Тем не менее восстание набирало силу.

Нанда Лал мысленно выругался по адресу Великой Страны. Потом мысленно отругал Рагуната Рао. Потом — «императрицу» Шакунталу. Но больше всего...

Он услышал приближающиеся шаги и мысленно выбрал того, кто к нему приближался.

«Черт тебя подери, Венандакатра! Как тебя еще обругать? Если бы ты не позволил Велисарии обвести себя вокруг пальца и не дал Рао шанс, Шакунтала никогда не стала бы таким шипом у нас в боку».

Он вздохнул и отвернулся от Деогхара. Дело сделано. Как бы ему ни хотелось отругать Венандакатру вслух — а на самом деле посадить его на кол — следовало поддерживать

сплоченность династического клана малва. Это, кроме всего прочего, было основой успеха малва.

— Видишь? — спросил Венандакатра, когда остановился рядом с Нандой Лалом. Гоптрий Деканского плоскогорья показал пальцем на Деогхар. — Видишь? Разве все не так, как я говорил?

Нанда Лал нахмурился.

— Не надо на меня давить, родственник! — рявкнул он. — Деогхар стоял так же крепко, когда ты удерживал его.

Венандакатра покраснел. Но цвет его пухлых щек скорее объяснялся смущением, а не злостью. Он встретил прямой взгляд Нанды Лала и отвел глаза.

Нанда Лал еще повернул кинжал в ране, что было ему свойственно.

— До того, как ты, Венандакатра, из-за своей небрежности, позволил Рао и восставшим маратхи взять Деогхар после неожиданной атаки. — Начальник шпионской сети ухмыльнулся. — Несомненно, ты был занят, насилуя очередную девушку из маратхи, вместо того чтобы должным образом выполнять свои обязанности.

Венандакатра сжал челюсти, но ничего не сказал. Его тело с тонкими костями, покрытыми слоем жира, практически тряслось от ярости. Но он все равно ничего не сказал.

Нанда Лал еще выдержал паузу, примерно с минуту. Затем легко пожал плечами и позволил напряжению спастись. Расслабил плечи. Это были крепкие, мускулистые плечи.

— Хорошо, — тихо сказал он. — По крайней мере, мозги ты не растерял. — Затем добавил холодно: — Не позволяй своему тесному родству с императором ослепить тебя настолько, чтобы не увидеть реальность, Венандакатра. Моя родословная равна твоей, и я второй по власти только после самого Шандагупты. Не забывай это.

Нанда Лал хлопнул Венандакату по плечу тяжелой рукой. Под слоем жира тонкие кости на ощупь напоминали кости цыпленка. Гоптрий Деканского плоскогорья вздрогнул — как от силы этого «дружеского» жеста, так и от удивления.

— Достаточно слов! — громко сказал Нанда Лал. Все еще держа руку на плече Венандакаты, он развернул гоптрия к шатру.

Когда они приблизились к входу в шатер, послышался еще один крик боли. Очевидно, первый пленник из маратхи умер, и на кол сажали второго.

Венандакатра нашел в себе смелость заговорить.

— Следовало воспользоваться более короткой палкой, — проворчал он.

Нанда Лал рассмеялся.

— Зачем беспокоиться?

Он остановился, чтобы посмотреть на казнь. Земля вокруг шатра Венандакаты была вытоптана. Вдоль дороги, которая вела на север в Бхаруч, установили шесть колов. Первый партизан из маратхи уже умер. Второй все еще кричал. Оставшиеся четверо пленников оставались связанными, во рты им вставили кляпы. Кляпы не уберут до последнего мгновения, чтобы маратхи не ругали последними словами йетайцев, исполняющих казни.

— Зачем беспокоиться? — повторил Нанда Лал. — Устрашение необходимо, Венандакатра, но не слишком на него надейся. Великая Страна усыпана скелетами на колах. И много пользы это принесло?

Венандакатра открыл рот, словно собирался оспорить заявление. Но снова ему на помощь пришло благоразумие.

Нанда Лал сделал глубокий вдох, затем медленно выпустил воздух через нос.

— Император и я будем терпеть твой садизм, Венандакатра, — тихо сказал он. — Но до определенного предела. Этот предел наступит, когда твоя похоть помешает выполнению долга.

На протяжении всего этого времени Нанда Лал не убирал руку с плеча Венандакаты. Теперь он толкнул гоптрия, заставляя его войти в шатер.

Внутреннее убранство шатра поражало богатством. Весь пол устлали толстые ковры. Хлопковые стены украшали скульптурные группы, шелковые гобелены, небольшие столики

тонкой работы, на которых стояли разнообразные поделки из кости и ювелирные изделия. Нанда Лал еще раз подтолкнул Венандакатру, на этот раз к огромной груде подушек в центре шатра. Третий толчок заставил Венандакатру растянуться на этих подушках. Теперь гоптрий шипел от злости, но тем не менее не возражал вслух.

Решив, что достаточно напугал Венандакатру, Нанда Лал осмотрел внутреннее убранство шатра. Его взгляд остановился на группе девушек из маратхи в углу. По оценке Нанды Лала их возраст колебался между десятью и тринадцатью годами. Они были обнажены и скованы цепями. Нынешние обитательницы гарема Венандакатры. Судя по шрамам и синякам и тупом страхе на лицах, они не продержатся дольше своих многочисленных предшественниц.

«Это будет последним штрихом», — подумал Нанда Лал и повернулся к одному из раджпутов, охранявших вход в шатер.

— Выведите их, — Нанда Лал показал на девушек. — И убейте. Сейчас.

Увидев, как застыл раджпут, Нанда Лал фыркнул.

— Обезглавьте, этого достаточно.

Раджпут натянуто кивнул и приблизился к девушкам. Мгновение спустя он уже выводил их из шатра за цепи.

Девушки не протестовали и даже не пытались сопротивляться. Нанда Лал не удивился. Судя по виду, эти девушки говорили только на языке маратхи. Вероятно, они не понимали по хинди, а даже если и понимали...

Он посмотрел на Венандакатру, хватающего ртом воздух от ярости.

«Вероятно, я сделал им одолжение, и они это знают».

Нанда Лал подождал, пока звуки ударов мечом, отрубаящие головы, не донеслись в шатер.

— Итак, Венандакатра, давай займемся твоим долгом. Так, чтобы нас ничто больше не отвлекало. Теперь, после того как я изучил ситуацию, я рекомендую императору удовлетворить твою просьбу об осадных орудиях.

Начальник шпионской сети кивнул на север.

— Но тебе придется удовлетвориться орудиями Бхаруча. Их там шесть, и этого должно хватить. Больше никаких подкреплений не будет. Война в Персии оказалась гораздо более трудной, чем мы предполагали, и все из-за Велисария.

Он пожал плечами.

— В любом случае потребуется слишком много времени, чтобы перетащить осадные орудия через горы Виндхья. И все равно потребуется несколько месяцев, чтобы перетащить сюда тяжелые орудия из Бхаруча.

Судя по выражению лица Венандакатры, он больше не возмущался. Вместо этого на лице появилась злость — злость и удовлетворение.

— Наконец-то! — воскликнул он. — Я возьму Деогхар! — Он сжал костлявые пальцы в кулак. — Рао будет моим! Он и сука из династии Сатаваханы! Я посажу их на кол! Рядом друг с другом!

Нанда Лал изучающе смотрел на него какое-то мгновение.

— Будем надеяться на это, Венандакатра.

Он отвернулся и пошел к выходу из шатра. Там начальник шпионской сети вдохнул свежего воздуха.

«Будем надеяться, Венандакатра. Ради империи. Если бы не это, то я бы желал, чтобы твои планы провалились».

Он посмотрел на место казни. Теперь все шестеро партизан из маратхи были мертвы. Их тела сидели на колах. Головы качались, словно они сокрушались о сестрах, лежавших на земле перед ними.

Пять голов и пять обезглавленных тел, обнаженных, в озере крови.

«Ты будешь хорошо смотреться на колу, Венандакатра. На самом деле даже великолепно».

Глава 6

Сурат.

Весна 532 года н.э.

Ирина Макремболитисса, посол Римской империи к восставшим в Южной Индии, широкими шагами шла по коридорам небольшого дворца императрицы Шакунталы. Ирина глубоко задумалась. Императрица Андхры — это был слишком громкий титул для молодой девушки, возглавившей восстание против малва, но она имела на него законное право — попросила Ирину прийти в зал для приемов. Похоже, Кунгас наконец вернулся из долгого путешествия в город Деогхар, удерживаемый восставшими. Шакунтала хотела, чтобы посланница Рима присутствовала во время его отчета.

Ирина никогда раньше не встречалась с Кунгасом. Конечно, она о нем слышала. Кунгас являлся одним из главных военачальников маленькой армии Шакунталы. Он удостоился блистательных титулов махаданданаяка и бхатасвапати — «главнокомандующий» и «генерал армии и кавалерии». Он также являлся начальником личной охраны Шакунталы, элитного подразделения, состоявшего только из кушанов.

Перед тем как Ирина покинула Константинополь, Велисарий тщательно описал ей Кунгаса. Он знал кушана по путешествию в Индию, и, очевидно, Кунгас произвел на Велисария большое впечатление. Велисарий не сказал этого прямо, но у Ирины сложилось мнение, что к советам и точке зрения Кунгаса следует подходить очень внимательно и всегда их учитывать. У самой Ирины имелись сомнения. Она являлась одной из самых успешных начальников шпионских сетей Римской империи — нетипичное занятие для женщины, в особенности гречанки благородного происхождения, и у нее сложилось впечатление, что в основном на мнение военачальников-мужчин сильно влияют воинские достижения других мужчин. Ирина нисколько не сомневалась, что Кунгас добился успехов на поле брани, и там он соображает быстро и способен на военные хитрости. Но это совсем необязательно переводится в навыки, которые необходимы императорскому советнику.

Она шла, опустив голову, своим обычным быстрым, резким, широким шагом. Ирина поджала губы. Она думала, что предстоящее совещание будет трудным.

Молодая императрица боготворила Кунгаса, это очевидно. Зная историю взаимоотношений Шакунталы и Кунгаса, Ирина не находила отношение девушки странным. Кушаны были вассалами малва и Кунгаса назначили охранять Шакунталу после того, как малва покорили империю ее отца Андхру. Кунгас спас ее от изнасилования во время разграбления столицы Андхры, Амаварати. И она оставалась в безопасности у него под охраной, пока ее не спасли Велисарий с Рао. Тогда Кунгас узнал секрет ее спасения, но не открыл рта и удержал информацию в тайне от своих хозяев из малва. В конце Кунгас и подчиненные ему кушаны отказались от служения малва и тайно помогли Шакунтале перебраться в Южную Индию. С тех пор они неоднократно спасали жизнь Шакунталы во время нападений наемных убийц малва.

Но факт оставался фактом: Кунгас — не более чем полуварвар. Скорее всего, он даже неграмотен.

Ирина без особого удовольствия думала о предстоящем совещании. Ей придется осторожно выбирать курс и следить, чтобы одновременно не оскорбить императрицу и...

Не обращая внимания ни на что, кроме собственных мыслей, Ирина оказалась на пересечении с другим коридором и врезалась в препятствие, которое не заметила заранее.

На мгновение она чуть не потеряла равновесие. Правда, успела в отчаянии вытянуть руку и схватиться за предмет, в который врезалась. И только это помогло ей не распластаться на спине.

Она в удивлении подняла голову и уставилась на статую степного воина. Если быть абсолютно точными, то в лицо статуи. Бронзовую, застывшую маску, очевидно часть отлитой единой скульптуры. Напряженная, застывшая, неподвижная статуя. Хорошо

сделана, отметила она, причем доспехи и стянутые в хвост волосы очень похожи на настоящие.

Но художественное исполнение работы нисколько не смягчило ее гнев.

— Какой идиот оставил статую в середине коридора? — злобно зашипела она. Затем, после секундного осмотра, добавила: — И к тому же эта проклятая штуковина еще и уродлива.

Статуя шевельнулась. По крайней мере, ее губы. Ирина так удивилась, что подпрыгнула.

— Лошади считают меня симпатичным, — сказала статуя на понятном греческом, хотя и с сильным акцентом. — Тогда почему бы они стали меня так игриво покусывать?

Ирина резко вдохнула воздух и закрыла ладонью рот. Сделала пару шагов назад.

— Ты — настоящий!

Статуя посмотрела вниз на свое тело.

— Так мне говорит мой ученый друг Дададжи, — сообщила статуя. — Но я сам никогда не занимался изучением философии, поэтому не могу в этом поклясться.

Несмотря на свое удивление, Ирина соображала быстро.

— Ты, вероятно, Кунгас, — заявила она. — Подходишь под описание Велисария.

Вначале Ирина подумала, что сама на несколько дюймов выше его. Но при ближайшем рассмотрении выяснилось, что Кунгас ниже ее не больше чем на один дюйм. Он просто был так крепко сложен, с такой широкой грудной клеткой и огромной мышечной массой, что казался ниже, чем на самом деле. Кроме этого все его тело — в особенности лицо — выглядело, словно сделанное из металла или отполированного дерева, а не из плоти. Ирина не думала, что когда-либо в жизни видела человека, который казался бы настолько крепким и твердым. Весь.

Черты лица были типичными для кушанов. Азиатские, степные черты — желтая кожа, приплюснутый нос, раскосые глаза, крепко сжатые губы. Клочковатая редкая борода напоминала козлиную, усы над верхней губой представляли собой только тонкую линию волосиков. Большая часть головы была выбрита, оставшиеся грубые черные волосы собраны в хвост.

Кунгас в это время осматривал Ирину. Его следующие слова поразили ее почти так же, как и их столкновение.

— У тебя красивые глаза, — объявил он. — Очень умные. А поэтому я удивлен.

Ирина нахмурилась.

— Чему ты удивлен?

— Почему на тебе такой глупый наряд? — спросил он, показывая на тяжелые римские одежды. — В этом климате?

Губы Кунгаса, казалось, слегка изогнулись. Ирина подумала, что он, наверное, так улыбается. Она не была уверена.

— Не сомневайся: в Индии много глупых традиций, — продолжал он. — Но женщины ведут себя разумно в том, что касается одежды. Тебе будет гораздо лучше в сари, или если ты оставишь талию открытой.

Ирина улыбнулась.

— Я — дипломат, — объяснила она. — И, как посол, я должна выглядеть достойно. В особенности поскольку я — женщина. Все смотрят на эту абсурдную одежду, а не на меня. Поэтому они все видят Римскую империю, а не иностранную женщину.

— А, — кивнул Кунгас. — Хорошо продумано.

— Наверное, ты направляешься в зал для приемов, — сказала Ирина и вопросительно склонила голову. — Императрица будет очень рада видеть тебя. Думаю, ей тебя не хватало. Хотя сама она ничего не говорит.

Теперь наконец Кунгас по-настоящему улыбнулся.

— Она никогда не говорит. Чтобы люди не увидели неуверенную девушку вместо правительницы Андхры.

Он легко поклонился.

— Посол Рима, я должен отчитаться перед императрицей. Могу я проводить тебя в зал для приемов?

Ирина поклонилась в ответ и благосклонно кивнула. Ирина вместе с Кунгасом пошли рядом, направляясь к большим двойным дверям в конце коридора.

Уголкем глаза Ирина изучала Кунгаса. Ее очаровывало то, как он двигался. Бесшумно, но уверенно — скорее, как кошка, а не крепко сложенный, тяжелый мужчина. Но в основном ее очаровывал сам Кунгас. Он казался такой крепкой, твердой, непробиваемой статуей. Но она не упустила и добрый юмор, и ум, скрывающиеся под бронзовой оболочкой.

Затем она посмотрела прямо перед собой и слегка тряхнула головой.

«Ты — римский посол, — напомнила она себе. На мгновение пальцы сжали тяжелые одежды. — Поэтому просто забудь об этом, женщина. Кроме того, этот мужчина даже не умеет читать».

— Сколько времени, по мнению Рао, потребуется Венандакатре, чтобы доставить эти осадные орудия? — спросила Шакунтала. Императрица сидела на плюшевой подушке в позе лотоса, тут она склонилась вперед. Она нахмурилась, подобно школьнице, которая пытается понять урок.

Ирину не обмануло сходство Шакунталы с молодой ученицей. «Это — правительница, и она очень встревожена», — подумала Ирина, наблюдая за ней со своего места у восточной стены небольшого зала для приемов.

Переводчик Ирины склонился к ней и зашептал, но она жестом попросила его помолчать. Ее хинди стал значительно лучше, и она теперь могла следить за дискуссией. Ирина всегда имела склонность к изучению языков — этот талант был необходим для начальницы шпионской сети Римской империи, где люди разговаривали на множестве языков, а перед отъездом из Константинополя ее обучал Велисарий. Месяцы, проведенные в Сурате, она находилась в многоязычной среде. Тут говорили на хинди и языке маратхи. Как и большинство индийских монархов, Шакунтала пользовалась хинди при дворе, но Ирина также начала изучать и язык простых людей Махараштры.

— Сколько времени? — повторила императрица.

Кунгас тоже сидел в позе лотоса. Тут он пожал плечами.

— Трудно сказать, Ваше Величество. Тут вовлечено много факторов. Осадные орудия находились в Бхаруче. Венандакатра таким образом вынужден тащить их через Великую Страну. Очень трудная местность, как тебе известно, и тянуть по ней тяжелые орудия крайне сложно. А партизаны Рао осуществляют набеги на колонну малва.

— Он в состоянии остановить малва? — спросила Шакунтала. — До того, как они доставят орудия к Деогхару?

Кунгас покачал головой. Как и все движения этого человека, покачал только слегка, но тем не менее твердо.

— Нет шансов, Ваше Величество. Он может замедлить процесс, но у него нет сил, чтобы остановить его. Венандакатра усилил эскорт, сопровождающий орудия, всеми свободными воинскими подразделениями, имеющимися в его распоряжении. Венандакатра не может взять Деогхар без этих орудий, а с ними он не может провалиться. Любое из этих орудий является достаточно мощным, чтобы разбить стены Деогхара, а у него их шесть.

Шакунтала поморщилась. На мгновение показалось, что лицо Кунгаса смягчилось. Совсем чуть-чуть.

— Есть и положительные моменты, Ваше Величество, — добавил Кунгас. — Подлый был вынужден прекратить набеги на ближайшие территории. Он не может выделить для этого людей. Все кавалерийские подразделения, кроме блокирующих Деогхар, отправлены охранять колонну, которая везет орудия.

Шакунтала потеряла лицо. Несмотря на юность, это был жест немолодого, усталого человека. Как знала Ирина, зверства Венандакаты на землях маратхи угнетали душу

девушки. Даже по стандартам малва Венандакатра был настоящим зверем. Официально Венандакатра носил титул гоптрия Деканского плоскогорья, или «хранителя болот», и был назначен императором малва для подавления самой неуправляемой провинции. Но сами маратхи называли этого человека только Подлым.

Шакунтала прекратила тереть лицо. На это ушло всего несколько секунд. Вернулись ее природная энергия и напористость.

— Значит, это ложится на нас, — объявила она. — Мы обязаны помочь Рао.

Двое офицеров из кавалерии из народности маратхи, которые сидели рядом с Кунгасом, пошевелились и обменялись взглядами. Старший из них, полководец по имени Шахджи, откашлялся и заговорил:

— Не думаю, что это разумно, императрица. Мы смогли удержать Сурат и побережье, но наши войска все еще недостаточно сильны, чтобы заменить Рао в Деогхаре.

— Если только не возьмем всю нашу армию, — подключился Кондев, другой полководец из маратхи. — Но это оставит Сурат беззащитным.

Лицо Шакунталы напряглось. Кондев надавил еще:

— У вас и здесь есть обязанности, Ваше Величество.

— Я не могу просто позволить малва разбить Рао! — рявкнула императрица. Она гневно посмотрела на двух полководцев из маратхи, командующих кавалерией.

Вмешался главный советник Шакунталы Дададжи Холкар. Как и всегда, ученый пешва, или премьер, как Ирина перевела термин, говорил мягко и спокойно. И как и всегда, его тон успокоил императрицу.

Хотя, как подумала Ирина, сами слова не успокоили.

— Есть другая альтернатива, Ваше Величество.

Казалось, Шакунтала восприняла заявление Холкара, как удар или суровый укор. Молодая императрица сморщилась, и Ирине даже показалось, что Шакунтала даже сжалась, уменьшившись в размере.

Холкар на мгновение поджал губы. Ирине его глаза казались грустными.

Грустными, но целеустремленными.

— Если мы будем настаивать и поставим это условием заключения брака, я уверен: правители Чолы пришлют армию, — продолжал он. — Достаточно большую армию, чтобы оказать помощь Деогхару так, что нам не потребуется оставлять Сурат.

Холкар бросил быстрый взгляд на Кунгаса.

— В свое время я посчитал Кунгаса неразумным, когда он убеждал тебя отклонить предложение о вступлении в брак с принцем Тамрапарни. Но его совет оказался правильным. Чолы в самом деле сделали лучшее предложение.

Его взгляд вернулся на императрицу. Все еще грустный, но все равно целеустремленный.

— Как ты сама знаешь, — сказал он мягко, но делая ударение на каждом слове. — Я зачитывал тебе текст их предложения на прошлой неделе. Ты сказала, что хочешь над ним подумать. Я считаю, что время раздумий прошло.

Холкар снова бросил взгляд на Кунгаса. На самом деле на этот раз взгляд задержался подольше. Наблюдавшая за ними Ирина удивилась взгляду Холкара. Казалось, в нем больше злости, возмущения и опасения, чем восхищения и одобрения. И она также обратила внимание, что сама императрица как-то странно глядит на Кунгаса. Словно молит его о чем-то.

Со своей стороны Кунгас посмотрел на них, не выражая ничего вообще. Лицо-маска оставалось невозмутимым.

«Что-то здесь происходит», — подумала Ирина.

Когда другие советники начали говорить, также настаивая на вступлении императрицы в брак, Ирина стала размышлять над ситуацией. Ее острый ум рассматривал разные возможности. Она знала, что правитель Чолы предложил Шакунтале вступить с браком со своим старшим сыном. Ирина узнала об этом практически одновременно с Шакунталой.

Греческая шпионка начала создавать свою собственную сеть информаторов с самого момента прибытия в Индию. Но тогда Ирина просто отложила информацию в памяти для размышления в будущем.

Несколько недель назад Ирина поняла, что тема возможного династического брака Шакунталы является источником значительного напряжения во дворце. Результатом такого брака тут же станет улучшение позиций молодой императрицы. Тем не менее Шакунталу, очевидно, не радовала перспектива, и она избегала этой темы, когда бы ее ни поднимали ее советники.

Вначале Ирина приписывала колебания Шакунталы естественному нежеланию волевой девушки-правительницы отдавать любую часть своей власти и независимости. (Отношение, которое Ирина при своем темпераменте и характере прекрасно понимала.) Однако по мере прохождения времени Ирина решила: дело не только в этом.

Молодая императрица никогда не обсуждала вопрос, если только с политической или военной точки зрения, но Ирина подозревала, что в отношении Шакунталы к Деогхару есть и что-то личное. К Деогхару — и, если быть более точными, человеку, который командует там силами восставших.

Ирина никогда не встречалась с Рагунатом Рао лично, как и с Кунгасом до сегодняшнего дня. Но Велисарий и о нем говорил неоднократно — и даже больше, чем о Кунгасе. К своему удивлению, Ирина в свое время поняла, что Велисарий в некоторой степени испытывает благоговение перед этим человеком — а подобного Ирина никогда не замечала в римском полководце ни по отношению к какому-либо другому человеку.

Рагунат Рао. Она про себя произнесла это великолепное, овеванное славой, экзотически звучащее имя. Она только краем уха слушала полные энтузиазма речи младших советников. (Но обратила внимание, что все они соглашались с пешвой Дададжи Холкар. Однако еще не выступал Кунгас.)

Пантера Махараштры. Ветер Великой Страны. Национальный герой маратхи и легенда всей Индии. Единственный человек, который смог на равных сражаться с царем раджпутов Раной Шангой. Тот продолжавшийся целый день поединок один на один закончился ничьей.

Рагунат Рао. Ко всему прочему — один из величайших наемных убийц Индии. Человек, который убил — один, без чьей-либо помощи! — две дюжины охранников Шакунталы во дворце Подлого, чтобы спасти Шакунталу из плена после того, как Велисарию хитростью удалось снять с поста Кунгаса и подчиненных ему кушанов.

Рао, страстный приверженец Андхры, сделал это, чтобы спасти законную наследницу династии. Да, конечно. Но он также спасал девочку, которую обучал с возраста семи лет, после того как ее отец, император Андхры, отдал ее на воспитание прославленному воину из народности маратхи. К этому времени взаимная привязанность Рао и Шакунталы сама по себе стала легендой.

Внешне это была привязанность молодой девушки и старшего по возрасту учителя и наставника. Но Ирина подозревала, что под поверхностью лежат более страстные чувства. Чувства, которые, возможно, гораздо сильнее, поскольку о них никогда не говорили, их не проявляли и ими не руководствовались ни девушка, ни мужчина.

Младшие советники все еще говорили, поэтому Ирина продолжила размышления. У Ирины имелось собственное мнение относительно вопроса будущего династического брака Шакунталы. Это мнение все еще было предварительным и предполагаемым, но ей казалось, что советники Шакунталы упускают...

Ее мысли прервались. Наконец заговорил Кунгас.

— Я не согласен. Я думаю: все это — преждевременно.

Его слова звучали гораздо значительнее благодаря манере произнесения — абсолютно спокойно. Голос Кунгаса производил чувство такой же железной уверенности, как и его лицо-маска.

— Насколько я понял, в предложении Чолы полно оговорок и дополнительных условий.

Холкар уже собрался перебить его, но Кунгас невозмутимо продолжал говорить.

— Если императрица прорвет осаду Деогхара и таким образом докажет, что в состоянии удерживать южную Махараштру, то несомненно последует лучшее предложение, — заявил он. — От кого-то другого, а не из Чолы.

Холкар вскинул руки.

— Если! Если!

Он с очевидным усилием взял себя в руки. Как поняла Ирина, пешва искренне разозлился — что было несвойственно спокойному Дададжи Холкару.

— Если, Кунгас, — повторил он, сквозь почти стиснутые зубы. — Если. — Холкар склонился вперед и сильно хлопнул ладонью по ковру перед собой. — Вот в этом-то как раз все и дело! У нас нет сил, чтобы одновременно прорвать блокаду Деогхара и удерживать Сурат на побережье.

Холкар вскочил на ноги и подошел к окну на западной стене. Уставился на простирающийся за ним океан. Со своей точки обзора у противоположной стены зала Ирина не могла видеть океан, но знала, куда смотрит пешва.

На военные корабли малва. Дюжины кораблей. Корабли удерживали позиции уже много недель, оставаясь как раз вне радиуса действия трех огромных пушек, охраняющих гавань Сурата. На каждом военном корабле имелся большой экипаж моряков, готовых к мгновенной высадке.

Теперь уже несколько месяцев малва не предпринимали попыток штурмовать Сурат. Но в первые недели после того, как Ирину тайком провезли сквозь блокаду на аксумском корабле, она наблюдала за тремя яростными штурмами. Каждый из трех штурмов был отбит, и для этого потребовались усилия всех солдат Шакунталы, а также четырехсот аксумских сарвенов под командованием Эзаны.

Холкар отвернулся от окна. Сурово и холодно посмотрел на Кунгаса, перед тем как перевести взгляд на Шакунталу.

— Шахджи и Кондев правы, императрица. Мы не сможем прорвать блокаду Деогхара, не оставив Сурат беззащитным. Поэтому я не вижу...

— Нам не нужно посылать усиление в Деогхар, — перебил Кунгас. — Нам просто требуется уничтожить осадные орудия.

Холкар замер на месте. Он все еще стоял и, нахмурившись, уставился сверху вниз на Кунгаса.

Казалось, плечи кушанского солдата слегка шевельнулись. Ирина уже научилась переводить экономичные жесты Кунгаса и решила, что он таким образом пожал плечами. С небольшой долей иронии, как подумала она. Может, ему даже было немного забавно.

«Какой интересный человек. Кто бы мог ожидать такую тонкость в такой уродливой неотесанной глыбе?»

— Объясни, Кунгас, — предложил Шахджи. Снова плечи Кунгаса слегка шевельнулись.

— Я обсуждал вопрос с Рагунатом Рао. Проблема не в самой осаде. Рао уверен, что в состоянии защитить Деогхар от армии Подлого. Ты сам из маратхи, Шахджи. Ты сам знаешь, насколько крепки там стены. Деогхар — самый неприступный город в Великой Стране.

Шахджи кивнул. Как и Кондев.

— Вода — не проблема, — продолжал Кунгас. — В Деогхаре есть свои колодцы. Рао также не волнует проблема голода. У Венандакатры просто нет достаточного количества сил, чтобы полностью окружить Деогхар и перекрыть все подступы. Все люди Пантеры из маратхи. Они знают местность, и их там поддерживает население. После начала осады Рао удавалось доставлять продукты и боеприпасы сквозь линии Подлого. И он также давно вывел из города всех гражданских лиц. Ему требуется только кормить свои войска.

Кунгас поднял с колена правую руку и перевернул ее.

— Поэтому единственная проблема — это только сами орудия. Нам не нужно снимать блокаду. Нам просто требуется разрушить те орудия или захватить их.

— А как мы это сделаем? — спросил Холкар.

Перед тем, как смог ответить Кунгас, начал возражать Кондев.

— Даже если мы это и сделаем, то Венандакатра просто доставит к месту другие, — заметил Кондев.

Ирина колебалась. Она была шпионкой и начальницей шпионской сети, а один из основных принципов шпионской работы — никогда не давай никому знать, сколько знаешь сама.

«Я — посол из Рима», — твердо напомнила она себе. Ирина склонилась вперед, сидя на стуле, — Шакунтала благоразумно обеспечивала римлян стульями, зная, что они непривычны сидеть на подушках — и откашлялась.

— Он не сможет, — твердо сказала Ирина. — Он взял в Бхаруче все осадные орудия, которые там имелись. Эти орудия — кстати, Кунгас, осталось только пять, одно было недавно уничтожено, после того как свалилось со скалы, — единственные, которые имеются у малва на Деканском плоскогорье. Чтобы доставить другие, их придется доставлять с Ганской равнины через горы Виндхья. Для этого потребуется по крайней мере год. А император Шандагупта информировал Венандакату в последнем письме, что Подлому какое-то время придется полагаться только на собственные ресурсы. Похоже, война в Персии оказалась гораздо труднее, чем предполагали малва.

Она откинулась на спинку стула и улыбнулась.

— Шандагупта был очень раздражен. Большая часть его ярости направлялась на Велисария, но часть обрушилась и на Венандакату. Император Шандагупта не понимает, как он выражается, почему «прославленный гоптрий» столкнулся с такими трудностями, подавляя — как он выражается — «горстку неуправляемых мятежников».

Все уставились на нее широко открытыми глазами. За исключением Кунгаса, как заметила она. Кушан тоже смотрел на нее, но в его взгляде было меньше удивления, чем...

Интереса? Ирина опустила глаза и стала теревить одежду. На мгновение, глядя вниз, она увидела свой нос.

«Проклятый, чертов уродливый клюв».

Она откинула назад волосы и подняла голову. «Я — посол из Рима», — твердо напомнила она себе.

Собравшиеся в зале все еще смотрели на нее круглыми глазами.

— А твоя шпионская сеть на самом деле так хороша? — спросил слегка потрясенный Холкар. — Уже? Ты же здесь всего...

Он замолчал, словно его отвлекла другая мысль. Ирина откашлялась.

— Ну... Да, пешва, так хороша.

Она слегка кивнула Шакунтале, извиняясь.

— Я намеревалась предоставить эту последнюю информацию во время нашей следующей встречи.

Императрица приняла извинения, кивнув в ответ. Ирина снова посмотрела на Кунгаса.

— Значит, это возражение против предложения бхатасвапати является спорным, — произнесла она. — Но я признаю, что не представляю, как он намеревается разрушить имеющиеся орудия.

Кунгас начал объяснять. Ирина внимательно слушала его план. Ей требовалось это делать не просто как послу из Рима, но и из-за сути самого плана. На самом деле в одном месте собрание было прервано, пока Ирина посылала за кем-то из оружейных техников-сирийцев, которые прибыли вместе с ней в Индию, чтобы прояснить одну техническую проблему.

Поэтому на протяжении долгого совещания Ирина очень внимательно слушала предложение Кунгаса. Но часть ее сознания фокусировалась на самом человеке.

Когда совещание закончилось и она широкими шагами направлялась в свои покои, то обнаружила, что ей требуется дисциплинировать сбившуюся с пути и непокорную часть разума.

«Я — посол из Рима! Кроме того, это абсурдно. Я — самый неисправимый в мире книжный червь, а он не умеет читать. И к тому же — урод».

Вскоре после ее возвращения в свои покои слуга объявил о прибытии пешвы.

Ирина отложила в сторону книгу, «*Periplus Maris Erythraei*»¹⁰, и встала, чтобы поприветствовать посетителя. Она ожидала Дададжи Холкара и была почти уверена, что знает, почему он пришел.

Пешву проводили в ее комнату. Казалось, ученый средних лет чувствует себя неудобно и неловко. Он стал подбирать слова, глядя в пол.

— Да, Дададжи, — сказала Ирина. — Я дам задание своим шпионам разыскать твою семью.

Голова Холкара резко поднялась в удивлении. Затем опустилась.

— Мне не следует просить, — пробормотал он. — Это личное дело. Не то, что...

— Ты и не просил, — заметила Ирина. — Я сама предложила.

Требования ее профессии научили Ирину относиться отстраненно и расчетливо к человеческим страданиям. Но на мгновение она почувствовала глубокое сочувствие к человеку перед ней.

Дададжи Холкар, несмотря на всю престижность занимаемого им теперь положения — пешва старейшей и самой благородной династии в Индии, на самом деле по происхождению был писарем из низкой касты. После того как малва покорили Андхру, Дададжи и всю его семью продали в рабство. Велисарий купил Холкара, пока находился в Индии, чтобы использовать литературные таланты человека для подготовки заговора против Венандакатры. В конце Холкар помог Шакунтале бежать и стал ее ближайшим советником.

Но его семья — его жена, сын и две дочери — все еще оставались в рабстве. Где-то на обширных территориях Индии малва.

Ирина подумала, что для Холкара типично колебаться, если он просит о личном одолжении. Большинство индийских чиновников — большинство чиновников любой страны по опыту Ирины — относились к личным одолжениям, как к чему-то им причитающемуся и положенному.

Она улыбнулась и откинула назад волосы.

— Это не проблема, Дададжи. На самом деле благоприятная возможность. Для начала это будет вызовом моим шпионам. У малва прекрасная шпионская система, но они стали слишком уверены в себе и своей непогрешимости. На самом деле в их шпионскую сеть не так уж сложно проникнуть. В то время как нахождение нескольких рабов маратхи, разбросанных по Индии, даст возможность проверить умения моих людей.

Она поджала губы, задумалась на мгновение, потом добавила:

— И это не все. В любом случае я считаю, что нам следует начать выяснять чувства низших каст Индии малва. Очень хороший способ это сделать — отправить моих шпионов на поиски нескольких рабов маратхи на территории Индии.

— А ты сможешь их найти? — спросил он шепотом.

— Я ничего не могу тебе обещать, Дададжи. Но я попробую.

Он кивнул и ушел. Ирина вернулась за стол. Но она прочитала не больше страницы книги, когда слуга объявил следующего посетителя.

Прибыл бхатасвапати.

Ирина снова встала. Ей было интересно — и она была несколько раздражена тем, что чувствует себя немного неловко. Ее эмоции вызывали беспокойство. Она еще больше заинтересовалась — и совсем не раздражалась — поняв, что совершенно не представляет, почему пришел Кунгас.

«Люблю сюрпризы. У меня их так мало».

¹⁰ «*Periplus Maris Erythraei*» (лат.) — плавание вдоль береговой линии Эритрейского моря.

Когда Кунгас вошел в ее покои, Ирина удивилась первый раз. Как только он появился, то бросил взгляд через плечо и сказал:

— Я видел, как уходил Дададжи. Всего минуту назад. Не думаю, что он меня заметил, так был поглощен своими мыслями.

Кунгас снова повернулся, чтобы посмотреть ей в лицо.

— Он приходил говорить с тобой о своей семье, — заявил Кунгас. — Попросить твоей помощи в их поисках.

Ирина прищурилась.

— Откуда ты знаешь?

Кунгас легко шевельнул плечами — что у него означало пожимание плечами.

— Он мог прийти сюда по двум причинам, сразу же после совещания у императрицы. Это одна из них. Как и на всех остальных, на него произвела впечатление твоя шпионская сеть.

— А другая причина?

Казалось, Кунгас внимательно ее изучает.

— Обсуждение с тобой вопроса вступления в брак императрицы Шакунталы. Его очень беспокоит этот вопрос, и ему хочется получить поддержку посла из Рима.

Кунгас мгновение глядел в сторону, внимательно изучая комнату Ирины. На мебель посмотрел бегло, но его взгляд задержался на сундуке в углу. Крышка была открыта, и он увидел, что сундук набит книгами.

Когда его взгляд опять встретился с взглядом Ирины, она подумала, что в глазах кушана маячит какой-то озорной смех.

Тогда она удивилась во второй раз.

— Но я знал, что вы не обсуждали брак императрицы. Тогда бы он не ушел так быстро. Я думаю, ты с ним не согласна, и он задержался бы поспорить.

— Откуда ты знаешь мое мнение? — спросила Ирина. Кунгас снова легко повел плечами.

— Нет, оно не очевидно. Ничто в тебе не очевидно. Но я не думаю, что ты считаешь династический брак с одной из независимых южных индийских монархий подходящим для императрицы.

Ирина мгновение молча изучала Кунгаса.

— Нет, не считаю, — медленно произнесла она. — Но учти: я сама еще окончательно не определилась со своим мнением. Однако я думаю... — она колебалась.

Кунгас поднял руку ладонью к Ирине.

— Пожалуйста! Я не пытаюсь у тебя его выпытывать, посол из Рима. Мы можем обсудить этот вопрос позднее, когда ты считаешь это более подходящим. А на текущий момент...

На его губах появилась очень легкая улыбка.

— Позволь мне просто сказать, что подозреваю: ты смотришь на этот вопрос, как и я. Монарху следует вступать в брак с силой, которая способна удержать трон. Поэтому вопрос очевиден — для всех, кроме этих индийских идиотов со своими абсурдными фетишами.

Ирина подавила легкое удивление. Но взгляд Кунгаса был знающим.

— Так я и думал, — тихо сказал он. — Очень умная женщина. — Он развернулся и направился к двери.

— Но я пришел не поэтому, — сказал он. — Извини, минутку. Мой слуга кое-что принес для тебя.

Ирина наблюдала за тем, как Кунгас взял что-то у слуги, который появился в дверном проеме. Когда он вернулся назад, Ирина удивилась в третий раз. Кунгас принес стопку книг.

Протянул их ей.

— Ты можешь их прочесть?

Ирина робко взяла верхнюю и открыла. Стала просматривать — первую страницу.

Затем остановилась, нахмурилась.

— Это не греческий, — пробормотала. — Я подумала, что греческий, но...

— Письмо — греческое, — объяснил Кунгас. — Когда мы, кушаны, покорили Бактрию, много лет назад, мы приняли греческий алфавит. Но язык — мой родной.

Он порылся в груды книг и достал из середины тонкую.

— Это может помочь, — сказал. — Это перевод некоторых учений Будды. Половина текста на греческом, половина — на кушанском. — Его губы изогнулись. — По крайней мере мне так говорит мой друг Дададжи. Он в состоянии прочесть греческую половину. Я не могу ни ту, ни другую. Я неграмотен.

Ирина положила первую книгу на ближайший столик и взяла ту, которую протягивал ей Кунгас. Стала ее изучать. Через несколько секунд, не осознавая, что делает, подошла к стулу и села. Как и всегда с истинными библиофилами, чтение полностью увело ее из окружающей действительности.

Через две минуты она вспомнила о Кунгасе. Подняла голову и увидела, что кушан все еще стоит в центре комнаты и наблюдает за ней.

— Прости, — извинилась она и указала ему на ближайший стул. Кунгас покачал головой.

— Мне удобно и так, спасибо, — он показал пальцем на книги. — Что ты думаешь?

Ирина посмотрела вниз на книгу на коленях.

— Я могла бы, да. — Она подняла голову. — Но зачем? Это отнимет много сил.

Кунгас кивнул. Затем медленно дошел до единственного окна в комнате и уставился на океан. Окно было открыто и в него залетал прохладный ветерок.

— Трудно объяснить, — сказал он, говоря так медленно, как только что двигался. Он замолчал на несколько секунд, перед тем как довольно резко к ней повернуться. — Ты веришь в то, что есть такая вещь, как душа? — спросил он.

Почему-то ее не удивил вопрос.

— Да, — тут же ответила она. — Верю. — Кунгас потрепал бороду.

— А я сам не очень уверен, — он посмотрел в окно. — Но я много слушал моего друга Дададжи, на протяжении последнего года, и он наполовину убедил меня, что душа существует.

Кунгас снова замолчал. Ирина ждала. Она отличалась терпеливостью.

Когда Кунгас снова заговорил, его голос звучал очень тихо.

— Поэтому я решил поискать свою душу, выяснить, есть ли она у меня. Но человек с душой должен смотреть в будущее, а не просто жить в настоящем.

Он снова посмотрел на нее. «У него привлекательные глаза», — подумала Ирина. Миндального цвета, как и миндальной формы. Большой контраст, после того, как их изучишь, с тусклой броней черт лица. Глаза были очень ясными и очень яркими. В этих глазах играла жизнь, весело играла, где-то на заднем фоне.

— Я никогда не делал этого раньше, — объяснил он. — Я всегда жил просто в настоящем. Но теперь уже несколько месяцев, как я обнаружил, думаю о будущем.

Его взгляд обвел комнату и остановился на стуле недалеко от того, на котором сидела Ирина. Он подошел к нему и сел.

— Я думал о Пешеваре, — задумчиво произнес он. — Он был столицей Кушанского царства много лет назад. Сегодня это только руины. Но я решил, что хочу видеть его заново отстроенным после того, как малва будут разбиты.

— Ты так уверен, что малва будут разбиты? — спросила Ирина. Как только она произнесла слова, то поняла, что это в большей степени вопрос о Кунгасе, чем о перспективах войны.

Кунгас кивнул.

— О, да. Абсолютно уверен. — Подобное маске лицо слегка изменило выражение — так оно улыбалось. — Конечно, я не уверен, что сам доживу, чтобы это увидеть. Но нет смысла планировать собственную смерть. Поэтому я думал о Пешеваре.

Он внимательно изучил ее.

— Но чтобы восстановить Пешевар, мне самому нужно быть царем. Поэтому я решил стать царем. После падения малва у Шакунталы отпадет во мне потребность. Я должен быть свободен, чтобы заниматься нуждами своего народа, кушанов.

Ирина сглотнула. Казалось, в горле у нее пересохло.

— Думаю, из тебя получится хороший царь, — сказала она немного хрипло.

Кунгас кивнул.

— Я пришел к тому же выводу, — он склонился вперед и показал на книгу у нее на коленях. — Но царь должен уметь читать, хотя бы на родном языке, а я безграмотен.

Он откинулся назад, его лицо ничего не выражало.

— Так что теперь ты понимаешь. — Ирина снова сглотнула.

— Ты хочешь, чтобы я выучила кушанский, чтобы научить тебя читать на нем.

Кунгас улыбнулся.

— И на некоторых других языках. Думаю, мне также следует научиться читать на греческом. И хинди.

Ирина резко встала и прошла к столику у стены. Налила немного вина из амфоры в кубок и сделала глоток.

Не говоря ни слова, протянула кубок Кунгасу. Он покачал головой. Она выпила до дна и снова наполнила себе кубок.

Закончив второй, уставилась в стену перед собой.

— Большинство мужчин не любят учиться у женщины, — резко произнесла она. — А учиться читать нелегко, Кунгас, в особенности взрослому человеку. Ты будешь делать много ошибок. Я буду раздражаться. Тебя начнут раздражать мои указания и мои поправки. Они будут приводить тебя в негодование. Тебя стану раздражать я.

Она слушала ответ, не поворачивая головы.

— У большинства людей маленькая душа, — тихо сказал Кунгас. — По крайней мере так мне говорит мой друг Дададжи, а он ученый. Поэтому я решил, раз я собрался стать царем, что у меня должна быть, большая душа. Возможно, даже великая.

Молчание. Глаза Ирины зафиксировались на стене. Это была голая стена, на ней даже не висело гобеленов.

— Я научу тебя читать, — сказала она. — Мне потребуется неделя, чтобы начать учить твой язык. После этого мы сможем приступить.

Она услышала тихие звуки отодвигаемого стула. Кунгас вставал.

— Значит, какое-то время у нас будет, — послышался голос у нее за спиной. — Перед тем, как я отправлюсь уничтожать орудия малва.

Молчание. Ирина не отводила глаза от стены, даже когда услышала, как Кунгас направляется к двери. Он практически не производил шума, двигался очень тихо. На самом деле это было странно для такого крепко сложенного мужчины.

Она услышала его голос от двери.

— Спасибо, посол из Рима.

— Меня зовут Ирина, — сказала она. Хрипло. Холодно. Она не упустила мягкости в голосе Кунгаса. И теплоты.

— Да, я знаю. Но я решил, что это красивое имя, поэтому не стал использовать его без твоего разрешения.

— Я тебе разрешаю, — она все еще говорила холодным тоном. Надменным голосом гречанки благородного происхождения, делающей небольшое одолжение человеку, стоящему значительно ниже нее на социальной лестнице. Она молча прокляла этот голос.

— Спасибо... Ирина.

До нее долетело несколько слабых звуков удаляющихся шагов. Он ушел.

Наконец Ирине удалось оторвать глаза от стены. Она собралась налить себе еще кубок вина, но остановила движение на полпути. Уверенной рукой поставила кубок назад на стол и широкими шагами прошла к окну.

Облокотилась на подоконник и уставилась на океан. Она глубоко дышала. Ирина простояла там не двигаясь до заката солнца.

Затем вернулась на свой стул, взяла тонкую книгу и принялась за новое задание. Она провела там целый вечер и удивилась в этот день в последний раз. Впервые за много лет она не могла сконцентрироваться на книге.

Глава 7

Персия.

Весна 532 года н.э.

— Ты прав, Маврикий, — сказал Велисарий и опустил телескоп. — Они не собираются идти во фронтальное наступление.

Маврикий что-то буркнул себе под нос. Звук соединял в себе удовлетворение и сожаление. Удовлетворение от того, что его оценка оказалась правильной. Сожаление, поскольку он хотел, чтобы все было наоборот.

Хилиарх изучил полевые укрепления. Они с Велисарием стояли на возвышении, откуда римские полевые укрепления прекрасно просматривались. Но со склона вниз, где собралась конница раджпутов, они должны быть почти невидимы.

Почти, но не совсем. Маврикий опять заворчал. На этот раз звук передавал только сожаление.

— Красивые защитные укрепления, — ворчал он. — Почти идеальные, черт побери. Отличное место для бойни, если подойти поближе. — Его взгляд обвел окружающую их горную местность. — И это — единственный приличный проход на много миль во все стороны.

Взгляд Велисария последовал за взглядом Маврикия. Эта часть горной системы Загрос не была очень высокой, но возвышенности здесь отличались неровностью. На склонах имелось очень мало растительности, и сами эти каменистые склоны были скользкими и грязными из-за весенних потоков. Маленькие потоки воды и грязи бросались в глаза практически везде.

Невозможная местность для конницы — за исключением единственного прохода, где Велисарий расположил свою армию. Он тщательно разработал оборону, проверив, чтобы их реальную силу было не определить с плато внизу.

Искушение для командующего вражескими силами будет очень сильным. Мощный, быстрый бросок — очистить перевал — и дорога в Месопотамию и к ее богатствам открыта. Единственная альтернатива — это продолжать изматывающую серию маршей и контрмаршей, которыми занимались армии римлян и малва на протяжении последних нескольких недель.

Да, искушение будет таким, с которым почти невозможно бороться — любому, за исключением самых лучших командиров. Таких как те, которые, к сожалению, командовали силами малва, стоящими против римлян.

— Ты оказался прав, — снова объявил Велисарий. Он посмотрел на своего главного подчиненного и улыбнулся обычной хитрой улыбкой. — Думаешь, я стал небрежным после того, как разбирался с тупицами малва в Месопотамии?

Маврикий нахмурился.

— Я не критикую, полководец. Это был хороший план. Следовало попробовать. Но я не думал, что Шанга клонет. Господин Дамодара мог бы. Но за последний месяц стало ясно: он слушается Шангу.

Велисарий кивнул. На мгновение его глаза остановились на шатре на плато внизу. Само строение было видно даже невооруженным глазом. Но и при помощи телескопа многое рассмотреть не получалось.

Теперь уже два дня, пока армия малва собирала силы под перевалом, Велисарий внимательно рассматривал шатер при помощи телескопа. Расстояние оставалось слишком

большим, чтобы различить индивидуальные черты, но Велисарий практически сразу же заметил Рану Шангу. Царь раджпутов был одним из самых высоких людей, которых когда-либо встречал Велисарий, и он не сомневался в том, что за мужчину впечатляющего роста регулярно входит в командный шатер и выходит из него. Также Велисарий не сомневался, что тот невысокий полный мужчина, который часто появлялся в сопровождении Раны Шанги.

Это, вероятно, господин Дамодара, главнокомандующий армии малва на плато. Один из анвайя-прапта сачив, как малва называли представителей высшей касты, в которой должности передавались по наследству и которая правила империей малва. Кровный родственник самого императора Шандагупты.

Велисария шатер поразил. В нем не было ничего изысканного, никаких излишеств, по стандартам малва он считался аскетичным. Строение совершенно не напоминало гротескный шелково-хлопковый дворец, который ставили для императора Шандагупты перед осажденным Ранатуром. И Велисарий не сомневался, что господин Венандакатра, анвайя-прапта сачива, которого римский полководец знал лучше других, посчитал бы ниже своего достоинства использовать его для чего-либо, кроме отправления естественных надобностей.

Кроме вида самого шатра, Велисария поразило — и, возможно, даже больше — то, как он использовался. По его прошлому опыту, штабы малва всегда окружала большая помпа, там устраивались всякие церемонии. Такие шатры — или дворцы, или роскошные баржи — всегда охранялись большим количеством элитных стражников. Прибывающих посетителей сопровождали их собственные стражники, тоже в большом количестве, и прибывали всегда пышно и громко.

Очень громко. Барабаны, трубы, знамена, даже дрессированные животные, выступающие перед могущественными господами и дамами из малва.

Но не в шатре Дамодары. Да, в это обычное строение шел постоянный поток посетителей. Но они, очевидно, являлись офицерами — в основном раджпутами, временами появлялись йетайцы или кшатрии. И они неизменно прибывали одни или маленькими группками. Вокруг не стояли стражники, если не считать нескольких непосредственно перед входом в шатер. А эти... На мгновение у Велисария появилось искушение снова воспользоваться телескопом, чтобы изучить солдат, несущих вахту перед входом в шатер Дамодары. Но смысла в этом он не видел. Он просто обнаружит то же самое, что видел на протяжении двух последних дней. То, что произвело на него самое большое впечатление.

Там всегда стояли стражники из раджпутов. Йетайцы — никогда. Этот простой факт сказал ему больше, чем что-либо еще.

Йетайцы были варварами. Полвека назад они спустились в долины Северной Индии и стали покорять земли, как и всегда делали с кушанскими территориями на северо-западе. Но когда они выступили против только что поднявшегося государства малва, возникшего вследствие падения империи Гуптов, их продвижение вперед было остановлено. Как теперь знал Велисарий, сущность из будущего, называющая себя Линк, уже передала малва секрет производства пороха. При помощи ракет, пушек и гранат малва разбили йетайцев. Но затем, вместо того чтобы просто подчинить варваров, малва включили их в свою структуру власти. На самом деле дали им ценное и престижное место — как раз после самих анвайя-прапта сачив. Вождям кланов йетайцев разрешили вступать в брак с представителями элитных каст.

«Это был исключительно мудрый и хитрый шаг, — прокомментировал Эйд ментально. — Обычные индийские правители на подобное не способны. Они такое даже не могли бы представить. Вероятно, указание давал сам Линк. Йетайцы не являются частью классовой и кастовой системы индийского общества — того, что сами индусы называют варновой системой. Предоставив языческим варварам место среди элиты, Линк обеспечил могущественную и надежную преторианскую гвардию для династии малва, которая является его созданием».

Велисарий ментально кивнул, показывая свое согласие. Именно так малва всегда и использовали силы йетайцев. Варвары были яростными воинами сами по себе. Но малва,

вместо того чтобы пускать их вперед во время атак, использовали йетайцев в качестве стражников и для того, чтобы подгонять солдат других национальностей во время сражений.

Все малва за исключением Дамодары.

Велисарий снова мысленно кивнул. Дамодара включил подразделения йетайцев в свои силы, но для защиты полагался исключительно на раджпутов. Малва ценили раджпутов за воинские навыки, точно так же, как и вассалов-кушанов. Но они им не доверяли.

«За исключением Дамодары, Эйд, как ты и сказал. Основную часть его армии составляют раджпуты, и он, очевидно, решил привязать их к себе, показав высшую степень доверия». Велисарий легко вздохнул.

«Все это мне о многом говорит. И ничто из этого я не рад узнать».

Сейчас Велисарию представилась первая возможность изучить врага с близкого расстояния. Подразделения римлян и малва несколько раз сталкивались во время тех недель, которые миновали после засады в оазисе и побега римлян, но в тех столкновениях участвовали незначительные силы. По большей части римляне и малва держались на расстоянии, и каждая армия пыталась перехитрить другую, используя различные маневры в лабиринте горной системы Загрос.

У римлян получалось лучше, в узком смысле. Велисарий просто пытался заблокировать малва, чтобы они не перебрались через Загрос на открытую равнину Месопотамии. Да, он в этом преуспел. Но Дамодара с Шангой исключительно хорошо управлялись со своими войсками. Они не разбили блокирующих им путь римлян, однако медленно отодвигали их назад.

Система Загрос была широкой, но не бесконечной. Раньше или позже у Велисария не останется места для маневров. Поэтому он решил поучаствовать в сражении на выбранной им самой территории. Если ему удастся сильно обескровить малва, он получит больше времени — вероятно, заново займет часть из сданных позиций.

Если бы против него выступали обычные командиры малва, то его план сработал бы. Против Дамодары и его раджпутов план провалился. Как и предсказывал Маврикий.

Велисарий поднял телескоп и изучил шатер Дамодары, пытаясь различить хоть что-то в погруженной в темноту внутренней части. Это было бессмысленное занятие, скорее привычка, чем что-либо еще.

Но внезапно от Эйда пришел ментальный импульс. Он сообщал важную информацию.

«Там телескоп! Я едва его различаю», — прокричал кристалл в сознании у Велисария.

Полководец сконцентрировался, но даже при помощи Эйда не смог разглядеть телескоп, который, очевидно, прятали внутри шатра. Однако Велисарий не удивился. Эйду часто удавалось различить вещи при помощи зрения Велисария, которые сам полководец рассмотреть не мог.

«Большая, уродливая чертова штуковина», — ментально фыркнул Эйд.

Все равно — ничего. Велисарий знал, что Эйд использует собственную кристаллическую версию того, что кристалл называл «увеличением компьютерного изображения».

«Это важно?» — спросил Эйд.

«Само по себе — не особенно. Если их телескоп такой большой и неповоротливый, как ты говоришь, то он не особо поможет на поле брани. Но тот факт, что у Дамодары есть телескоп, тем не менее представляет интерес. Он напоминает нам, что не стоит недооценивать малва».

Велисарий сложил телескоп. Движение было резким и решительным. Как всегда, он поразился хитрой разработке Иоанна Родосского.

— Значит, так, — отворачиваясь от врага, объявил он. — Передай другим, Маврикий. Мы оставим здесь одно подразделение на всякий случай, чтобы следить за обстановкой. Остальная часть армии должна готовиться к следующему переходу. — Он кивнул на врага внизу. — Сегодня вечером или ночью они сами тронутся с места. Проверь, чтобы Аббу и подчиненные ему разведчики подошли достаточно близко и выяснили, какой дорогой пойдут

малва.

— Очень близко не удастся, — мрачно заметил Маврикий. — Фланги охраняют раджпуты.

Велисарий направился к своему шатру, который располагался примерно в пятидесяти ярдах от того места, где стояли они с Маврикием.

— Я прекрасно это знаю, — бросил он через плечо. — Пусть подберутся так близко, как могут, Маврикий, и все. Достаточно близко. Если мы потеряем из виду эту армию, то нас ждут очень большие проблемы.

Стоявший в нескольких шагах Валентин услышал слова, которыми обменивались Велисарий и Маврикий, и нахмурился.

— Я боялся, что это случится. Боже, как я устал маршировать. — Он бросил взгляд, наполовину полный надежды, наполовину скептицизма, на армию малва на плато внизу. — Интересно, если бы я попытался снова подразнить их?..

Стоявший рядом с ним Анастасий саркастически фыркнул.

— И чего бы добился? Кроме того, что выглядел бы идиотом? Опять.

В двух милях от них, у входа в шатер господин Дамодара распрямился у собственного телескопа. Затем, почувствовав обычную боль, полководец из малва скорчил гримасу.

— Как бы мне хотелось иметь один из его телескопов, — проворчал он.

Стоявший рядом с ним Рана Шанга бросил взгляд на оптический прибор. Телескоп малва во многом проигрывал мастерски изготовленному узкому предмету, который можно держать в руках, имевшемуся у Велисария. За исключением сталелитейного производства, где малва добились выдающихся успехов, индийские ремесленники и мастера во многом проигрывали греческим в различных областях. Подход малва к оптике во многом напоминал их подход к кораблестроению: поскольку не можем сделать элегантными, сделаем их большими, крепкими и прочными.

И телескоп малва определенно являлся большим, крепким и прочным. К несчастью, таким огромным, что устанавливался на неподвижной опоре, которую можно было настроить с очень большим трудом. В результате тому, кто хотел воспользоваться прибором, приходилось сгибаться в крайне неудобной позе, от которой через некоторое время неизменно начинала ныть спина.

На мгновение у Шанги появилось искушение указать, что Дамодара при его невысоком росте страдает меньше, чем сам Шанга. Но раджпут промолчал. Господин Дамодара держался почти на равных и совсем не проявлял надменности при общении с непосредственными подчиненными, но тем не менее оставался анвайя-прапта сачива. А все имеет свои границы.

Вместо этого Шанга решил указать на положительный момент.

— Но наш телескоп лучше, чем у него, — заметил Шанга. — По крайней мере в том, что касается мощности.

Судя по тому, как Дамодара фыркнул, это его не успокоило.

— И что? — спросил он, показывая на открытый вход в шатер. — Да, я могу различить черты его лица, в то время как он не может различить мои. В тех редких случаях, когда он случайно заходит на тот участок, который я вижу. В то время как он может смотреть в любую сторону, в какую только захочет. Причем при этом спина у него не раскалывается от боли.

Дамодара потер спину, все еще недовольно морщась.

— Я бы тут же с ним поменялся местами! И ты бы поменялся, Рана Шанга, поэтому не надо пытаться меня развеселить.

Шанга ничего не сказал. Через несколько секунд Дамодара прекратил хмуриться. К нему вернулось обычное врожденное чувство юмора молодого господина из малва.

— Вот что, — весело сказал Дамодара. — Я уверен: он не в курсе, что у нас есть телескоп. У нас их не было, пока он находился в Индии, и я уверен: он не заметил мой.

Дамодара оглядел свой штаб. Телескоп стоял в десяти футах от входа, вне освещенной части шатра. Дамодара держал его там постоянно, несмотря на то что с того места просматривался лишь ограниченный участок местности. Объяснялось это просто: Дамодара не хотел, чтобы Велисарий знал о наличии у него телескопа.

На мгновение Дамодара снова нахмурился.

— Конечно, я не уверен, имеет ли это значение. Но... — он пожал плечами. — Если мы имеем дело с Велисарием, то я готов пользоваться любым преимуществом, которое нам только предоставляется.

Дамодара отвернулся от телескопа и направился к большому столу, расположенному прямо в центре шатра. Шанга, хотя ему и не предложили, тут же последовал за главнокомандующим.

У края стола Дамодара опустил руки на деревянную поверхность, оперся и склонился вперед, напряженно изучая огромную карту на пергаменте, которая занимала большую часть стола. Теперь он скорее смотрел удовлетворенно, чем недовольно. Если у мастеровых малва и не хватало мастерства для изготовления хороших телескопов, никто не смог бы укорить картографов малва. Дамодару особенно радовала топографическая информация, которую удалось включить главному картографу.

Дамодара взглянул в угол тускло освещенного шатра. Как и всегда, его картограф терпеливо ждал, сидя на небольшой подушке. Нарсес также сидел в углу, на тот случай, если Дамодаре потребуется его совет. Евнух по римской традиции сидел на стуле.

— Я включил последнюю информацию, господин Дамодара, — сказал картограф. — Прямо сегодня утром я беседовал со следопытами-патанами и включил собранные ими сведения.

Дамодара кивнул и вернулся к карте. Какое-то время он молчал, изучая местность, отображенную на карте. Стоя рядом с ним, Рана Шанга делал то же самое. Затем господин Дамодара вытянул руку и поставил палец на место, расположенное примерно в пятнадцати милях к югу.

— Может, тут? — спросил он. — Судя по карте, этот проход выглядит не очень заметным. Очень узким, но его может оказаться достаточно.

Шанга какое-то время изучал указанный проход, потом покачал головой. Однако жест скорее свидетельствовал о раздумьях, чем твердой уверенности.

— Не думаю, — он колебался, потрепал густую бороду. — Я не уверен, но мне кажется, что Велисарий в особенности хочет воспрепятствовать нам в любом продвижении на юг. Как я подозреваю, он уже выставил разведчиков, которые следят за подходами к этой тропе.

Дамодара поднял голову, глаза его округлились. Он казался слегка удивленным.

— На юг — в особенности? Я не... — Он нахмурился в задумчивости, затем уныло усмехнулся. — Мне казалось, что он пытается воспрепятствовать нам, в каком бы направлении мы ни пытались идти.

Шанга слегка пожал плечами.

— Это так, господин Дамодара. Но я все равно думаю, что он быстрее всего реагировал, когда мы пытались прорваться на юг.

Дамодара широко расставил руки на столе и уставился в карту. Для Шанги, наблюдавшего за движениями его глаз, было очевидно: Дамодара восстанавливает все действия во время маневров прошлого месяца.

— Думаю, ты прав, — через пару минут сказал он. Дамодара выпрямился и теперь уставился на голую кожу стены шатра прямо напротив. — А почему, как ты считаешь? — спросил он задумчиво и посмотрел на Шангу. — Это не имеет смысла. Какая разница, обойдем мы его на севере или юге? Пока мы не сможем пробраться на запад, он удерживает нас от вторжения в Месопотамию. Мы завязли здесь, в этих проклятых горах. — Дамодара снова посмотрел на карту.

— Я думаю, он предпочел бы как раз заманить нас на юг, — добавил он медленно. —

Таким образом он может заставить нас следовать вдоль горной системы Загрос — прямо до залива. — Он показал на южную часть гор, указанных на карте. — В конце мы могли бы выйти в Месопотамию в дельте, рядом с Харком. — Он саркастически рассмеялся. — Там, где нашу основную армию уже поймали в бутылку! А император Хусрау и его копьеносцы держат пробку от бутылки.

Шанга еще яростнее стал трепать бороду.

— Есть одно возможное объяснение. В особенности, когда имеешь дело с Велисарием.

Господин Дамодара склонил голову набок и посмотрел вверх на стоявшего рядом с ним раджпута.

— Капкан, — заявил Дамодара. Шанга кивнул.

Дамодара принялся медленно ходить взад и вперед. Он сложил руки перед грудью, словно в молитве. Это был один из характерных жестов господина из малва. Но короткие, резкие движения рук туда и сюда передавали скорее сосредоточенность, чем набожность.

— Ты можешь быть прав, — задумчиво сказал он. Затем резко сухо усмехнулся — наполовину весело, наполовину в отчаянии. — Хитрая приманка! Но именно так и мыслит этот человек.

Дамодара внезапно остановился и повернулся к Шанге.

— Что ты посоветуешь? — спросил.

Шанга прекратил трепать бороду и сделал глубокой вдох.

— Отправляться на север, — твердо сказал Шанга. — Это может оказаться капкан, господин Дамодара. Велисарий, вероятно, готовит для нас засаду. Но капканы можно повернуть так, что в них попадет тот, кто их выставял. Капкан для волка совершенно необязательно удержит тигра. У нас отличные войска и наша армия численно в два раза превосходит его.

Дамодара кивнул.

— Скорее в три раза, как мне кажется. — Взгляд господина из малва стал несколько отсутствующим. Он снова сложил руки перед собой, словно в молитве. Но больше он ими не производил рубящих движений. Руки оставались неподвижны, ну, может, он слегка шевелил пальцами.

Увидевший знакомые признаки Шанга ждал. Как и всегда Дамодаре не потребовалось много времени на принятие решения.

— Я согласен, — твердо заявил Дамодара. — Мы отправимся на север. — Он снова резко рассмеялся. — С открытыми глазами! И...

Внезапно при входе в шатер послышался шум. Дамодара и Шанга повернулись. Они увидели, как два стражника-раджпута, охраняющие вход в шатер Дамодары, пытаются удержать йетайца, который в свою очередь совсем недвусмысленно выражает свою ярость.

Это был полководец Михиракула, командующий йетайскими подразделениями господина Дамодары.

— Впустите его! — крикнул Дамодара.

Стражники отошли в сторону, и Михиракула ворвался в шатер. Гневно посмотрел на Рану Шангу, перед тем как резко остановиться перед господином Дамодарой.

— Что за чушь я услышал? — спросил Михиракула. — Меня только что поставил в известность один из твоих посыльных, что мы должны готовиться к очередному маршу, — он снова гневно посмотрел на Шангу. — Это правда?

Вопрос, очевидно, был риторическим. Михиракула не стал ждать ответа, перед тем как яростно показать на горы, видимые сквозь откинутый в сторону кусок материи, обычно закрывающий вход в шатер.

— Почему мы не атакуем вонючих римлян? — спросил он. — Мы отгоним их, как мух! — Михиракула снова гневно посмотрел на Шангу. — Если раджпуты очень боятся, то атаку поведут мои йетайцы!

Йетайский полководец был крупным мужчиной, с широкими плечами, широкой грудной клеткой, но Шанга оказался выше Михиракулы настолько же, насколько сам

Михиракула выше Дамодары. Раджпут расправил плечи и распрямился, крепко сжал руки за спиной. По напряжению в могучих плечах Шанги было ясно: он с трудом сдерживает ярость.

Дамодара быстро вмешался. Положил руку на предплечье Шанги, пытаясь его успокоить. Потом твердым голосом обратился к йетайскому полководцу.

— Это был мой приказ, полководец Михиракула. — Дамодара сам кивнул на горы. — Полевые укрепления римлян здесь слишком мощные. — Йетайец уже собрался возражать, но Дамодара быстро добавил: — Однако мои разведчики говорят мне, что мы можем найти путь на север.

Он снова не дал Михиракуле ничего возразить. На этот раз говорил с веселой улыбкой.

— Конечно, разведчики думают, что нам придется встретить сопротивление. Поэтому я решил использовать тебя и твоих людей в качестве авангарда во время следующего марша.

Теперь Дамодара улыбался Михиракуле очень широко, просто светился.

— Конечно, для того, чтобы расчистить нам путь. Чтобы мы наконец разделились с этими проклятыми горами.

Михиракула немного расслабился. Снова бросил взгляд на Шангу, перед тем как отвечать Дамодаре. Но во взгляде было больше удовлетворения, чем злости.

— Вскоре, как ты думаешь? Мои люди очень беспокоятся. — Дамодара пожал плечами.

— Достаточно скоро. Предполагаю: в течение недели. — Он изобразил легкую, извиняющуюся гримасу. — Как ты знаешь, переход по этим горам — дело долгое.

Все извинения и дружелюбие исчезли. Следующие слова Дамодара произнес стальным тоном.

— А теперь, полководец Михиракула, ты выполнишь мои приказы. Немедленно.

Йетайский полководец знал этот тон. Несмотря на свою варварскую природу, Михиракула дураком не был. Он склонил голову, очень напряженно, и покинул шатер.

После того как он ушел, Шанга что-то злобно буркнул себе под нос.

— Раджпуты могут вести... — начал он, но Дамодара жестом попросил его помолчать.

— Я прекрасно это знаю, Шанга. Но йетайцы на самом деле застоялись. — Он внимательно посмотрел на Шангу. — Кстати, как и твои раджпуты, хотя они и лучше умеют сдерживать нетерпение.

Дамодара показал пальцем на карту. Его палец ходил над ней взад и вперед, словно повторяя тяжелый путь последних недель.

— Хорошие солдаты устают от подобных бесконечных маневров. Раньше или позже они потребуют действий. Ты знаешь это не хуже меня.

Шанга недовольно кивнул. Дамодара развел руками.

— Поэтому пусть пока йетайцы идут первыми. Если там нас ждет капкан, то они в него попадут. По правде говоря, я предпочту, чтобы пролилась их кровь, а не твоих раджпутов.

По выражению лица было ясно, что Шанга находит равнодушие главнокомандующего неприятным. Но Дамодара не обиделся. Он просто усмехнулся.

— Я — малва, Рана Шанга, а не раджпут. Практичен.

Через два дня Велисарий изучал карту, разложенную на столе у него в полевом штабе. Все члены высшего командования присоединились к нему. В дополнение к Маврикию и Васудеве в шатре собрались: Кирилл, который заменил Агафия на посту командующего греческими катафрактами после того, как Агафия искалечило во время сражения у Нехар Малки; Бузес и Кутзес, два молодых брата, фракийцы по национальности, которые командовали сирийскими подразделениями армии Велисария.

Вошел Аббу, отведя в сторону куски кожи, которые закрывали вход в шатер. Главный разведчик Велисария, араб, не стал ждать приглашения, прошел в центр и начал отчет.

Бедуин даже не смотрел на карту. Аббу твердо придерживался старых традиций. Несмотря на глубокое (хотя и не выражаемое вслух) восхищение Велисарием, араб считал карту тревожным знаком — или раннего старческого слабоумия римского полководца, или

его быстрого падения в связи с влиянием современных упаднических нравов.

— Малва направляются на север, — объявил он. — К той седловине, о которой я вам говорил. Там имеется проход. Очевидно, они ожидают засаду. Первыми идут подразделения йетайцев. — Аббу одобрительно заворчал. — Командующий малва — совсем не дурак. Он скормит варваров — не жалко от них отделаться — перед тем, как последовать за ними с раджпутами.

— Перед тем, как попытаться последовать, — поправил Кирилл. Аббу покачал головой. Бедуин всегда выглядел угрюмым, тут стал мрачнее обычного.

— Они преуспеют. Проход слишком широкий, а склоны с обеих сторон недостаточно крутые. Северный склон особенно низкий. Они смогут использовать численное преимущество над нами. Это будет нелегко, но они прорвутся.

Кирилл уже стал ругать Аббу за то, что тот так легко признает поражение, но вмешался Велисарий.

— Все отлично, — уверенно заявил он. — Я хочу, чтобы они отправились на север. Мы окажем яростное сопротивление на самом перевале, но отойдем до того, как наших людей порубят.

Он склонился вперед, изучая карту, затем показал пальцем.

— Если эта карта точна, то после того, как они преодолеют перевал, самым легким путем будет вот этот — вдоль по небольшой речушке на северо-запад.

Он вопросительно посмотрел на Аббу. Араб яростно хмурился, но ничего не сказал — таким образом он обычно признавал, что с новомодной абсурдностью не справиться.

Велисарий не сводил взгляда с Аббу.

— И если я правильно прочитал карту, то когда мы отступим и займем позиции к юго-западу от перевала, наши полевые укрепления окажутся слишком прочными, для того чтобы малва смогли выбрать какое-то другое направление, — добавил полководец.

Аббу нахмурился еще сильнее. Но снова ничего не сказал.

— Если ты не хочешь удерживать перевал, полководец, то зачем вообще оказывать там сопротивление? — спросил Бузес и нахмурился. — Кажется просто потерей хороших солдат.

Молодой фракиец не потрудился добавить: что обычно тебе не свойственно. Как и все собравшиеся в шатре, он очень хорошо знал тактические методы Велисария. Одним из них — и очень важным — было беречь жизни людей когда только возможно.

Велисарий покачал головой.

— У меня нет выбора, Бузес. Я не могу позволить сделать их проход слишком уж легким, когда малва командуют Дамодара и Шанга. Если мы сражаемся, как львы, когда они продвигаются на юг, но отходим в сторону, когда они идут на север, враги начнут задумываться, почему. Не имеет смысла. Суровая военная логика подсказывает, что надо бы делать наоборот — я должен быть счастлив направить их вдоль горной системы Загрос на юг, к Харку. — Он поморщился. — Я не хочу, чтобы Дамодара и Шанга проводили много времени, раздумывая над логикой моих действий.

Вмешался Маврикий. Его выражение лица не свидетельствовало о радости.

— Вероятно, они уже это делают, — проворчал он. Велисарий вздохнул.

— Да, я уверен, что думают. Но пока они слишком много не размышляют о кванатах и не знают о кушанах, то, считаю, все будет в порядке. — Он бросил быстрый взгляд на шлем, который Васудева положил на стол. Как и всегда, кушан снял ненавистное чудовищное приспособление, как только вошел в шатер и оказался закрытым от взглядов шпионов. Выражение лица Велисария опять стало спокойным, как обычно. Он даже хитро улыбнулся.

— В конце концов мой план немного сумасшедший, — заявил он весело.

Казалось, объявление не принесло особой радости другим собравшимся в шатре. Но они не возражали — по крайней мере не сказали ничего вслух, только думали мрачные мысли. Эти люди очень хорошо знали тактические принципы и методы Велисария. Некоторые из этих методов казались странными, но не тот, который всегда являлся главным. Выиграй войну. Это все, что имеет значение.

Глава 8

Аксумское царство.

Весна 532 года н.э.

Полковая церемония Эона прошла только через много дней после того, как царская резиденция Тааха Мариам взлетела в воздух. Вначале принц настаивал, чтобы сразу же провести ее. Но более спокойные голоса, по крайней мере более старшие голоса, преобладали.

Главным из них был голос Вахси, командующего самим полком.

— Сейчас нет времени, царь царей, — настаивал Вахси.

— Я — не негуса нагаст! — орал Эон. — Я не могу им стать — до тех пор, пока меня не примут в сарв Дакуэн!

Принц, теперь царь, оторвался от работы. Тела его отца и брата уже нашли. Эон работал всю ночь вместе с солдатами и большей частью жителей Аксума, расчищая обломки и завалы. Теперь наступило утро следующего дня и все еще оставалось много работы. Непосредственно царские покои разрыли, но взрывчатка малва повредила более трети огромного комплекса. Нашли сотни трупов и столько же выживших. Спасатели слышали слабые стоны нескольких жертв, которые все еще оставались живы, погребенные под камнями.

Вахси нежно положил руку на плечо Эона.

— Дакуэн подождет, царь.

Командующий сарвом Дакуэн кивнул, показывая на группу солдат, которые стояли всего в нескольких футах за его спиной. Там собрались все офицеры полка, за исключением тех, кто вместе с Эзаной находились в Индии.

— Никого из нас не беспокоит этот вопрос.

Услышав слова Вахси, офицеры полка согласно кивнули. Некоторые из них бросили взгляды на Усанаса. Давазз находился в нескольких ярдах, не обращая внимания на слова. Он был слишком занят, двигая камни.

Даже Эон не смог упустить очевидное одобрение в этих взглядах.

— Нет необходимости, — мягко сказал Вахси. Затем добавил еще тише, так, что его слышал только Эон: — Нет необходимости, Эон. Нет вопроса: полк одобряет и Усанаса, и тебя.

Вахси усмехнулся, но снова очень тихо. Его опять слышал только Эон.

— Конечно, у них найдутся резкие слова насчет смехотворной философии охотника, и они с наслаждением послушают все детали твоих детских выходок. Но это просто традиция. — Он бросил взгляд на стоявшую далеко от них Антонину, которая руководила своими солдатами, участвующими в спасательных работах. Все римляне пережили взрыв и сразу же взялись за работу. — В особенности они с нетерпением ждут рассказа о всех случаях, когда Усанасу приходилось давать тебе подзатыльники, пока ты наконец не научился не пожирать глазами жену Велисария.

Эону удалось улыбнуться. Конечно, улыбка получилась не особо радостной, но Вахси все равно почувствовал облегчение, когда ее увидел. На какое-то мгновение лицо Эона снова стало лицом молодого человека. На протяжении нескольких часов после того, как нашли тела Зайи и Тарабай, это было лицо старика, искаженное грустью. Зайя являлась его наложницей с тринадцатилетнего возраста. Если страсть и угасла, пусть и частично, он все равно сильно любил ее. И он был очень увлечен Тарабай, с тех пор когда познакомился с нею в Индии.

— Ты потерял вчера всех, Эон, — мягко сказал Вахси. — Твоих женщин и твоего единственного ребенка, вместе с отцом и братом. Ни один человек в мире — неважно, принц он или крестьянин — не способен ясно мыслить в такое время или заниматься чем-то, кроме как скорбеть об усопших. Поэтому давай просто сконцентрируемся на работе. Вскоре придет

время и для церемонии. — Он отошел на шаг назад и слегка повысил голос. — На данный момент ты — негуса нагаст. Это мнение сарва Дакуэн, а также сарвов Лазен и Хадефан.

Вахси показал на двух офицеров в группе. Их звали Афилас и Сайзана и они, соответственно, командовали полками Лазен и Хадефан. Сарв Лазен был полком Калеба, Хадефан — полком Вазеба.

Вместе с сарвом Дакуэн они составляли царские полки аксумской армии.

— Это так, царь, — сказал Афилас. Сайзана кивнул и добавил:

— И мы уже разговаривали с другими представителями саравита. Солдаты придерживаются единого мнения. Все. — Затем он добавил, почти рыча: — И мы отомстим малва. А ты — царь царей, который поведет нас.

Эон вытер лицо рукой, размазывая грязь и пыль. Это был усталый, очень усталый жест.

— Как Гармат? Он выживет? — спросил Эон. Вахси улыбнулся. Не кисло, широко.

— Не дури, царь! Если двадцать больших камней, упавшие на старого арабского разбойника, не убили его сразу же, неужели ты в самом деле думаешь, что он умрет от пока не затянувшихся ран?

Один из офицеров — более старший, ему перевалило за пятьдесят — рассмеялся.

— Я помню, как мы много лет назад гнались за бандитом по пустыне. Так и не смогли поймать его, несмотря на огромное количество засад, которые устраивали.

Еще один офицер, тоже средних лет, улыбнулся.

— Лично я думаю, что он притворяется. Ленивый полукровка! Просто не хочет таскать камни. — По небольшой группе пронесся легкий смешок. Даже Эон на мгновение подключился. Обнаружение живого Гармата стало единственной радостью за долгую темную ночь. Когда взорвались бомбы, советник, очевидно, стоял на некотором удалении от трона. Конечно, подрывники из малва установили основные заряды в стенах рядом с самим тронном. Когда произошел взрыв, царь Калев и все люди, находившиеся непосредственно рядом с ним, включая старшего сына и наследника Вазеба, умерли сразу же, сметенные с ног. Остальных людей в тронном зале, за исключением Гармата и слуги, раздавили упавшие потолок и стены. Но по выверту фортуны некоторые из огромных камней, из которых строилась Тааха Мариам, падая, сформировали укрытие для Гармата и слуги. Слуга остался практически неповрежденным, если не считать, что чуть не сошел с ума от страха. Ранения Гармата были серьезными — несколько сломанных костей, многочисленные синяки и рваные раны, но он остался жив.

Новость о спасении Гармата быстро распространилась и принесла всем радость, в особенности сарвенам. Частично потому, что его любили. Правление царя Калеба было хорошим в том, что касалось народа Аксумского царства. И многое в этом они приписывали мудрым, необычно мягким советам Гармата.

Но в основном новость принесла радость солдатам, работающим на завале, потому что пламя в их яростных сердцах разгорелось с новой силой. Сарвены не забыли, что Гармат — это тот самый хитрый разбойник, араб-полукровка, который много лет уходил от аксумской армии, пока наконец не принял предложение стать даваззом Калеба, когда отец Эона все еще был мальчиком. После того как Калев сел на трон, Гармат много лет служил его главным советником, пока Калев не приказал ему в той же роли служить Эону.

Гармат часто проявлял мягкость в советах особам королевской крови, правящим Аксумским царством. Но он всегда был сообразительным и хитрым, а когда того требовала необходимость — диким и безжалостным, как арабская пустыня, которая сформировала его. Многие аксумские солдаты, услышав новость о спасении Гармата, молча повторили мысли Антонины.

«Плохой шаг, малва. Плохие новости, вы, ублюдки. Лучше бы вы играли со скорпионом, после того как ущипнули его за хвост».

Через десять дней после взрыва наконец провели полковую церемонию. Тот факт, что Тааха Мариам находилась в руинах, не помешал процедуре. По традиции церемония никогда

не проводилась на территории царской резиденции. Ее всегда проводили на тренировочных полях, где, как никогда не забывали аксумиты, создавалась реальная сила Аксумского царства. Тренировочные поля армии располагались в полумиле к западу от царской резиденции, у основания одной из двух гор, которые смотрели на столицу. Эта гора представляла собой восточную границу Аксума и называлась Май Квохо. Та, что на севере, называлась Биета Джийоргис.

С одной стороны стояли свидетели, которые не являлись членами полка. Оттуда Антонина наблюдала за сценой. Наибольшее впечатление на нее произвела открытость полей. Они были почти лишены растительности. За исключением ряда открытых тронов в северной части поля, прислоненных к склону Май Квохо, тренировочное поле оставалось абсолютно пустым, за исключением небольшого количества деревянных мишеней для бросания копий.

Как она поняла, аксумиты именно таким образом смотрели на мир. По прибытии в Аксумское царство Антонина не обратила внимания на отсутствие укреплений, пока офицеры ее армии не указали ей на это. На них отсутствие укреплений произвело большое впечатление. Ни один из городов Аксумского царства, даже столица Аксум, или крупный порт Асэб не были окружены стенами. Ни в одной из многочисленных деревень, через которые они проезжали во время долгого пути на север, не имелось никакой крепости для защиты.

Древние афиняне доверяли себя деревянным стенам своих кораблей. Аксумиты — копьям своих полков. И это происходило не из-за отсутствия возможностей или способностей. Аксумиты были способны построить массивные каменные сооружения. Свидетельством навыков и мастерства аксумских каменщиков служили Тааха Мариам и, в особенности, великолепный собор Мариам Тсион. Но эти здания служили для помпы, показа, церемоний и поклонения. Они не имели никакого отношения к мощи.

А мощь происходила от полков. От них, и от них одних.

Антонина опять перевела взгляд на троны в северной части поля. Они, как она подумала, тоже свидетельствовали о таком подходе.

Троны были идентичны и довольно малы размером — ничего подобного трону царя Калеба в Тааха Мариам. Каждый стоял на гранитной плите площадью не более восьми футов. Меньшая плита наверху первой обеспечивала основание самого трона, который представлял собой крепкий, но простой деревянный стул. Четыре узкие каменные колонны поднимались из каждого угла верхней плиты и поддерживали навес, закрывающий сидящего на троне от солнца. Золотой крест — очень искусно сделанный, в Аксумском царстве жили большие умельцы по художественной обработке металла, не уступающие каменщикам — размещался наверху всей структуры, но сам навес был сделан всего лишь из плетеной травы.

Эти троны предназначались для командующих аксумскими сарвами, полками, на которые была разбита армия Аксумского царства.

Типичным для аксумских идей правления являлось то, что эти командующие, если брать их как единую группу, назывались «нагастами», или царями.

Никто из них по отдельности не пользовался этим титулом. В отличие от государств-вассалов Аксумского царства, правители которых сохраняли свои монаршие титулы (конечно, пока признавали старшинство царя царей), командующие полками получали власть только от армии. Но в реальности отношение полков считалось более важным, чем капризы и причуды подчиненных царьков.

В этот день оказались заняты только три трона. Но даже это было необычно. В соответствии с традицией только один человек в этот день имел право сидеть на троне — командующий сарвом Дакуэн. Даже сам царь царей, хотя он обычно не присутствовал на подобной церемонии, должен был бы освободить свой трон, пока полк его сына не примет решение.

Но сегодня Вахси решил отступить от традиции. После убийства Калеба и Вазеба сарвы Лазен и Хадефан потеряли своих особ королевской крови. Вахси предложил, а они

приняли предложение разделить принца. Впервые в истории Аксумского царства человек взойдет на трон с одобрения и с именем трех полков.

Церемония начиналась. Эон занял свое место — он стоял один в стороне. А перед собравшимися полками вперед выводили Усанаса. Антонина с трудом поборолла смех. Давазз был весь в цепях и кандалах, фактически обвешан ими с ног до головы. Эти рабские приспособления выглядели на нем так же соответствующе, как ленточки на льве.

«И вероятно, точно так же эффективны, — оглядывая высокую и мускулистую фигуру Усанаса, подумала она. — Если он решит, что устал от этой забавы».

Велисарий однажды сказал ей после возвращения из Индии, что Усанас, вероятно, — самый сильный человек, которого ему доводилось встречать в жизни. Даже сильнее, подозревал Велисарий, чем гигант Анастасий.

Но веселость Антонины быстро прошла. Цепи и кандалы могли казаться абсурдными, но не было ничего абсурдного в подразделении окружающих Усанаса солдат. Их насчитывалось восемь человек, и все они держали в руках оружие. Однако это были не обычные небольшие копья или тяжелые, напоминающие мясницкие ножи, мечи, с которыми сражались аксумиты. Солдаты держали в руках дубинки, армированные железными пластинками.

«Оружие, чтобы побить раба, который не смог выполнить свой долг. Забить до смерти, без труда, если он серьезно провалился».

Видя эти жестокие приспособления, Антонина не испытывала проблем с подавлением смеха. Больше не испытывала. Она знала: дубинки — не украшения. На протяжении последних двух столетий случалось, что сарвены сильно избивала даваззов, причем в двух случаях — фатально, поскольку посчитали, что он провалил задание по обучению принца.

Она оторвала взгляд и посмотрела на Эона. Вид молодого принца, стоявшего прямо и расправив плечи, успокоил ее. А еще больше — спокойное выражение его лица.

«Не сегодня. Не этого принца».

Минуту спустя началась церемония.

Еще через пять минут Антонина опять с трудом сдерживала смех.

Еще через десять минут она прекратила сдерживаться и включилась в общее веселье. На самом деле она провела большую часть дня, смеясь вместе со всеми остальными.

Антонина забыла. В сердце этой церемонии лежал серьезный стержень — очень серьезный. Но аксумиты не очень-то уважают торжественность. В конце концов лучшей защитой против самовозвеличивания и помпезности является юмор.

В общем и целом церемония разворачивалась в хронологическом порядке. С проделками Эона в детстве разобрались достаточно быстро. Все хотели перейти к следующему этапу.

Тогда Антонина и узнала, почему в группе вместе с ней стоят другие женщины. Как оказалось, их всех — за исключением трех старух, которые свидетельствовали о проделках Эона в царских кухнях — в какое-то время совратил молодой принц.

Это была довольно внушительная толпа. Она произвела на Антонину впечатление.

Но большее впечатление на нее, причем гораздо большее, произвело то, что последовало. Большинство женщин служили в царской резиденции в то время, когда Эон был юношей. Они относились к типу женщин, которые в любой стране являются естественной добычей для молодых господ благородного происхождения, когда в тех начинает просыпаться сексуальность.

Но, как выяснилось, они собрались здесь не для того, чтобы высказывать свои жалобы на принца. Они просто рассказывали — или сами выдавали информацию, или отвечали на многочисленные вопросы, которые выкрикивали выстроившиеся солдаты, — о том, как Эон пробирался в чужие постели. Их заявления были честными, открытыми, веселыми — они часто смеялись над самим Эоном. Вскоре стало ясно, что в особенности в ранние годы отличные навыки принца в попадании в чужую постель не соответствовали проявленному

после того, как он все-таки в постели оказывался.

Некоторые рассказы были откровенно шутовскими. В особенности Антонину развеселил рассказ пухлой пожилой женщины, которая когда-то служила поварихой в царской резиденции. Женщине, по всей вероятности, было лет на двадцать больше, чем Эону. Она со всеми возможными подробностями поведала о своем терпении и о том, как чуть не приходила в отчаяние, когда пыталась инструктировать упрямого пятнадцатилетнего принца относительно основных принципов женской анатомии. Казалось, без особого успеха, пока наконец не обнаружила секрет: нужно дать глупому мальчишке подзатыльник!

За этим сообщением последовал взрыв смеха, который прокатился по всему тренировочному полю. Охраняющие Усанаса солдаты одобрительно ему улыбнулись.

К сожалению, Антонина не поняла всего, что говорила женщина. Она очень плохо знала гезз, язык Аксумского царства. Менандр, один из катафрактов, которые сопровождали Велисария в Индию, выступал в роли ее переводчика. Во время долгого путешествия он тесно подружился с Вахси и Эзаной и теперь достаточно бегло говорил на их языке.

К сожалению, Менандр был также молод и все еще нес в себе отпечаток консервативного деревенского воспитания. Поэтому, когда рассказ становился уж больно пикантным, он заикался и мямлил и — Антонина не сомневалась — был виновен в излишних сокращениях.

— О чем это она говорила? — спросила Антонина, после того как громкий смех немного поутих.

Менандр заикался и мычал. Сокращал.

— А, — сказала Антонина и мудро кивнула. — Да, конечно. На самом деле трудно научить тупого мужчину пользоваться языком для чего-то более полезного, чем хвастовство.

Но несмотря на весь непристойный юмор, у церемонии была очень серьезная цель. Слушая вопросы, которые солдаты задавали женщинам, Антонина понимала, что они выясняют нечто очень важное.

Солдат не интересовали — ни в коей мере — любовные привычки Эона. Молодые парни, независимо от занимаемого в обществе положения, всегда похотливы и распутны. Принц, благодаря своему престижному положению и самоуверенности, которую дает это положение, обычно более успешен в совращении, чем большинство юношей. Это неизбежно, естественно и не заботит солдат. На самом деле скорее наоборот — никто не хочет видеть во главе государства скромного, держащегося в тени правителя, у которого могут еще и возникнуть трудности с продолжением царского рода.

А если определенный принц доказал свои особенные таланты в этом деле — а Эон определенно доказал — то так оно и лучше.

Бойкий на язык — это дополнительное преимущество для хорошего монарха.

На самом деле солдат волновали методы Эона. Шарм — это одно, давление — другое. Если Эон мог использовать свой престиж принца, чтобы заговорить служанок и оказаться в их постелях, — это только источник для веселья и ничего больше. Но если он пользовался своим положением, чтобы пригрозить, и угрозами достигал своей цели — то это дело полка. Принц, который насилует своих служанок, не станет колебаться, как царь, если захочет изнасиловать страну.

Но в прошлом Эона не было и следа насилия. Допрос женщин продолжался так долго потому, решила Антонина, что все им наслаждались. По крайней мере все, за исключением Эона, хотя Антонина обратила внимание, что принц не против присоединиться к смеху, несмотря на то что сам являлся предметом шуток и насмешек.

Вскоре пришел черед Антонины выступать в качестве свидетельницы. Допрос вел Вахси, как и делал с начала церемонии.

Ему не потребовалось много времени, чтобы прояснить вопрос, к которому имела отношение Антонина. Похотливый принц — это хорошо, пока он в состоянии держать похоть под контролем. Но принц, который может поставить под угрозу политические переговоры из-за своей необузданной похоти, может стать ужасным правителем.

Вахси гневно посмотрел на нее и склонился вперед на троне.

— Разве не правда, что во время путешествия в Константинополь молодой дурак принц не мог не поедать глазами жену величайшего римского полководца?

Антонина даже не испытывала искушения отрицать обвинение. Сам Вахси вместе с Эзаной в то время служили телохранителями Эона. Но ей удалось легко отмахнуться от проблемы.

— Ну, да, наверное, первые несколько дней. Но это меня не оскорбило. В конце концов нельзя сказать, что я непривычна к этому...

Тут она расправила плечи и выпятила грудь. Антонина специально облачилась в самый откровенный наряд, который взяла с собой в путешествие. Наряд на самом деле не был особо провокационным, ничего подобного тому, что она носили в те годы, когда была куртизанкой, но ей такой и не требовался. С ее фигурой она могла бы привлекать мужчин, даже надев мешковину.

Наблюдавшие на нею солдаты, которые собрались на поле, стали оценивающе переговариваться.

— ...а Эон вел себя вежливо. Очень правильный молодой принц. Этого оказалось достаточно.

Следующим вызвали Менандра. Здесь в вопросах не было никакого сексуального подтекста, но суть оставалась та же. Не вел ли Эон себя надменно по отношению к римским солдатам во время путешествия? На давил ли на них? В частности, упоминался армрестлинг, во время которого надменный принц не мог устоять и показал свою гротескную мускулатуру¹¹.

Менандру не удалось ответить так гладко, как Антонине. Но в своем роде его упрямая и яростная — почти негодующая — защита Эона оказалась еще более эффективной. Никто из наблюдавших за молодым иностранным солдатом, который заикался, выражая свое восхищение принцем, не мог не понять, что Эон произвел впечатление на союзников и завоевал их на свою сторону, несмотря на первоначальные ошибки. И снова по полю пробежал смехок, когда Менандр описал методы Усанаса по исправлению поведения Эона.

Церемония продолжалась в таком же ключе. Рассматривались все аспекты характера Эона — чаще с юмором, но тем не менее безжалостно. Судили давазза, не принца. Но истинным вопросом был: подходит ли Эон для того, чтобы занять трон.

К середине дня вопрос был решен. На самом деле, как поняла Антонина, он никогда и не стоял. Солдаты из собравшихся полков следовали традиции, но они уже давно приняли решение. И ей было нетрудно, наблюдая за этими солдатами, прийти к выводу, что они не только примут Эона как своего монарха, но также с нетерпением ждут его правления.

«Плохой ход, малва».

Церемония закончилась. С Усанаса сняли цепи. Следуя традициям, Вахси предложил бывшему даваззу выбор. Он может вернуться к себе на родину с множеством даров или может решить остаться в Аксумском царстве, где новый царь несомненно найдет подходящее применение для его талантов.

Ответ Усанаса вызвал последний взрыв смеха на поле — а также вместе с ним и крики ярости.

— Мне следует остаться здесь, — объявил он. — Мой народ очень практичный. А здесь у меня будет много возможности думать о философии. В особенности о диалектике, которая учит, что все вещи находятся в противоречии.

Он холодно посмотрел на Эона.

— Как молодой дурак царь вскоре докажет. — Когда смех стих, он добавил:

— Но диалектика также учит нас, что все меняется. Как малва вскоре обнаружат — даже очень быстро!

¹¹ См. роман Д. Дрейка и Э.Флинта «Окольный путь».

Глава 9

На следующий день Эон приступил к выполнению обязанностей негусы нагаста. По традиции ему следовало бы провести вечер, гуляя и празднуя с солдатами и жителями Аксума. Но у Эона не было настроения праздновать. Он совсем недавно потерял близких и очень сильно переживал. Его солдаты понимали это и не сердились на нового царя царей за то, что он провел ночь в соборе Мариам Тсион в молитвах о душах членов своей семьи.

Но к утру Эон занял свой новый пост. Как бы он ни страдал — а никто не сомневался, что у него тяжело на сердце — он держал горе в себе. Борьба против малва заняла центральное место.

Как и должно было быть. Как и предсказывал Эон, малва нанесли новый удар.

— Абреха возглавил восстание, — заявил Вахси. Командующий сарвом Дакуэн сидел на небольшом стульчике, положив руки на колени. — И очевидно весь, сарв Метин решил поддержать претензии их командующего на должность нового царя царей.

— То же самое происходит и в сарве Фалха, — сообщил Сайзана. Командующий сарвом Хадефан склонился вперед на собственном стульчике и добавил: — Но они будут поддерживать Абреху только как царя Йемена. Судя по тому, что сообщил наш шпион, по крайней мере они не станут поддерживать Абреху, если он попытается пересечь Красное море и напасть на само Аксумское царство.

Гармат лежал на приподнятых носилках рядом с Эоном. Тут поднял голову.

— А что с Халеном? — прошептал он. Старый советник начал поправляться, но все еще оставался очень слабым. — И известно ли, что произошло с Сумиафой Ашвой?

— Полк Хален, очевидно, разрывается от нерешительности, — ответил Сайзана. — Они сидят в Марибе и — пока — кажется, решили сохранить нейтралитет. — Он пожал плечами. — Что касается Сумиафы Ашвы, его судьба до настоящего времени неизвестна. Но, думаю, мы должны предполагать, что его убили. В конце концов, он был наместником в Сане, а этот город — центр восстания.

Гармат опустил голову и на несколько секунд закрыл глаза. Его лицо ничего не выражало, но сидевшая рядом с ним Антонина подумала, что Гармат позволяет себе минуту печали. Она знала, что Сумиафа Ашва много лет был близким другом Гармата. Именно по рекомендации Гармата, после покорения Аксумским царством Южной Аравии, царь царей назначил принявшего христианство араба наместником в Йемене.

Очевидно, другие собравшиеся в зале разделяли ее мнение. Никто не произнес ни слова, позволяя Гармату спокойно вспомнить друга.

Антонина воспользовалась моментом, чтобы осмотреть помещение и собравшихся в нем людей. Эон начал совещание, попросив ее представить предложения Римской империи. Занятая этим, а потом последовавшим обсуждением и восстанием в Аравии, Антонина не имела возможности оценить новый круг царских советников.

Это был небольшой круг. За исключением Гармата, никто из высших советников Аксумского царства не выжил во время взрыва. Совещание проводилось в единственном уцелевшем зале для приема посетителей Тааха Мариама. Зал был довольно большим. Даже тяжелые деревянные колонны, которые стояли в разных местах, поддерживая потолок, не могли скрыть его размеры.

Взгляд Антонины остановился на окнах в восточной стене. Квадратные окна были надежно сделаны из камня и дерева. Этот стиль предпочитали аксумиты. Стекло отсутствовало. Прохладный бриз с возвышенностей проникал внутрь помещения сквозь проемы между каменными крестами, которые составляли основу окна и служили его украшением. Сквозь кресты виднелись Май Квохо и маячившие позади горы.

Символы христианской веры придали Антонине сил даже больше, чем величественность гор, и она повернулась назад к кругу советников.

«Да, небольшой круг. Но в определенном смысле — богатый».

В конце концов, здесь присутствовал Гармат. И все командующие полками, за исключением трех, расквартированных в Йемене. И — что самое важное, как подозревала Антонина — тут находился Усанас.

Ее взгляд остановился на Усанасе. В прошлые годы бывший давазз располагался бы позади принца, готовый при необходимости подвергнуть его суровой критике, но во всех других случаях знающий свое место.

Однако Усанас больше не являлся рабом. Пока у него не было титула. Но Антонина не упустила важности его положения в узком кругу. Аксумиты, как и римляне, считали место у правой руки монарха местом для наиболее уважаемого человека. И там сидел Усанас — на подушке, не на стуле, в той странной позе со скрещенными ногами, которой он научился в Индии. Поза лотоса, называл он ее, заявляя, что она помогает во время медитации.

Станный человек, склонный к фантазиям и философии. Но Антонину его присутствие успокаивало.

Эон откашлялся, показывая таким образом, что пора продолжить обсуждение. Молодой царь расправил плечи, касавшиеся деревянной спинки массивного стула, служившего ему треном, и повернулся к Антонине.

— Вначале нам придется разобраться с восстанием, — заявил он. — Ты знаешь, что я согласен с римскими предложениями, но я не могу...

Эон говорил на геэзе, но Антонина не стала ждать перевода Менандра. Она поняла достаточно слов и в любом случае ожидала услышать что-то подобное.

Женщина согласно кивнула.

— Конечно, Ваше Величество. Аксумскому царству нужно вначале навести порядок у себя дома, перед тем как думать о нанесении ударов малва. Кроме того, это восстание определенно вдохновлено и организовано шпионской сетью малва. Оно не случайно началось в тот же самый день, когда была разрушена Тааха Мариам. Восставшие в Йемене не могли узнать о взрыве, если только их о нем не предупредили заранее. Путь из Аксума в Сану занимает по крайней мере неделю, и то если у тебя самые быстрые лошади и корабли.

После того как Менандр перевел, она продолжала.

— Я не думаю, что малва догадались об истинных планах моего мужа. Но у них в любом случае есть основания нанести удар по Аксумскому царству. Аксумиты сыграли ключевую роль в спасении императрицы Шакунталы и организации восстания на Деканском плоскогорье. Малва, очевидно, решили отплатить Аксумскому царству той же монетой, а также добавить сюда и цареубийство.

Она кивнула Эону.

— Что касается меня, то подавление восстания в Йемене — это часть войны против малва. Поэтому моя собственная армия находится в твоём полном распоряжении.

Один из офицеров — Габра, командующий полком Дамава — начал возражать:

— Это внутреннее дело. Я не уверен, что использование иностранных войск не ухудшит ситуацию. Пока полк Хален остается нейтральным. Если мы примем помощь...

Его перебил Усанас.

— Черт тебя побери! Абреха и его восставшие используют иностранные войска, не так ли? Судя по сообщению нашего шпиона, Абреху окружают полдюжины агентов малва, куда бы он ни пошел, — Усанас бросил взгляд в угол команты, где стоял человек, недавно прибывший из Саны. — Абреха публично хвастается, что воинские подразделения малва вскоре придут в Йемен. — Охотник шлепнул ладонью по полу. — И большая часть его сил сейчас — не аксумиты! Полк Абрехи и Фалха — вместе взятые — насчитывают менее двух тысяч человек. — Он обвел глазами зал, переводя его с одного командующего полком на другого, которые сидели в ряд перед негусой нагастом. — Сами по себе они не имеют шансов. Поэтому — судя по донесениям нашего шпиона — большинство сил Абрехи составляют арабы. Племена бедуинов с территорий в глубине страны.

Он снова посмотрел в угол. Командующие полками вывернули головы, следуя за его

взглядом. Увидев, что все смотрят на него, шпион сделал несколько шагов вперед.

— Большинство из них, — подтвердил мужчина. — Некоторые арабы из городов объявили о поддержке Абрехи. Но основную поддержку он получил от бедуинов.

Гармат принял сидячее положение.

— А что с курейшами? — спросил он.

— Пока Мекка остается верной. Конечно, это может измениться, — сказал шпион. — И в ближайшее время скорее всего изменится, если мы не подавим восстание.

Услышав эту новость, несколько командующих заворчали. Звуки не были четкими, но смысл их не вызывал сомнений.

Антонина поняла смысл. Большие арабские племена, сконцентрированные в Мекке и других городах Западной Аравии — среди которых главным были курейши, являлись торговцами, не бедуинами. Именно они, а не живущие в глубине страны номады были недовольны тем, что находились под властью Аксумского царства. Бедуинам с территорий в глубине страны на самом деле было все равно, кто правит плодородным Йеменом. Те номады, которые решили поддержать Абреху, сделали это за тут же полученные взятки — и надежду на возможность разграбления, если Абреха отправится в Аксумское царство.

Но коммерческие интересы племен в Мекке часто сталкивались с интересами Аксумского царства. Аксумское царство контролировало большой торговый путь, который проходил через Красное море и зависел от способности военно-морского флота справляться с пиратами. С другой стороны, курейши зависели от пиратства. Не то что они сами пиратствовали — хотя их часто в этом обвиняли. Просто никто не пользовался их более дорогими верблюжьими караванами, если только морской путь не кишел пиратами.

После того как Аксумское царство под предводительством царя Калеба покорило Южную Аравию и военно-морской флот железной рукой установил свое владычество на Красном море, интересы торговцев Мекки сильно пострадали. По логике вещей именно они, а не бедуины, должны были бы собираться под знаменами Абрехи. Тот факт, что они этого не делали...

— Они всегда отличались умом, — сказал Гармат, который теперь сидел прямо.

Впервые после начала совещания лицо старого советника стало возбужденным, и сам он демонстрировал готовность к действиям. Гармат сейчас снова казался старым Гарматом, и Антонина была не единственной в зале, у кого стало улучшаться настроение.

— Мекка — это ключ, — многозначительно сказал Гармат. — Мекка и Ятриб и весь Хиджаз. Я говорил это раньше и сейчас скажу снова: власть над Йеменом зависит от нашего контроля над западным побережьем. Мы всегда получим поддержку горожан-арабов из Йемена, по крайней мере большинства. Эти люди — фермеры. Они хотят стабильности и порядка, а ни одна сила в этом регионе не в состоянии обеспечить их так хорошо, как Аксумское царство. Да, они несколько недовольны, поскольку мы — иностранцы. Но не особенно, потому что аксумиты — не такие уж и иностранцы...

Он показал большим пальцем на себя. В зале послышались легкие смешки. Гармат явился результатом союза между арабской женщиной и аксумским торговцем.

Советник улыбнулся.

— Я ни в коей мере не являюсь единственным полукровкой в Аравии или Аксумском царстве.

Собравшиеся командующие полков улыбнулись ему в ответ. Судя по их внешности, по крайней мере у двоих явно имелись арабские предки. Антонина знала о давних тесных контактах между Аксумским царством и Аравией и подозревала, что у большинства аксумитов в генеалогических деревьях имелись арабы. А чаще — целые полчища арабов. Гармат продолжал говорить:

— Если им будет предоставлен выбор, то города Йемена нас поддержат. Бедуины ничего не значат. Они склонятся перед тем, у кого власть, и не станут поднимать восстание, пока никто не вмешивается в их традиции. — Он пожал плечами. — Конечно, их поддержка поверхностная. Если начнутся беспорядки, они начнут искать, как этим воспользоваться. Но

пока Аксумское царство крепко держит Йемен под контролем — и Хиджаз, западное побережье — бедуины будут заниматься своими делами.

Он склонился вперед и внимательно посмотрел на Эона.

— Я говорил это твоему отцу и скажу тебе. Мекка — это ключ. Если ты сможешь припать Хиджаз к Аксумскому правлению, ты удержишь все Южную, Аравию в крепко сжатом кулаке. Но пока курейши недовольны, твое правление — это замок из песка, который в любой момент может смыть волна. — На мгновение он закрыл глаза. — Я никогда не смог полностью убедить Калеба. Нельзя сказать, что он не соглашался, но... — Гармат открыл глаза. — Царь Калев никогда не хотел платить нужную цену. — Гармат заговорил резче. — Но теперь ее нужно заплатить.

Командующие полками начали возражать, правда негромко. Гармат холодно посмотрел на них.

Антонина колебалась. Она соглашалась с Гарматом, но не была уверена, позволяет ли ее положение вмешиваться в вопрос, который являлся таким болезненным для аксумитов.

Но ее колебания были практически сразу же поставлены на обсуждение.

— Что ты посоветуешь, Усанас? — спросил Эон. Бывший даваз говорил уверенно.

— Заплати цену. Сразу же — и полностью. Я абсолютно согласен с Гарматом.

Протест нарастал. Усанас уставился на собравшихся командующих полками. Если Гармат смотрел холодно, то Усанас смотрел смертоносно.

— Эти возражения, которые ты слышишь, царь царей, — звуки мелочной жадности, — объявил Усанас и показал на офицеров обвиняющим перстом. — И ничего больше.

Офицеры — по крайней мере большая часть из них, не Вахси — гневно уставились на Усанаса. Бывший даваз ответил им гневным взглядом, сразу давая понять, что независимо от того, как теперь официально именуется его должность, бывший раб не станет колебаться перед тем, как схлестнуться с командующими армией.

— Глупые мальчишки, — фыркнул он. — Мальчишки, которые жаждут заполучить свои глупые жалкие игрушки и не желают делить их с другими мальчиками на игровой площадке.

Антонина сделала глубокий вдох. Она понимала, что лежит в основе ссоры. Ее прекрасно подготовили ее собственные отличные советники, один из которых — армянский катафракт по имени Ашот — очень хорошо знал Аксумское царство и сложности торговли и политики в регионе Красного моря.

В отличие от Рима, Аксум не делал различий между армией и флотом. В каждом полку имелась своя флотилия, кораблями управляли солдаты. Несмотря на то что аксумские солдаты родились и выросли на возвышенностях, они были и моряками, причем знали морское дело не хуже, чем сухопутное. Они были моряками и торговцами. Когда морской флот не участвовал в войне и не патрулировал воды, корабли полков перевозили торговые грузы. А также получали определенный процент с гражданских судов за то, что подавляют пиратство, и это позволяет процветать гражданским купцам.

Если вкратце, то аксумская армия имела непосредственный и глубокий интерес в поддержании господства в морской торговле в Красном море — что как раз мешало верблюдам караванам курейшей и других торговых племен Мекки и Хиджаза.

Антонина затаила дыхание. Спор потенциально мог превратиться в жестокую склоку, имеющую ужасные последствия для ее планов. Стратегия Велисария зависела от поддержки сильного и объединенного Аксума.

Когда Эон заговорил, его голос звучал тихо. Он напоминал льва, ворчащего на львят.

— Вы — мне — подчинитесь.

Пораженные величием этого голоса, офицеры отвернулись от Усанаса и уставились на негусу нагаста.

Эон сидел на троне и почти не шевелился. В последующие минуты он не использовал никаких величественных жестов, чтобы придать силы словам. В этом не было необходимости. Сами слова казались выбитыми в камне.

— Не забывайте, командующие саравита, почему Аксумским царством правлю я, а не вы. Вы — нагаст, а я — негуса нагаст. Царь царей. Наши предки поняли, что цари склонны к ошибкам, а поэтому ввели давазза и потребовали одобрения полков перед тем, как принц может стать царем. Но они также поняли, что офицеры — благородные господа с любыми нашивками на форме — склонны к другой ошибке. Они не думают о царстве в целом и думают только о своем маленьком куске этого царства. И поэтому над вами был поставлен негуса нагаст.

Эон уставился на них сверху вниз, как сфинкс.

— Вы думаете только о своей прибыли, как будто она — главное. Но я был в Ранапуре, где малва убили двести тысяч человек. Сдирали с них кожу, скармливали животным, топтали слонами, раздирали на части волами.

Он говорил холодным тоном, как камень.

— Двести тысяч человек. Вы можете представить такое число? Вы, жители маленьких городов и деревень? Вы, считающие монетки? Во всех городах Аксумского царства и Аравии, если их сложить вместе, не наберется такого количества людей. Вы думаете, малва не сделают то же самое с Аксумом и Саной? Думаете?

Наконец он шевельнулся. Поднял лежавшую на подлокотнике руку и показал пальцем на Усанаса.

— Мой давазз по моему приказу брал в свою руку Талисман Бога и увидел будущее Аксумского царства, если малва не будут побеждены.

Ко времени его смерти в битве мы стали беженцами, которые уходили в Центральную Африку и не питали больших надежд обрести там рай. — Эон склонился вперед, совсем чуть-чуть.

— Какой толк будет от ваших сокровищ в Центральной Африке, купцы? Планируете купить самые изысканные травяные хижины или спать в самой лучшей грязи?

Эон уставился на командующих полками. Через мгновение они опустили головы.

Все за исключением Вахси, который проворчал:

— Я также был в Ранапуре. Я не пытался считать убийства малва. Я не мог даже сосчитать реки крови.

Эон позволил молчанию длиться целую минуту, перед тем как снова заговорил. Камень стал железом.

— Мы не будем спорить по этому вопросу. Я не потерплю никаких диспутов. Я прикажу немедленно казнить любого офицера, который только произнесет слова возражения в частной беседе со своими солдатами. Я устанавливаю отрубленные головы всех командующих всех полков на крестах наверху их тронов на плацу. Если сомневаетесь, если думаете, что сарвены скорее пойдут за вами, чем за негусой нагастом, то проверьте меня прямо сейчас. Перед тем как подавить восстание в Аравии, я подавлю его здесь.

Молчание. Эон позволил ему продлиться целых две минуты. Железо стало сталью.

— Я приказываю следующее. Мы немедленно отправим делегацию в Мекку, на самых быстрых в Аксуме лошадях, потом наши люди переседают на самый быстрый корабль в Асэбе. Если Гармат достаточно окреп, чтобы отправиться в путешествие, то он будет старшим. Если нет...

— Я достаточно поправился, царь царей, — вставил Гармат. Эон кивнул и продолжал:

— Наша делегация встретится с лидерами курейшей и всех других племен Хиджаза. Мы предложим следующее. С этого времени племена имеют право участвовать в прибылях с морской торговли. Им также будет позволен доступ ко всей караванной торговле везде в Аксумском царстве — как и в Аравии. И наконец...

Молодой царь сделал глубокий вдох. Только на секунду показалось, что у него по лицу пробежала тень.

— Делегация предложит одной из их принцесс вступить в брак с негусой нагастом — со мной. С любой, которую они выберут. С этих пор кровь Аравии будет течь в правящей династии Аксумского царства.

Эон наконец улыбнулся. Это была слабая, вымученная улыбка.

— Легально и официально. Другими способами она и так уже достаточно часто проникала к нам.

Антонину эта улыбка не обманула. Она понимала, как мало Эона волнуют мысли о браке так скоро после смерти Тарабай и Зайи. Но молодой царь и этим показывал, что он способен ставить на первое место интересы государства.

— Негуса нагаст, — тихо прошептала она.

Или она думала, что тихо. Возможно, она произнесла слова громче, чем намеревалась, потому что их эхом повторили другие собравшиеся в зале люди. Весь зал в течение нескольких секунд.

— Негуса нагаст, — повторили командующие полками. Два слова, без каких-либо дополнений и пояснений, были знаком их подчинения.

Новый царь царей Аксумского царства начал свое правление. Он показал себя царем царей в том, что теперь имело значение, а не в формальностях, ритуалах и традициях. Полки подняли его на трон, но он показал, что может сломить их и подчинить своей воле.

Вначале, осторожно изучая лица командующих саравита, Антонина удивилась, что не видит никаких знаков негодования или возмущения. Как раз наоборот — несмотря на невозмутимость и бесстрастность суровых черных лиц, она была уверена, что различила лежащее под поверхностью удовлетворение.

Но через некоторое время она решила, что неправильно поняла этих людей. Они могли быть торговцами и купцами, в какие-то этапы своей жизни. Но в сердце этой жизни лежали копья, а не монеты. Если отбросить все мелочи, эти воины ценили победу как самое большое богатство. И как и все подобные люди, они знали: триумф невозможен без уверенности в командире.

А теперь уверенность была. Доказательства компетентности командира им только что представили. И если потребуются дополнительные доказательства, им были предложены их собственные головы, надетые на кресты на плацу.

Необходимости не возникло. В последующие часы собравшиеся расслабились, и обсуждение перешло на специфические военные темы, кампании, переговоры, торговые привилегии. Антонина наблюдала за укреплением и сплочением нового аксумского командования. Конечно, все концентрировалось на Эоне, но там также был Усанас, и Гармат и Вахси и в конце дня все командующие саравита, за исключением восставших в Аравии.

Наблюдая за легкостью и уверенностью, с которыми эти люди планировали следующую кампанию, в которой ее собственные силы являлись неотъемлемой частью планов, Антонина снова и снова обнаруживала, с каким трудом подавляет желание рассмеяться.

«Плохой ход, малва. О да — плохой, очень плохой ход».

Глава 10

Деогхар.

Весна 532 года н.э.

Рагунат Рао доел миску риса и поставил ее на каменный пол в башне. Все еще сидя на корточках, он прислонился к стене. Его голова, прижатая к грубым камням, находилась только в нескольких дюймах от одной из открытых бойниц укрепления. Бриз, залетающий в щель в стене, помогал переносить жару. Была середина гарамы, сухого сезона в Индии, и земля напоминала раскаленную печь.

Рао излучал удовлетворение.

— Приятно для разнообразия поесть рису, — заметил он. — Меня уже тошнит от проса.

Сидевший на корточках рядом с ним Малоджи весело кивнул.

— И его хватит на несколько дней. С побережья контрабандным путем доставили

большую партию.

Рао повернул голову и посмотрел сквозь бойницу на далекие линии осаждающих Деогхар малва.

— Проблемы были? — Малоджи улыбнулся.

— Никаких. — Он резко мотнул головой в сторону малва. — Половина этих несчастных к этому времени просто пытаются выжить. Подлый теперь почти не отправляет их патрулировать местность, а большинство из отправляемых просто закрывают глаза. Мы позволяем им проехать, не получив увечий, они ничего не видят. Это молчаливое соглашение.

Рао улыбнулся, обвел взглядом вражеские траншеи и полевые укрепления. Просто по привычке. Осаждающие из малва больше не пытались продвинуться вперед. Они ждали прибытия осадных орудий, чтобы пробить толстые стены Деогхара.

Стены Деогхара выдержали легкую полевую артиллерию Венандакатры, принеся смерть тысячам солдат малва. Теперь враг уже несколько недель не пытался осадить город. Даже Венандакатра, который беспокоился о жизнях простых солдат не больше, чем о насекомых, не приказывал начинать новые атаки.

Малоджи продолжал говорить:

— Конечно, если бы здесь все еще оставались раджпуты, то у нас возникли бы проблемы. Но их послали на север. Как говорят наши шпионы в Бхаруче, у малва в Персии сплошные несчастья. И все из-за римлян, — он сплюнул на пол. — Даже йетайцы Подлого больше не могут заставить солдат регулярной армии по-настоящему патрулировать местность.

Оба замолчали на несколько минут. Затем Малоджи откашлялся и снова заговорил:

— Ты получил известия от императрицы? — Рао кивнул.

— Да. Вчера пришло письмо. Но она ничего не говорит об осадных орудиях. Я и не ожидал от нее. Если Кунгас смог убедить ее принять наш план, она не станет отправлять нам послание. Побойтесь, что его перехватят. План может иметь успех, только если хранится в полной тайне.

Малоджи колебался, потом нахмурился.

— Мне все равно это не нравится. Как ты можешь так сильно доверять этому человеку? Он один раз предал малва. Почему бы ему не предать нас? Все зависит от него и его товарищей-предателей.

Взгляд Рао переместился с врага на Малоджи. Выражение его лица было абсолютно спокойным.

— Слова, Малоджи. Это просто слова. Пелена иллюзии. Как человека можно обвинять в предательстве малва, когда он с самого начала никогда не клялся им в верности? Он родился в их мире, он не выбирал их свободно.

— Он работал на них, — упрямо возразил Малоджи. — Все кушаны работали.

Рао улыбнулся.

— Скажи мне вот что, Малоджи. Ты когда-нибудь ловил диких животных — детенышей, когда был мальчиком, и держал их в загоне? — Его друг и подчиненный кивнул. — Они убегали?

Малоджи рассмеялся.

— Мангуст убегал. — Рао кивнул.

— А потом? Ты объявил мангуста предателем?

Малоджи рассмеялся. Мгновение спустя он вытянул вперед руку и открыл ладонь перед Рао. Таким образом ученик признавал правоту учителя. Малоджи не в первый раз в жизни открывал так ладонь перед Рао и знал, что не последний.

Глаза Рао слегка затуманились.

— Я знаю этого человека, Малоджи, — сказал он. — Возможно, даже лучше, чем я знаю любого другого человека, живущего на Земле. Я провел много недель, изучая его, когда прятался у стен дворца Подлого, пока он все еще оставался охранником Шакунталы. Тогда

он был моим врагом. Я ненавидел его с чистой яростью. Но я всегда понимал его.

Рао слегка повернулся и показал на юг.

— Я никогда не забуду день, когда увидел, как Кунгас заходит в эти ворота с посланием от императрицы — о том, что она взяла Сурат. Я упал на колени — так был поражен. Я знал, что Велисарий должен был найти союзников в Индии, чтобы украдкой вывезти Шакунталу, но я не представлял, что это Кунгас.

Рао закрыл глаза, смакуя воспоминания.

— Я упал на колени. Кунгас подошел ко мне и протянул руку, но я отказался от предложения. Я несколько минут стоял на коленях, не потому, что все еще был шокирован, а потому, что молился.

Он открыл глаза и уставился на слепящее индийское небо.

— Тогда я понял, я знал, что Бог не бросил нас.

Он опустил глаза, чтобы встретиться с взглядом друга.

— Поверь мне, Малоджи. Если это можно сделать, то Кунгас это сделает.

Молчание продолжалось несколько минут. Затем Рао слегка потряс головой и заговорил снова. Его голос звучал немного резковато.

— Императрица написала письмо, спрашивая моего совета. Чолы предложили ей вступить в брак. Старший сын из той династии.

Малоджи внимательно смотрел на Рао.

— И что ты ответил?

Рао вытянул руки вперед и несколько раз сжал и разжал кулак: глядя на него так, как будто это зрелище его очень интересовало.

— Я убеждал ее принять это предложение, — сказал он. — Чола — самое могущественное независимое королевство в Южной Индии. Конечно, их предложение полно оговорок, но они все равно предлагают настоящее союзничество. Брак между Шакунталой и Чолами усилит нас, как ни один другой. Я полностью согласен с Дададжи Холкаром по этому вопросу и ясно дал ей это понять.

Малоджи отвернулся.

— Наверное, тебе было очень тяжело писать это письмо, — сказал он тихо.

Глаза Рао округлились.

— Почему?

Малоджи фыркнул. Мгновение спустя снова посмотрел на Рао. Это был грустный взгляд.

— Старый друг, меня ты не обманешь. Других, возможно. Но не меня.

Он больше ничего не сказал. Мгновение Рао пытался встретиться с прямым взглядом Малоджи. Но только мгновение.

— Это дхарма, Малоджи, — изучая пальцы, тихо сказал он. — Я жил всю жизнь, подчиняясь долгу и дисциплине. И точно так же... — Он сделал глубокий вдох, от которого почти содрогнулся. Его глаза слегка увлажнились. — И она тоже, — Рао снова вдохнул воздух, теперь даже не пытаясь контролировать дрожь. — Она — сокровище моей души, Малоджи. Но у меня есть долг, и у нее есть долг. Мы оба будем преданы нашей дхарме.

Он сжал кулаки.

— Так должно быть. Так будет.

Малоджи колебался. Вероятно, он был самым близким другом Рао, но этот вопрос они никогда не обсуждали. Он легко пожал плечами и решил продолжить тему.

— А ты когда-нибудь говорил с ней об этом? — Спина Рао напряглась.

— Никогда! — воскликнул он. — Это само по себе стало бы предательством. Сам император Андхры велел мне заботиться о ней, чтобы сохранить династию. Обмануть это доверие было бы самым мерзким предательством с моей стороны.

Малоджи покачал головой.

— Ты не ее отец, Рао. Да, ты значительно старше ее. И что? Если я правильно помню,

то старший сын Чолы не моложе тебя.

Рао резко рубанул воздух.

— Это ни к чему не имеет отношения. У нее чистейшая кровь в Индии. Она — наследница древнейшей династии Сатаваханы. А я — военачальник, если вообще не атаман, из маратхи. — На мгновение ему удалось улыбнуться. — Да, я считаю себя относящимся к сословию кшатриев — по крайней мере, маратхи так считают. Но отец моей матери был крестьянином, и никто не знает имени моего дедушки со стороны отца, хотя, говорят, он был лудильщиком.

Его могучие руки расслабились. Потом он выдохнул воздух и его мускулистое тело тоже расслабилось.

— Мир таков, как он есть, Малоджи. Мы должны быть верными нашей дхарме или мы потеряем наши души.

Казалось, все его тело растеклось по камням стены, словно Рао пытался найти единение с Вселенной.

— Мы должны это принять, и все.

Рао перевел взгляд на друга. Влага из глаз ушла вместе с внешними признаками боли. Внезапно он улыбнулся.

— Это было трудно, признаю. Я помню, как первый раз... — Он уныло усмехнулся. — Ей было тринадцать лет, может, четырнадцать. Она очень хорошо выполнила упражнение, которое я ей велел, и я похвалил ее. Она рассмеялась и обняла меня, крепко прижавшись. Внезапно меня словно ударило молнией. Я никогда не забуду то мгновение. Я понял: она теперь женщина. И не просто любая женщина, а...

Он пытался подобрать слова. Их обеспечил Малоджи.

— Ее называли Черноглазой Жемчужиной Сатаваханы с возраста двенадцати лет. Для этого есть основания, и дело не только в глазах. Я не видел ее после Амаварати, но даже тогда она была красива.

Рао снова закрыл глаза.

— Я пытаюсь не думать об этом, — прошептал он. — Это трудно, но я справляюсь. С того дня, много лет назад, я не позволял себе смотреть на красоту ее тела. Другие мужчины могут, но не я. — Он открыл глаза. — Но я не слепой и вижу настоящую красоту. Я пытался — пытался изо всех сил — но не могу. Я просто стараюсь не думать об этом. — Рао улыбнулся. — Возможно, именно поэтому я так часто медитирую. — Рагунат Рао резко встал.

— Достаточно. Мы больше не будем об этом говорить, Малоджи. Хотя я благодарю тебя за твои слова. — Он выглянул из бойницы и посмотрел на врагов из малва. — Нам нужно сражаться, участвовать в войне и выиграть ее. Вернуть династию на законное место. Охранять и защищать императрицу — и ценить. Это наша дхарма.

Он оттолкнулся от камней и повернулся к ведущей к городу вниз лестнице.

— А теперь я должен заняться своими делами. У меня есть долг, и у нее есть долг. Она выйдет замуж за Чолу, а я буду танцевать на ее свадьбе. Лучший танец, который я когда-либо танцевал.

Несколько секунд спустя он ушел. Наблюдавший за его уходом Малоджи склонил голову.

— Даже ты, Рагунат Рао, не сможешь, — прошептал он. — Даже ты — лучший танцор Великой Страны и ее душа — не сможешь станцевать так хорошо.

Глава 11

Персия.

Весна 532 года н.э.

Первый артиллерийский обстрел малва оказался неприятным сюрпризом для римских войск, окопавшихся у верха седловидного перевала. Вместо того чтобы пролететь над

местностью, большая часть ракет малва приземлилась очень близко от полевых укреплений римлян. А огонь небольшой батареи полевых орудий, которые Дамодара установил на ближайшей возвышенности, оказался дьявольски точен. Облака пыли и летящей грязи частично скрыли римские полевые укрепления.

Однако реального урона было мало. Два пушечных ядра приземлились в траншеях, но убили только одного человека. Стрельбу тяжелыми пушечными ядрами придумали для полевых сражений, где ядро может проскочить сквозь тесно стоящую или приближающуюся плотной группой пехоту. Даже когда таким ядром стреляют прямо по траншее, оно обычно только погружается в землю. Убитому на этот раз просто не повезло — он стоял не на том месте. Умер он практически молча, прозвучал лишь глухой удар, затем тело разорвало пополам, и послышались жуткие звуки растекающейся крови и вываливающихся из трупа внутренностей.

Более тяжелые потери вызвала единственная ракета, которая попала прямо в траншею. Боеголовки ракет были наполнены порохом и мелкими гранулами железа. Когда такая боеголовка взрывалась в наполненной людьми траншее, результат получался ужасным.

— Черт побери, — прошипел Маврикий, наблюдая за тем, как выжившие в траншее суматошно пытаются спасти раненых. Крики спасателей заглушали вопли умирающих и раненых. — У них запалы, взрывающиеся при соприкосновении с целью.

Велисарий кивнул.

— И они снабдили ракеты правильными насадками для регулирования выходящей струи газа, — добавил он. — Можно определить разницу только по звуку, даже не учитывая то, что они стали в десять раз точнее.

Он нахмурился и направил телескоп на шатер Дамодары, который установили в нескольких сотнях ярдов от передней линии йетайцев, которые собирались, чтобы пойти в атаку.

При помощи телескопа Велисарий видел, как Дамодара стоит на платформе, которую воздвигли перед шатром. Платформа была грубо сделана и представляла собой простое сооружение из небольших бревен, крепко сбитых друг с другом, но ее хватало, чтобы командующий из малва мог прекрасно видеть происходящее. Велисарий подумал, что для Дамодары типична такая простота конструкции. Он даже не побеспокоился приказать остругать бревна. Большинство анвайя-прапта сачив настояли бы, чтобы доски отполировали, а потом еще устлали коврами.

— Как они это сделали? — пробормотал римский полководец. — Я знал, что малва вскоре додумаются до зарядов, взрывающихся при соприкосновении с целью, и этих насадок для регулирования выходящей струи газа. Но я не ожидал, что они появятся в армии Дамодары, ведь она изолирована от заводов в Индии.

Велисарий опустил телескоп. Он все еще хмурился.

— Наверное, они притащили все с собой, — заметил Маврикий. Седой ветеран тоже хмурился. — Жуткая дорога для материально-технического обеспечения! Я бы проклял все на свете, если бы пришлось полагаться на доставку боеприпасов и провизии через горную систему Гиндукуш и... все это.

Два последних слова сопровождались неопределенным взмахом руки. Маврикий таким образом показывал на всю пересеченную и засушливую местность между плодородными долинами Северной Индии и горной системой Загрос. Горы, возвышенности, пустыни — это была одна из самых труднопроходимых местностей в мире. Она больше подходила для горных козлов, чем поставок боеприпасов и провизии.

— Это можно сделать, — задумчиво произнес Велисарий. — Если вспомнить, торговые караваны добирались до Китая. Но не часто и не несли ничего громоздкого, только предметы роскоши.

«Золотые монеты, хрусталь и красные кораллы из Римской империи в обмен на китайский шелк, — уточнил Эйд. — Немного драгоценностей, в обе стороны».

Велисарий почесал подбородок, как неизменно делал во время раздумий.

— У Дамодары, вероятно, имелось одно преимущество, — медленно добавил он. — Ему не требовалось беспокоиться о разбойниках. Ни один промышляющий в горах разбойник в здравом уме не стал бы атаковать военный караван малва.

— Патаны стали бы, — возразил Маврикий, ссылаясь на самое яростное из горных племен. — Эти ублюдки... Ложись!

Они с Велисарием поспешно рухнули в траншею. Стоявшие рядом Анастасий с Валентином сделали то же самое. Партия ракет малва пролетела не более чем в десяти футах над их головами. Через несколько секунд римляне слышали звуки взрывов, когда ракеты приземлились где-то на заднем склоне седловидого перевала.

Как только Велисарий уверился, что вся партия ракет пролетела, то выпрямился и посмотрел назад. Он занял позицию в траншее у самого верха перевала, что давало ему хороший обзор на склон позади, как и местность впереди. Велисарий перегнулся через парапет из бревен и внимательно изучил сцену.

Он нахмурился. Увиденное заставляло беспокоиться. Велисарий поставил войска, вооруженные ручными пушками, прямо за верхом перевала. Он считал, что там они будут вне опасности до тех пор, пока ему не потребуются. И вне поле зрения врага. Ручные пушки были личным маленьким сюрпризом Велисария для малва. Во время этой кампании он пока ими не пользовался и надеялся, что Дамодара и Шанга все еще не знают об их существовании.

К нему присоединился Маврикий. После одного быстрого взгляда хилиарх озвучил мысли Велисария.

— Никакого урона. Ракеты пролетели и над ними.

Маврикий улыбнулся, что делал крайне редко. Велисарий подумал, что, вероятно, это наименее веселая улыбка в мире. Зимняя, если так можно назвать улыбку.

— Готов поспорить: больше они не стонут из-за того, что ты заставил их столько времени рыть землю, — усмехнулся Маврикий.

Они с Велисарием увидели, как первые головы артиллеристов, вооруженных ручными пушками, появляются из траншей. От этих солдат их отделяло не более пятидесяти ярдов, и выражения их лиц заставили Велисария тоже улыбнуться. Беспокойство, страх — совмещенные с сильным негодованием.

— Что, черт побери, это означает? — как бы спрашивали они. — Вот мы здесь, наслаждаемся приятным моментом, расслабляемся, втихомолку ругаем чертова полководца, который так любит эти лопаты и заставляет нас копать траншеи, стоит нам только на два шага изменить позицию, и... Что, черт побери, происходит? Это несправедливо!

Все еще улыбаясь, Велисарий развернулся и снова принялся за изучение врага. Мгновение спустя он вернулся к прерванному разговору.

— Патаны не стали бы нападать на караван, доставляющий провизию и боеприпасы Дамодаре. Не забывай, Маврикий: караваны защищают раджпуты. И к тому же раджпуты Шанги. И я уверен: Шанга проследит, чтобы информацию передали вождям племен. Как ты знаешь, у него есть свои следопыты-патаны.

Велисарий посмотрел на большую группу конницы раджпутов, которая составляла правое крыло построения врага. Меньшее число раджпутов находилось на левом крыле, но Велисарий раньше при помощи телескопа разглядел Шангу. В этой предстоящей битве царь раджпутов занял место справа. Без помощи телескопа Велисарий не мог больше найти Шангу среди тысяч других раджпутов, собравшихся на той стороне поля брани. Но он не сомневался: Шанга все еще там.

— Шанга вел последнюю карательную экспедицию, которую раджпуты отправили против патанов, — сказал он тихо. — Это было много лет назад. После этого не отправляли ни одной: Шанга очень здорово их потрепал... — Велисарий замолчал и скорчил гримасу. — Кровавое было дело.

Маврикий быстро взглянул на полководца. Велисарий в прошлом сам возглавлял карательные экспедиции против варваров. Несколько раз через Дунай, один раз против

айсоров в Малой Азии. Даже несмотря на молодость — а Велисарий до сих пор выглядел моложе тридцати — его кампании отличались мудростью и хитростью.

Они были жестокими и дикими, как и всегда кампании против варваров. Велисарий ненавидел жестокость, что было нетипично для солдат того времени. Часть неприятия, как думал Маврикий, просто объяснялась характером Велисария. Но эта естественная склонность окрепла и дошла до нужного состояния от вида готских и айсорских деревень, которые посетили его собственные войска.

Маврикий посмотрел на теперь ничего не выражающее лицо Велисария и отвернулся. В этот момент он был уверен, что знает, о чем думает Велисарий. У Маврикия в сознании появился образ, такой четкий, словно это случилось вчера. Он вспомнил, как Велисарий стоял над телом ребенка в одной из тех деревень. Молодой командующий — ему тогда даже не было двадцати — только что прибыл на место в сопровождении Маврикия и нескольких фракийских катафрактов. Деревня горела, но основная часть армии уже прошла сквозь нее и буйствовала дальше.

Судя по размеру маленького трупа, готу было не больше пяти лет. Солдаты Велисария вбили в землю заточенную палку, посадили мальчика на кол, кастрировали, отрезали руки, а затем наконец перерезали горло. Ни Велисарий, ни Маврикий, увидевшие результат, не сомневались в последовательности совершения зверств. Несколько минут, которые, вероятно, показались вечностью жертве, римские войска подвергали беспомощного ребенка самым жестоким пыткам, которые только можно представить.

Рядом лежало тело обнаженной девушки с вывалившимися внутренностями. Возможно, матери мальчика, но, скорее, сестры. Лицо трупа представляло бесформенный кусок мяса, покрытый полусвернувшейся и уже засохшей кровью. Было невозможно определить ее черты. Но судя по телу, она недавно достигла половой зрелости. Очевидно, девушку многократно изнасиловали перед тем, как убить.

Вспомнив, Маврикий словно снова услышал тихие, полные боли слова Велисария: «И эти люди называют себя христианами?»

До того дня Велисарий просто пытался сдерживать свою армию. После того случая, пресекая зверства, он ввел драконовскую политику, которой впоследствии прославился. С точки зрения некоторых солдат и всех наемников, это была дурная слава. Так получилось — просто повезло — но тех, кто был виновен в том конкретном зверстве, нашли и арестовали в течение недели. Велисарий немедленно приказал их казнить. Армия чуть не вышла из подчинения, но фракийские букелларии, приближенные к Велисарии элитные войска, уже выполнили его приказ.

Тем не менее зверства продолжались, хотя и не так часто. Было практически невозможно полностью сдерживать войска во время войн против варваров, поскольку многие солдаты, участвовавшие в тех кампаниях, родились на приграничных территориях. Варвары сами славились жестокостью, и солдаты горели желанием отомстить. Однако вскоре войска научились скрывать свои зверства, если их и совершали.

Маврикий закончил с воспоминаниями и снова посмотрел на Велисария. Полководец все еще изучал войско раджпутов, которым командовал Шанга, и губы его шевелились. Маврикий не слышал произносимых слов, но подумал, что знает их. Велисарий рассказывал ему про послание Великих, о котором ему в свою очередь сообщил Эйд. Этим посланием кристалл должен был руководствоваться, чтобы найти помощь в далеком прошлом человечества.

«Найди полководца, но не просто воина», — было частью послания. Но также имелось и продолжение: «Узри врага в зеркале, друга — через поле брани».

Велисарий легко вздохнул и покачал головой. Движение было коротким и резким, словно он что-то отбрасывал в сторону. Когда полководец опять повернулся к Маврикию, в его карих глазах не осталось и следа чего-либо, кроме спокойствия и самоконтроля опытного полководца на поле брани.

— У нас есть какое-то время, — объявил Велисарий.

Словно в подтверждение его слов отдаленные батареи малва выпустили новую партию ракет. Бросив быстрый взгляд, Маврикий проигнорировал их. Судя по их траекториям, ни одна из ракет не ударит нигде поблизости от них. Он снова обратил внимание на полководца.

— По крайней мере час, перед тем как они начнут первую атаку, — продолжал Велисарий.

Он пошел к другой траншее, пересекающей ту, в которой они находились, под прямым углом. Та траншея вела к заднему склону. По привычке Велисарий шел скрючившись, но было очевидно по тому, как он спокойно посмотрел на Маврикия через плечо, что он одинаково с хилиархом оценил точность последних выстрелов.

— Куруш все еще должен находиться в полевом штабе, я хочу с ним поговорить, — Велисарий показал на врага. — Там имеется кое-что непонятное, что я хотел бы прояснить, если удастся. Я не люблю никакие плохие новости, но в особенности не люблю сюрпризы.

Как Велисарий и надеялся, Куруш находился в полевом штабе. Молодой перс благородного происхождения прибыл только в предыдущий день в сопровождении трех подчиненных офицеров. Его послал император Хусрау для восстановления контакта с римлянами. Поскольку Велисарий вел свою армию через горную систему Загрос в надежде задержать наступление Дамодары, в то время как Хусрау наводил порядок в Месопотамии, персидский император не имел связи с римскими союзниками.

Хусрау Ануширван — Хусрау С Бессмертной Душой, как его называли арии, — не случайно выбрал Куруша для выполнения этого задания. Конечно, частично его выбор диктовался болезненной классовой чувствительностью арийского общества. Куруш являлся шахрадаром — относился к самой высокопоставленной прослойке персидской аристократии. Послать менее значимую фигуру было бы оскорбительно — не для Велисария, которого это совершенно не волновало, а для других шахрадаров. Хусрау приходилось разбираться с предательством и восстанием сводного брата Ормазда, и он не мог позволить себе лишиться поддержки еще большего числа персидских аристократов.

Но в основном персидский император отправил Куруша из-за качеств самого человека. Несмотря на молодость, Куруш являлся прекрасным военачальником сам по себе. И, что лучше всего, был знаком с Велисарием. Год назад они сражались вместе, во время кампании Велисария в северной Месопотамии¹².

Когда Велисарий широкими шагами вошел в полевой штаб, откинув в сторону кусок ткани, закрывающий вход в шатер, то увидел, как четверо персидских офицеров склонились над столом в центре шатра, с восхищением рассматривая огромную карту.

— Великолепно! — воскликнул Куруш при виде Велисария. Господин благородного происхождения широкими шагами направился к римскому полководцу, активно жестикулируя. Он всегда источал нервную энергию, которая была его частью. — Откуда у тебя эта идея? — спросил он, потом яростно потряс головой. — Не сама карта. Я имею в виду... — Куруш резко повернул голову и посмотрел на сирийского ремесленника, которого Велисарий обучал на картографа. — Как ты это назвал? Топо... что там дальше?

— Топография, — подсказал картограф.

— Да, вот оно! — Куруш резко повернул голову — теперь назад к Велисарию. — Откуда у тебя идея? Я никогда раньше не видел карт, которые показывали бы высоты и другие особенности местности. Ну, может, только одну или две самые высокие горы. И, конечно, реки.

Велисарий пожал плечами.

— Просто однажды мне в голову пришла такая идея, — ответил он кратко, может, даже грубовато.

«Как всегда, — проворчал Эйд. — Ни слова благодарности мне. Охотник за славой!»

¹² См. роман Д. Дрейка и Э.Флинта «Щит судьбы».

Велисарий поджал губы, пытаясь не улыбнуться. Он не хотел обсуждать этот вопрос. Велисарий один раз упомянул дяде Куруша, шахрадару Баресманасу, секрет существования Эйда. Но он не думал, что его знает Куруш, и не видел оснований менять положение вещей. Факт оставался: Эйд подсказал ему эту идею, как и множество других, которые Велисарий ввел в жизнь.

«Тяжелая работа, я только и работаю, и работаю, и работаю, — ворчал Эйд ментально. — Вот чем я занимаюсь. Раб на золотых рудниках, в то время как ты только пользуешься всеми благами. Тебе повезло, что пока еще нет профсоюзов, а то я устроил бы забастовку».

«Восьмичасовой рабочий день! Для начала. Конечно, зарплата. Даже не более высокая зарплата, а просто зарплата. Любая. Мне совсем ничего не платят, я вот о чем задумался. Эксплуататор! Затем...»

...Велисарий пытался не обращать внимания на остроты и насмешки Эйда...

«...встает вопрос о премиальных и пособиях. Я не буду требовать никаких пособий по болезни и вообще оставлю медицинское обеспечение в покое. Когда я вижу, в каком состоянии находится современная медицина, она вообще заставляет меня содрогаться, но...»

...вместе с продолжающим литься из Куруша потоком вопросов.

«Я требую пенсию. После тридцати лет работы и не больше!»

— Являются ли какие-либо персидские города в ваших восточных провинциях центрами ремесленного мастерства? — спросил Велисарий. — В особенности меня интересует художественная работа по металлу.

Куруш закрыл рот. Мгновение персидский господин благородного происхождения смотрел на Велисария так, словно тот сошел с ума. Затем разразился хохотом.

— На востоке? — закричал он. Вместе с Курушем рассмеялись и трое прибывших с ним офицеров. Один из них фыркнул.

— Да эти провинциалы с трудом могут сделать обод колеса для телеги.

— А у них телеги-то есть? — спросил еще один. Куруш снова яростно тряс головой.

— Восточные провинции населены только крестьянами и мелкими землевладельцами. Они знают, как выращивать зерновые. И, конечно, как сражаться, но даже это делают плохо.

Он несколько раз качнул головой. Этот быстрый жест был еще одним способом выразить мнение о восточных провинциях.

— Я должен быть справедлив. Восточные дехганы не хуже других, в сражении один на один. Но их тактика...

— Бросок, — фыркнул один из офицеров. — Если это не срабатывает — снова бросок.

Двое его товарищей согласно кивнули и тоже фыркнули.

— А если и это не срабатывает? — подключился второй. — Опять бросок. И повторяется снова и снова, пока лошадь не догадается убежать.

Куруш улыбнулся.

— Если тебе нужны персидские ремесленники, Велисарий, следует отправиться в Месопотамию. Только не в провинцию Персида. Там есть специалисты по работе по металлу, в основном они изготавливают доспехи, в Персеполе и Пасаргадах.

Он вопросительно склонил голову.

— А почему ты спросил?

Велисарий прошел к столу и уставился на карту, почесывая подбородок.

— Я спрашиваю, поскольку пороховое оружие, которое использует армия Дамодары, оказалось несколько сложнее, чем что-либо, что я ожидал у них увидеть. — Он кивнул на восток. Звук выстрелов малва четко долетал сквозь кожаные стены шатра. Все еще продолжая почесывать подбородок, Велисарий добавил: — Я предполагаю, что Дамодара организовал центр по изготовлению оружия где-то в Гиркании или Хорасмии. Но это маловероятно, если там нет местных ремесленников, которых можно было бы подключить к работе. Я сомневаюсь, что он привез с собой всех необходимых работников с Гангской равнины. Может, нескольких специалистов. Но не сотни опытных рабочих, которые нужны

для производства...

Он снова кивнул на восточную стену шатра. И снова звуки ракет и пушек малва проникли сквозь кожаную стену.

К дискуссии подключился новый голос.

— Это возможно, полководец Велисарий. Он мог бы организовать центр в Марве. — Васудева поднялся со стула в углу шатра и прошел к центру. — Марв — достаточно большой город и хорошо расположен для этой цели.

Васудева достиг стола, склонился и показал месторасположение Марва на карте. Его палец пошел на восток к реке Оке, затем последовал по течению реки, на юго-восток, до места на карте, где отсутствовали какие-либо обозначения.

— Вот здесь находится город Беграм, — сказал кушанский военачальник. — Самый большой из кушанских городов после Пешевара. Наши цари в старые времена строили летние резиденции в Беграме. — В голосе появилась горечь. — Сегодня Пешевар — это только руины. Но Беграм все еще стоит. Йетайцы его не разрушили, если не считать ступы.

Несмотря на все спокойствие в голосе Васудевы, Велисарий не упустил скрытую злость — даже ненависть. Когда йетайцы покорили Кушанское царство столетие назад, особенно жестоким репрессиям подверглись буддисты. Йетайцы убили всех монахов, а все ступы сравнивали с землей. Велисарий знал, что как и большинство кушанов, Васудева все еще считает себя буддистом. Но он практиковал эту веру втайне, и никто не руководил им — ни монахи, ни какие-либо пергаменты с учением.

Палец Васудевы пошел назад тем же путем, который он показал несколько секунд назад.

— Как вы видите, путешествие из Беграма в Марв не представляет трудности. Большую его часть можно проделать по реке.

— А что есть в Беграме? Кто там живет? — спросил Куруш. Васудева кисло улыбнулся.

— Кушаны. Кто же еще? — Улыбка сошла с его лица.

— А если точнее, то кушанские ремесленники. Даже в старые времена Беграм считался центром ремесленничества в Кушанском царстве. Пешевар крупнее, но это был царский город. Много солдат, придворных и тех, кто обычно болтается при дворе. — Васудева усмехнулся, также сухо, как улыбался. — И, конечно, целая орда бюрократов.

Васудева потрепал козлиную бородку.

— Если у Дамодары достаточно ума — если, полководец Велисарий, поскольку малва, как правило, не думают о кушанах, кроме как о солдатах-вассалах, — он с легкостью мог бы переправить сотни кушанских ремесленников в Марв. Там он мог бы построить оружейную мастерскую. Достаточно близко, как вы можете посмотреть по карте, чтобы обеспечивать его армию после того, как они миновали Каспийские Ворота. Но достаточно далеко, в защищенном оазисе, чтобы комплекс находился в безопасности от набегов персов.

«Он прав! — поступил ментальный импульс от Эйда. — Марв — идеальное место. Селевкиды окружили город стенами восемьсот лет назад. На самом деле весь оазис. Сасаниды сделали его столицей провинции и военным центром после того, как покорили западную часть Кушанской империи. И Марв станет — стал бы — столицей провинции Хорасмия после исламского завоевания».

Персидские офицеры смотрели на Васудеву, словно он лопотал на неизвестном языке. Один из них повернул голову и пробормотал другому:

— Я сам никогда не думал о кушанах, кроме как о солдатах.

Васудева услышал замечание. Снова улыбнулся. Но очень-очень легко.

— Никто не думает, — сказал он. — Но факт остается: кушаны были опытными ремесленниками на протяжении столетий. Несмотря на нашу внешность, мы не являемся варварами и номадами. — Он посмотрел на свои руки, вытянул пальцы. — Мой отец был очень хорошим ювелиром. Я хотел пойти по его стопам. Но у малва имелись для меня другие планы.

Велисарий внезапно почувствовал прилив сочувствия к крепкому кушанскому наемнику. Он мог поставить себя на его место. Велисарий сам мальчиком скорее хотел стать кузнецом, а не солдатом, пока требования его класса и Рима не постановили по-другому.

— Дамодара достаточно умен, — задумчиво сказал он и отвернулся от стола. — Более чем достаточно.

Велисарий принялся медленно ходить взад и вперед произнося слова тихо, как человек, который думает вслух.

— Если его разведка работает достаточно хорошо. Если у него есть нужная информация. Главный шпион малва, начальник шпионской сети империи Нанда Лал — способный человек, очень способный, но у меня ни разу не появилось чувства — а мы провели много времени вместе, — что его беспокоят ремесленники и мастера, то есть производство. Казалось, он ориентируется на политические и военные вопросы. Так где Дамодара мог узнать?..

«Нарсес!» — пришел импульс от Эйда.

— Нарсес, — рявкнул Маврикий. — На него работает этот вонючий предатель.

Велисарий прекратил ходить взад и вперед и уставился на фракийского хилиарха. Во взгляде Велисария не было гнева Маврикия. Он просто смотрел спокойно. Спокойно, но задумчиво.

— Это возможно, — сказал Велисарий через несколько секунд. — Я ни разу не видел его в телескоп. Но если Нарсес и находится в армии Дамодары, то постарается не попадаться нам на глаза.

Велисарий почесал подбородок.

— Возможно, возможно, — задумчиво произносил он. — Нарсес хорошо знает Центральную Азию.

Велисарий посмотрел на Куруша унылым извиняющимся взглядом.

— Мы всегда давали ему заниматься этой частью наших взаимоотношений с ариями. Он... ну, я должен быть честен: он проявил себя великолепно, когда дело касалось дачи взяток и направления варваров для обуздания восточных провинций Персии.

На мгновение в глазах Куруша появилась ярость. Но через пару секунд она перешла в смех.

— Я знаю! — воскликнул он. — Сколько горя принес нам этот человек! И это были не только варвары. Он также мастерски вызывал недовольство императорской властью у этих чертовых восточных господ. Все время держал их в возбужденном состоянии, заводил...

Куруш сделал четыре шага к входу. Выглянул наружу, потом посмотрел вверх, на вершину перевала. Внешне он прислушивался к звукам стрельбы малва. Но Велисарий знал: мысли Куруша на самом деле направлены в другую сторону, как во времени, так и пространстве.

Куруш повернул голову.

— Предположим, ты прав, Велисарий. Что это означает?

— Это означает, Куруш, что армия малва еще более опасна, чем мы думали. — Римский полководец прошел к выходу и остановился в нескольких футах за Курушем. — Это означает, что эта армия может сама покорить Месопотамию, сама по себе, независимо от того, что случится с основными силами малва в дельте.

Куруш удивился и резко повернулся.

— Она недостаточно большая! — воскликнул он. — Если бы император Хусрау не был занят, пытаясь удержать малва в Харке... — Он замолчал, затем мрачно добавил: — И если бы нам не приходилось разбираться с предателем Ормаздом в верхней Месопотамии... — Он снова замолчал и упрямо покачал головой. — Их все равно недостаточно — количественно, — настаивал он.

— Достаточно, Куруш, — возразил Велисарий. — Если у них есть свой оружейный комплекс — а я теперь уверен, что есть — то эта армия достаточно велика.

Он шагнул к выходу и встал рядом с Курушем. Следующие слова римский полководец

произнес очень тихо, чтобы его мог слышать только благородный перс.

— Эта армия — одна из лучших в мире, шахрадар. Поверь мне. Я сражаюсь против них уже несколько недель. — Он колебался, зная обидчивость ариев и их отношение к гордости, но решил продолжить. — И они разбили все персидские армии, которые против них выступали.

Куруш сжал челюсти. Но, как бы он ни был обидчив, перс также был честен. Он резко кивнул.

Велисарий продолжал говорить.

— Я думал, их возможности будут ограничены из-за того, что император Шандагупта отправил Дамодару и Шангу в восточную Персию с очень малым количеством порохового оружия. Но если это не так, если они создали свою военную промышленность по пути, то мы столкнулись с совсем другим зверем. Тигром вместо леопарда.

Куруш нахмурился.

— А Шандагупта разрешит Дамодаре такую свободу действий? У меня сложилось впечатление, судя по тому, что ты рассказывал о своем путешествии в Индию, что пороховая промышленность малва держится исключительно в столице Каушамби — прямо под носом у императора.

Велисарий уставился на перевал над ними, словно пытался пронзить взглядом скалу и изучить врага на той стороне.

— Интересный вопрос, — пробормотал он. — Навскидку я сказал бы — нет. Но что Шандагупте известно о состоянии дел в далеком Марве?

Теперь Велисарий улыбнулся — примерно так же кисло, как улыбался Васудева.

— Нарсес, — тихо сказал он, словно смакуя имя. — Если на Дамодару работает Нарсес, то ему помогает планировать шаги один из лучших в мире политиков и шпионов. Нарсес не славится — это если мягко выразиться — особым уважением к признанным авторитетам. И не поклоняется никакому богу, кроме своих амбиций. — Куруш широко открытыми глазами уставился на Велисария.

— Ты думаешь...

Велисарий слегка пожал плечами.

— Кто знает? Кроме этого, если Нарсес находится на другой стороне этого перевала, то я могу гарантировать: он строит планы внутри планов. Никогда не недооценивай этого старого евнуха, Куруш. Он не думает просто о двух следующих шагах. Он всегда думает о следующих двадцати после них.

Куруш усмехнулся совсем не кисло.

— Это описание напоминает мне кого-то, кого я знаю.

Велисарий не стал улыбаться в ответ. Он просто один раз кивнул.

— Ну да. Напоминает.

Несколько секунд оба молчали. Затем, бросив быстрый взгляд назад, внутрь шатра, чтобы проверить, не услышит ли его кто-либо, Куруш прошептал:

— Что это означает — с точки зрения твоей стратегии? — Велисарий снова слегка пожал плечами.

— Не знаю. В настоящий момент я не вижу, как это может что-то изменить. — Он выпятил вперед подбородок и пальцем показал на скрытого за перевалом врага. — Я могу задержать эту армию, Куруш, но я не могу ее остановить. Поэтому я не вижу выбора. Придется продолжать придерживаться плана, на который мы уже согласились.

Велисарий сам бросил быстрый взгляд назад в шатер, чтобы проверить, не находится ли кто-либо в пределах слышимости. Куруш знал о его планах, как и главные подчиненные Велисария, но ни одного из других персидских офицеров не вводили в курс дела. Насколько им было известно, Велисарий с римской армией находились в горной системе Загрос просто, чтобы отражать наступление Дамодары. Полководец хотел, чтобы они оставались в этом радостном состоянии неведения.

— Я знаю вот что, — снова посмотрев на Куруша, продолжал он. — Восстание в

Южной Индии сейчас гораздо важнее, чем когда-либо раньше. Если наша стратегия сработает здесь, и мы выгоним основную армию малва из дельты, и если восстание в Махараштре разрастется до гигантских пропорций, то тогда у малва не будет выбора. — Велисарий снова кивнул на перевал. — Им придется вывести эту великолепную армию из Персии. И использовать ее вместо палачей Венандакатры, чтобы подавить восстание на Деканском плоскогорье.

Куруш посмотрел на него. Он знал, насколько Велисарию нравятся маратхи и как он восхищается ими и их императрицей Шакунталой.

— Восставшим будет трудно.

Велисарий поморщился, но на очень короткое мгновение.

— Да. Но опять же — может и нет. — Он замолчал и уставился на горы.

— Эти люди — гораздо лучшие солдаты, чем кто-либо у Венандакатры. — И нет никакого сравнения между их командирами и Подлым. Но сейчас это в основном армия раджпутов. И Дамодара связал с ними свою судьбу. У раджпутов свое понимание чести, которое подходит их хозяевам из малва точно так же, как перчатка на рыбий хвост. Я не уверен, будут ли они так хороши, когда дело дойдет до простого убийства, резни вместо войны.

Куруш нахмурился. Выражение его лица ясно показывало его мнение: малва есть малва.

Велисарий не стал спорить по этому вопросу. Он совсем не был уверен, что Куруш не прав. Но мысленно он опять пожал плечами.

Несмотря на то что Велисарий очень гордился своим умением планировать далеко вперед, он никогда не забывал, что сущность войны — это хаос и сумятица. Между настоящим и будущим лежал водоворот, вихрь. Кто может предвидеть, какие комбинации и какие противоречия родит этот вихрь? За предстоящие месяцы, годы?

Но настоящее ворвалось, прервав поток его мыслей. Звуки выстрелов малва резко прекратились. Велисарий посмотрел вверх по склону и увидел, как к полковому штабу бежит курьер. Он подумал, что это один из сирийцев Бузеса.

Велисарий не стал ждать прибытия курьера. Он вошел назад в шатер и объявил римским и персидским офицерам, остающимся у стола:

— Господа, придется поучаствовать в сражении.

Глава 12

Вернувшись назад, к вершине склона, Велисарий, подошел к траншеям, где окопались солдаты с ручными пушками, и там остановился. Он повернулся к Маврикию и махнул рукой.

— Иди вперед и посмотри, как там остальная армия. Я хочу в последний раз обговорить наши планы с Марком и Григорием.

Маврикий кивнул и пошел дальше вверх. Продвигался он медленно. Траншею, по которой он шел, выкопали недавно. Земля еще не улежалась, и грунт оставался неровным. Однако самая большая трудность возникала из-за большого веса оружия и доспехов. Даже когда катафракт сидит на лошади, ему тяжело нести на себе все эти доспехи. Поднимающемуся же вверх по склону пешком человеку доспехи кажутся сделанными из чугунных брусков, а не стальных чешуек, как на самом деле. Оружие весило больше, чем грехи Нерона¹³.

Велисарий мгновение сочувствовал Маврикию, но только мгновение. На нем тоже были надеты доспехи катафрактных, и ему самому вскоре придется идти вверх по склону.

¹³ Нерон (37-68 гг.) — римский император, жестокий, самовлюбленный, развратный, преследовал христиан Рима.

Если война против малва растянется на годы, то, как думал Велисарий, наступит день, когда римские солдаты наконец избавятся от проклятых доспехов. В посылаемых Эйдом видениях о вооруженных пороховым оружием армиях будущего солдаты облачались только в кирасы и шлемы. Их достаточно, чтобы остановить пулю, за исключением стрельбы с близкого расстояния.

Полководец вздохнул. До того дня все еще далеко. Велисарий провел часы — долгие часы, изучая великих полководцев будущего в особенности тех, которые жили в первые столетия после изобретения пороха. Эйд знал всю человеческую историю и показал Велисарию методы и тактику тех людей. Ян Жижка; Гонзало де Кордова и герцог Пармский; Мориц Оранский; Генрих IV из Франции; Иоганн Тилли, Валленштейн и Густав Адольф; Анри Тюренн и Фредерик Великий; герцог Мальборо; Наполеон и герцог Веллингтон, и многие другие.

Из всех этих людей Велисарий по-настоящему восхищался только одним, Густавом Адольфом. В некотором роде его восхищение было профессиональным. Густав Адольф, король Швеции, снова ввел подвижность и быструю тактику в стиль ведения войны, которая ко времени его правления стала лишь одной жестокой бойней. До нововведений Густава Адольфа использовались массивные мушкеты и штыки, которые применялись против вражеского строя, напоминавшего старую греческую фалангу. Но по большей части Велисария привлекал сам человек. Густав Адольф был королем — кстати, очень самоуверенным и амбициозным королем — которого ни в коей мере нельзя назвать неподверженным монаршим порокам. Тем не менее он регулярно консультировался с различными сословиями своего королевства, как от него требовалось по шведскому праву. Ему удалось крепко привязать к себе офицеров и солдат справедливостью и постоянством во всем. Он был таким же хорошим королем, как и полководцем. В то время Швеция являлась лучше всего управляемым королевством в Европе. А шведские войска, приняв участие в Тридцатилетней войне под командованием Густава Адольфа, оказались единственными, кто не грабил сельскую местность Германии.

«Мне хотелось бы познакомиться с этим человеком», — думал Велисарий.

У него в сознании прозвучал голос Эйда. Мысли кристалла звучали робко, он чуть ли не извинялся.

«Теперь он не появится на свет. Что бы ни случилось. А если малва выиграют эту войну и Линк установит власть над человечеством, то таких королей вообще не будет. Никогда».

Лицо Велисария напряглось. Линк, тайный властитель династии малва, являлся искусственным интеллектом, который послали в прошлое «новые боги» будущего. Велисарий один раз встречался с этой сущностью, когда был в Индии. Линк жил в теле Великой Госпожи Холи, тети императора малва, используя его, как оболочку. Эйд называл его киберорганизмом.

Взгляд Велисария прошелся по окружающей местности, по горной системе Загрос, словно эти неровные горные вершины отражали человеческую судьбу. Склоны гор были каменистыми, предательскими и по крайней мере наполовину спрятанными за отрогами и гребнями. За последние четыре года Велисарий многое узнал о будущем человечества, правильнее сказать, будущих человечества, во множественном числе, поскольку у «новых богов» имелись свои планы относительно человеческой судьбы. Но он все еще мало знал о самих «новых богах». Эйд, как был уверен Велисарий, не скрывает от него информацию. Кристалл просто не способен понять такую ментальность.

Велисарий думал, что понимает их. Они напоминали ему религиозных фанатиков, которых он встречал. Ортодоксов или монофизитов, различия не имели значения. Все подобные люди свято верили, что они и только они понимают волю Божью. Те же, кто им сопротивляется, не просто ошибаются, они — слуги Сатаны. Их следует карать, чтобы остальные очистились.

«Новые боги» будущего приходили в негодование от хаотичного калейдоскопа

человечества, когда оно распространялось среди звезд. И у них возникло намерение очистить расу.

Достичь этой цели в их будущем представлялось невозможным. Человечество расселилось по галактике и всем ближайшим галактикам. Каждая населенная людьми планета, отделенная невероятными расстояниями от других, шла своим путем. Человеческие особи развивались в миллионы различных направлений, подобно веткам огромного дерева, и их ничто не связывало, кроме общего наследия. Таким образом «новые боги» послали Линка назад во времени, чтобы изменить историю, когда человечество все еще жило на одной планете. Разбить империю дворняжек и полукровок, которую называли Рим, и построить мировое государство с центром в Северной Индии. «Новые боги» намеревались использовать индийскую кастовую систему, как зародыш того, что они называли «программой евгеники». Они очистят расу и если убьют в процессе миллионы, то это не имеет значения. Их это нисколько не волновало. Люди — в лучшем случае скот, если не просто паразиты. Только «новые боги» и те, кого они сформируют по своему подобию, по настоящему являются людьми.

Эйд был прав. Если малва победят, то в будущем не появится королей типа Густава Адольфа.

«А если победим мы?» — спросил Велисарий ментально. Но он знал ответ до того, как Эйд его дал.

«Тогда вы тоже измените историю. Путь ее останется тем же, как широкая река, но ее берега станут Другими. Даже может не оказаться страны под названием Швеция. Определенно не будет человека по имени Густав Адольф. А если и будет, он с такой же вероятностью может оказаться и крестьянином, и стекольщиком, как и королем».

На мгновение эта мысль навевала грусть. Римский полководец не сомневался в правильности выбранного курса, в правоте своего дела. Совсем нет. Но даже самая справедливая война приносит разрушения. Спасая великое, цветущее дерево будущего человечества, Велисарий уничтожает многие из почек. Не будет Густава Адольфа. Не будет Шекспира, Сервантеса, Спинозы и Канта, не будет Исаака Ньютона.

Но мгновение прошло.

«Но будут другие, подобные им».

«Да, — пришел ответ Эйда, затем он тихо добавил: — И также будет место для других типа меня. Мы тоже — люди, с нашим законным местом на этом великом дереве».

Размышления Велисария прервал голос:

— Как скоро мы должны быть готовы, полководец?

Велисарий резко вышел из задумчивости и сфокусировал взгляд на говорившем. Это был Марк из Эдессы, командующий новым подразделением Велисария из солдат, вооруженных ручными пушками.

Ленивая мысль промелькнула у Велисария в сознании.

«Мне нужно придумать им новое название. „Солдаты, вооруженные ручными пушками“ очень долго произносить».

Несколько мгновений Велисарий изучал мужчину. Марку было двадцать с небольшим. Сириец, но среди его предков доминировали арабы. Это оказалось очень кстати, учитывая, что большинство его подчиненных имели таких же предков. Как и все римские солдаты, парень говорил по-гречески — все солдаты обучались этому языку, попав в армию. Но умение Марка бегло говорить по-арабски и на нескольких арамейских диалектах неоднократно показало себя очень ценным.

Марка поставили командующим не благодаря знанию языков. Во время кампании предыдущего года в Месопотамии молодой офицер показал себя надежным и находчивым. Он также — что было довольно нетипично для кавалериста — не возражал против сражения на своих двоих и показал, что хорошо освоил новое пороховое оружие и не боится его.

Велисарий вспомнил, как впервые встретился с Марком почти четыре года назад. Полководец только что стал главнокомандующим армией в Миндусе. Его предшественник

так распустил армию, что Велисарий посчитал необходимым очистить ее от прогнивших офицеров. Несколько человек из простых солдат получили повышение. Марк оказался одним из них. Его рекомендовал катафракт Велисария Григорий.

Полководец видел, как по траншее к ним пробираются еще двое.

— Помянешь черта — он тут как тут, — пробормотал он.

Приближался сам Григорий. Они с Марком стали близкими друзьями и показали, что могут хорошо работать вместе во время сражения. Именно по этой причине Велисарий поставил Григория во главе еще одного нового подразделения, пикинеров¹⁴, которые служили защитой солдат с ручными пушками. «Назови их мушкетерами, — пришел ментальный импульс от Эйда. — Технически более точно было бы назвать их аркебузерами, но...»

«Аркебузеры — смехотворно. Пусть будут мушкетеры!»

Велисарий улыбнулся. Да, новое название — это маленькая победа. Ничтожная, пустячная. Но он твердо верил в аксиому: большие победы вырастают из множества крошечных.

Григорий наконец добрался до них. Они с Марком вопросительно смотрели на полководца, раздумывая, почему он улыбается во весь рот.

— Я придумал новое название для твоих солдат, Марк, — объявил он. — С этой минуты мы будем называть их мушкетерами.

Марк с Григорием переглянулись. Было почти комично смотреть, как оба попытались произнести название.

— Мне нравится, — объявил Григорий после минутных экспериментов.

Марк кивнул.

— И мне тоже! — воскликнул он.

Подошел еще один человек, пробиравшийся вслед за Григорием, и теперь Велисарий по-настоящему широко улыбнулся.

— И кто у нас здесь? — спросил он. — Трое мушкетеров?

Григорий недобро посмотрел на вновь прибывшего, которого звали Феликс из Халкедона. Потом точно так же гневно посмотрел на Марка из Эдессы.

— Дай мне передохнуть, полководец, — проворчал он. — Не хочу я сражаться этими новыми приспособлениями. Холодная сталь — вот мое оружие.

Марк с Феликсом улыбнулись, как и Велисарий.

— Он безнадежен, полководец, — заявил Марк. — Человек — раб привычек, как деревенская старуха.

Велисарий усмехнулся шутке, хотя сказанное вообще-то было несправедливо. В последний год Григорий командовал артиллерией Велисария. Во время этой кампании, где использовались быстрые маневры, Велисарий оставил тяжелую артиллерию позади, поэтому Григорий освободился и получил новое задание. Основная причина, по которой Велисарий поставил этого человека во главе нового подразделения пикинеров, заключалась в том, что Григорий являлся одним из офицеров, которые казались почти бесконечно гибкими. Он был одним из немногих фракийских катафрактов, который не визжал, как свинья, которую режут, когда его просили сражаться на своих двоих с пикой вместо копья. Да, пикинеры считались элитным подразделением, но Григорию все равно пришлось столкнуться с трудностями, поскольку очень мало кто из фракийцев добровольно пожелал к нему присоединиться. В конце концов он набрал подразделение из новых рекрутов-ассирийцев, которые вступали в букелларии полководца.

Велисарий перешел к делу.

— Вы готовы? — спросил он. Вопрос был одновременно адресован всем троим. Феликс

¹⁴ Пикинеры — вид пехоты в европейских армиях XV — начала XVII в., вооруженной пиками. В русской армии их называли копейщиками.

из Халкедона следовал за Марком по рангу и выступал в роли его первого помощника.

— Готовы, полководец, — последовал ответ Марка. Григорий и Феликс согласно кивнули.

— Хорошо. Помните — не начинайте движение вверх по склону, пока я не подам вам сигнал. — Велисарий кивнул на восток. — Черт побери, можете не сомневаться: Шанга посадил на ближайшие вершины своих патанов-следопытов, и они наблюдают за всеми нашими действиями. Они явно придумали способы, как подать сигнал Дамодаре — зеркалами, например, если светит солнце. Если нет, то имеется что-то еще. Флажки, может, дым. Важно, чтобы они вас не видели, пока не придет время для контратаки.

Велисарий быстро осмотрел троих мужчин. Удовлетворенный, что они его поняли, он добавил:

— Учтите: вам придется быстро подниматься вверх по склону. Я не подам сигнал до последней минуты. Поэтому быстро — и не нарушая построения. Вы в состоянии это сделать?

Никаких слов не последовало. Только все трое уверенно улыбнулись и кивнули.

— Хорошо, — сказал Велисарий. — Значит, время пришло. Теперь мой черед подниматься на эту проклятую гору.

Велисарий повернулся и пошел. После каждого шага он на полшага отступал назад — соскальзывал с грунта. Его движение отмечалось тихими чавкающими звуками почвы под ногами. Через несколько ярдов доспехи и оружие уже воспринимались им, как ноша Атланта.

— Ну и денек, — бормотал он. — Если эта война продлится достаточно долго, то я буду прыгать по полям, надев только шлем и хлопчатобумажную форму. И ни о чем не беспокоиться.

«Кроме того, как бы не поджариться на лигроине или не быть разорванным на части взрывающимися снарядами, — пришла недобрая мысль Эйда. — Уже не упоминая того, что с пятисот ярдов тебя может снять снайпер, вооруженный скорострельным ружьем. А раз уж мы об этом заговорили, то давай не забывать...»

«Ни о чем не буду беспокоиться! — настаивал Велисарий. Его мысль, возможно, получилась несколько сердитой и угрюмой. — Смерть легка, как перышко. А доспехи и оружие катафрактос — пытка Прометея. — Затем он добавил очень угрюмо: — Ты вечно портишь удовольствие другим».

К тому времени, как Велисарий добрался до траншеи у верха перевала, он чувствовал себя истощенным. Он чуть не рухнул рядом с Маврикием. Валентин с Анастасием все еще находились в траншее, в нескольких футах справа.

Маврикий только бросил на него беглый взгляд, перед тем как возобновить изучение вражеских сил на склоне внизу.

— Ничего, скоро придешь в себя, — сказал он. Его слова были недобрыми, но тон — сочувственным. — И хорошо бы побыстрее, — добавил Маврикий мрачно. — Йетайцы времени не теряют.

Велисарий устало кивнул. К счастью, его усталость объяснялась просто — сильным, но кратковременным напряжением. Это не была усталость, которая накапливается после многих часов безжалостного труда. Велисарий знал по опыту: его тренированные мышцы восстановятся через несколько минут, даже если он в данный момент и думает, что никогда в жизни больше не сможет ходить.

Голова полководца находилась ниже парашюта, она отдыхала на идущей под углом стене траншеи. Он слишком устал, чтобы поднимать ее. Велисарий слышал отдаленные звуки приказов, выкрикиваемых на хинди, которые долетали издали, с низу склона.

— Что они делают, Маврикий? — спросил он.

— Основная атака ложится на плечи йетайцев. Ничего необычного, просто прямой бросок вверх по склону. На своих двоих. Они только что закончили выстраиваться. — Он

недоверчиво хмыкнул. — Причем в хорошие линии. Значительно лучше, чем построения варваров, которые я видел раньше.

— Они не совсем варвары, — заметил Велисарий. Он сделал попытку поднять голову, но практически сразу же от нее отказался. — Да, конечно, они ведут себя, как варвары. Малва подбадривают их, чтобы они вели себя варварски, хотя йетайцам и не требуется особое подбадривание. Хотя они теперь уже на протяжении трех поколений являются неотъемлемой частью правящего класса малва. Чтобы ты имел верное представление о йетайцах, знай, что все их офицеры грамотные. Сверху вниз до ранга, эквивалентного нашему пентарху. — Маврикий еще раз хмыкнул. С другой стороны Велисария послышался недоверчивый (и отчасти недовольный) взглас Валентина:

— Ты, наверное, шутишь!

Велисарий улыбнулся. Отношение Валентина было понятно. Даже в римской армии с относительно демократичными традициями не более половины офицеров ниже ранга гектонтарха умели читать и писать.

Сам Валентин считался гектонтархом. Это был современный греческий эквивалент старого латинского центуриона — командующего сотней. Но в случае Валентина ранг являлся почетным титулом. Валентин никем не командовал. Его работа в паре с Анастасией заключалась в защите Велисария — полководец должен остаться жив на поле брани.

Валентин был почти неграмотен. Он мог без чьей-либо помощи подписать свое имя и разобраться с простым посланием. Но он никогда даже не пытался читать книгу. Если бы кто-то когда-то предложил это ему...

— Тебе когда-нибудь следует прочесть книгу, — спокойно заметил Анастасий. — Было бы полезно для тебя, Валентин.

— Ты, наверно, шутишь, — последовал ответ, сопровождающийся шипением.

«Он, наверно, шутит», — эхом повторил Эйд.

Слушая перепалку, Велисарий широко улыбнулся. Анастасий был грамотен, и совсем не едва. Огромный фракийский катафракта читал все книги, до которых мог добраться, в особенности по философии. Но его отношение к чтению для римского солдата было нетипично, может, даже лучше сказать — экстраординарно.

Анастасий сам приписывал эту особенность тому факту, что его отец — грек. Но Велисарий так не думал. В римской армии было много неграмотных греческих солдат, так же не интересовавшихся грамотой, как и любой гунн. Велисарий подозревал, что навязчивая идея Анастасия с философией скорее имеет природу личного протеста. Этот человек был таким огромным, таким сильным и таким жестоким внешне, что, как думал Велисарий, Анастасий обращается к чтению, как способу уверить себя, что он все-таки человек, а не великан-людоед.

Мысль о великанах-людоедах вернула его к настоящему моменту. Хотя йетайцы и обучены грамоте, но ближе всего подошли к великанам-людоедам из всех существ, которых когда-либо встречал Велисарий.

«Ты бы лучше приготовился и собрался с силами, дедушка, — пробормотал Эйд. — Великаны-людоеды уже идут».

Велисарий услышал, как забили барабаны.

— Они идут, — сказал Маврикий. Говорил он тихо, как и обычно, очень мрачным и холодным тоном. — Какие яростные ублюдки! Никому не нужно их гнать вперед. Идут, как голодные волки за хромой антилопой.

Велисарий достаточно восстановил силы. Он слегка крикнул от усилия, когда поднимался. Потом посмотрел через паранет.

Йетайцы шли в атаку по горному перевалу. Но на них Велисарий только бросил поверхностный взгляд. Он и раньше видел йетайцев в действии, и его не удивило ничто из увиденного — ни ярость их атаки, ни то, что им удавалось поддерживать относительно ровное построение, несмотря на то что они взбирались по усыпанному камнями склону. Да, определенно, атака впечатляла. Но ничто в мире не впечатляло так, как атака тяжелой

персидской конницы. А Велисарию в прошлом приходилось отражать атаки персидской конницы, и он побеждал армии, частью которых они являлись.

Он провел еще немного времени, оценивая кшатриев, которые сопровождали йетайцев. В империи малва только эта военная каста использовала пороховое оружие. Фактически везде, за исключением армии Дамодары, они держали монополию на это оружие.

Кшатрии распределились среди рядов наступающих йетайцев. Все они несли гранаты — по одной в руке, еще по несколько висели на нагрудных патронташах. В свободных руках держали кремни, чтобы поджечь запалы.

Конечно, никто из кшатриев не шел в первых рядах. Гренадеры надевали только легкие доспехи и не могли надеяться противостоять римским солдатам в рукопашной. Но Велисария впечатлило то, что кшатрии в армии Дамодары, в отличие от увиденного им в других армиях малва, не держались позади.

Здесь также был очевиден стиль руководства Дамодары. Со временем избалованные кшатрии малва растеряли многое из воинской безжалостности и суровости, которыми обладала воинская каста в других индийских обществах. Кшатрии из раджпутов откровенно их презирали. Казалось, Дамодара восстановил старые традиции. Эти гренадеры, идущие в атаку вверх по склону рядом с размахивающими мечами йетайцами, не походили на надменных лентяев, которых Велисарий видел в Индии.

Но он с облегчением увидел, что их все равно немного. Недостаточно, чтобы повлиять на расклад сил в предстоящей битве. Только один из двадцати вражеских солдат, идущих в атаку, нес гранаты. Это было даже меньше, чем обычно. Какой бы оружейный комплекс ни удалось создать Дамодаре, он очевидно не мог похвастать объемами производства. Велисарий подозревал, что Дамодара делает то, что сделал бы он сам — фактически сделал, когда создал свой оружейный комплекс под руководством Иоанна Родосского. Концентрируйся на качестве, а не количестве. Построй несколько хороших пушек, усовершенствуй ракеты. Лучше так, чем выпускать потоком простые гранаты.

Взгляд полководца вскоре оказался прикован к вражеским флангам, где собралась конница раджпутов. Они представляли реальную угрозу, Велисарий не сомневался, что в состоянии справиться с атакой йетайцев. Он приготовил свой сюрприз, у задней части склона. Но, так же как и Дамодара, Велисарий не смог произвести пороховое оружие в большом количестве. Его собственная тысяча мушкетеров сможет сразить йетайцев, но...

Его мысли прервал голос Эйда. В словах кристалла было немного раздражения. Легкая примесь раздражения и много беспокойства. «Они не мушкетеры. Не настоящие мушкетеры. Мушкетеры восемнадцатого столетия могли сделать три выстрела в минуту. Но у них были кремневые ружья. У тебя даже нет таких хороших аркебуз, какие были у солдат Густава Адольфа, а они не могли стрелять больше...»

Эйд замолчал с ментальным эквивалентом вздоха отчаяния. Они с Велисарием уже спорили об этом. Как и всегда, когда спор включал чисто военные вопросы, мнение Велисария имело решающее значение.

Полководец не стал утруждать себя ответом. Он был слишком занят изучением раджпутов.

Неудивительно, что Велисарий увидел большую часть конницы раджпутов — две трети по его оценке, собравшейся на правом вражеском фланге под командованием Шанги. Перевал, где встал Велисарий, имел форму седла. Склоны перевала не являлись просто отвесными скалами, а имели закругленную форму. Склон слева от Велисария поднимался почти полого. Если йетайцам удастся справиться с центром римских войск, то Шанга без особого труда проведет массированную кавалерийскую атаку на римский левый фланг. Конечно, Велисарий точно так же оценил местность, как и Дамодара с Шангой. И поэтому поставил свои самые тяжелые войска, греческих катафрактов под командованием Кирилла, слева. Он удержит центр и правый фланг при помощи более легких сирийцев и новых подразделений мушкетеров и пикинеров.

Но факт оставался фактом: врагов значительно больше количественно, и местность

достаточно открытая, поэтому малва могут пустить все силы одновременно. Это нелегко и небыстро — но могут. Велисарий слегка тряхнул головой, напомнив себе, что он не пытается выиграть сражение. Ему нужно просто оказать достаточное сопротивление, чтобы его отступление на юг, когда придет время, не показалось слишком удивительным для врагов. Велисарий мог позволить тактическое отступление и сдать это поле брани, если только его войска сильно не пострадают. Он не мог позволить стратегическое поражение, которое определенно понесет, если Дамодара или Шанга, или Нарсес, если хитрый евнух с ними, догадались о том, что Велисарий планирует сделать через несколько месяцев. Маврикий облек мысли Велисария в слова.

— Положение рискованное, — проворчал хилиарх. — И даже более чем, если твой маленький сюрприз не сработает или не сработает так хорошо, как ты думаешь. А он наверняка не сработает, — мрачно добавил Маврикий. — Ничто никогда не срабатывает так, как предполагалось, на поле брани.

Велисарий уже собрался ответить, но промолчал. Йетайцы подошли почти...

Время. Велисарий подал сигнал рукой и трубы, находившиеся всего в нескольких ярдах, тут же протрубили сигнал.

Звук труб тут же поднял на ноги тысячи греческих катафрактов и сирийских лучников, которые встали в траншеях с уже нацеленными луками. Поток стрел полетел вниз по склону.

«Подобно серпу», — подумал Велисарий, но знал, что это сравнение не очень подходит. Трудно стрелять из такого положения по наступающим врагам. И Велисарий не удивился, что многие стрелы пролетели над головами приближающейся массы йетайцев. Подобная стрельба часто оказывалась неэффективной, даже если стрелы находили цели, против опытных подразделений.

А йетайцы были ветеранами и ожидали стрелы. Как только они увидели катафрактов с натянутыми луками, то тут же сгруппировались и прикрылись щитами. Их командиры выкрикнули приказы, но на самом деле в этих приказах не было необходимости. Для начала, из-за угла, под которым они находились по отношению к лучникам, они представляли собой неудобные цели; более того, каждый йетайец был достаточно опытен, чтобы держать свой щит под правильным углом.

И прикрывались они хорошими щитами, не хуже римских. Ламинированное дерево, армированное железом, — ничего подобного жалким хрупким щитам, которыми империя малва обеспечивала простых солдат. Большинство римских стрел, врезавшихся в щиты йетайцев, отскочили от них, не принеся никакого вреда.

Йетайцы тут же возобновили атаку, выкрикивая боевые кличи. Еще партия стрел; йетайцы снова сгруппировались, прикрывшись щитами, а потом опять бросились вверх по склону. Конечно, они теряли людей, и многих, но недостаточно. Недостаточно для этих воинов. У йетайцев было много пороков, но трусость среди них не значилась.

— Нет шансов, — проворчал Маврикий.

Слова звучали мрачно. Даже без следа удивления. Слова Маврикия прозвучали так, словно человек замечал, что у песочного замка нет шанса удержать набегающую волну.

Хилиарх бросил взгляд на Велисария.

— Тебе лучше проверить своих стрелков. Нам они потребуются.

Велисарий уже разворачивался. Когда он стал давать новый сигнал, то услышал бормотание Маврикия:

— О, великолепно. Раджпуты уже начинают атаку. Боже, как я ненавижу компетентных врагов. — Несколько секунд спустя он прошипел: — Дерьмо. Не могу поверить!

Велисарий наблюдал за тем, как мушкетеры поднимаются вверх по склону. Услышав беспокойство в голосе Маврикия, он тут же развернулся.

Увидев, с какой скоростью конница раджпутов несется вверх по той стороне «седла», Велисарий понял, что так шокировало Маврикия. Сам Велисарий никогда не видел, чтобы конница так быстро передвигалась по горной местности.

Он молча отругал себя за то, что был таким идиотом. Он забыл, или возможно, лучше

сказать: он никогда не понимал тактику конницы раджпутов. Велисарий привык к римской и персидской тяжелой коннице, оружие, доспехи и тактика которых формировались веками войн на плоских равнинах Месопотамии. Но раджпуты не были тяжелой конницей — по крайней мере, по римским и персидским стандартам, и их не беспокоила и не останавливала суровая местность.

«Раджпутана — страна гор и возвышенностей, — пришел ментальный импульс от Эйда. — Военные традиции раджпутов закалялись в экспедициях против горных жителей — патанов — и сражениях против маратхи на изрезанной вулканической местности Великой Страны».

— Как стадо чертовых горных козлов, — проворчал Маврикий и склонил голову. — Ты понимаешь, парень, что твой чертов план битвы только что полетел на юг на зимовку?

Несмотря на всю мрачность слов, в голосе слышались следы удовлетворения. Маврикий был одним из тех пессимистов от рождения, которые получают странное удовольствие, увидев, когда все оказывается так мрачно, как они ожидали.

Велисарий уже пришел к тому же выводу. Он зря полагался на точный расчет времени. Это оказалось самой слабой частью его тактического плана. Раджпуты только что перепрыгнули через песочные часы. Разбили их стеклянный корпус на мелкие кусочки. Подразделения Шанги ударят по левому флангу римлян задолго до того, как этого ожидал Велисарий.

— Быстро туда, Маврикий, — приказал он. — Вместе с Кириллом переориентируй греков. Теперь им придется сдерживать Шангу столько, сколько смогут. Забудь о какой-либо контратаке против йетайцев.

Он показал на крупное подразделение фракийских катафрактов, расположившихся на полпути вниз по заднему склону. Они служили резервом.

— И отправь курьера к букеллариям, пусть перебираются на левый фланг. Нам они потребуются.

— А что с мамлюками? — спросил Маврикий и посмотрел на юго-запад, где кушаны держали брод на реке в полумиле вниз по течению. — Тебе они нужны здесь?

Велисарий покачал головой.

— Только если приду в отчаяние. Я не могу рисковать и позволить кому-то из них попасть в плен. Даже тело мертвого кушана выдаст нашу игру.

Маврикий скептическим взглядом посмотрел на мушкетеров, которые приближались к гребню.

— Ты в самом деле думаешь, что сможешь удержать... — начал говорить он, но замолчал. Секундой спустя хилиарх уже спешил вниз по траншее, к левому римскому флангу. Несмотря на частые саркастические замечания Маврикия относительно «чертовых изощренных планов битвы» Велисария, фракийский ветеран не имел склонности спорить с ним во время непосредственного сражения. Желание и готовность полководца командовать — мгновенно и уверенно — были гораздо важнее в битве, чем разумность самой команды. Маврикий видел, как выигрывались сражения, и далеко не один раз, просто потому, что командующий придерживался своей точки зрения, и отдавал четкие и ясные приказы. Любые приказы, только, чтобы войска чувствовали: ситуация находится под контролем, и ведет ими крепкая уверенная рука. Велисарий выглянул через парапет. Теперь йетайцы были очень близко. Их воинские кличи наполнили воздух, полные уверенности, радостные от приближающегося триумфа. Им пустили кровь римские лучники, но недостаточно сильно. Несколько тысяч все равно достигнут гребня, где находящиеся в меньшинстве и легко вооруженные сирийские пехотинцы не смогут оказать им достойного сопротивления.

Полководец встал и выглянул через другой парапет. Мушкетеры и пикинеры практически добрались до гребня и находились сейчас всего в нескольких ярдах вниз по склону. На самом деле они остановились, чтобы в последний раз проверить и подтянуть свои ряды. Велисарий увидел, как на него смотрит Марк из Эдессы, спокойно ожидая приказа полководца. «Пора», — подумал Велисарий.

Он подал сигнал. И снова протрубили трубы. Когда Велисарий повернулся, чтобы опять смотреть на врага, то увидел также и небольшие фигурки на ближайших горных вершинах, которые судорожно размахивали флажками. Следопыты-патаны заметили новое римское подразделение, рвущееся вперед, и подавали сигналы Дамодаре. «Слишком поздно».

Велисарий сделал глубокий вдох и прочитал короткую молитву за упокой души человека, с которым он никогда не встречался и никогда не встретится. Полководец будущего, которому не суждено родиться. Человек, который мало волновал его, как человек, но который был одним из величайших полководцев в истории.

«Упокой, Господи, его душу, где бы она ни была. Пусть твоя душа покоится в мире, Железный Герцог. Надеюсь, этот план сработает и для меня, как он сработал для тебя под Бусако».

Слова Эйда удивили Велисария. Он почти ожидал каких-то бормотаний и упреков — типа того, что солдаты Веллингтона могли делать по три выстрела в минуту, или что у Веллингтона были массивные укрепления, за которые он мог отступить, или даже — Эйд в некотором роде был педантом — что титул «Железный Герцог» в данном контексте является анахронизмом. Кличка была политической, не военной. Ее получил премьер-министр Веллингтон от простых людей Англии, много лет спустя после падения Наполеона, когда его ответом на разбитые толпой окна стала установка железных ставней в его лондонском особняке¹⁵.

Но вместо всего этого Эйд просто попытался его успокоить.

«Сработает. Тактика маневрирования войсками на горной местности с использованием атаки с заднего склона считалась личной подписью Веллингтона. Она также сработала в Саламанке. И даже против Наполеона при Ватерлоо».

Велисарий был благодарен этому спокойному уверенному голосу. Ему требовалась уверенность. Похоже, битва станет худшей в его жизни, а не простым сражением, как он предполагал. Он-то думал встретить врага, немного потрепать его и сделать ноги. И снова он недооценил раджпутов.

Мушкетеры добрались до вершины перевала и нацелили ручные пушки на несущихся вперед йетайцев. Велисарий поднялся, чтобы проследить за первой серией выстрелов из мушкетов, но прежде кратко обругал себя.

«Никогда больше не делай этого, кретин. Только потому, что у тебя есть мозги и друг, который показывает тебе будущее, не следует забывать, что и у других людей тоже есть мозги. И очень хорошие, черт побери, и воля не хуже твоей».

Мушкеты прогрохотали по всей линии. Верх перевала мгновенно окутало дымом. В этих едких густых клубах было невозможно ничего рассмотреть более чем в нескольких футах. Мушкетеры перезаряжали оружие многократно тренированными движениями, Велисарий нетерпеливо ждал, пока не рассеется дым.

На перевале дул хороший ветерок. Через несколько секунд облака дыма снесло в сторону. И после того, как Велисарий увидел разгром, принесенный тысячью гладкоствольных восьмидесятимиллиметровых орудий с близкого расстояния, то почувствовал, как расслабляется. Совсем немного. Армия йетайцев напоминала быка, которого наполовину оглушил удар молотком между глаз.

Он поднял глаза и уставился через груды трупов йетайцев на дальний шатер врага. Велисарий только что отправил послание — себе самому, как и Дамодаре. Напомнил обоим, что если у Велисария нет монополии на разведку, то у него нет и монополии на чрезмерную уверенность в себе.

«И не надо снова недооценивать меня, господин из малва, — подумал он. — А еще

¹⁵ Артур Веллингтон (1769-1852 гг.) — герцог, английский фельдмаршал, командовал союзными войсками против наполеоновской Франции и англоголландской армией при Ватерлоо. В 1828-1830 гг. — премьер-министр Великобритании.

лучше — продолжайте все-таки недооценивать меня в будущем».

Упрямые и смелые йетайцы продолжали идти вперед. Они взбирались вверх, через трупы и жутко разорванные тела раненых товарищей, ревели от ярости и размахивали мечами. Йетайцы больше не пытались поддерживать построение. Они представляли просто толпу разъяренных неистовых воинов, горящих желанием добраться до своих мучителей. Быка наполовину оглушили, но это все равно был бык.

Вторая линия мушкетеров прошла вперед и выстрелила. Пока рассеивался дым, третья линия заняла место второй. За ними первая линия уже закончила перезаряжать оружие и готовилась к своему второму выстрелу.

Да, мушкетеры Велисария с их неуклюжими фитильными замками не могли соответствовать скорострельности — три выстрела в минуту — солдат Веллингтона. Сами орудия были не многим лучше аркебуз шестнадцатого века. Иоанн Родосский работал по технологии шестого века и просто не имел возможности добиться точности оружейного производства девятнадцатого века. Но Велисарий имел доступ ко всем энциклопедическим знаниям Эйда, поэтому мог прыгать через столетия военного опыта и использовать его различными путями. Римская империя сумела изготовить пули, которые заряжались с дула, введенные Густавом Адольфом. Сам процесс заряжания с дула получился неудобным, но не было никакого неудобства в непосредственном использовании — в стрельбе по цели.

Мушкетеры не могли производить более одного выстрела в минуту, но на эту скорость Велисарий мог положиться. А когда дым рассеялся и он увидел разрушения, которые принесла вторая партия выстрелов, то знал: этой скорости будет достаточно.

«Тактика Веллингтона на склонах так же сильно зависела от неожиданности, как и от скорости стрельбы», — сказал Эйд.

Велисарий кивнул. Если враг штурмует тебя, ожидая яростной победы, то его дух разбивается вместе с телами, когда в него выпускают град пуль. Даже такие воины, как йетайцы, не могут выдержать подобный удар.

«Не больше, чем императорские войска Наполеона под Ватерлоо», — заметил Эйд.

Приготовив оружие, вперед вышла третья линия мушкетеров. Теперь не было необходимости в одновременном залпе. Авангард йетайцев добрался до вершины перевала и находился не более чем в десяти ярдах от траншей. Феликс из Халкедона, помощник командира, руководил стрельбой. Он выкрикивал приказы с уверенностью и в нужной последовательности.

— Готовьсь!

Орудия взлетели вверх, подобно тупым копьям.

Приказа целиться не прозвучало. Мушкетеры Велисария, как и мушкетеры Веллингтона, были просто натренированы стрелять в общем направлении врага. Их оружие оказывалось таким неточным дальше пятидесяти ярдов, что нацеливание не имело смысла.

— Огонь!

Ручные пушки взорвались. Еще одно облако дыма закрыло все вокруг.

То есть закрыло вид, но не звук. Велисарий мог слышать, как пули врезаются в массу йетайцев. Слышался лязг металла, когда пули попадали в доспехи. Но он знал: доспехи не имеют значения. С такого расстояния смертоносные кусочки свинца проходили сквозь тонкие пластины, словно сквозь ткань. Скорость полета пули, выпущенной из аркебузы, чрезвычайно велика — она почти сверхзвуковая. Скорострельное оружие, которое заменит их в будущем, сделает не больше, чем только увеличит скорость в два раза, даже через столетия развития и усовершенствования оружия. Конечно, вылетающая из аркебузы пуля вскоре теряла свою набранную в стволе скорость — гораздо быстрее, чем пули, которые в будущем станут вылетать из ружей. Но на таком расстоянии аркебузы большого калибра более эффективны, чем ружья.

Вопли раненых йетайцев стали заполнять перевал, подобно вою гигантского банши. Йетайцы были крепкими ребятами — возможно, самыми крепкими из всех солдат, которых видел Велисарий. Но никакие солдаты не могут быть настолько крепкими, чтобы

противостоять выстрелам в упор.

Бык теперь упал на колени. Он все еще ревел, но, несмотря на это умирал.

Выполнив свою кровавую работу, третья линия отошла. Даже несмотря на ветер, перевал все еще оставался наполовину скрытым дымом. Но Велисарий слышал команды Феликса. Он приказывал первой линии выдвигаться вперед. Тембр голоса Феликса из Халкедона все еще оставался тембром молодого человека, но сам голос звучал расслабленно и уверенно.

«По крайней мере здесь я не ошибся», — порадовался Велисарий.

Феликс впервые обратил на себя внимание полководца во время сражения в усадьбе под Анатой в прошлом году. На Велисария произвели впечатление спокойствие и бдительность молодого сирийца, когда римская армия впервые испытала на себе ракетный огонь. Велисарий следил за парнем и обеспечил ему быстрый подъем по служебной лестнице¹⁶. Первая линия мушкетеров снова заняла позиции и провела нужные действия. Еще один залп. Перевал полностью скрылся в дыму. Даже несмотря на свое грубое оружие, солдаты все равно могли стрелять со скоростью, которая выигрывала у ветра. Он не успевал полностью разогнать дым предыдущей серии выстрелов.

Теперь врезающиеся во врага пули создавали хлюпающий звук. Велисарий был рад, что не может видеть результаты. Началась чистая бойня. Он знал, что арьергард йетайцев уже должен отступать, шатаясь. Но пойманные в капкан впереди вражеские солдаты были беспомощны... Бык больше не ревел. Это просто был умирающий зверь, тупо ожидающий еще одного удара молота.

Вернулась вторая линия мушкетеров, последовал новый залп. Велисарий слышал, как Григорий выкрикивает приказ. Его пикинеры заняли позиции, после того как первая линия мушкетеров шагнула вперед, готовые отразить любых йетайцев, которым удастся прорваться сквозь огонь. Но пикинеры даже не потребовались. Григорий, очевидно, пришел к выводу, что и не потребуются, поэтому приказал своим людям готовить гранаты.

Пикинеры опустили двенадцатифутовые пики и сняли с поясов гранаты. У каждого пикинера было только по две гранаты. Больше количество помешало бы им в выполнении основной задачи. Но это были особые гранаты. Пикинеров обеспечили новыми гранатами, которые разработал Иоанн Родосский — с зарядами, которые взрываются при соприкосновении с целью.

На вид гранаты напоминали картофелемялку. К концу деревянной ручки прикреплялась полоска материи. Подобно полоскам материи, которые часто прикреплялись к дротикам, она выравнивает гранату в полете и обеспечит удар нужным концом, чтобы сработал заряд. Не было необходимости высекать искру кремнем, чтобы поджечь фитиль, или даже обрезать фитиль на правильную длину. Каждый пикинер просто выдергивал чеку, которой было снабжено приспособление, и отправлял в полет вниз по склону.

Гранаты исчезли в клубах дыма, которые опускались вниз с перевала. До того, как гранаты попали в цель, Феликс снова скомандовал стрелять. Не более чем через секунду после громовых раскатов, Велисарий слышал резкие звуки взрывающихся внизу гранат. Звуки подходили друг другу, словно музыка, сочиненная маньяком. Маньяком, склонным к самоубийству. Пытающиеся отступить йетайцы в арьергарде были уничтожены гранатами, в то время как их товарищи в авангарде служили неподвижными мишенями для пуль.

На мгновение Велисария охватило дикое желание приказать контратаку. Он планировал ее с самого начала. Йетайцев уже разбили — так, как может быть разбита любая армия, которую отогнали назад после атаки. Бросок пикинеров теперь завершил бы разгром. Яростная армия, которая несколько минут назад неслась в атаку вверх по склону, будет полностью разгромлена. Это будет худший разгром в истории.

Теперь Марк с Григорием стояли рядом с ним, ожидая приказа. Их лица были

¹⁶ См. роман Д. Дрейка и Э.Флинта «Щит судьбы».

напряжены и горели готовностью действовать. Они так же хорошо, как Велисарий знали, что находятся на грани победы.

Велисарий с трудом сдержал себя. Да, врага разбили здесь. Но...

В отдалении он слышал вопли с другого направления. Слева. Крики боли и лязг стали, когда мечи ударились о мечи. Он ничего не видел из-за клубов дыма, но уже знал: раджпуты врезались в его левый фланг.

Вся свирепость и чувство удовлетворения испарились. Его контрудар в седловине сработал, как сработал и в другом будущем для человека по имени Артур Уэлсли¹⁷. Но сражения редко бывают аккуратными и чистыми, и редко идут по плану. По крайней мере не против врага, у которого хорошие командиры.

«Это сражение все еще может закончиться провалом», — пришла напряженная мысль от Эйда.

Да, Велисарий выиграл борьбу в центре. Но если он быстро не отступит, причем в хорошем порядке, что считается самым трудным маневром из всех, когда перед тобой враг, то Шанга со своим раджпутами уничтожат его фланги.

— Нет, — Велисарий показал пальцем на склон слева.

Только гребень перевала все еще оставался видимым из-за дыма, но они видели сотни несущихся кавалеристов-раджпутов. В десять раз большее количество скрывалось в облаках внизу, в нижней части склона. Возможно, в двадцать раз большее. На правом фланге малва под командованием Шанги собралось по крайней мере десять тысяч раджпутов.

Марк начал спорить — уважительно, но тем не менее неистово, его сдержал Григорий, уверенно покачав головой. Фракийский катафракт был старше сирийца, у него имелось больше опыта, и он лучше знал Велисария.

— Заткнись, мальчишка, — проворчал он. — Полководец прав. Если мы бросимся в атаку вниз по склону, мы окажемся совершенно беззащитными, когда по нам ударят раджпуты. Они превратят нас в фарш.

Велисарий выбирал своих офицеров не за сдержанность и робость. Молодой сириец немного покраснел после ответа Григория, но продолжал возражать.

— Греки их удержат! Это люди Кирилла — и Агафия, пока он ими командовал. Те же самые катафракты, которые разбили малва под Анатой, а затем...

— Их только три тысячи, Марк, — спокойно напомнил Велисарий. Он не собирался проводить более нескольких секунд в спорах с подчиненными в середине битвы. Но все равно был готов эти секунды потратить. Нет другого способа подготовить хороших офицеров.

— Против них выступает в четыре раза больше врагов, — продолжал Велисарий. — Да, они — великолепные войска. Но у них не такая хорошая позиция, как была у нас здесь, в центре. Никто не защищает их фланг. Шанга просто отправит достаточное количество людей, чтобы удерживать их на одном месте, в то время как окружает их с остальными. Он даже не станет пытаться разбить греков, не сейчас. Он окружит их и ринется на нас.

Он показал на линию мушкетеров. Теперь те прекратили стрелять, а пикинеры уже использовали все свои гранаты. В центре поля стало почти тихо, если не считать криков раненых йетайцев.

— Как ты ожидаешь сформировать линию защиты против этого броска — здесь? Оседлав горный перевал, когда враг идет вниз по склону?

Марк замолчал. На его лице все еще оставалось упрямое выражение, но Велисарий знал: молодой сириец пусть и не убежден, но готов подчиниться.

Удовлетворенный этим, Велисарий повернулся к Григорию.

— Отступайте на юго-запад, к реке. Вверх по течению. — Он показал на место, где узкая река под перевалом немного расширялась. — Туда, где Васудева охраняет брод.

¹⁷ Артур Уэлсли — имя Веллингтона.

Занимайте позиции с пикинерами и мушкетерами и держите реку, пока я переправляю остальную часть армии.

Григорий кивнул. Мгновение спустя они с Марком уже выкрикивали приказы своим подчиненным.

«А теперь мне нужно попытаться вывести отсюда этих людей, — глядя на левый фланг, подумал Велисарий. — Что будет непросто. Шанга — тигр, а я — тот, кто пытается вырвать мясо у него из пасти».

Велисарий услышал, как Анастасий с Валентином пошевелились у него за спиной. Как личные телохранители полководца, они не ожидали особой работы в этом сражении, кроме как выглядеть мрачными и устрашающими. Но они были ветеранами и видели, когда план сражения летит к чертям собачьим.

— Похоже, что в конце концов нам придется поработать, — проворчал Валентин. Анастасий молчал. — В чем дело, большой? — послышался саркастический голос Валентина. — Никакого философского изречения для такого случая? Никаких мудрых слов?

— Они не требуются, — пророкотал в ответ Анастасий. — Даже тупая ласка может понять, что ей предстоит побороться за свою жизнь.

Глава 13

К тому времени, как Велисарий добрался до левого фланга, где греки удерживали раджпутов, туда уже подтягивались его букеллари. Он был им глубоко благодарен за скорость выполнения приказов, но потратил мгновение, чтобы мысленно похлопать себя по плечу.

Его тактический план на это сражение частично провалился, но Велисарий думал, что все равно сможет увести армию до того, как ее разгромят. Если ему это удастся, то только благодаря предусмотрительности в прошлом. У его фракийских катафрактов лучше всего в мире получались атаки тяжелой конницы. Половина денег на их великолепных, дорогих боевых лошадей была предоставлена из личных средств Велисария. Только самые лучшие жеребцы в мире, одетые в броню, с катафрактными в броне на спинах, могли так быстро добраться до нужного места, спускаясь вниз с середины склона.

И они должны сыграть свою роль. Велисарию потребовалось только раз взглянуть на усталое лицо Кирилла, чтобы понять: греческие катафракты готовы рухнуть. Пока они сдерживали атаки раджпутов. Но еще одна или две атаки, и они сломаются. Шанга хорошо использовал свое численное преимущество на римском левом фланге. Его раджпуты превосходили греков в пропорции пять к одному, если не шесть к одному, и Шанга посылал их наверх волнами, одна за другой, практически без перерыва.

Царь раджпутов не допустил ошибки, пытаясь обрушиться на греков одним ударом. Катафракты носили более тяжелые доспехи и были более тяжело вооружены, чем раджпуты, и сражались, спешившись, за полевыми укреплениями. Если бы раджпуты попытались провести простую фронтальную атаку, их количество не сыграло бы роли, поскольку они неизбежно застряли бы перед полевыми укреплениями. Вместо этого Шанга использовал свою собственную вариацию «парфянской тактики», если не считать того, что его атаки в той же мере осуществлялись как при помощи копий, так и стрельбы из лука. Удар, еще удар, развернуться, назад. Снова, снова, снова, снова, снова.

С его количественным преимуществом Шанга мог менять подразделения. У его кавалеристов оставалось время на отдых и на перевязку раненых. Но у обороняющихся греков совершенно не было передышки. Их борьба напоминала попытки удержать океанские волны. Как только отходила одна, накатывалась следующая.

Лучшие солдаты в мире — это все равно только плоть и кровь, и мускулы. Греки так устали, что им стало трудно поднимать мечи, не то что правильно ими замахиваться. Люди в такой стадии усталости почти беспомощны против соперника. Вражеские удары копьями попадают туда, куда их направляет враг, и поражают цель, хотя не усталый человек легко

отразил бы их щитом.

К этому времени половина греков уже бросила щиты. Им требовались обе руки, чтобы удерживать оружие. Да и сами руки дрожали от усталости.

— Уводи их, Кирилл, — крикнул Велисарий. — Уводи их с поля боя — прямо сейчас.

Он повернулся в седле и показал на реку. Васудева и его кушаны ясно просматривались внизу. Они не нарушали построения и охраняли брод.

— Переводи их через реку, — приказал Велисарий Кириллу. — Даже не пытайся их выстроить. Просто отступайте. Пусть садятся на лошадей и спускаются вниз, как можно быстрее. Сирийцы закроют ваш фланг, а мушкетеры удержат реку против любых преследователей из малва.

Кирилл запустил между фланцами шлема три пальца — большой, указательный и средний — и его пот потек со лба по носу. Он сделал полшага и покачнулся.

— Раджпуты придут снова, — начал возражать он. — Через минуту, не больше. Мы тебе потребуемся...

— Я займусь раджпутами вместе с фракийцами, — рявкнул Велисарий. — Делай, как я приказываю, Кирилл! Уводи отсюда своих людей.

Греческий командир прекратил спорить. Когда Кирилл начал выкрикивать приказы своим людям, Велисарий воспользовался минутой, чтобы быстро изучить врага.

Раджпуты собрались на северном фланге перевала и, как он понял, сделали перерыв в атаках. Они увидели приближающихся фракийцев и сами решили переждать, чтобы оценить новую ситуацию. Усиление укрепит левый фланг римлян, но...

Но недостаточно. Велисарий знал, что Шанга придет к этому выводу менее чем через пять минут. Он был уверен: царь раджпутов уже организует новую волну атак. Шанга не тот человек, который станет терять время в решающие моменты сражения.

И Велисарий тоже не терял время зря. Пяти минут будет достаточно. Более чем достаточно, — и менее. Перед тем как время выйдет, Шанга все поймет. Велисарий не собирался укреплять свой левый фланг. Он собирался использовать фракийцев, чтобы прикрыть общее отступление.

После того как Шанга поймет, что делает Велисарий, случится черт знает что. Не будет больше осторожных просчитанных атак. Просто столкновение армий, когда Шанга попытается разбить на части последний щит римской армии — используя пятнадцать тысяч раджпутов против менее чем трех тысяч фракийских катафрактов.

Теперь букелларии занимали места греков. Маврикий уже организовывал атаку, не дождавшись приказа Велисария.

Велисарий потратил еще мгновение, чтобы осмотреть оставшуюся часть поля брани. Дым от выстрелов уже весь рассеялся, и он мог рассмотреть центр. Это оказался один из нескольких случаев в кровавой жизни Велисария, когда он увидел поле брани, фактически заваленное телами. Йетайцев разбили. Сотни йетайцев, возможно, даже тысячи, шатаясь спускались вниз по склону. Они возвращались в свой лагерь. Но эти люди уже вышли из битвы. Сам Сатана не смог бы их теперь собрать, после той бойни.

Правое крыло римлян и выступающий против него враг — теперь не более пяти тысяч раджпутов — вообще почти не участвовали в сражении. Несколько пробных атак и вылазок — не больше. Южная часть перевала была гораздо круче северной. Шанга — или Дамодара — не допустил ошибки, пытаясь скопировать атаки малва, которые оказались так успешны на их правом фланге. Левое крыло раджпутов просто оставалось там, чтобы удержать римлян от контратак.

Не то что Велисарий вообще собирался посылать своих легковооруженных сирийцев в контратаку, если бы только дикая удача не повернула бы все сражение так, что малва бы обратилась в бегство. Он поставил сирийцев там, чтобы делать то же, что и их враги — удерживать раджпутов от усиления другого фланга.

Это была другая часть тактического плана Велисария, которая не сработала так хорошо, как он планировал. Велисарий подумал, что Дамодара постоянно оттягивал свои

войска с левого фланга для усиления ударов Шанги на правом. Господин из малва правильно оценил сирийцев Велисария. Они будут страшными врагами, защищая крутой склон против кавалерии, но почти бесполезными во время атаки. Поэтому Дамодара убрал тысячи кавалеристов-раджпутов с одного конца поля брани на другой. Велисарий видел крупные подразделения, которые скакали по небольшой долине под перевалом, направляясь для усиления Шанги. И даже пока он наблюдал, еще одно подразделение из пятисот раджпутов отделилось от линий врага справа от него и сделало то же самое.

Тогда Велисарий чуть не рассмеялся. Он никогда не видел лучшей иллюстрации убеждения Маврикия в том, что сражения по своей природе — это дьявольская, противоречивая путаница, в которой ничто никогда не срабатывает так, как должно и как предполагалось. Однако на этот раз — и спасибо Господу за это! — именно враг попал в затруднительное положение.

По иронии судьбы лучший шаг Дамодары также оказался и его худшим. Если бы Велисарий собирался удерживать позицию, то перевод сил Дамодары оказался бы великолепным ударом. Но римский полководец не собирался сражаться на том месте. Вместо этого он планировал развернуть свои войска и отступить на юго-запад, используя свой правый фланг для отвлечения на себя сил врага. Но теперь, уменьшив свое левое крыло, Дамодара не имел шанса пойти в атаку на сирийцев на южном склоне перевала. Бузес и Кутзес смогут увести своих людей в хорошем порядке, после того как прикроют отступление остальной части армии.

Прекрасно, прекрасно — конечно, предполагая, что Велисарий сможет отразить предстоящую атаку Шанги со своими фракийцами. После этого...

Он наблюдал за большой массой конницы раджпутов на северном склоне.

«Это будет...»

— Это будет очень рискованно, черт побери, — проворчал Маврикий.

Велисарий повернулся в седле. Он и не заметил, как Маврикий подъехал и встал рядом.

— Это все равно горный перевал, несмотря на то что он широкий и невысокий, Маврикий, — указал Велисарий. — Это не ровная долина. Шанга не сможет отправлять более пяти тысяч человек за раз. Самое большее — шесть.

Глаза Маврикия в прорези шлема не казались сияющими от радости. Он умел считать не хуже Велисария. Фракийцам все равно предстояло сражаться в меньшинстве, два к одному, против врага, у которого полно резерва.

— Если бы у нас не было стремян, то это получилось бы чистое самоубийство, — мрачно заметил хилиарх и нахмурился. — А если подумать — почему у малва нет стремян? Следовало бы ожидать, что к этому времени они у них появятся. — Маврикий бросил взгляд на прикрытую доспехами грудь Велисария, туда, где под броней и одеждой в кожаном мешочке находился Эйд. — Они же получают видения о будущем, не так ли?

Велисарий пожал плечами.

— Разум Линка работает не так, как разум Эйда. Эйд — это помощник. Линк — главнокомандующий Вселенной. Подозреваю, эта сущность так увлеклась своими великими планами создания оружия будущего, что не подумала воспользоваться маленькими возможностями, которые уже имеются в настоящем. Определенно эта сущность даже не подумала проконсультироваться со своими орудиями-людьми, не больше, чем тебе придет мысль спросить совета у молотка, правильно ли ты им пользуешься.

«Не похоже, — заметил Эйд. — Для Линка люди — это даже не орудия труда. Просто сырой материал».

Велисарий хотел что-то добавить, но замолчал. Он увидел, что греки готовы сесть в седло. И все фракийцы уже собрались на месте, сохраняя построение.

— Может, и получится, — заметил Маврикий, предупреждая мысль полководца.

Велисарий кивнул. Мгновение спустя Маврикий передал приказ. Трубы затрубили.

Греки выскочили из траншей и начали забираться на лошадей. Они устали, очень устали, но тем не менее нашли силы. Они наконец отсюда уходят, и им требуется только

добраться до реки внизу.

Фракийцы стали продвигаться вперед, по направлению к раджпутам. Их скорость немного замедлилась, когда они пробирались по узким проходам между полевыми укреплениями. К тому времени, как букелларии оказались на открытом и относительно ровном участке в северной части седловины, Шанга понял, что происходит. Трубы затрубили и у него. Звук был несколько другим — по тембру и высоте, в сравнении с римскими трубами. Но Велисарий не ошибся в его значении.

— Атака! Сейчас! Все!

Огромная масса конницы раджпутов бросилась на них. Велисарий тоже приказал начать атаку. Здесь не было места для обычной римской тактики и убийственного количества стрел, которые обычно предшествует броску копьеносцев. Не было ни места, ни времени. Фракийцы настолько уступали количественно, что Велисарий мог только попытаться использовать их больший вес в одновременном ударе. Седловина была широкой и неглубокой для горного перевала, но все равно это не ровная долина. Если его катафракты с их более тяжелой броней и копьями, и стременами смогут превратить первые ряды раджпутов в фарш, то это попридержит остальных. Надо надеяться, достаточно, чтобы фракийцы сами смогли отступить.

Расстояние между двумя армиями исчезло в секунды. Молот ударил.

Раджпуты не сломались — не совсем. Велисарий уже один раз разбил армию малва таким броском, в первый день сражения под Анатой. Но та армия малва была надменной и незнакомой с тактикой римской тяжелой конницы.

Раджпуты сегодня тоже в первый раз встретились на поле брани с римскими катафрактами во время броска копьеносцев. Но эта армия малва уже сражалась в Персии против персидских дехганов. И они противостояли тяжелой коннице и выигрывали. Во всех случаях.

Тем не менее... У раджпутов не было стремян, и это обстоятельство оказалось решающим. Длинное тяжелое копье в руках у копьеносца, который удерживается в седле при помощи стремян, — гораздо более эффективное оружие, чем более короткое, более легкое копье, которым пользуются кавалеристы без стремян. На относительно узком, ограниченном пространстве перевала раджпуты не могли уклониться от этих копий. И копья разрывали их на части.

Но не совсем. Недостаточно, чтобы позволить римлянам просто развернуться и отступить. Сотни раджпутов в первых рядах выжили после первого столкновения и тут же, достав мечи, набросились на катафрактов. Не прошло и нескольких секунд, как перевал наполнился лязгом стали — мечи ударялись о мечи.

«Мы не можем себе этого позволить», — подумал Велисарий, выдергивая собственное копье из живота кавалериста-раджпута. На мгновение он оказался в относительной безопасности и смог осмотреть поле брани. Анастасий с Валентином удерживали врагов, чтобы те не могли подобраться к полководцу.

Велисарию потребовалось менее пяти секунд, чтобы принять решение.

«Достаточно. Более шероховато и менее гладко, чем мне хотелось бы, но — достаточно».

Он выкрикнул новые приказы небольшой группе трубачей, которые следовали за ним. Трубы протрубили приказ отступить. Фракийцы тут же подчинились, хотя — в эти мгновения — выигрывали сражение. Маврикий давно очистил ряды букеллариев Велисария от всех надменных горячих голов.

«Если полководец приказывает отступить, вы отступаете. Забудьте о враге перед вами и о том, что вы его сейчас прикончите. Полководец видит все сражение. Вы делаете то, что он говорит. Сразу же».

Сам Велисарий начал отступать от передней линии. Он водил глазами назад и вперед, оценивая действия своих войск. Все еще оставались группки римлян и раджпутов, которые

сражались мечами, но большая часть катафрактов отступала и достаточно быстро.

Конечно, раджпуты пытались их преследовать, но нагромождения из людей и лошадей, упавших на поле, сильно мешали их продвижению. Велисарий подумал, что эти тела и его людей задерживают, да и раджпуты не желали прекращать преследование.

Через несколько секунд Велисарий понял, что он сам и небольшая группа солдат находятся почти в самом конце отступающих римских войск. На самом деле они были даже несколько изолированы. Он был так занят, наблюдая за остальной частью армии, что не обратил внимания на собственное положение.

Валентин подтвердил его мысли.

— Мы торчим, как шип, полководец. Все впереди нас. Нам следует несколько увеличить темп или...

Какое-то движение привлекло внимание Велисария. Он заметил его уголком глаза, повернул голову и увидел небольшую группу раджпутов, которая перебралась через баррикаду из тел. Теперь враги неслись на них, и им оставалось преодолеть не более тридцати ярдов.

Велисарий даже не подумал обращаться в бегство. Против подобных этим врагов бегство определенно означало бы смерть. Он развернул лошадь, приготовил копье и почувствовал, как Валентин с Анастасием рядом с ним делают то же самое.

Раджпут во главе группы был очень высоким. Он приближался, держа копье над головой, типично для наездников без стремян.

Велисарий посмотрел вверх, даже поднял голову, на лицо высокого человека. У шлемов раджпутов отсутствовали забрала, имелась только небольшая защита для носа.

Велисарий узнал лицо Раны Шанги.

Сам Велисарий носил германский шлем. Тяжелые, загибающиеся пластины покрывали большую часть лица, а вот для носа защиты как раз и не было. И поэтому в то мгновение он понял: Шанга также узнал его.

«Друг через поле брани». Но теперь друг пересек поле и здесь больше не был другом. Велисарий собирался сразиться с человеком, который считался одним из величайших воинов в Индии.

Велисарий прижал ноги к бокам лошади, приготовил копье к удару и бросился вперед. Валентин ехал рядом, возможно, в шаге позади. Анастасий попытался сделать то же самое, но его перехватили два раджпута.

Двумя секундами позже Велисарий узнал, почему Рана Шанга считается живой легендой.

С тех пор, как Велисарий стал использовать стремяна, он всегда мог отразить удар вражеского копьеносца без них. До встречи с Раной Шангой. Царь раджпутов уклонился от более длинного и тяжелого римского копья, быстро повернувшись в седле, а затем со всей силы ударил собственным копьем сверху вниз, вложив в удар всю силу могучей руки.

В шею лошади Валентина. Наконечник копья безошибочно прошел между двумя пластинами, составляющими броню, и прорвал артерию. Лошадь начала харкать кровью и рухнула, Валентин свалился на землю.

Как и всегда во время сражения, Эйд усиливал ощущения и реакцию Велисария. Разум полководца, казалось, работал быстро, как молния. Но теперь по его нервным окончаниям курсировал лед, а не пламя. Как он понял, Шанга бил целенаправленно. Царь раджпутов видел Валентина в действии и, очевидно, рассчитал, от которого врага следует избавиться в первую очередь.

«Что не говорит в пользу моих перспектив», — мрачно подумал Велисарий.

Римский полководец развернул лошадь. Уголком глаза он заметил, что Анастасий теперь сражается против трех раджпутов. В это мгновение гигант обрушил удар на одного из врагов, и тот рухнул наземь. Однако, как понял Велисарий, в ближайшее время помощи от Анастасия ждать не приходится.

Шанга тоже разворачивался, готовый к атаке. Он находился слишком близко, чтобы использовать против него тяжелое длинное копьё. Оно теперь стало только помехой. Велисарий бросил копьё, выхватил длинный меч, пришпорил лошадь и понёсся вперед.

Мгновение спустя Шанга отклонил его удар щитом. Велисарию едва удалось прикрыться собственным щитом, чтобы отразить удар Шанги.

Сила удара, нанесенного человеком, который сидел на лошади без стремян, была потрясающей. В отличие от Велисария Шанга мог удерживаться на лошади, только сжимая ее бока коленями. Этот невероятный удар мечом был нанесен лишь одной силой верхней части туловища.

Велисарий сам был сильным человеком, но тут же понял, что безнадежно проигрывает в мощи. К счастью, большинство очень сильных людей действуют медленно, и Велисарий надеялся... Следующий удар последовал так быстро, что даже при помощи Эйда Велисарий едва успел заблокировать его. Третий удар... Велисарий даже не пытался сам нанести удар. Третий был направлен ему в бедро. Только помощь Эйда позволила Велисарию достаточно быстро прикрыться щитом, иначе его нога оказалась бы ампутирована. Но нога перестала что-либо чувствовать. Удар Шанги фактически вбил щит в бедро Велисария, а судя по звукам, сам щит треснул.

Следующий удар мечом разломил щит пополам. Только внешний железный обод все еще удерживал куски вместе.

Наконец Велисарий занес меч. Шанга заблокировал удар щитом, а затем быстрым как молния движением выбил меч из руки Велисария. Этим ударом царь раджпуттов наполовину выкинул Велисария из седла. Теперь щит римлянина стал абсолютно бесполезен.

Никогда в жизни Велисарию не приходилось противостоять такому невероятному сопернику. Он увидел, как на него опускается еще один удар этого ужасного меча, и понял: он — мертвец. Велисарий потерял равновесие, щит его был расколот, у него не было надежды заблокировать удар.

Но его разум, усиленный Эйдом, все еще работал. Его тело не могло отреагировать вовремя, все происходящее воспринималось, как в замедленном действии. У него даже нашлось время посчитать странной последнюю мысль: «Не верю, что Рагунат Рао сражался против этого человека целый день!»

Меч опустился. Но в последнее мгновение он отклонился в сторону. Не сильно, но достаточно, чтобы просто сбить Велисария с лошади, вместо того чтобы разрубить пополам. Остатки щита приняли большую силу удара, наконец он полностью раскололся на куски, но Велисарий осознал: у него сломана рука. Он пребывал в полубессознательном состоянии до того, как рухнул на землю, а после этого полностью отключился.

Его глаза все еще оставались открыты. Но его разум на несколько мгновений перестал работать.

Он увидел, как лошадь Шанги качнулась. Увидел, что из горла животного торчит копьё. Увидел пешего Валентина, который держал копьё. Именно благодаря Валентину упало животное. Велисарий увидел, как Шанга спрыгивает с падающей лошади, чтобы та не прижала его своим весом к земле. Меч все еще оставался в руке Шанги. Увидел первый удар Валентина, быстрый, как молния. Увидел, как Шанга отразил его, как раз вовремя. Увидел...

Ничего больше, только лошадиный бок. Огромная рука схватила его за воротник туники и подняла. Геркулес поднял фрукт. Полководец висел через седло, как куль с мукой.

Его разум снова заработал. Это седло Анастасия, — понял Велисарий. Он также понял — смутно — что слышит крик Маврикия. И крики других фракийцев. Велисарий слышал стук копыт и чувствовал, как лошадь под ним пошла галопом.

— Валентин, — прохрипел он.

— Валентину придется самому о себе позаботиться, — пророкотал Анастасий. — Я — твой телохранитель, не его.

— Валентин, — снова прохрипел Велисарий.

Вздых гиганта был слышим даже несмотря на грохот копыт вокруг.

— Мне жаль, полководец, — сказал Анастасий. — Мне будет не хватать этого ублюдка. Это уж точно, хотя я никогда не сказал бы это ему самому.

Затем Анастасий еще добавил:

— Не то что у меня когда-либо представится шанс. Теперь он сам за себя, против демона Шанги и двадцати тысяч его раджпутов.

Глава 14

Валентину не требовалось сражаться против двадцати тысяч раджпутов. Только против их величайшего царя.

К тому времени, как схватка между Раной Шангой и Валентином закончилась, все раджпуты из армии Дамодары находились на верху седловины и наблюдали за ней. Все, за исключением тех, кто был ранен так сильно, что не мог передвигаться, — и многие из них в последующие годы считали эту потерю большей, чем отрезанные конечности и шрамы.

В анналах Рима это сражение назовут битвой на перевале. Но среди раджпутов она также останется известна, как битва с мангустом.

Частично название было дано в честь Велисария. Раджпуты выиграли сражение, если считать победой обладание полем битвы. (Что считается победой в любой стране.) Но даже в свой день победы они знали, что римский полководец уступил очень мало, только самую пропитанную кровью землю. На самом деле мало, если учитывать неравенство сил и количество убитых и раненых с обеих сторон.

Да, они отогнали его прочь, захватили перевал и очистили путь к еще одной части горной системы Загрос. Но их ждет еще много перевалов, перед тем как они наконец прорвутся в Месопотамию. И римский полководец показал им, разрушениями и потерями, какую высокую цену он возьмет за этот проход.

Однако по большей части название было дано в честь Валентина.

Индусы по-своему смотрят на животных и включают их души в легенды. Увидев Валентина, западные люди часто вспоминали ласку. Но в Индии ласки не водятся. Вместо них есть мангусты. Такие же быстрые, такие же смертоносные, но ими скорее восхищаются за их хитрость, чем боятся их кровожадности.

Как и западные люди, индусы знают змей. Но они не разделяют западное отвращение к змеям. Скорее наоборот. По их мнению, есть мало таких же величественных Божьих тварей, как королевская кобра.

И именно эти глаза следили за схваткой и дали ей название. Валентин был гораздо меньше и слабее, чем великий царь, но оказался самым быстрым и ловким мастером по владению мечом, которых когда-либо видел кто-то из этих раджпутов. Большинство из них ожидали, что схватка продлится три минуты, но вместо этого она продолжалась три часа.

Римская армия тоже наблюдала и с гораздо более дальнего расстояния. К тому времени, как схватка вступила в решающую стадию, все выжившие римские солдаты уже перешли через брод. В относительной безопасности на дальнем берегу офицеры Велисария выстроили армию, пока врач занимался сломанной рукой полководца.

Вначале римские войска были напряжены. Они не исключали, что враг предпримет еще одну атаку. В конце концов все еще оставалось время — была только середина дня, а армия малва уже продемонстрировала свой характер и пыл.

Солдаты были напряжены, но не обеспокоены. Фактически римляне почти надеялись, что враги попытаются перебраться через реку. Римляне не сомневались в своей способности отбить атаку, причем нанести врагу тяжелые потери.

Но вскоре стало очевидно, что раджпуты не собираются предпринимать таких глупых шагов. Во-первых, они были опытными воинами. А, во-вторых, их полностью поглотило наблюдение за поединком один на один между Раной Шангой и Валентином.

К тому времени, как Велисарий вышел, из своего шатра с рукой на перевязи, римские войска уже расслабились и сами наблюдали за поединком. Точнее сказать, они слушали новости, которые приносили курьеры. Только Маврикий, используя телескоп Велисария, на самом деле мог видеть все.

Когда Велисарий подошел к Маврикию, хилиарх опустил телескоп.

— Ты слышал? — спросил он. Велисарий кивнул. — Самое большое сумасшествие, черт побери, которое я когда-либо видел, — пробормотал Маврикий.

Его отношение не удивило Велисария. Как и Эйда.

«Традиции поединка один на один между мастерами больше не являются частью греко-римской культуры, — прислал ментальный импульс Эйд. — И не являются уже более тысячи лет, со времен Гомера. Но это все еще живая часть индийских традиций, по крайней мере среди раджпутов. Даже два десятилетия правления малва не сломали эту романтическую идею рыцарства».

Велисарий посмотрел на перевал наверху. Казалось, раджпуты стоят на каждом дюйме склона, с которого можно видеть поединок.

Даже подразделения раджпутов, выставленные в дозор, заданием которых было следить, не начнут ли враги контратаку, отвернулись от римской армии.

«Если ничто другое, то годы в ярме малва заставляют их еще больше ценить этот момент, — добавил Эйд. — Ничего подобного с воинами Раджпутаны не происходило уже много лет. Просто бойня в Ранапуре, а до этого в Амаварати».

Маврикий протянул телескоп его законному владельцу.

Велисарий покачал головой.

— Один из двух людей, которых я ценю, сегодня умрет. У меня нет желания наблюдать за этим.

«Мне тоже очень жаль», — пришел ментальный импульс от Эйда. Он говорил тихо и мягко.

Маврикий снова поднял телескоп к глазам и снова стал наблюдать за поединком. Он ожидал подобный ответ Велисария. Он предлагал ему телескоп скорее потому, что должен был это сделать.

Но Маврикия все равно поражал командующий из малва.

— Самое большое сумасшествие, которое я когда-либо видел, — повторил он. — О чем, черт побери, думает Дамодара? — Он отвел телескоп на несколько дюймов от глаз и использовал его, чтобы показать на огромное количество раджпутов, покрывающих весь перевал. — Все, что от него требуется, — это отдать приказ, и от Валентина ничего не останется. Его тело будет не разглядеть от количества воткнувшихся стрел.

Велисарий покачал головой.

— Ни один раджпут не подчиниться этому приказу, и Дамодара это знает. Если он пошлет вместо себя кого-то другого, то посыльных убьют раджпуты. И вероятнее всего и самого Дамодару, если они решат, что это он отдал такой приказ. Кроме того...

Велисарий уставился через реку вверх по склону. Он не пытался следить за поединком между Шангой и Валентином. Он просто искал глазами Дамодару.

Эйд облек его мысли в слова.

«Человек, который достаточно долго ездит верхом на тигре, сам начинает думать, как тигр».

— Это чистое сумасшествие! — рявкнул начальник шпионской сети малва. Он гневно смотрел сверху вниз на Дамодару и показывал пальцем на вражескую армию, стоявшую на другом берегу реки в полумиле от них. — Пока вы теряете время на это легкомыслие, римляне убегают!

Командующий малва, удобно устроившийся на подушке, не отвечал несколько секунд. Его глаза оставались прикованы к двум мужчинам, яростно сражающимся в нескольких дюжинах ярдов. Когда он наконец ответил, говорил он спокойным мягким тоном.

— Это спорный вопрос, Исанаварман, — Дамодара бросил взгляд вниз по склону. — Ни при каких обстоятельствах я не прикажу своей армии форсировать реку против этого противника. — Его тон стал тверже. — Я определенно не намереваюсь отдавать такой приказ сегодня. Не после наших потерь от этих адских ручных пушек.

Он посмотрел на начальника шпионской сети. Смотрел холодно и сурово.

— О существовании которых меня не информировали. Люди, чьим долгом является знать о таких вещах.

Шпион даже не дернулся. Но отвернулся. За его спиной трое его подчиненных попытались сделаться невидимыми — настолько, насколько возможно.

— Лучшие шпионы в мире не могут обнаружить все, — пробормотал Исанаварман.

Начальник шпионской сети недовольно посмотрел на Нарсеса. Евнух сидел на подушке рядом с Дамодарой. Слева от Дамодары. По индийским традициям на этом месте обычно располагается главный гражданский советник господина.

— А твой римский домашний любимец тебя предупредил? — спросил Исанаварман, почти рыча. — У него есть свои шпионы.

— Всего несколько человек, — заметил Дамодара. Командующий малва снова следил за поединком. — Ничего подобного орде шпионов, которых Нанда Лал дал в твое распоряжение.

Начальник шпионской сети скрипнул зубами, но ничего не сказал. Да и что можно было сказать?

Нанда Лал являлся начальником над всеми шпионами империи малва и считал Исанавармана своим лучшим агентом. Нанда Лал назначил его начальником шпионской сети армии Дамодары именно по этой причине. Из-за географического расположения горной системы Загрос Дамодара командовал независимо. Его армия была единственной не под непосредственным зорким оком правителей из малва. Поэтому Нанда Лал послал Исанавармана со множеством шпионов, чтобы следить не только за врагами, но и за самим Дамодарой.

Так что можно было сказать?

Дамодара нашел слова.

— Для разнообразия сделайся полезным, Исанаварман. Опроси выживших йетайцев. Выясни все, что можешь об этих ручных пушках.

Исанаварман уже собрался что-то ответить, но Дамодара не дал ему.

— Сделай это. Я — главнокомандующий этой армии, а не ты. Ты — начальник шпионской сети. И все.

Господин из малва поднял руку и обвел ею окружающие их войска. Почти все были раджпуты, за исключением нескольких сотен кшатриев — тех, которые доказали свою доблесть и поэтому тоже оказались среди зрителей. Большинство кшатриев находились в лагере, прекрасно зная, что раджпуты не позволяют им присутствовать.

Исанаварман обвел взглядом массу солдат. Там также собралась примерно тысяча йетайцев. Но начальник шпионской сети не мог не заметить, что йетайцы разбросаны среди массы раджпутов маленькими группками. Часто это были отдельные воины, которые дружелюбно болтали с товарищами-раджпутами. Раджпуты с некоторым презрением относились к варварству йетайцев. Но в этот день они показали себя достойно, и никто не сомневался в смелости йетайцев.

— Сделай это, — повторил Дамодара. Он снова холодно посмотрел на начальника шпионской сети. — Уходи сейчас, Исанаварман. Здесь тебе не место.

Начальник шпионской сети ушел. Агенты Нанды Лала на самом деле не сбежали, но и не мешкали. Они не могли не заметить, как холодно и сурово смотрели на них другие люди. Глаза тысяч воинов-раджпутов, которые никогда не любили шпионов малва — ни в какое время и ни в каком месте — и определенно не здесь, не в этот доблестный день.

Когда они ушли, Дамодара склонился к Нарсесу. Взгляд командующего все еще был

прикован к поединку между Валентином и Раной Шангой, но казался несколько рассеянным, словно мысли Дамодары витали в другом месте.

— Думаю, у него больше нет орды шпионов, — тихо произнес он.

Как и всегда, Нарсес фыркнул, и это прозвучало великолепно.

— У него есть трое, которые пришли вместе с ним, и имеются еще два. Всем остальным плачу я. — Дамодара кивнул.

— Значит, сегодня ночью. Думаю, так будет лучше всего.

— Это будет идеально, — согласился Нарсес. — Сегодня сражение шло на грани поражения. Конечно, великая победа для малва, но и цена немаленькая. Хитрый римский полководец послал кавалерийское подразделение на наш лагерь. Жуткая бойня. Большие потери.

Нарсес согнул указательный палец. Аджатасутра, который сидел в десяти футах от него, встал и подошел поближе.

— Сегодня ночью, — прошептал Нарсес. — Если возможно, сделай все сам.

Аджатасутра не фыркал. Он никогда не фыркал. Странно, но это была одна из причин, по которой он нравился Нарсесу. Но в тонкой улыбке наемного убийцы не было и следа юмора.

— Эти надменные снобы уже много лет не пользовались кинжалом, — тихо сказал он. — Все эти годы они отдыхали в Каушамби, читали отчеты, в то время как несчастные агенты типа меня участвовали в авантюрах, от которых волосы встают дыбом, в компании с усталыми старыми евнухами.

Нарсес широко улыбнулся, также эмоционально, как фыркал. Это выражение на его лице рептилии появлялось нечасто и успокаивало не более, чем открытый рот кобры. Но улыбка оставалась у него на лице еще несколько минут.

Он развеселился, думая не о змеях, а о других животных. Тиграх и людях, которые выбирают езду на них.

Нарсес посмотрел на Дамодару. Теперь взгляд командующего малва был направлен на сражение, и в нем не осталось ничего туманного.

«У него самого вполне могли быть тигриные полосы», — подумал Нарсес.

В сказаниях бардов, в стихах поэтов истина приобретает розовый оттенок. На самом деле больше, чем оттенок. Факты поединка один на один между двумя великими воинами становятся чем-то чисто легендарным.

В легендах мало места для пота, и еще меньше для жажды и усталости. И совсем нет для необходимости мочиться.

Но факт остается: двое мужчин, которые сражаются друг с другом несколько часов, отдыхают. Отдыхают, даже если они сражаются полуголыми, голыми руками, а уж тем более, если на них надеты тяжелые доспехи, и они размахивают тяжелыми мечами. Поединок один на один между мастерами — это не мгновенная встреча в середине битвы, и по своей природе это — ритуальное действие. И как и у всех подобных дел, в сердце ритуала есть практический стержень.

После первых пяти минут Шанга с Валентином прервались, хватая ртами воздух. К тому времени место схватки уже окружили раджпуты. Кавалеристы Шанги все еще сидели на своих конях и держали в руках оружие. Один из них, увидев открытый участок между двумя сражающимися, направил лошадь на Валентина. И уже наполовину поднял копьё.

Шанга заорал в ярости — без слов. Раджпут дернулся назад.

Шанга воткнул меч в землю — осторожно, проверив, что в том месте нет камней, которые могут затупить острие, и оперся о него. Немного приведя дыхание в норму, Шанга показал пальцем на Валентина.

— Дайте человеку воды, — приказал он. — Если он захочет — вина.

Царь раджпутов несколько секунд изучал своего противника. Валентин все еще тяжело дышал, опершись на свой меч, но Шанга отметил, что больше он не хватается ртом воздух.

— И принесите нам еду и подушки, — добавил Шанга. Он улыбнулся, почти весело. — Думаю, они нам потребуются.

За следующие несколько минут, пока Шанга и Валентин отдыхали, раджпуты организовали все необходимое. Дюжина раджпутов собралась вокруг Шанги. Четверо направились к Валентину после того, как опустили оружие. Один из них нес бурдюк с вином, другой — бурдюк с водой, третий — свернутое одеяло, которое станет служить Валентину подушкой во время отдыха, четвертый — хлеб и сыр.

Шанга кивнул на них, не сводя глаз с Валентина.

— Они будут тебе помогать, — крикнул он римлянину. — Подадут все, что тебе потребуется.

Шанга выпрямился.

— Конечно, ты можешь сдать. В любую минуту.

На мгновение Валентин чуть не ответил так, как у него вертелось на языке — «А пошел ты в жопу!» — но сдержал импульс. Он просто покачал головой. Жест, который в конце перешел в легкий поклон. Даже Валентин, несмотря на свою циничность и строптивость, мог почувствовать приближение славы.

В последовавшие часы низкорожденный римский катафракт пробивал себе путь в индийские легенды. А его разум в это время удивлялся его действиям.

«Зачем ты это делаешь, ты, чертов дурак?»

Всю жизнь Валентина боялись другие люди. Боялись из-за его поразительной быстроты, его реакции, его сверхъестественного зрения — но больше всего за мгновенную способность убивать. На самом деле очень немногие люди могут убить мгновенно — пока другой снимает шляпу. С возраста десяти лет Валентин мог убить, пока соперник только дотрагивается до шляпы.

И поэтому люди боялись его. И находили его напоминающее пружину тело и узкое лицо более подходящими не человеку, а яростному хищнику.

«Потому что я устал, что меня называют лаской», — ответила душа.

Конец пришел внезапно, неуклюже, неожиданно — почти небрежно. Как и обычно происходит в реальном мире. Конечно, барды и поэты за столетия подчистят его.

Нога Шанги соскользнула, попав на камешек. На мгновение, когда он пытался сохранить равновесие, его щит ушел в сторону. Увидев проем, Валентин бросился на открывшуюся ногу раджпута. Это не был удар Геркулеса, просто обычный экономный удар Валентина. Быстро вскинутый меч глубоко вошел в бедро Шанги.

Раджпут упал на одно колено и закричал от боли. Боли — и отчаяния. Его ногу уже заливала кровь. Это не была ярко-красная, пульсирующая артериальная кровь, но все равно ее оказалось достаточно. Эта рана убьет его через полчаса, только от одной потери крови. На самом деле скорее. Через несколько минут боль и потеря крови ослабят Шангу достаточно, чтобы враг прикончил его.

Тогда...

Все другие люди, наблюдавшие за схваткой или слушавшие рассказы о ней в последующие годы, всегда будут предполагать, что Валентин допустил свою единственную ошибку.

Но правда была совсем другой. На протяжении часов схватки Валентин избегал мериться силой с Шангой. Вместо этого он противопоставлял поразительной мощи раджпута свою скорость. Скорость, хитрость и опыт. Он мог бы так закончить битву. И ему следовало так ее закончить. Кружа вокруг раджпута, делая пробные выпады, нанося порезы, чтобы Шанга дальше истекал кровью, но держась подальше от его невероятной силы до тех пор, пока соперник не ослабнет настолько, что быстрый смертельный удар все закончит. Убить царя, как волк приканчивает раненого быка. Как убивает ласка.

Но что-то внутри человека, похороненное глубоко, восстало. Впервые после начала

схватки — впервые в жизни, если сказать по правде — Валентин нанес героический удар. Мощный удар, со всей силы размахнувшись по голове раджпута.

Шанга выбросил меч вверх и вперед, чтобы заблокировать удар. Меч Валентина, опускаясь со своей вложенной в него силой, встретился с клинком, который держала сильнейшая рука в Раджпутане.

Самая прекрасная в мире сталь производится в Индии. От удара римский меч разломился надвое, и в кулаке Валентина остался кусок не более шести дюймов в длину.

Шести дюймов все еще может оказаться достаточно в схватке ножами. Валентин ни секунды не колебался. Быстрый как ласка, он бросился на колено и протянул руку с обрубком меча к горлу Шанги.

Царю раджпутов удалось вовремя опустить шлем. Обрубок соскользнул с закрывающей нос пластины и оставил глубокий порез на щеке Шанги. Снова пролилась кровь.

Этого было недостаточно. Хотя из горла Валентина не вырвалось крика отчаяния, он знал: ему пришел конец. Теперь, когда они находились так близко друг от друга, оба на коленях, все преимущество оказалось стороне Шанги.

Сам Шанга тоже никогда не имел склонности к колебаниям. Царь раджпутов мгновенно нанес удар. Валентин прикрылся щитом. Щит римлянина треснул. Еще один удар. Щит сломался. Еще один удар, в голову. Шлем сбился и сел криво. Наконец последний удар, снова по шлему, сталь треснула в месте шва, а Валентин распластался на земле. По меньшей мере без сознания. Вероятнее всего, мертвый, судя по крови, которая лилась из-под кусков германского шлема.

Шанга поднял руку, чтобы отрубить Валентину голову. Но остановил движение даже до того, как меч закончил подъем.

Он в этот день одержал великолепную победу. Славную победу. Он не станет ее пятнать ударом палача.

Шанга опустился на пятки. В полубессознательном состоянии уставился на небо. Садилось солнце, и горы омывал пурпурный цвет. Вокруг себя он в тумане слышал громоподобные крики из тысяч раджпутских глоток. А секунды спустя почувствовал, как руки укладывают его наземь и начинают перевязывать раны.

Славная победа. Он не чувствовал себя настолько очищенным уже много лет. Со дня, когда он сражался с Рагунатом Рао и впервые попал в индийские легенды.

В речной долине внизу римляне тоже слышали победные крики. Казалось, горы звенят от этого звука. Маврикий опустил телескоп.

— Все, — сказал он тихо.

Велисарий сделал глубокий вдох. Затем повернулся к Кутзесу.

— Пошли курьера с флагом перемирия. Я хочу узнать, мертв ли Валентин, чтобы наши священники могли провести погребальные обряды.

— А если жив? — спросил Кутзес.

— Спроси, не примут ли они выкуп, — на мгновение мелькнула хитрая улыбка Велисария. — Хотя не думаю, что смогу его себе позволить, несмотря на все мои богатства. Если только Дамодара на самом деле не сошел с ума.

— Ни за какое золото Рима, — мгновенно ответил Дамодара. — Разве я похож на сумасшедшего?

Когда Кутзес принес новость назад, Велисарий опустил голову. Но его сердце, впервые за много часов, взлетело к небесам.

— Он все равно может умереть, — предупредил Кутзес. — Они говорят, он потерял много крови. И у него проломлен череп.

Анастасий фыркнул. Как и Маврикий.

— Не Валентин, — сказал Велисарий. Поднял голову и улыбнулся шире, чем когда-либо в жизни. — Не мой воин. Не этот великий, яростный лев.

На следующее утро армия малва стала продвигаться вдоль реки. На северо-запад, прочь от римлян. Все еще удерживающая брод армия Велисария не предпринимала попыток им помешать.

Ни один солдат, ни на одной стороне не посчитал это странным.

— Опять маневры, — сказал один раджпут одному йетайцу. Варвар тут же согласно кивнул.

— Боже, как я люблю маршировать, — объявил один греческий катафракт. Его глаза обвели горы. — Он дает нам возможность полюбоваться пейзажем. Много недель, если повезет. Может, даже месяцев.

— И как мне не нравится смотреть на собственные кишки, — ответил ему сириец. — Даже одну минуточку.

Глава 15

Йемен.

Весна 532 года н.э.

— Это произойдет сегодня ночью. Точно, — заявил Менандр. Ашот покрутил рукой в воздухе. Движения означали гораздо меньшую уверенность.

— Может быть. А может, и нет. — Менандр твердо стоял на своем.

— Это произойдет сегодня ночью, — повторил он уверенно.

Молодой катафракт сделал два шага к входу в полевой штаб и откинул кусок материи, закрывающий вход. Лагерь римской армии находился в полумиле к востоку от небольшого оазиса. Менандр смотрел в том направлении, но его глаза скорее были прикованы к горизонту, чем к самому оазису.

Мгновение спустя к нему присоединился Евфроний. Молодой сириец — одного возраста с Менандром: двадцать с небольшим — разок взглянул на небо и кивнул.

— Солнце зайдет менее, чем через час, — сказал он. — После этого до полуночи будет светить луна. Арабы подождут, пока не зайдет луна. Затем атакуют.

Антонина сидела на стуле недалеко от центра шатра. Она улыбнулась. Как только поняла, что делает, убрала с лица улыбку. Но недостаточно быстро: Ашот ее заметил.

Ашот ей улыбнулся. Она улыбнулась в ответ, одновременно сохраняя суровое выражение лица, подобно строгой учительнице, которая укоряет старшего в классе ученика за насмешки над младшими.

И примерно с тем же успехом. Да, Ашоту хватило благородства сжать губы. Однако он все равно выглядел подобно кошке из пословицы, которая сожрала канарейку.

Ашот командовал пятьюстами катафрактами, которых Велисарий отправил вместе с Антониной в экспедицию. Ее муж выбрал армянского офицера для выполнения этого задания, поскольку считал, что Ашот — конечно, после Маврикия — является лучшим полевым командиром среди его букеллариев. По большей части решение Велисария основывалось на врожденных качествах Ашота. Но на Велисария также повлиял и опыт этого человека. Даже хотя Ашоту было только тридцать с небольшим, армянин успел поучаствовать в большем количестве сражений и кампаний, чем любой другой офицер среди букеллариев Велисария (и снова, конечно, за исключением Маврикия).

Из собственного опыта, накопленного за последний год, Антонина поняла, почему это так сильно повлияло на решение мужа. Она сама все еще оставалась новичком в военных делах. Снова и снова направляющая рука Ашота появлялась рядом, когда предположения Антонины оказывались неправильными.

«Враг не делает того, что ты от него ожидаешь? Да, обычно не делает. Нет проблем. Мы с этим справимся».

Евфроний и Менандр отвернулись от входа. С абсолютной уверенностью, которой обладают только молодые люди, они объявили о своем мнении.

— Сегодня ночью, — предсказал Менандр.

— Сразу после того, как сядет луна, — постановил Евфроний.

— Основная атака будет с востока, — заявил Менандр. Евфроний кивнул. Ну просто Солон, одобряющий суждение Хаммурапи¹⁸. — Единственное возможное направление. Они смогут воспользоваться садящейся луной, свет которой направит их на нас во время приближения. И они не заблудятся в оазисе.

Антонина расправила плечи.

— Хорошо. В таком случае проследите за приготовлениями. — Двое молодых офицеров вышли из шатра, откинув в сторону кусок ткани, закрывающий вход, с силой, словно пассаты¹⁹. Когда они ушли, Антонина посмотрела на Ашота. Армянин снова широко улыбался.

— Хорошо, — проворчала она. — Теперь скажи мне, что ты думаешь.

Продолжая улыбаться, армянин пожал плечами.

— Не знаю. И что касается этого дела — мне все равно. Они могут атаковать сегодня ночью — хотя я и подхожу к этому скептически, поэтому нам в любом случае следует подготовиться. Подготовку можно рассматривать, как хорошее учение.

Ашот взял стул и удобно расположился на нем. Теперь он одобрительно улыбался.

— Мне нравятся самоуверенные и дерзкие молодые офицеры, — сказал он. — Если только они — надежные парни. А на этих двоих определенно можно положиться. В них есть стержень. — Он снова пожал плечами. — Достаточно скоро вся чужь вылетит у них из голов. А пока я могу рассчитывать, что они выстоят во время бури. Когда бы она ни пришла, и с какого бы направления ни пришла.

Антонина подняла кубок со стола, стоявшего рядом со стулом, и отпила глоток. Кубок был наполнен водой из ближайшего оазиса, разбавленной небольшим количеством вина.

— А почему ты не думаешь, что они атакуют сегодня ночью? — спросила она.

Ашот почесал щеку, потом провел руками сквозь жесткую бороду.

— Просто это не кажется мне вероятным, и все. Нам предстоит столкнуться с бедуинами-номадами. Они способны передвигаться быстро — после того как приняли решение. Достаточно быстро, даже по пустыне. Поэтому они в самом деле могут оказаться на месте сегодня ночью.

Он склонился вперед и поставил локти на колени.

— Но я знаю эту породу. Могу почти гарантировать: они потратят два или три дня, споря и ругаясь, перед тем как решат, что именно делать. — Ашот усмехнулся. — Именно поэтому мы встали к северу от Саны, вместо того чтобы находиться прямо на побережье с Эоном и его сарвенами.

Антонина кивнула. Тактику этой кампании изначально разрабатывали Ашот и Вахси. Конечно, Антонина с Эоном одобрили план. Но ни он, ни она с самого начала не считали себя достаточно квалифицированными, чтобы его разрабатывать.

И она знала, что если бы они все-таки занимались разработкой плана, то никогда бы не придумали этого. Ашот с Вахси были ветеранами кампаний, а не только сражений, и мгновенно увидели слабость в стратегической позиции предателя Абрехи. Его проблема являлась в большей степени политической, чем просто военной.

Абреха держал Йемен с только двумя восставшими полками из армии Аксумского

¹⁸ Солон (640-559 гг. до н.э.) — политический деятель и соц. реформатор Афин. Его причисляли к легендарным «семи мудрецам». Хаммурапи (1792-1759 гг. до н.э.) — царь Вавилонии, с именем которого связано возвышение Вавилонии. Искусный политик и полководец.

¹⁹ Пассаты — устойчивые на протяжении года воздушные течения в тропических широтах над океанами.

царства. Эти два полка, Метин и Фалха, забаррикадировались в столице провинции Сане. Третий полк, Хален, расквартированный в Аравии, в Марибе, все еще сохранял нейтралитет в гражданской войне.

Поэтому основная часть сил Абрехи — более трех четвертей его людей — состояла из арабов — солдат нерегулярной армии, воинов из различных племен бедуинов в Южной Аравии, под неустойчивым командованием разрозненной горстки вождей. По отдельности арабские кочевники были яростными бойцами. Но у них практически отсутствовала дисциплина, и их концепция войны была концепцией разбойников и пиратов. Они собрались под знамена Абрехи не потому, что их волновало, кто из Аксумского царства станет править в Южной Аравии, а поскольку таким образом у них появлялся шанс поучаствовать в грабежах.

Поэтому Антонина предлагала им сочную сливу — свою небольшую армию из римлян, которые отделились и находились на удалении от основных сил аксумских сарвенов, высадившихся на побережье рядом с Саной. В этой части света Рим считали богатой землей. Те немногие золотые монеты, которые имелись у арабов, были солидами²⁰, отекавшими в Константинополе. Среди племен ходили слухи, что улицы знаменитого города, столицы Римской империи, вымощены золотом. (Конечно, среди них иногда встречались скептики, которые считали рассказы невероятными. Наверняка — серебром, но не золотом.)

И вот теперь на их земле оказалась группа богатых римлян, не больше двух тысяч человек. Да они просто просят, чтобы их обчистили! В глазах бедуинов количество воинов, способных оказать сопротивление, на самом деле было гораздо меньшим. По крайней мере пятьсот из этих римлян — женщины!

И это, конечно, служило еще одним побудительным мотивом к атаке. Бедуины вместе с сокровищами захватят наложниц. К тому же ходили слухи, что римские женщины — самые красивые в мире. (И конечно, снова встречались скептики. Но они сами были женщинами, и ими руководили ревность и злоба.)

Это был хитрый план. Даже если Абреха попытается остановить арабов из нерегулярной армии, те проигнорируют его приказы. Но Ашот с Вахси думали, что Абреха, по всей вероятности, не станет возражать. Чисто с военной точки зрения атака на римский лагерь покажется ему хорошим шагом. Приближаясь к Сане с севера, отдельной колонной, римляне были изолированы от аксумской армии под предводительством Эона. Абреха увидит шанс разбить врагов по частям.

Хитрый план — и рискованный. Под знаменами Абрехи собралось по меньшей мере пять тысяч бедуинов. Они будут иметь численное превосходство над римскими силами в пропорции, по крайней мере, три к одному.

Антонина перевела взгляд в угол шатра. Там на небольшом столике лежала ее собственная ручная пушка. Несмотря на то что она терпеть не могла это приспособление, вид оружия помог ей восстановить уверенность.

Ручная пушка была меньше, чем тяжелые орудия, которыми вооружилась ее Когорта, и гораздо более изысканно сделана. Иоанн Родосский сделал эту ручную пушку лично для нее. Сказал, что это — прототип вооружения, которое он планирует разрабатывать для кавалеристов. Иоанн называл эту ручную пушку пистолетом.

— Для точности тут у нас дустволка, причем стволы расположены один под другим, — пояснял он Антонине, когда вручал оружие за неделю до ее отплытия из Александрии. — Это первое оружие, которое сделано с использованием новых ударных капсулей-детонаторов. Красивая штука, да?

Повертев оружие в руке, Антонина подумала, что определение «красивая» — абсурдно. Для нее оружие выглядело гротескно, уродливо, неудобно и, черт побери, оно было тяжелым! Женщина с трудом могла держать его одной маленькой ручкой.

²⁰ Солид — золотая римская монета, имела массу 4, 55 г.

— Нет, нет, Антонина! — воскликнул Иоанн. — Нужно его держать обеими руками! Вот — сюда левую, под ствол. Именно поэтому там деревянная часть. — Его выражение лица изменилось с гордого на отчасти смущенное. — Пока это, конечно, еще не настоящий пистолет, ну если только для очень крупного мужчины. Но он — лучшее, что я мог сделать за такое короткое время.

Несмотря на невысказанные вслух мысли, Антонина поблагодарила Иоанна за подарок. Очень долго благодарила тогда, когда он ей его вручал. Через два дня, после того как она провела несколько часов на стрельбище — Иоанн на этом очень настаивал, благодарила она его менее сердечно. Антонина не сомневалась, что проклятая штуковина выполнит свою смертоносную работу, если настанет момент и когда он настанет. Но у нее болели руки, и к тому же задница вся была в синяках, поскольку она многократно валилась на землю от отдачи. Более того, у нее имелись мрачные подозрения — черт побери врачей, мало ли что они там говорят — что по крайней мере одно плечо у нее выбито. Причем постоянно, судя по ощущениям.

Ашот проследил за ее взглядом.

— Чертова уродливая штуковина, — проворчал он. — Как я рад, что мне не приходится стрелять из этих ручных пушек. Даже из этой, не говоря уже про те костеломки, которыми пользуется Когорта.

Однако, несмотря на всю мрачность слов, выражение его лица было достаточно веселым. Он откинулся на спинку стула и положил руки на колени.

— Расслабься, Антонина. План сработает. Он кажется значительно более рискованным, чем на самом деле, если только мы сами все не испортим.

Антонина выдохнула воздух.

— Ты так уверен в ручных пушках? — спросила она. Ашот фыркнул.

— Антонина, у меня нет уверенности ни в каком оружии. Оружие — это просто орудия труда, и меня совершенно не волнует, насколько они усовершенствованы и прекрасны. Не лучше, чем люди, которые ими пользуются.

Он махнул рукой.

— Но я уверен в этих сирийских ребятах. И их женах. Но больше всего я уверен в полководце.

Под словом «полководец» Ашот имел в виду Велисария. Как и большинство букеллариев, Ашот так никого другого не называл. Поэтому Антонина удивилась, когда Ашот добавил:

— Обоих полководцах.

Она вопросительно посмотрела на него. Ашот усмехнулся.

— Неужели твой муж никогда не упоминал тебе о нем? Я уверен, что должен был бы.

Тогда Антонина поняла, на кого ссылается Ашот. Велисарий делал гораздо больше, чем «упоминал» ей этого другого полководца. В течение недель перед его отправкой в Персию, в прошлом году, Велисарий проводил половину времени, готовя жену к экспедиции. Он часами тренировал ее, день за днем, обучая тактике того полководца. Он даже настаивал — единственный раз настаивал — чтобы она взяла Эйда в руку и вошла в мир видений кристалла. Антонина почти содрогнулась, вспомнив сцены жуткой бойни. Но, вспомнив сражение под Ватерлоо, она также приобрела уверенность. Там снова и снова отбивали французскую конницу, которая выступала против пехоты Веллингтона у горного хребта Лесант.

— Может, сегодня ночью, — услышала она бормотание Ашота. — А может, и нет. Не имеет значения. Мы сломаем ублюдков, когда бы они ни пришли.

Он хрипло рассмеялся.

— Единственное, что я знаю точно, Антонина, это следующее. Через месяц эти горячие бедуинские головы будут грустить у себя в шатрах. И называть тебя Железным Герцогом.

Глава 16

Атака началась две ночи спустя, задолго до того, как скрылась луна, и с юга. Менандр с Евфронием были чрезвычайно недовольны. Тактика их врагов совсем не имела смысла!

Но они достаточно быстро с этим справились. Очень быстро. Если арабам и не хватало тактических знаний, они их компенсировали другими способами.

Ашот не удивился — ни тактике арабов, ни ярости их атаки. И момент оказался тем, на который он рассчитывал — если судить по времени дня. Он на самом деле не ожидал, что у бедуинов из нерегулярной армии хватит терпения ждать до полуночи. Они пришли с юга и воспользовались преимуществами лунного света, который освещал путь. Да, тот же самый лунный свет делал их более легкими целями, но степные воины только смеялись над такими недостойными мужчин вещами. Из-за этого настоящие мужчины не беспокоятся! Более того, к югу, почти рядом с лагерем римлян, находилась возвышенность. Она скроет приближение арабов и даст им преимущество, когда они бросятся в атаку вниз со склона.

Ничто из этого, как и предполагал Ашот, не сыграло роли. Когорта Феодоры была готова уже три дня. Как только солнце село, войска привели в полную боевую готовность. Оружие зарядили, даже зажгли длинные фитили, от которых станут поджигать запалы. Мушкетеры надели на пояса короткие мечи. Их жены выложили гранаты, обрезали запалы. Заостренные палки установили в земле с интервалами в восемнадцать дюймов, обеспечивая дополнительную защиту мушкетерам. Фракийские катафракты спешили и приготовили пики.

Непрекращающийся легкий ветерок разносил по лагерю запах тлеющих длинных фитилей, Катафракты и Когорта ждали. Ашот ждал.

Менандр и Евфроний продолжали с той же юношеской уверенностью обсуждать предстоящую атаку. Антонина произносила молчаливую молитву за упокой души полководца, с которым она никогда не встречалась и никогда не встретится, где бы его душа ни находилась.

Через два часа после захода солнца началась атака. С внезапным гиканьем несколько тысяч арабов на верблюдах понеслись через возвышенность и вниз по склону на лагерь. Большинство из них держали в руках мечи, но у многих имелись факелы, которыми они тоже размахивали.

— Что это, черт побери? — спросил Менандр.

— Что с этими глупыми... — начал Евфроний, но молодой командующий Когортой быстро замолчал. Ему требовалось заняться выполнением своих обязанностей. — С пращами! На юг! — крикнул он. — Как только враг окажется в радиусе действия!

И он побежал, проверяя месторасположение мушкетеров.

Менандр остался позади, стоя рядом с Антониной и Ашотом. Менандр отвечал за катафрактов-пикинеров, но на самом деле ему было нечего делать. Все катафракты являлись ветеранами сражений, и отсутствие логики в атаке врага удивило их не больше, чем Ашота. И в отличие от мушкетеров им не требовалось перетаскивать с места на место неудобное оборудование. Не ожидая приказов, подразделения просто слегка изменили позиции.

Им не требовалось далеко идти. Ашот разбил лагерь таким образом, что римские войска занимали плотно заполненный квадрат. Мушкетеры формировали переднюю линию, по всем четырем сторонам, их защищал ряд заостренных палок. Катафракты-пикинеры заняли позиции в нескольких ярдах позади, готовые сформировать дополнительную защиту, если потребуется. Гренадеры с сотней катафрактов, которых Ашот оставил в резерве на лошадях, располагались в центре лагеря.

«Радиус действия» для гренадеров с пращами означал сто пятьдесят ярдов. К тому времени, как первая волна арабов оказалась на этом расстоянии от римского лагеря, жены сирийцев обрезали и подожгли запалы. Гранаты отправились в полет.

Ашот взобрался в седло. Ему это удалось без чьей-либо помощи и с относительной легкостью. Как и остальные катафракты, он облачился не в полные доспехи, а только

частично. Он считал, что этого достаточно против легко вооруженных солдат нерегулярной армии. В этом сражении важнее мобильность, чем защита и ударная сила атаки.

Ашот в любом случае не планировал никаких громоподобных вылазок. Если его малое количество кавалеристов покинет безопасность лагеря, то их проглотит море бедуинов. Их целью являлось обеспечение резкого быстрого контрудара, если возникнет угроза прорыва врага сквозь передние ряды.

Конечно, Менандр и Евфроний с ним спорили.

— Нельзя разбить врага без преследования кавалерией, — разумно указал Менандр. Евфроний согласно кивнул.

— Не требуется, — спокойно ответил Ашот. — Мы не выступаем против дисциплинированных солдат регулярной армии, которые перегруппируются после поражения. Бедуины вообще имеют смутное представление о построении. Они будут атаковать, как маньяки, но если мы их отобьем, сильно обескровив, то они решат, что боги не благоволят этому делу. Они растворятся в пустыне и вернутся к своим стадам. Для наших целей этого достаточно. Они не будут на стороне Абрехи, когда Эон и Вахси станут штурмовать Сану.

Конечно, это не убедило Менандра и Евфрония. Но молодые парни удовлетворились долгим обменом мнениями по вопросу старческого слабоумия.

Ожидая атаку, Антонина делала меньше, чем кто-либо. Она просто следовала совету Ашота, лучше сказать: инструкциям — и оставалась на своем месте. Прямо в центре лагеря, где все могли ее видеть и слышать.

— Твоя работа — это просто придавать войскам уверенность, — весело объяснял Ашот. — И все, Антонина. Просто стой там, такая же целеустремленная, как Афина, и выкрикивай одобрения. И обязательно надень эту похабную кирасу.

Антонина надела кирасу при помощи служанки Кутаны. Глядя вниз на свои огромные латунные сиськи, она отреагировала обычным образом.

Веселье Ашота прошло.

— И попытайся не хихикать, — проворчал он. — Это плохо выглядит, когда так себя ведет командир во время отчаянного сражения.

Антонина захихикала.

Теперь, ожидая атаку, Антонина без труда сдерживала смех. Внешне она поддерживала невозмутимый вид, но внутренне очень боялась. Если сказать по правде, была в ужасе.

Ашот легко может делать свои ветеранские заявления, а молодые офицеры — с уверенностью объявлять о предстоящем развитии событий. Но все, что видела Антонина, уставившись на орду вопящих кочевников, несущихся вниз по склону, как природный катаклизм, сопротивляться которому невозможно, — это волна насилия и убийства.

Она проклинала вес неудобного оружия, но тем не менее изменила положение ремня, на котором у нее через плечо висел пистолет. Ее рука потянулась к рукоятке «меча». После того, как пальцы сжались вокруг простой деревянной ручки, Антонина почувствовала, как возвращается уверенность. Она и раньше пользовалась этим мясницким ножом — и пользовалась успешно, чтобы защититься от насилия и убийства, когда нанятые малва головорезы напали на нее в Константинополе. Позднее Маврикий купил мясницкий нож и передал ей, как ее личное оружие для сражения на ипподроме²¹. «Спроси любого ветерана, Антонина, — заявил он ей тогда. — И все они скажут тебе: ничто так не важно во время сражения, как иметь при себе надежное, проверенное в деле оружие».

Мясницкий нож принес ей уверенность. И еще большую уверенность принесли слова,

²¹ См. роман Д. Дрейка и Э.Флинта «В сердце тьмы».

которые прошептал Ашот:

— Это просто еще одна драка в кухне, Антонина. Подобная той, в которой ты участвовала раньше.

Гранаты начали падать среди арабов. Лишь немногие из них не попали по целям. Управляющиеся с пращами сирийцы теперь сами стали ветеранами. Уверенность, которую они приобрели, добавленная к их навыкам, обеспечивала убийственную партию гранат.

Как и раньше против кавалерии, основной эффект от взорвавшихся гранат был моральным. От этих грубых приспособлений погибли отдельные арабы, и лишь немногие получили серьезные ранения. Большинство потерь понесли животные, но даже верблюды серьезно не пострадали. В предыдущий год, когда гранаты использовались против восставших катафрактов Амброза на вымощенных улицах Александрии, картечь из взорвавшихся гранат повредила незакрытые броней ноги лошадей. Но здесь, на песке пустыни, рикошетов, которые могли бы увеличить количество ранений, не было.

То есть верблюды сильно не пострадали физически. Но эти животные оказались совершенно непривычны к артиллерийскому огню и сразу же начали паниковать. Звук и ярость взрывов вызвали большую часть этого ужаса. Но даже вид горящего запала у летящей гранаты вызывал падение верблюдов — и они начали отступать.

Верблюды — это крупные животные, тяжелее лошадей. После того как они начали бросок вниз по склону, их было невозможно остановить. Но бросок, когда сотни верблюдов падали или от ран, или просто от страха, превратился в нечто подобное лавине. Да, лавина — страшная вещь. Но у нее совсем нет мозгов. К тому времени, как тысячи бедуинов собрались у подножия возвышенности, примерно в пятидесяти ярдах от передней линии римлян, они оказались не более скоординированы и не более осознавали свои цели, чем сдуваемый ветром снег.

Евфроний отдал приказ.

— Готовься! — Антонина задержала дыхание. — Огонь!

Пятьдесят ярдов — это в радиусе действия аркебуз. Некоторые пули прошли мимо, а многие просто были похоронены в песке. Но из сотен выпущенных во время первой партии почти четверть нашла человеческие цели.

Практически не имело значения, куда попали пули — в голову, туловище или конечность. Скорость полета выпущенной из ствола пули быстро падает. Но на расстоянии пятидесяти ярдов скорость упала не настолько, чтобы свинцовые восьмидесятимиллиметровые снаряды не сыграли роли. Тяжелые пули на таком расстоянии вызывали жуткие раны — и ударяли с невероятной силой. Руки отлетали в стороны. Трескались бедренные кости. Люди умирали просто от шока.

Первая линия мушкетеров отступила, ее заменила вторая. Антонина ожидала, что Евфроний отдаст приказ стрелять немедленно, но сириец ждал, пока рассеется густой дым. Антонина стала нетерпеливо приплясывать, пока не поняла, что делает, и не заставила себя стоять спокойно.

Сдерживаться было трудно, хотя Антонина и понимала, почему Евфроний бездействует: невозможно ничего разглядеть более чем в нескольких ярдах от передней линии. И было бы невозможно даже в дневное время. Даже верх возвышенности скрывал дым. Пока дым не рассеется, мушкетеры смогут стрелять только наугад.

В дыму начали появляться просветы. Евфроний отдал приказ, и аркебузы снова прогрохотали.

Вторая линия отступила и вперед вышла третья. К этому времени, как увидела Антонина, первая линия уже перезарядила оружие и была готова снова стрелять.

Антонина испытала определенное женское самодовольство. Как она знала, ее войска могли стрелять гораздо быстрее, чем войска ее мужа. Несмотря на тот факт, что и те, и другие использовали однотипное оружие, у ее солдат рядом стояли жены. В Когорте Феодоры насчитывалось в два раза больше ручных пушек, чем стрелков. Женщины

перезаряжали оружие. Как только мужчины выстреливали, им в руки передавалось другое оружие, а жены брались перезаряжать только что использованное.

С этим преимуществом Когорта сможет добиться скорости стрельбы, приближающейся к скорости солдат Веллингтона. Конечно, по мере продолжения сражения скорость быстро упадет. После того как из грубых аркебуз произведено несколько выстрелов, остатки пороха скапливаются внутри. Оружие следует чистить, перед тем как снова заряжать, и даже опытные и ловкие сирийские женщины не могут сделать это мгновенно.

Тем не менее...

— Огонь! — услышала она крик Евфрония. Третья линия выстрелила.

Единственная причина, по которой ее войска не поддерживали более высокую скорость стрельбы, заключалась только в том, что клубы дыма должны были рассеиваться перед тем, как они смогут целиться. Если бы дул сильный ветер, то они могли бы практически неустанно бить арабов.

Антонина выругалась на легкий пустынный ветер. Ругательство оказалось эффективным. Внезапно сильный порыв продул огромную дыру в дымовой завесе.

Через несколько секунд проем закрылся после второго выстрела первой линии. Но в эти секунды Антонина увидела причиненные ими разрушения.

К этому времени, точно так же, как и во время схватки в кухне в Константинополе, Антонина не чувствовала ничего, кроме контролируемой ярости. Но даже с жаждой битвы, горящей у нее внутри, она была рада, что видит происходящее только в тусклом лунном свете. Вопли, доносящиеся из темной массы сражающихся людей, и так заставляли кровь стыть в венах.

«Это должен быть чистый ужас».

Однако мысль маячила только на грани сознания. А главным было понимание: враг достаточно пришел в себя, чтобы изменить тактику. Вопли боли приглушались сумасшедшими, неистовыми криками и приказами. Смутно просматриваемое движение сливалось воедино и растекалось на стороны.

— Они идут по флангам! — заорал Ашот достаточно громко — его услышали во всем римском лагере. Сразу же после этого густого баритона Антонина услышала высокий голос Менандра. Молодой катафракт менял позиции подчиненных ему пикинеров, прикрывая ими все четыре стороны лагеря.

Секунды спустя Евфроний сделал то же самое. Командующий Когорты концентрировал половину своих мушкетеров на южном фланге лагеря, лицом к возвышенности. Теперь он начал перемешать подразделения на другие три стороны.

Не прошло и двух минут, как римское построение стало классическим пехотным квадратом, который ошетинился длинными мушкетами и пиками. Арабы окружали лагерь со всех сторон, атаковали по всем четырем небольшими группками, которые бросались на римлян.

Впервые в работу вступили пикинеры. Несмотря на молодость, Евфроний был слишком хитер, чтобы тратить целые залпы на небольшие группы вражеской кавалерии. Угроза этих залпов по большому счету и была тем, что держало врагов на расстоянии. Если бы римские мушкетеры стреляли слишком часто, то их оружие безнадежно засорилось бы.

Поэтому Евфроний терпеливо ждал, пока не увидел, как в одном месте собралась достаточно большая группа арабов. Тогда и только тогда дым наполнил воздух. А тем временем работали пики, удерживая на расстоянии небольшие группки арабов — иногда только и одного человека, — которые пытались прорываться сквозь римские ряды.

«Работали» — это по большей части означало просто удерживали позиции. Нечасто требовалось по-настоящему протыкать врагов.

Это не происходило по причине трусости тех, кто выступал против пик. Никто не сомневался в смелости бедуинов или их готовности броситься на римские ряды. Но срабатывал один простой фактор, который часто замазывается историками и всегда поэтами и бардами. Они не говорят, что лошади и верблюды — уравновешенные, трезвомыслящие,

здравые, рациональные существа, и их нельзя заставить броситься на стену из пик или копий. Некоторое количество верблюдов или случайно, или оттого, что пребывало в полубессознательном состоянии от ран, наткнулось на копья. Копья валили их наземь вместе с ездоками. Но огромная масса животных отшатнулась, несмотря на крики и команды их хозяев.

Антонина через несколько минут почувствовала, как ее напряжение спадает. Ей говорили — заверяли ее — что это будет так. Ее муж, Маврикий и Ашот. Тем не менее увидеть — значит поверить.

«Стой на месте, любовь моя, — говорил ей муж. — Просто удерживай позиции, пиками, копьями и ручными пушками. Никакая конница в мире не сможет тебя сломить, если только они не сломят твою волю. Может артиллерия, но с ней тебе столкнуться не придется — там, куда ты отправляешься».

На протяжении лет Антонина сомневалась во многих вещах относительно себя. Но никогда — в своей воле. Она была маленькой женщиной, но в ней имелся стержень, достойный Атланта.

Поэтому пока битва яростно продолжалась, Антонина делала именно то, что говорил ей Ашот, а до него — ее муж и Маврикий. Она просто стояла в центре лагеря и выглядела спокойной и уверенной. Иногда выкрикивала одобрительные слова, подбадривала своих солдат, насвистывала мелодии — все, что угодно, только бы не хихикать.

Но ей только один раз пришлось сдерживать желание хихикнуть. Ее служанка Кутина, у которой во время сражения не было никаких обязанностей, настояла, чтобы находиться рядом с Антониной. Пришел момент, когда Кутина кивнула с умным видом, словно подтвердилось какое-то ее внутреннее подозрение.

— Я знала это, — сказала она. Молодая египтянка бросила взгляд на стену пик и мушкетов и спокойно сняла их со счета. — Они боятся твоих огромных сисек, вот в чем дело. Именно поэтому они и не подходят ближе.

В самом конце Антонина выучила еще один урок. Ее муж и Маврикий, и Ашот тоже говорили ей об этом. Она забыла или просто не верила до конца.

Сражения — вещи непредсказуемые. Сам хаос во плоти.

Бедуины наконец сломались и вопили в отчаянии. Тысячи арабов поскакали прочь от лагеря, убегая в пустыню. Но по какому-то странному выверту судьбы большая группа вражеских наездников внезапно молотом врезалась в южный фланг римского квадрата.

После первых моментов битвы, когда солдаты, стоявшие лицом к возвышенности, первыми приняли на себя всю тяжесть атаки, сражение для них проходило легко. Если и ничто другое, то огромное нагромождение человеческих тел и туш верблюдов перед ними не позволяло остальным арабам к ним приблизиться. Теперь Бог знает откуда в их линию с громом врезалось около двадцати бедуинов.

Линия оказалась недостаточно крепка. Римский фланг не сломался, но треснул. Трое бедуинов смогли ворваться в сам лагерь. Катафракты Ашота, сидевшие на лошадях в резерве, поскакали в их сторону.

До того как катафракты смогли до них добраться, двоих арабов убили выстрелами. Верблюда третьего араба уложили ударом копья. Бедуин спрыгнул с падающего животного, подобно ловкому акробату, перекатился и встал на ноги.

И оказался не более чем в шести ярдах от того места, где стояла Антонина. Одна, за исключением Кутаны.

Служанка закричала и бросилась прятаться за Антонину. Привлеченный звуком, кочевник повернул голову. Мгновение спустя он бросился к ним, подняв кривую саблю высоко над головой. Человек кричал, как сумасшедший.

Антонина даже не подумала достать мясницкий нож. Против уличных головорезов это верное лезвие сотворило чудеса. Но оно было бы не более эффективно, чем перочинный нож, против человека, который атаковал ее в эти минуты.

Она сорвала с плеча пистолет. На мгновение запуталась со спусковым крючком и двойным барабаном, пока бесконечные часы тренировок под руководством Иоанна Родосского не принесли результат. Антонина уверенно положила палец на спусковой крючок, нацелила пистолет и выстрелила.

Как и всегда, грохот оглушил ее, и от отдачи ее наполовину развернуло. Но Антонина проигнорировала боль, на самом деле даже не заметила ее.

Антонина снова судорожно подняла оружие. Она была поражена, что араб все еще стоит. Ее первый выстрел попал ему по ребру. Правая сторона тела покрылась кровью. Антонина могла видеть, как кусок ребра торчит из тела и блестит в лунном свете.

Бедуин даже не поморщился. Теперь он прекратил вопить. Его лицо казалось спокойным, подобное посмертной маске. Мужчина протянул левую руку и прикрыл ею ужасную рану в боку. Затем снова направился на Антонину. Он все еще продолжал держать саблю в правой руке.

На мгновение Антонину парализовало жуткое зрелище. Затем она сама словно обезумела.

— Черт тебя подери! — заорала она. Потом прыгнула вперед и врезала дулом по груди араба. Ярость ее броска была такой великой, что маленькая женщина на самом деле заставила мужчину отступить на два шага. Она гнала его при помощи пистолета яростью своего тела, в то время как ее холодный разум прокручивал многократно повторенную последовательность.

Бедуин поднял саблю.

«Палец на передний спусковой крючок. Ввести правый курок».

Она нажала на спусковой крючок. И снова дернулась от отдачи.

Антонина не обращала внимания на боль. Все еще выкрикивая ругательства, она опять бросилась вперед и со всей силы замахнулась тяжелым пистолетом на голову араба.

Пистолет вылетел у нее из руки и полетел по воздуху. Антонина потеряла равновесие от всех суматошных движений, замахала руками в воздухе, пошатнулась и упала на задницу. Тяжелая кираса также тащила ее вниз.

Она уставилась на своего противника. Мужчина лежал на спине, всего в нескольких футах. Как поняла Антонина, замахивалась она на пустое место. Второй выстрел разорвал арабу сердце и вероятно вместе с ним еще и пробил позвоночник. Враг упал даже до того, как она начала замахиваться.

Наконец Антонина почувствовала боль. Ее ладони болели. Ее руки болели. Ее плечи болели. Ее задница болела. Даже сиськи болели, там, где во время падения их прижала кираса.

— Оу, — пробормотала она.

Мгновение спустя рядом оказалась Кутана, встала на колени, схватила хозяйку. К несчастью, схватила сильно — отчаянно, как испуганный котенок — и еще надавила на грудь, в результате чего кираса сильнее вдавилась в плоть.

— Оу, — почти в отчаянии Антонина попыталась оторвать от себя Кутину. Или по крайней мере сместить хватку анаконды, которую проявила девушка, немного ниже груди.

Над нею показался Ашот. Антонина уставилась на него снизу вверх.

— Ну, сражение выиграно, — объявил катафракта. — Полная победа. Мы больше не увидим этих арабов. Как и Абреха.

Ашота эта новость не особо радовала. Как раз наоборот. У него было мрачное и обвиняющее выражение лица.

— Я тебя предупреждал, — рявкнул он, гневно уставившись на тело мертвого араба.

За спиной Ашота подошли еще два катафракта. Они возвышались над невысоким армянином, как он сам возвышался над Антониной. Огромные мужчины.

Антонина узнала их. Их звали Матвей и Лев. Это были два катафракта, которых Ашот предложил в качестве ее телохранителей, когда экспедиция покинула Александрию.

Антонина отказалась от предложения. Она тогда не могла объяснить почему, даже себе

самой. Или по крайней мере не хотела. Она знала, что у ее мужа есть телохранители. Кстати, Валентина с Анастасием все называли лучшими бойцами среди фракийских букеллариев. Но для Антонины...

Нет. Она считала, что в телохранителях нет необходимости. В отличие от Велисария, который лично вел своих людей в бой, Антонина не собиралась фактически участвовать в сражениях. И также в ней сидело ослиное упрямство, которое отвергало идею.

«Я что, маленькая девочка, которой нужны дуэньи?»

— А предложение все еще остается в силе? — прохрипела она. Ашот фыркнул. Махнул Матвею и Льву.

— У вас новая работа, парни.

— Давно пора, — пробормотал Матвей себе под нос, но Антонина его услышала.

Лев ничего не сказал. Он почти никогда ничего не говорил. Он просто вытянул огромную ручищу величиной с медвежью лапу и поднял Антонину на ноги.

Антонина уставилась на него снизу вверх. Лев был самым страшным, самым уродливым и самым пугающим человеком, которого она — и все остальные — когда-либо видели. Его товарищи катафракты называли его «Великан-Людоед». Когда они не называли его «Вол» по причине его сильно ограниченного интеллекта.

Но они никогда не называли его ни одной из этих кличек в лицо.

«Такой видный мужчина, — подумала Антонина. — Не могу даже представить себе лучшую компанию».

Служанка Антонины все еще крепко держалась за нее. Лев поднял обеих женщин, одной рукой. Кутина прижалась к Антонине еще крепче.

— Оу, — прошипела Антонина, но не стала отталкивать от себя девушку. Просто успокаивающе похлопала ее по руке, в то время как сама успокаивалась, глядя на великана-людоеда.

Ее великана-людоеда.

Глава 17

Каушамби.

Лето 532 года н.э.

— Ты обеспокоен, Нанда Лал, — сказала Великая Госпожа Сати. Молодая женщина благородного происхождения из малва откинулась на спинку обитого плюшем мягкого стула. Ее густо унизанные кольцами пальцы поглаживали подлокотники, но ее суровое красивое лицо оставалось абсолютно неподвижным. — Что-то тебя беспокоит.

Услышав эти слова, император малва дернулся. Шандагупта перекатывал свое маленькое толстое тело из стороны в сторону на украшенном драгоценными камнями троне и переводил глаза с госпожи Сати на Нанду Лала. Как и всегда, когда встречался верховный совет империи малва, помещение оставалось пустым, за исключением этих трех людей и особых охранников. Последние набирались только в далекой земле кхмеров²² и поклонялись культу Линка. Семь из них — огромные евнухи — стояли на коленях в ряд у дальней стены зала. Их могучие тела были обнажены до талии. Каждый держал в руке по оголенной кривой сабле. Двое оставшихся охранников являлись профессиональными наемными убийцами. Одеты в черные рубашки и панталоны, они стояли по обеим сторонам от входа в зал.

Нанда Лал хмурился, но молчал. Император Шандагупта подбодрил его.

— Если тебя что-то беспокоит, родственник, то говори, — приказал он. — Я не могу представить, что это.

Шандагупта протянул руку к чашке чая, стоявшей на боковом столике рядом с тронном.

²² Кхмеры — основное население Камбоджи. Живут также во Вьетнаме и Таиланде.

— Лучшая новость, которую мы слышали за несколько месяцев. Наконец-то разбили Велисария! — воскликнул император.

Госпожа Сати покачала головой. Жест нес в себе уверенность не по годам — словно ею уже правила божественная сущность, которая когда-то поселится в ее теле. Но уверенность была просто рождена привычкой и обучением. Сати провела больше времени в компании Линка, чем любой другой человек в мире. (Конечно, за исключением ее тети Холи. Но Великая Госпожа Холи больше не являлась человеком. Холи теперь служила только оболочкой для Линка.)

— Его не разбили, — сказала Сати. — Просто временно вынудили отступить. Это разные вещи.

Наконец Нанда Лал заговорил.

— Большая разница, — согласно проворчал он. Начальник шпионской сети сделал глубокий вдох. — Но меня в настоящий момент волнует не Велисарий. Меня беспокоит Дамодара.

Глаза императора округлились. Глаза госпожи Сати нет.

— Тебя волнует оружейный комплекс в Марве, — заявила она. Нанда Лал вытянул вперед мощную руку и покрутил ею в воздухе.

— Сам по себе — нет. По крайней мере, не особенно. Мы обсуждали вопрос много недель назад, когда впервые обнаружили этот факт.

— Да, обсуждали, — перебил император. — И мы согласились, что по этому вопросу не нужно раздувать пожар. — Шандагупта пожал плечами. — Да, это против законов малва. Но мы дали Дамодаре самое неблагоприятное задание и едва ли можем жаловаться, что он добился таких успехов.

Император уставился маленькими, скрывшимися в жиру глазками на Нанду Лала.

— Так почему же внезапное беспокойство? — спросил он, затем с силой добавил: — Я сам равнодушен к Дамодаре. Он — самый лучший наш военачальник, причем значительно превосходит других. Энергичный и практичный.

— И именно это меня беспокоит, — возразил Нанда Лал. — Ваше Величество, — добавил он чуть позже, словно вспомнил о необходимости такого обращения. Нанда Лал протянул руку к другому столу и взял свиток. Помахал им перед собой.

— Это отчет от человека по имени Пулумай, который доставляет отчет господина Дамодары о последней битве в горной системе Загрос, где побили Велисария.

Император нахмурился.

— Кто это? Никогда о таком не слышал. — Он поднял чашку. Нанда Лал фыркнул.

— И я не слышал! Мне пришлось проверить свой архив, чтобы подтвердить его заявления. — Он втянул носом воздух. — Очевидно, Пулумай теперь — мой главный шпион в армии Дамодары.

Чашка Шандагупты застыла в воздухе, не донесенная до рта.

— А что случилось с Исанаварманом? — спросил он.

— Он мертв, — резко ответил Нанда Лал. — Вместе со всеми моими главными агентами. Пулумай получил должность Исанавармана потому, что имеет самый высокий ранг среди выживших... — Он снова глубоко втянул воздух. — Похоже, конница Велисария совершила набег на лагерь Дамодары во время сражения.

Нанда Лал несколько раз шлепнул свитком по ладони.

— Так говорится в отчете. Я не сомневаюсь в заявлениях — по крайней мере в том, что касается жертв. Но причина их смерти может быть другой.

Пальцы госпожи Сати прекратили движение. Они не впились в подлокотники. Не совсем. Но она очень крепко за них держалась.

— Ты подозреваешь Дамодару, — заявила Сати. Ее быстрый, натренированный Линком разум работал дальше. — И Нарсеса.

— Да. Все получилось очень удобно. — И снова Нанда Лал поднял свиток. — Это вместе с оружейным комплексом заставляет меня чувствовать себя неуютно.

Шандагупта резко осушил чашку и поставил ее на боковой столик. Чашка задрожала.

— Я все равно думаю, что это чушь! Я знаю Дамодару с детства, когда он еще ходить не умел. Это самый практичный человек, которого я встречал. И он не склонен к амбициям сверх разумного.

Нанда Лал медленно покачал головой.

— Нет, император, не склонен. Но практичность — податливая и уступчивая штука. То, что непрактично сегодня, может стать практичным завтра. А что касается амбиций... — он фыркнул. — Они тоже меняются со временем.

Когда Сати заговорила, ее голос звучал тихо и спокойно.

— Значит, ты беспокоишься о будущем. Не настоящем, и не о самом ближайшем будущем. Возможно.

— Да, — Нанда Лал сделал паузу. — Да, именно так. Я не предлагаю начинать действовать прямо сейчас. Но я думаю, нам не следует закрывать глаза на... возможность, как ты ее назвала.

Госпожа Сати пожала плечами.

— Это достаточно простой вопрос, — она склонилась к императору. — Воздай Дамодаре большие почести, Шандагупта. И богатства. Проведи церемонию в течение недели. Среди этих богатств должен быть особняк здесь, в столице. Совсем рядом с дворцом. — Она тонко улыбнулась. — Должно подразумеваться, что вся семья Дамодары будет жить в нем. И останется в нем.

Шандагупта прищурился, затем улыбнулся.

— Заложники. Да. Это подойдет. Дамодара обожает своих детей. — Нанда Лал все еще казался несчастным. Но через мгновение стряхнул с себя это настроение. Следующие его слова прозвучали почти весело.

— Очень скоро Венандакатре должны доставить осадные орудия. В течение двух недель, самое большее — трех.

— Наконец-то! — воскликнул император и прищурился. — Так мы покончим с Рагунатом Рао. С нетерпением жду, когда мешок из его кожи будет висеть в моем зале для пиров. — Глаза просто утонули в складках жира, превратившись в две крохотные щелочки. — И из кожи Шакунталы. Я повешу ее рядом с ее отцом.

— На Шакунталу потребуется некоторое время, — предупредила Сати. — Даже после того, как мы возьмем Деогхар.

Она посмотрела на Нанду Лал.

— Мы должны сжать блокаду Сурата. Проверить, чтобы восставшая императрица не сбежала.

Начальник шпионской сети сморщился.

— Боюсь, это невозможно. У нас нет в распоряжении морских сил — не тех, которые в состоянии противостоять Аксумскому царству.

— Жаль, что мы не поймали принца Эона вместе с остальными, — пробормотал Шандагупта. Пожал плечами. — Но я не думаю, что это имеет значение. Даже если Шакунтала сбежит после того, как мы возьмем Деогхар, куда ей податься? Только в Аксум или Рим. Где она будет лишь бедной беженкой.

Император кивнул Сати.

— Как и говорил Линк, давно. Без Махараштры Шакунтала — ничто, одна неприятность.

Сати кивнула, неохотно соглашаясь.

— Да. Хотя я лично предпочту увидеть, как с нее сдирают кожу.

— Что бы мы ни сделали, мы определенно не повторим ошибку и не вручим ее снова Венандакатре, — фыркнул Нанда Лал. — Или мертвая — или в изгнании. Больше ничего.

Начальник шпионской сети поднял руку и погладил нос. Как и всегда, прикосновение к сломанному и изменившему форму носу разбудило его ярость. Нос в свое время сломал

Велисарий²³. Поскольку в настоящий момент не было возможности выместить свои чувства на Велисарии, Нанда Лал направил свою холодную ярость в другое место.

— Последний вопрос, — рявкнул он. — Перед тем как мы закончим совещание. Банды восставших в Бихаре и Бенгалии становятся смелее. Я рекомендую...

— Больше сажать на кол! — рявкнул император. — Уставить все дороги колами с бандитами!

— Согласна, — поддержала Великая Госпожа Сати. — По крайней мере мужчин. Лучше отдавать женщин солдатам, перед тем как продавать хозяевам публичных домов. Добавить осквернение к разрушению. Это запугает и усмирит крестьян.

Ярость Нанды Лала перешла в нечто напоминающее похотливую улыбку.

— Недостаточно, — задумчиво произнес он. — Слишком сложно ловить бандитов по лесам.

Он посмотрел на императора.

— Поскольку у нас все новости хорошие — Велисарии потерпел поражение, Деогхар вот-вот падет — я не вижу оснований не отправить половину твоей императорской стражи участвовать в кампании.

Император улыбнулся. Широко улыбнулся.

— Прекрасная идея! В любом случае йетайцы становятся беспокойными, сидя в гарнизоне здесь, в Каушамби. Кампания в Бихаре и Бенгалии пойдет им на пользу.

Шандагупта склонился вперед и положил руки на колени.

— Что ты имеешь в виду? Карательная экспедиция по сельской местности? — Он рассмеялся. — Да! Пусть пройдутся, как серпом. Вырубят просеку шириной в двадцать миль — от Паталипутры до Бенгальского залива. Черт с ней, с охотой на бандитов. Просто выжечь все, убить всех. — Он снова рассмеялся. — Конечно, за исключением женщин. Мои йетайцы найдут для них лучшее применение.

Нанда Лал склонился вперед, чтобы посоревноваться взглядами с императором.

— На самом деле я думал про две просеки. Одна, как ты и сказал, начиная с Паталипутры. Другая...

Послышался стук в дверь. Нанда Лал замолчал. Один из наемных убийц открыл дверь и выглянул наружу. Мгновение спустя он повернулся к императору и объявил:

— Господин! Принесли ваш обед!

— А! Отлично! — воскликнул Шандагупта. И потер ладони. — Давайте поедим. Мы сможем разработать наши планы за обедом.

— Еда подкрепит нас, — согласилась Сати. — Это будет долгое совещание.

Нанда Лал снова похотливо улыбнулся.

— Да, обсуждение будет хорошей приправой. А я люблю горячую пищу, сбавленную специями.

Глава 18

Махараштра.

Лето 532 года н.э.

Ирина нервно устала на малва, кружащих вокруг импровизированного походного лагеря, который разбили солдаты Эзаны вдоль дороги на Деогхар. Казалось, их там тысячи, в особенности похотливо улыбающихся йетайцев, которые даже не пытались скрыть, как они ее рассматривают. Толпа бурлила от возбуждения. То и дело выкрикивались различные слова. Содержание этих грубых слов было не всегда понятно, но смысл абсолютно ясен — голая неприкрытая похоть. Четыреста сарвенов Эзаны, которые стояли на страже, держа в руках копыя, напомнили Ирине жалкую насыпь или дамбу перед наступающим океаном.

²³ См. роман Д. Дрейка и Э.Флинта «В сердце тьмы».

Детский замок из песка, когда вот-вот должен начаться прилив.

«Почему я вообще на это согласилась?» — спрашивала Ирина сама у себя.

Сама же пролепетала слова, которыми пыталась себя успокоить:

— В то время казалось неплохой идеей.

«Но то было тогда, а это — сейчас», — сказал внутренний голос.

— Соберись, женщина. Весь смысл в том, чтобы отвлечь их, а это определенно сделано.

«Определенно. Готова поспорить, что они еще больше отвлекутся, когда все четыре тысячи станут меня дружно насиловать. Прекрасно!»

— Ты и твой муж Эзана, как предполагается, — послы от короля вандалов, которые хотят заключить союз против Рима²⁴. Определенно они не станут...

«Определенно, черт побери! Неужели эти похотливые головорезы похожи на дипломатов? Кому, черт побери, в голову пришел этот безумный план?»

— Ну, на самом деле — тебе самой.

«Спасибо за напоминание. Я забыла, кто такой идиот».

— Это хороший план, — повторила она упрямо. Ирина напоминала себе одного ребенка, который успокаивает другого, объясняя, что на самом деле не существует никаких чудовищ, в то время как великан-людоед засовывает их себе в пасть.

«Я — идиотка. Идиотка. Идиотка. Идиотка! Это самый глупый план...»

Эзана вошел в небольшой шатер — на самом деле не больше, чем навес, — который скрывал богато одетую благородную женщину из «вандалов» от обжигающего солнца. Ее «благородному африканскому мужу» потребовалось наклониться, чтобы его огромный, изысканно сделанный головной убор из перьев страуса не свалился.

— Хороший план! — проворчал он, как только выпрямился. Эзана спокойно уставился на солдат малва, кишаших вокруг них. На большом расстоянии к северу теперь было видно первое из осадных орудий, которое с большим трудом тащили на юг к Деогхару.

— Ты только посмотри на эту толпу, — проворчал он. — Да в сравнении с ними бедуины кажутся македонской фалангой. И офицеры еще хуже солдат.

— Не напоминай мне, — рявкнула Ирина.

Она с опаской посмотрела на собравшихся офицеров, которые сидели неподалеку на лошадях. Офицеры расположились в нескольких ярдах вверх по склону, откуда им было лучше видно Ирину, чем простым солдатам. За их спинами возвышался гребень одной из многочисленных горных цепей Махараштры.

Офицеры разглядывали ее еще более откровенно, чем простые йетайцы. Ирина увидела, как один из них что-то сказал. За его словами тут же последовал хохот и новые похотливые улыбки.

— Что не так с этими животными? — спросила она, наполовину злобно и наполовину нервно. — Разве они никогда раньше не видели женщин? Если бы я выглядела, как Антонина, то еще могла бы их понять. Она и солнце способна остановить. Но я...

Ирина махнула на себя рукой. И снова злость смешалась с опасениями.

— Предполагаю, я не очень страшная. Но мой большой нос... — Эзана рассмеялся.

— По-моему, ты вполне привлекательная женщина, Ирина. Но на самом деле это не имеет значения.

Он показал большим пальцем на малва.

— Именно поэтому мы согласились на твой план, Ирина. Если бы ты сама не предложила поучаствовать, то мы никогда не стали бы его даже рассматривать. И Кунгас, и я знали, что случится, если малва встретят большую группу иностранцев, заявляющих, что потерпели кораблекрушение на побережье. Они не дипломаты. Они бы просто атаковали нас,

²⁴ Вандалы (ист.) — группа племен восточных германцев, первоначально обитали на Скандинавском полуострове, на рубеже I и II вв. до н.э. переселились на южное побережье Балтийского моря. В 533-534 гг. н.э. королевство вандалов было разгромлено византийским военачальником Велисарием.

из принципа. Даже если бы и не охраняли свои ценные осадные орудия.

Эзана одобрительно посмотрел на Ирину.

— Но когда здесь ты, вся так разодетая... — Его взгляд остановился на ее груди и стал очень одобрительным. — В такие провоцирующие одежды... Скандально, как одеваются иностранки! Все они шлюхи, эти язычники, и все это знают.

Ирина нахмурилась.

— Эти обезьяны знают о вандалах столько же, сколько я о... — она пыталась найти сравнение, но не могла найти подходящего. Поскольку Ирина очень много читала и разнообразную литературу, то не могла придумать предмет, о котором знала меньше, чем йетайцы и солдаты малва о народах и политике Северной Африки. Эзана улыбнулся.

— Они знают, что Африка — это земля черных людей. — Он подложил руку под подбородок, словно представляя свое эбеновое лицо. — А если женщина еще и белая, и красивая, то это еще более экзотично!

— Я не красивая, — настаивала Ирина. Все еще улыбаясь, Эзана покачал головой, Затем кивнул на солдат малва, рассматривающих ее похотливыми взорами.

— Ты кажешься красивой им, женщина. После многих недель пути, жары и пыли Индии, ты им кажешься Афродитой.

И снова он с восхищением посмотрел на ее грудь.

— В особенности твои сиськи.

Даже несмотря на сильную нервозность, Ирина не могла не рассмеяться. Она бросила взгляд на объекты, о которых шла речь. Грудь практически полностью просматривалась благодаря вырезу туники. Ирина сама следила за работой белошвейки в Сурате, смешивая римский стиль с тем, что она помнила о костюмах минойских женщин, нарисованных на вазах²⁵. Небольшое количество кожи все равно прикрывалось — самое большее, пятая часть — просто обрамлялось тканью, поддерживалось, представлялось и подчеркивало великолепные выставленные на обозрение части.

— Но это впечатляет, не так ли? Я выгляжу почти, как Антонина. — Широкая улыбка Эзаны стала значительно уже.

— Это должно было случиться, Ирина. Ты никогда не служила в армии, не участвовала в долгом, трудном и напряженном марше. Даже дисциплинированные сарвены или римские катафракты нарушили бы свои ряды, поскольку каждый мужчина хотел бы на тебя взглянуть. Им жарко, они устали, у них болят ноги и задницы, но, главное, — им скучно. В особенности после того, как Рао прекратил атаковать колонну много дней назад.

Улыбка превратилась в ухмылку, которую Эзана весело посылал окружающей аксумский лагерь толпе.

— Это — солдаты? Ха!

Он удовлетворенно потер руки.

— Нет. Нет. Все сработало точно так, как ты планировала. Четыреста сарвенов, несколько сирийских артиллеристов, переодетых рабами, и одна римская женщина полностью отвлекли на себя армию, в десять раз превышающую их численностью. Остановили их на пути, отвлекли их внимание, разбили и спутали их формирования...

Его взгляд уловил движение на севере. Он рассмеялся.

— Взгляни! Даже некоторые подразделения, тянущие орудия, бегут в нашу сторону.

— О, великолепно! — прошипела Ирина и добавила мрачно: — По крайней мере, я не девственница. — Она посмотрела на похотливо улыбающуюся толпу и на солдат-артиллеристов, спешащих по дороге, чтобы к ней присоединиться. — Отойди в сторону, Мессалина²⁶, — пробормотала она. — Думаю, я превзойду твои подвиги. На самом деле

²⁵ Минойская культура — бронзовый век, 3-2 тыс. до н.э. на острове Крит. Названа по имени мифологического царя Миноса.

²⁶ Мессалина — третья жена римского императора Клавдия, одна из наиболее известных развратниц эпохи

полностью спрячу их в тень.

Эзана усмехнулся.

— Я не знаю, кто такая Мессалина, но если... — Юмор остался в глазах, но лицо Эзаны внезапно стало суровым и торжественным. — Ты смелая женщина, Ирина Макремболитисса. Крепко держись за эту смелость и отбрось свои страхи. Никто не принесет тебе зла. Кунгас никогда бы не согласился на это, если бы не думал, что мы, аксумиты, можем защитить тебя, когда падет молот. — Напряженное лицо превратилось в черную маску. Она стало таким же твердым и непреклонным, как лицо Кунгаса. — Что мы обязательно сделаем, и очень скоро.

Взгляд Ирины стал перемещаться на хребет над ними, но она заставила себя отвести глаза.

Заметив ее движение, Эзана кивнул.

— Он будет там, Ирина. Кунгас придет.

Ирина пыталась успокоить нервы и ухватила за этот образ. Кунгас с жестким лицом, идущий к ней. Кунгас, улыбающийся глазами, когда она исправляла его грамматические ошибки. Легкое искривление губ, перед тем как он шутит о тугодумах-кушанах, хотя даже Ирина поразила его способности быстро обучаться чему угодно. Кунгас, день за днем сидящий рядом с ней в ее комнате и учащийся читать. Никогда не жалующийся, никогда не ворчащий, никогда не злящийся на нее за ее собственные проявления характера.

Воспоминания о жестком лице, ясных миндалевидных глазах, сердце, бьющимся со скрытой теплотой и юмором, и подобном неограниченному алмазу разуме поддержали ее. Она несколько раз глубоко вдохнула воздух.

«Кунгас придет, — она сделала еще несколько вдохов. — Он придет. — Еще несколько. — Кунгас».

Ирина почувствовала, как возвращается ее истинная натура. К памяти о твердом лице она добавила свой неистребимый юмор.

— Что ты думаешь, Эзана? — спросила Ирина, подбородком показывая на собравшихся не более чем в тридцати ярдах от них офицеров. Малва все еще глазела на нее, обмениваясь неслышимыми ей шуточками. — Они начнут совращение с хорошего вина? Может, будет музыка?

Эзана усмехнулся. Ирина фыркнула.

— Непохоже, не так ли?

Ее кислый взгляд упал на одного особенно крупного офицера малва. У мужчины был даже высунут язык.

— Ты не взглянешь на...

Глаза офицера выпучились. Из рта выплеснулась кровь, заливая похотливый язык. Из его горла торчал наконечник стрелы.

Мгновение спустя собравшихся офицеров смело с лошадей, словно по ним прошелся гигантский серп. Ирина открыла рот. Часть ее сознания идентифицировала предметы, которые превратили мужчин в куски мяса. Стрелы. Но большая часть ее сознания просто опустела, очистилась.

Ирина смутно слышала, как кричит Эзана. Ее рот все еще был широко открыт от шока, и она повернула голову. Сирийские артиллеристы прекратили изображать слуг и уже бросали гранаты. К гранатам в середине полета присоединились четыреста дротиков и дротики их даже обогнали. Аксумские сарвены тоже начали действовать.

Туча дротиков снесла передние ряды толпы малва, подобно еще одному гигантскому серпу. Вторая партия отправилась в полет до того, как упали гранаты. И снова Смерть прошла серпом — и затем снова, когда гранаты начали взрываться в плотно стоящей толпе. Некоторые из гранат представляли собой дымовые бомбы. Через несколько секунд кровавая сцена начала исчезать за дымовой завесой.

Ирина пребывала в полубессознательном состоянии. Она никогда раньше не участвовала в битве. Она никогда раньше не находилась рядом с битвой. Шок и смятение частично вызывались обычным страхом. Но по большей части они объяснялись просто временным лишением рассудка.

Хорошо тренированный, логический ум Ирины не выдержал. Он как бы пошатнулся и рухнул, пытаясь найти порядок и опору в окружающем ее бедламе. Все казалось чистым хаосом. Адом неразумности. Сквозь растворяющийся дым она ловила отдельные картины: люди умирают; сарвены встают щитом к щиту; полет стрел, дротиков и гранат; кричащие кушаны, несущиеся в атаку вниз по склону; оружие йетайцы, отчаянно пытающиеся собрать запутавшиеся войска. Сумятица; крики боли; вопли отчаяния; предсмертные стоны; победные крики.

Шум, шум, везде. Сталь, дерево и плоть ломаются. Ирина заткнула уши руками в отчаянной попытке собраться с мыслями, привести разум в порядок. Наполовину скорчившись в укрытии под навесом, она заставила глаза смотреть. Отчаянно — отчаянно — пытаясь найти место, где разумность может бросить якорь.

Якорь задел за камень, скользнул, но места не нашел.

«Как мужчины могут это выдерживать?» — задумалась Ирина.

Ее глаза узнали цель в хаосе. Ее глаза увидели дисциплину сарвенов, их стену из щитов, которая стояла и держала, как преграда, плотину — и это не был жалкий детский замок из песка против набегающей волны. Ее глаза видели — ей говорили об этом раньше, но она никогда на самом деле не верила, как малва бросались на эти щиты и копья. Мужчины — да, враги, но все равно люди — использовали свою плоть, как воду, пытаясь сломать риф. Плоть превратилась в красные реки; кровь везде; отрубленная рука здесь; спутавшиеся внутренности там; кусок мозга малва, растоптанного аксумской сандалией.

Глаза Ирины наблюдали, как Сатана расправляет свой ковер на пыльной дороге в Индии. Она видела, но ее разум не мог охватить увиденное.

Сильная рука схватила ее за плечо и бросила на колени.

— Ложись, женщина! — Ее уши услышали голос Эзаны, он выкрикивал следующие приказы. Ее глаза увидели пятерых сарвенов, которые окружили ее, как стена. Ее разум ничего не понимал. Теперь она была не больше, чем ребенок, в поисках укрытия.

Ирина закрыла глаза и сильно сжала уши руками. Наконец темнота и относительная тишина вернули чуточку разумности. В этом небольшом центре тропического циклона Ирина искала себя.

Через какое-то время — секунды? минуты? часы? — она начала узнавать себя.

Смелость, основа всех добродетелей, пришла назад первой.

«Я этого не сделаю».

Но она все равно открыла глаза и убрала руки с ушей.

Стоя на коленях, Ирина ничего не видела, кроме нескольких отдельных картинок между ног охранявших ее сарвенов. И то малое, что она все-таки могла видеть, скрывалось дымом. Через мгновение она перестала пытаться найти смысл в битве. Ирина просто изучала ноги защищавших ее солдат.

Отличные ноги, пришла она к выводу. Под черной кожей просматривались сильные мускулы икр и бедер. Легкие движения наблюдающих мужчин, непосредственно не участвующих в сражении, но готовых мгновенно впрыгнуть в действие. Люди-леопарды. Мозолистые, потертые ноги, которые твердо стоят в крепких сандалиях. Большие пальцы, сформированные на возвышенностях Аксумского царства, и идеально подходящие каменистой Махараштре.

Она слушала их разговоры. Теперь ее геэз стал достаточно хорош, чтобы понимать слова. Но ее разум не предпринимал попытки перевести услышанное. В любом случае большинство слов были ругательствами — ничего более, чем насмешливые ругательства, бросаемые на невидимого врага. Ирина просто слушала уверенность в этих голосах. Людей-леопардов, готовых ворчать с удовлетворением хищников.

Она запомнила только два фразы.

Первую выкрикнули с радостью:

— Вы только посмотрите на этих трахнутых кушанов! Боже — черт побери!

И ответ, ворчание с веселым удивлением:

— Я рад, что Кунгас на нашей стороне, парни. Или мы бы превратились в мясо для собак.

«И я тоже. О, Господи, и я тоже».

Когда армию малва разрывали на куски между стеной из щитов аксумитов и лавиной кушанов, Ирина ушла. Это место было не для нее. У нее здесь не имелось цели.

Ей снова требовалось найти себя. Возможно, впервые в жизни. Ее второе «я» появилось и потребовало правды. «Не спрашиваю, почему ты пришла, женщина. Ты знаешь ответ. И не надо мне лгать о хитрой стратегии и обманных маневрах, и планах сражения. Говори другим, но не мне. Ты знаешь, почему ты пришла».

— Да, — она подавилась и закрыла глаза. Из-под век лились слезы. — Я знаю.

Услышав тихий плач, один сарвен бросил взгляд вниз. На мгновение, не больше, перед тем как отвернуться. Женщина, мозги у нее набекрень. Над этим не стоит задумываться. Женщины — хрупкие по природе.

Но он сильно ошибался. Слезы, которые лились по щекам Ирины, были слезами счастья, а не страха. Конечно, она боялась, и сильно боялась. Но не происходящего непосредственно в этот момент. Нет, совсем нет. Это был гораздо больший страх — глубокий ужас, смешанный с радостью — человека, который наконец, как многие до нее, смог перепоручить близких людей фортуне. Страх женщины, которая наконец поняла свою подругу Антонину и смогла — наконец — сделать тот же выбор.

— Он бы в любом случае отправился в огонь, — прошептала она сама себе. — Независимо от того, что бы я сделала.

Ее второе «я» кивнуло.

«И ты не могла вынести эту мысль. Остаться дома и неотрывно глядеть на лошадь, как всегда делает Антонина».

Затем он оказался рядом. Ирина увидела, как ноги сарвендов вокруг нее расслабляются. Увидела, как они отходят в сторону. Услышала крики приветствия и радости. В отдалении — приглушенный грохот. Разрушалось первое из орудий малва. Взорвалось слишком большое количество пороха и огромное орудие разорвало, подобного гнилому переспелому фрукту.

Он сел на корточки рядом с ней. Ирина все еще стояла на коленях.

— С тобой все в порядке?

Ирина кивнула. Улыбнулась. Он положил руку ей на плечо.

Он никогда раньше не прикасался к ней. Ирина протянула руку и погладила его руку своей. Она чувствовала своими длинными тонкими пальцами его короткие и толстые, плоть и сухожилия, которые так нежно держали ее за плечи.

Ирина прижалась лицом к его широкой груди. Его рука соскользнула вниз по ее руке, его рука стала щитом, его прикосновение — объятием. Внезапно, яростно Ирина прижалась открытыми губами к его мускулистой шее. Она целовала и ласкалась. Ее дыхание стало быстрым и частым. Она обвила его шею руками и потащила его на себя. Ее левая нога, выбившаяся из-под длинной туники, обхватила его правую ногу. Ее сандалия поцарапала голую кожу у него на лодыжке.

На мгновение Ирина почувствовала, как Кунгас ответил ей. Его крепкий живот прижался к ее собственному, и страсть встретила страсть. Жар, вылетающий из кузницы. Дикая лошадь, вырвавшаяся из конюшни. Но только на мгновение. Кунгас усмехнулся. В этом звуке было больше наслаждения, чем юмора. Гораздо больше. Гораздо. Это был сдерживаемый смех мужчины, который неожиданно обнаруживает, что мечта, которой он лениво предавался на досуге, приобрела реальную форму. Тем не менее, несмотря на этот

краткий всплеск, его сильные руки и тело застыли, прижимая ее — не так, как борец прижимает к полу соперника, а просто, как мужчина удерживает ребенка от ошибки. Прошли секунды. В это время его губы ласкали прекрасные, густые каштановые волосы Ирины. Она чувствовала дыхание любимого, вначале частое, горячее, но быстро остывающее.

Ирина сама рассмеялась, когда его сдержанность пробудила ее собственную.

— Наверное, это не очень хорошая идея, — пробормотала она. — Вероятно, аксумиты будут настаивать на том, чтобы смотреть на нас.

— Боюсь, хуже, — сухо ответил он, все еще целуя ее волосы. — Они будут сопровождать нас барабанным боем. И все время делать ставки насчет того, когда мы остановимся.

Ирина открыто расхохоталась. Звук приглушила его грудь.

— Нет, — прошептал Кунгас нежно. — Не для нас и не сейчас. Страсть всегда приходит после того, как улетают крылья смерти. Но это ничего не стоит и уходит с завтрашним днем. И после задумываешься, действовал ли ты сам или тобой руководил твой страх.

Он снова усмехнулся. В этом звуке все еще присутствовало наслаждение, но смех получился скорее теплым, чем чувственным.

— Я тебя знаю, Ирина. Ты станешь обижаться и возмущаться. А что еще хуже, ты примешься изучать книги, попытаешься найти ответ.

— Думаешь, я не смогу его найти? — спросила она.

Ирина услышала его мягкий смех, который прошелестел сквозь ее волосы. Почувствовала легкое движение его груди. Узнала экономичность движений, которую стала так ценить.

— Не сомневаюсь, что найдешь. Но чтение отнимает столько времени. Я не хочу ждать так долго.

Ирина улыбнулась и подняла голову. Ясные карие глаза греческой дамы благородного происхождения над длинным костлявым носом глядели в миндалевидные глаза на варварском лице с плоским носом.

— Так сколько ждать? — спросила она.

Еще один приглушенный грохот пронесся по шатру, а затем еще один. Но кушан не отводил взгляда. Разрушение орудий Венандакатры — нарушение планов малва — спасение династии — эти вещи в данный момент ничего не значили, не для этих двух людей, обнимающихся на дороге.

— Вначале я должен научиться читать, — сказал он. — Не раньше. — Его лицо было напряженным и торжественным, но Ирина не упустила легкое искривление губ. Она улыбнулась.

— Ты хороший ученик. Поразительно хороший.

Теперь ни один человек не стал бы сомневаться, что Кунгас улыбается.

— Кто же провалится с таким-то побудительным мотивом? — Послышался еще один грохот — разорвало очередное осадное орудие, затем еще одно. На этот раз Кунгас посмотрел в сторону.

— Это последнее, — объявил он. — Нам нужно уходить до того, как они придут в себя и Венандакатра пришлет подкрепление. Мы успеем добраться до побережья, если не станем тянуть.

Кунгас легко поднялся на ноги и протянул ей руку. Мгновение спустя Ирина стояла рядом с ним.

Вернулись реальности войны. Ирина видела выстраивающихся колоннами сарвенов и кушанов. Они готовились к форсированному маршу к морю, где их ждали аксумские корабли, чтобы нести назад в Сурат.

Но Кунгас не сразу же отпустил ее руку. Он потратил время, чтобы склониться и прошептать:

— Мы будем знать.

Ирина улыбнулась и сжала его руку.

— Да. Мы будем знать.

Тогда она рассмеялась. Безудержным, наполненным радостью смехом. Услышав этот странный звук на кровавом поле брани, находившиеся поблизости аксумские и кушанские солдаты повернулись в ее сторону.

На секунду или две, не больше. Женщина, мозги у нее набекрень после бойни. Из-за этого даже не стоит задумываться. Женщины — хрупкие по натуре.

Глава 19

Персия.

Лето 532 года н.э.

— А ты можешь потом скрыть вход? — спросил Велисарий. Он взмахнул рукой, охватывая жестом долину. — Учти, Куруш, здесь пройдет более десяти тысяч солдат и столько же лошадей.

Римский полководец повернул голову и посмотрел вниз на реку. Река текла вначале на северо-запад, потом поворачивала строго на запад. Как и сама долина, река была небольшой и довольно узкой. Проход, где она выходила в долину, напоминал узкое ущелье. Они находились почти в предгорьях со стороны западного склона горной системы Загрос. Окружающие горы, казалось, были таким же скалистыми и труднопроходимыми, как прежде.

— Как я предполагаю, ты поведешь лошадей тем путем, — сказал Велисарий и показал на узкий проход. — К тому времени, как они пройдут, вся долина превратится в кашу. Следы будет никак не скрыть.

Куруш покачал головой и улыбнулся.

— Мы не будем пытаться спрятать наши следы, Велисарий. Как раз наоборот! Чем больше Дамодара думает об этом узком проходе, тем больше он будет отвлекаться от настоящего выхода.

Велисарий почесал подбородок.

— Я понимаю логику, Куруш. Но не недооценивай Дамодару и Шангу — и их разведчиков. Эти патанские следопыты могут найти по следу мышь. Они не станут просто бежать за лошадьми, пуская слюну. Они обыщут всю долину.

Велисарий повернул голову и изучил вход в кванат. Укрепленный деревянными балками вход располагался примерно в ста ярдах вверх по горному склону, недалеко от небольшой речки, которая выточила эту долину. Идущий вниз пандус через несколько футов исчезал в темноте.

Велисарий показал большим пальцем в том направлении.

— Там тоже останутся следы, — заявил он. — И нет способа их скрыть. Даже если ты устроишь обвал входа, то следы все равно останутся по всей территории. Десять тысяч человек оставляют широкий след.

Улыбка Куруша стала шире. Он покачал головой.

— Ты слишком много беспокоишься. Мы сможем скрыть следы солдат, прогнав потом по ним лошадей. Везде, кроме вот этой непосредственно прилегающей территории. Затем...

Персидский господин благородного происхождения вспрыгнул на небольшой валун в нескольких футах. С этой жердочки он склонился вперед и показал вдоль крутого склона горы.

— Это местность, где развита горная промышленность, Велисарий. В основном, добыча серебра. В этой долине имеются небольшие залежи.

Он виновато развел руками.

— На самом деле серебра совсем немного — судя по тому, что мне сказали шахтеры, которых я взял с собой. Но шахтеры уйдут до того, как придет Дамодара. И я очень сильно

сомневаюсь, что армия из кавалеристов-раджпутов сможет сказать ему, стоит в этой местности заниматься горнодобычей или не стоит.

Эйд фыркнул ментально. «Раджпуты?» Велисарий рассмеялся.

— Едва ли! А их патаны считают все виды труда, за исключением охоты, занятием для женщин.

Римский полководец кивнул.

— Да, это сработает, — признал он. — После того как мы пройдем, ты превратишь весь этот склон в место горнодобычи. Закроешь наши следы отходами, пустой породой. — Он показал на вход. — И, как я предполагаю, ты заставишь своих шахтеров хорошо упрятать наши следы в кванате. Пятидесяти ярдов должно хватить. Патаны привыкли жить на поверхности. Они будут чувствовать себя неуютно в той тьме. Поэтому не станут углубляться более чем на несколько футов.

И снова Велисарий изучил узкий проход в дальнем конце долины.

— Все, что останется через несколько дней, — это следы римских лошадей, — задумчиво произнес он. — Которые по пути в Месопотамию по чистой случайности прошли через горнодобывающую местность.

Он замолчал, задумавшись.

— Хотя есть одна вещь. Эти патаны знают свое дело, Куруш. Ты должен проверить...

Куруш улыбался.

— Да! Да! — перебил он. — Я положу на лошадей мешки с песком или грунтом. Которые весят примерно столько же, сколько римский солдат. Следы получатся достаточно глубокими.

Велисарий ответил улыбкой на улыбку.

— Как я вижу, ты обо всем подумал.

Куруш пожал плечами. Велисарий чуть не рассмеялся. Этот скромный жест подходил арийскому шахрадари примерно так, как реверанс подходит льву.

Его веселость прошла.

— Ты понимаешь, Куруш, что молот падет на тебя? После того как Дамодара поймет, что случилось — а для этого ему не потребуется много времени, — он не станет терять время, бросаясь в погоню за мной. Он ударит прямо по Месопотамии.

Куруш снова пожал плечами. Жест на этот раз даже не претендовал на скромность. Это был жест льва, которого раздражают мухи.

— Это только справедливо, римлянин, после всего, что ты сделал для ариев.

Куруш прыгнул с валуна и широкими шагами подошел к Велисарию. Он кивнул на юг, пользуясь своей бородой, подстриженной в персидском стиле, как указателем.

— Как только до императора дойдет информация, он начнет отступать к Вавилону. В любом случае он готов к этому, поэтому его действия совсем не покажутся странными. — Куруш нахмурился. — Малва давят на него слишком сильно.

Велисарий смотрел на шахрадари. У римского полководца не возникало трудностей с толкованием выражения лица хмурающегося Куруша. Велисарий прекрасно мог представить потери, которые понесли солдаты императора Хусрау за последние месяцы. В то время как Велисарий маневрировал с Дамодарой в горной системе Загрос на протяжении всей весны, Хусрау удерживал огромную основную армию вторгнувшихся малва в дельте Тигра и Евфрата. Эта задача была бы достаточно трудной даже без... Он решил поговорить на неприятную тему.

— А восстание?..

Куруш тут же перестал хмуриться. Благородный перс усмехнулся.

— Голова сводного брата императора к этому времени уже две недели служит главным украшением его шатра, — Куруш скорчил гримасу. — Когда я уезжал, на проклятой штукатурке сидела масса мух. И она воняла. — Вернулся его юмор.

— Восстание Ормазда подавлено. И восстание династии Лахмидов и их приверженцев. Мы взяли Хиллу почти два месяца назад. Хусрау выгнал население в пустыню и приказал

сравнивать город с землей.

Велисарий не позволил себе продемонстрировать ни малейшего отвращения. Он никогда не был склонен к карательным мерам против гражданских сторонников врага, даже до того, как встретил Эйда и ознакомился с будущими стандартами ведения войны.

Но он не ставил случившееся в вину Хусрау. На самом деле по стандартам их времени выгнать население Хиллы до того, как разрушить город, считалось скорее даже гуманным. Лахмиды были персидскими вассалами, прежде перешли к завоевателям из малва.

Большинство персидских императоров, да и, кстати, большинство римских, включая Феодору, наказали бы восставших, приказав сжечь население внутри города.

«И давай также не будем слишком сильно полагаться на Женевскую конвенцию и предположительно цивилизованные стандарты будущих войн, — заметил Эйд. — Они не предотвратят разрушение целых городов с их населением. Конечно, чисто из „стратегических причин“. Но какая разница погибшим в руинах Ковентри детям? Или тысячам, сгоревшим в Хиросиме?»²⁷. Куруш снова показывал бородой, на этот раз на восток.

— Император приказал мне защищать Ктесифон в то время как он отступает в Вавилон. У меня будет десять тысяч человек. Этого должно быть достаточно, чтобы удерживать нашу столицу несколько месяцев. У Дамодары нет осадных орудий.

Куруш посмотрел на Велисария. Во взгляде перса не было ничего, кроме делового принятия реальности.

— Конечно, в конце мы будем обречены, — сказал он спокойно. — Если только твой удар не придется по цели.

Велисарий хитро улыбнулся.

— Знаешь ли, есть поговорка: армия марширует на своем животе. Я сделаю все возможное, чтобы всадить копьё в огромное брюхо малва, после того как ты отведешь в сторону щит.

Куруш усмехнулся.

— Армия марширует на своем животе, — повторил он. — Умно! Хотя я и не узнал поговорку. А кто ее придумал?

«Прекрасный ход, гений, — мрачно сказал Эйд. — Интересно будет послушать, как ты объясняешь персу из шестого века, откуда ты знаешь слова Наполеона».

Велисарий проигнорировал колкость.

— Я слышал ее от одного гунна. Одного из моих наемников, во время моей второй кампании на Дунае. На самом деле я сильно поразился, обнаружив у варвара такое тонкое понимание материально-технического обеспечения. Но это просто показывает...

«Отец вранья, отец вранья. Очень хорошо, что мои губы, так сказать, затаены. Какие бы я мог рассказать про тебя истории! После них даже „Тайная история“ Прокопия выглядит истинно правдивой»²⁸.

Господин Дамодара откинулся на спинку стула, изучая хмурающееся лицо Нарсеса.

— Так что же на самом деле беспокоит тебя? — спросил он у евнуха.

— Все! — рявкнул Нарсес.

Старый римлянин гневно осмотрел внутреннюю часть шатра, словно в поисках какой-то ниши или щели на его голых стенах, в которой бы лежала спрятанная правда.

²⁷ Женевская конвенция (1949 г.) — международная конвенция о защите жертв войны, об улучшении участи раненых и больных, о защите гражданского населения во время войны. Ковентри — город в Англии, разрушен во время Второй мировой войны гитлеровской авиацией, отстроен заново. Руины готического собора 14 в. сохранены как свидетельство фашистского варварства.

²⁸ «Тайная история» Прокопия Кесарийского (около 550 г.) — памфлет против Юстиниана и Феодоры, критикующий их политику с позиций старой сенаторской знати.

— Ничто из действий Велисария не имеет смысла, — заявил Нарсес. — Ничто! Ни по крупному, ни в мелочах.

— Объясни, — приказал Дамодара. Господин сделал круговое движение маленькой пухлой рукой. Жест включал и его самого, и высокого царя раджпутлов, который сидел рядом с ним. — Простыми словами, которые смогут понять два таких простых и неискушенных человека, как я сам и Рана Шанга.

Полный хорошего юмора сарказм заставил улыбнуться даже Рану Шангу. Кстати, даже Нарсеса, а старый евнух был не тем человеком, который часто улыбается.

— Что касается «по крупному», то какова цель этих бесконечных маневров, которые так любит Велисарий? — спросил Нарсес. Евнух склонился вперед, подчеркивая свои следующие слова. — Которые, однако, на самом деле не бесконечны. Они не могут быть бесконечны. Нет способа удержать вас от вторжения в Месопотамию. Велисарий — не дурак. К этому времени это должно стать для него очевидно... — Нарсес показал напряженным пальцем на вход в шатер. — Как и для большинства тупых йетайцев в вашей армии.

— Он тянет время, — заметил Рана Шанга. Нарсес скорчил кислую мину.

— Несколько месяцев, самое большее. Прошло не более восьми недель после битвы на перевале, и вы уже почти выгнали его из горной системы Загрос. Ваша армия гораздо больше, чем его. Вы можете разбить его на открытом поле брани, и вы доказали, что в состоянии маневрировать в этих горах не хуже, чем он. В течение месяца, может шести недель, ему придется отказаться от борьбы и позволить вам войти в Месопотамию. В тот момент у него не будет выбора, кроме как забаррикадироваться в Ктесифоне или Пероз-Шапуре. Так почему бы не сделать это сейчас?

— Я не думаю, что это странно, — возразил Дамодара. — Судя по донесениям наших шпионов, Велисарий умело использовал месяцы, которые держал нас связанными в горной системе Загрос. Этот его полководец, которого он оставил во главе римских сил в Месопотамии, — калека, Агафий — на протяжении последних месяцев работал, как дьявол. К тому времени, как мы доберемся до Ктесифона или Пероз-Шапура, он уже укрепит города так, что в это будет трудно поверить. Пушки и порох поступают из римских оружейных мастерских в то время как мы маршируем туда и сюда по всем этим проклятым горам.

Шанга кивнул.

— Вся кампания, по моему мнению, имеет на себе подпись «Велисарий». Он всегда пытается заставить врага атаковать, чтобы у него самого было преимущество защиты. Удерживая нас столько месяцев в горах, он смог создать защитный опорный пункт в Месопотамии. Это чистое убийство — пытаться штурмовать Пероз-Шапур.

Нарсес уставился на двух мужчин, сидевших за столом напротив него. Казалось, на мудром, похожем на морду рептилии лице евнуха совсем отсутствует выражение, но и Дамодара, и Шанга могли чувствовать сарказм, маячивший где-то внутри.

Ни один из двух не оскорбился. К этому времени они привыкли к Нарсесу и его манерам. В центре души евнуха скрывалась неутолимая горечь. Горечь окрашивала его взгляд на мир и добавляла презрение к каждой его мысли.

Однако сами мысли — и способность исследовать и анализировать — они научились глубоко уважать. И поэтому родственник императора малва и самый благородный из царей Раджпутаны внимательно слушали слова низкороджденного римского евнуха.

Нарсес склонился вперед и показал пальцем место на большой карте, которая покрывала весь стол.

— Велисарий займет позицию в Пероз-Шапуре, не в Ктесифоне, — предсказал Нарсес. — Велисарий в первую очередь — римлянин. Ктесифон — столица Персии, а Пероз-Шапур — это ворота в Римскую империю.

Дамодара и Шанга кивнули. Они уже оба пришли к тому же выводу.

Нарсес несколько секунд изучал карту. Затем заговорил вновь.

— Скажите мне вот что. Когда придет время, вы намереваетесь бросить своих солдат

на стены Пероз-Шапура? — Он почти — но не совсем — ухмыльнулся. — У вас нет достаточно большого количества йетайцев, поэтому солдаты, которых вам придется использовать, как овец на бойне, все окажутся раджпутами.

Рана Шанга не стал бросаться на приманку. Он просто рассмеялся. Дамодара открыто расхохотался.

— Маловероятно! — воскликнул господин из малва.

Он сам склонился над столом. Месяцы тяжелой кампании сильно уменьшили животик Дамодары, поэтому движение получилось почти грациозным.

Палец Дамодары прошелся по реке Тигр, от Ктесифона вверх по течению к Армении.

— Я не буду приближаться к Пероз-Шапуру, — он снова рассмеялся. — Как не стану входить в клетку со львом. Я также не стану пытаться осаждать Ктесифон. Я просто использую Тигр, чтобы поставлять все необходимое моей армии, и отправлюсь к северу в Ассирию. Оттуда я могу ударить по Анатолии — или Армении — в то время как большая часть армии Хусрау сейчас связана, сражаясь против наших основных сил на юге Евфрата.

Он откинулся назад, выражая самодовольство.

— У Велисария не будет выбора, — объявил Дамодара. — Вся работа, которую он провел для укрепления Пероз-Шапура, окажется потрачена зря. Ему придется выйти и встретиться со мной где-то на открытом поле.

Глаза Нарсеса оставили Дамодару и остановились на Ране Шанге. Царь раджпутов кивнул, показывая согласие с мнением Дамодары.

— А, — сказал Нарсес. — Отличная стратегия. Я поражен. За исключением одного — а почему Велисарий сам до этого не дошел? Этого человека никогда, если выразиться мягко, никто не обвинял в глупости.

Молчание. Дамодара слегка поерзал на стуле. Шанга оставался неподвижен, как и обычно, и сидел с прямой спиной, но сама неподвижность позы показывала его дискомфорт.

Нарсес ухмыльнулся.

— О, да. Вы сами об этом думали, не так ли? По крайней мере время от времени.

Через несколько секунд евнух прекратил ухмыляться. Он был слишком хитер, чтобы рисковать оскорблением двух человек, которые сидели за столом напротив него. И, если сказать по правде, то он искренне их уважал.

— Давайте на время оставим большую проблему и перейдем к менее значительным вопросам, или по крайней мере тем, которые кажутся такими. Я бы выделили три.

Нарсес загнул большой палец.

— Первое. Почему Велисарий с самого начала этой кампании в горной системе Загрос всегда был готов позволить нам продвигаться на север?

Нарсес кивнул на раджпута.

— Рана Шанга первым указал на это много недель назад. — Он снова кивнул, на этот раз на Дамодару. — Как вы сами заметили в то время, господин, это не имеет смысла. Должно быть наоборот. Он должен бы бороться как тигр, когда мы двигаемся на север, и оказывать только символическое сопротивление, когда мы двигаемся на юг. Таким образом, он бы не давал нам угрожать Ассирии.

Молчание.

Нарсес загнул указательный палец рядом с большим.

— Вторая маленькая проблема. Во всех стычках, в которых мы участвовали на протяжении последних месяцев, — даже во время битвы на перевале, когда его положение было отчаянным, — Велисарий ни разу не использовал своих наемников. Почему? У него две тысячи варваров-готов, но он относится к ним так, словно они — его единственные драгоценности.

Шанга откашлялся.

— Я думаю, он им не доверяет. — Царь раджпутов нахмурился. — Я также не доверяю наемникам, Нарсес.

Евнух фыркнул.

— Конечно, не доверяешь! — Нарсес шлепнул ладонью по столу. Казалось, резкий звук хлопка наполнил внутреннюю часть шатра. — Велисарий никогда не доверял наемникам, — прошипел Нарсес. Глаза евнуха были сфокусированы на Шанге, как у змеи на своей добыче. — Никогда. Он этим славится в римской армии — которая, как вы знаете, традиционно и постоянно пользуется наемниками. Но Велисарий не задействует их, кроме случаев, когда у него нет выбора, и тогда он все равно использует наемников только как вспомогательные силы. По большей части — легкую конницу гуннов. — Нарсес ткнул пальцем в карту.

— Тогда зачем ему тащить с собой две тысячи готов из тяжелой конницы на кампанию, подобную этой? В этой кампании нет ничего, что может заинтересовать наемников. Никаких трофеев, неоткуда их взять. Ничего, кроме недель и недель тяжелых маршей и переходов, и только за фиксированное жалованье.

Евнух саркастически рассмеялся.

— Велисарий никогда не взял бы с собой наемников по одной простой причине хотя бы. Он знал бы, что они дезертируют в течение двух месяцев. Что приводит меня...

Нарсес загнул третий палец.

— К пункту третьему. А почему эти наемники не дезертировали? — Он снова саркастически усмехнулся. — Готы примерно так же тупы, как лошади, на которых они ездят, но даже лошади не глупы до такой степени.

Нарсес опустил обе руки на стол и прижался спиной к спинке стула. На мгновение маленький старый евнух казался в этой позе более царственной фигурой, чем член династического клана малва и царь раджпутов, которые сидели напротив него.

— Итак. Давайте все соединим. У нас имеется один из самых хитрых полководцев в истории, который всегда подчиняет тактику стратегии. Он участвует в кампании, которая, несмотря на все тактические преимущества, совсем не имеет смысла стратегически. В процессе кампании он тащит за собой группу наемников, которых не использует и которым самим по себе там нечего делать. И что получается?

Молчание.

Нарсес нахмурился.

— А получается, господин и царь, — Велисарий. Он что-то задумал. Что-то, что мы не видим.

— Что? — спросил Дамодара. Нарсес пожал плечами.

— Я не знаю, господин. В данный момент у меня только есть вопросы. Но я настаиваю, чтобы вы серьезно отнеслись к моим вопросам. — Только мгновение саркастический и ухмыляющийся голос евнуха звучал, как настоятельная просьба к уважаемым им людям. — Или мы в конце обнаружим себя в таком положении, как многие из противников Велисария. Лежащими в пыли, истекающими кровью, умирающими от удара, которого мы не заметили.

Молчание, теперь наполнившее шатер, не было задержкой дыхания, которое случается в напряженные моменты. Это получилось долгое, долгое молчание. Задумчивое молчание.

В конце его нарушил Дамодара.

— Я думаю, нам следует поговорить с ним, — объявил он. — Организовать переговоры.

Двое других уставились на него. Оба хмурились. Нарсес хмурился от удивления.

— А что вы надеетесь достичь? Он едва ли скажет вам, что планирует!

Дамодара рассмеялся.

— Я и не предполагал, что скажет. — Господин из малва пожал плечами. — А если по правде? Мне хочется встретиться с этим человеком, после всех этих маневров. Я думаю, это будет интересно и любопытно.

Дамодара перевел взгляд на Рану Шангу. Царь раджпутов все еще хмурился.

Не от удивления, а...

— Я честью поклялся служить вам, господин Дамодара, — выдохнул Шанга. — И та же самая честь...

Дамодара поднял руку, останавливая раджпута.

— Пожалуйста, Рана Шанга! Я не дурак. Практичен, да. Но практичен во всем. — Он рассмеялся. — Я едва ли стану планировать предательскую засаду в нарушение всех кодексов чести, используя раджпутов как наемных убийц. Любых раджпутов и, уж конечно, не тебя.

Дамодара выпрямился.

— Мы найдем место встречи, где засада невозможна. Например, ферму на открытой местности, которую разведчики Велисария смогут обыскать на предмет скрытых войск.

Он кивнул Ране Шанге.

— А ты, царь Раджпутаны, будешь моим единственным телохранителем на самих переговорах. Я думаю, этого достаточно, чтобы защитить меня против нечестной игры — и будет достаточно, я уверен, чтобы заверить Велисария, что ему нечего бояться. Не после того, как он получит твое честное слово, независимо от того, что он думает о моем.

Шанга в некоторой степени перестал хмуриться. Но в быстром взгляде, который царь раджпутов бросил на Нарсеса, все еще маячила подозрительность.

Дамодара снова рассмеялся.

— Не бойся, Рана Шанга. Нарсес будет в милях от того места.

— Определенно! — фыркнул евнух.

Неделю спустя курьер Дамодары вернулся с ответом Велисария.

— Римский полководец сам его написал, — вручая запечатанный лист, сообщил раджпут. Парень казался несколько удивленным.

Или, возможно, находился в легком благоговении.

— Он даже не колебался, господин Дамодара. Он стал писать ответ, как только закончил чтение вашего послания. Я видел, как он это делал.

Дамодара сломал печать и начал читать. Увидев, что ответ Велисария написан на прекрасном хинди, Дамодара удивился, но несильно.

Когда Дамодара закончил читать, то рассмеялся.

— Что там такого смешного? — спросил Нарсес.

— Он согласился? — уточнил Рана Шанга. Дамодара помахал письмом в воздухе.

— Да, согласился. Он говорит, что мы можем выбрать место и время. Если там будет присутствовать Рана Шанга, говорит Велисарий, то он не беспокоится о предательстве.

Лицо раджпута было твердым, как доска. Дамодара улыбнулся, зная, как глубоко Шанга прячет свой прилив гордости. Дамодара перевел улыбку на Нарсеса.

— А что касается веселья, Велисарий добавил одно условие, Нарсес. Он настаивает, чтобы ты также присутствовал на переговорах.

Лицо евнуха практически скрылось под множеством морщин. Улыбка Дамодары стала по-настоящему широкой. В этот момент римский предатель даже не пытался скрыть свои эмоции. Его хмурающееся лицо источало подозрение, как ледник источает холод.

— Почему я? — спросил Нарсес. Дамодара пожал плечами.

— Не представляю. Ты можешь добавить этот к списку твоих вопросов, на которые нет ответа.

Глава 20

Асэб.

Лето 532 года н.э.

Эон сидел на троне в помещении, которое еще недавно служило залом для приемов наместника в Сане, и смотрел сверху вниз на толпу. За исключением примерно дюжины сарвенов, которые несли вахту вдоль стен, и ближайших советников царя царей — Антонины, Гармата и Усанаса — все заполнившие большое помещение люди были арабами. Арабы собрались кучками. Каждая группа состояла из нескольких мужчин среднего или

пожилого возраста, женщины средних лет, выступающей в роли сопровождающей, и...

— Боже праведный, — пробормотал Эон. — Их целая орда! Неужели все арабы из Мекки привезли своих дочерей?

Стоявший слева от Эона Гармат прошептал:

— Не надо утрировать, царь. Это не орда молодых женщин. Просто большая толпа. Что касается твоего вопроса — а что ты ожидал? В Хиджазе много племен, и каждое состоит из нескольких родов. Они не смогли согласиться на одну кандидатуру, поэтому каждый из этих родов послал свою любимую дочь. — Эон сжал челюсти.

— Это не время для шуток. Как я могу выбрать одну? Не оскорбив других?

Гармат колебался. С другой стороны Эона зашептал Усанас.

— Пусть выбор делает Антонина. Она из Рима. Империю очень уважают, но она далеко. Арабы примут решение посла из Рима, как беспристрастное.

Глаза стоявшей рядом с Усанасом Антонины округлились от удивления. Однако прежде чем она смогла возразить, Гармат поддержал Усанаса.

— Прекрасная мысль. А поскольку Антонина еще и женщина, то сможет вначале пообщаться с девушками. А это позволяет сделать лучший выбор, дает больше шансов, чем если бы ты просто гадал, глядя на море паранджей.

Эон поднял глаза на Антонину. Какие бы возражения она ни собиралась представить, они заглохли при виде молчаливой просьбы в этих молодых карих глазах. Просьба, как она поняла, была в той же мере личной, как и политической. Через такое короткое время после потери двух своих любимых наложниц Эон находился не в том состоянии, чтобы выбирать жену.

Антонина кивнула.

— Если ты так желаешь, царь царей. Но мне хотелось бы иметь несколько дней до принятия решения. Как сказал Гармат, я могу провести это время, знакомясь с девушками.

— Используй столько времени, сколько нужно, — ответил Эон. Царь встал с трона. Тихие разговоры в зале стихли.

— Как вы все знаете, Аксумское царство заключило союз с Римской империей против малва, — объявил он достаточно громким голосом, чтобы его слышали во всем зале. Эон царственно кивнул на Антонину. — Эта женщина, Антонина, — жена великого полководца Велисария. Она также является опытным военачальником сама по себе и возглавляет делегацию Римской империи.

Зал замолчал. Отсутствие какого-либо шепота показывало, что все в зале уже знакомы с положением Антонины. Эон это подозревал, но хотел подчеркнуть ее важность.

— Я хочу, чтобы она выбрала для меня жену из ваших дочерей, — объявил он. — Так, если выбор делается римским послом, не будет подозрения в фаворитизме. Антонина проведет несколько дней в гареме, чтобы встретиться с девушками, перед тем как примет решение.

Теперь зал наполнился шепотом. Антонина внимательно прислушивалась к эмоциональному подтексту разговоров и решила: объявление Эона принято с общим одобрением.

Поскольку негуса нагаст явно собирался позволить присутствующим какое-то время тихо посоветоваться, Антонина воспользовалась возможностью, чтобы осмотреть свое окружение. Ее быстро отвели в зал для приемов, сразу же по прибытии в Сану.

Во время захвата Эоном Саны дворец наместника пострадал гораздо сильнее, чем сам город. Тяжелая каменная архитектура все еще осталась нетронутой — Эон не использовал порох во время атаки, просто копья сарвенов, но большая часть стен была обожжена. Стены дворца раньше украшали шпалеры, которые теперь превратились в пепел. К счастью, пожар быстро потушили, и пламя только слегка опалило тяжелые балки, поддерживающие крышу.

Восставший Абреха оборонялся здесь. Судя по полученным Антониной отчетам, оборона получилась слабовата. После того как арабские союзники, клюнув на приманку Антонины, покинули Сану, два восставших полка Абрехи были вынуждены противостоят

преданным аксумским сарвенам без чьей-либо помощи. Даже скрытые за стенами Саны, они не могли особо надеяться на победу.

Когда убегающие бедуины сообщили, что римляне разбили арабскую армию в оазисе, большинство войск Абрехи вышли из повиновения. Только двести человек из его полка Метин оставались ему верными. Остальные и весь сарв Фалха начали переговоры об условиях сдачи Эону.

Негуса нагаст, полный юношеской ярости, не был склонен предоставить им что-либо, кроме жизни. Но превалировал голос Гармата. Сарв Фалха снова приняли в ряды аксумской армии, как самостоятельное подразделение, без последствий. Даже солдаты из полка Абрехи, которые сдались, не понесли наказания, назначили только новых офицеров. Старых с позором уволили со службы.

Абреха и оставшиеся с ним двести мятежников забаррикадировались во дворце наместника. Схватка была яростной и длилась примерно час. В комнатах и коридорах мелькали копья. Двести человек Абрехи были раздавлены преданными сарвенами, которые вбегали через многочисленные входы дворца.

Здесь никакой пощады ждать не приходилось. Даже Гармат не рекомендовал проявить милосердие после того, как нашли тело его друга, Сумиафы Ашвы. Бывшего наместника пытали агенты малва, которые и советовали Абрехе начать восстание. Информация, которую выудили агенты из Ашвы, не далась легко. Сумиафа умер под ножом.

Агентов малва поймали вместе с Абрехой в том самом зале для приемов, где теперь стояла Антонина. На самом деле их не пытали. Аксумиты не имели склонности к долгим способам умерщвления. Тем не менее традиционный аксумский способ наказания предательства был достаточно диким. Предателям вспарывали животы, а потом душили собственными кишками. Но не только кишками: они служили просто мрачным украшением, поскольку кишки слишком мягкие, чтобы служить настоящей гарротой.

Антонина сморщила нос. Вонь спала, но все равно еще чувствовалась. Большая часть каменного пола, даже после нескольких часов уборки, оставалась заляпала коричневыми пятнами. Везде вокруг жужжали мухи. Казалось, они покрывают каждый дюйм пола, где кто-то не стоит.

Антонина уставилась на толпу арабов, представителей разных племен. Все они стояли на этих коричневых пятнах — мужчины, женщины и молодые девушки, стояли одинаково — без следа привередливости и брезгливости. Насколько Антонина могла судить, они не замечали запаха. Время от времени, они небрежно отгоняли мух, жужжащих у их лиц, но игнорировали ползающих по полу насекомых.

Эти люди были купцами, не бедуинами, по большей части из Мекки, хотя некоторые приехали из Ятриба и Джидды, но все равно — арабы. Аравия считалась страной пустынь, и живущие там люди на протяжении веков формировались суровым образом жизни в пустыне. Эти люди имели склонность к поэзии и могли проводить многие часы на городских площадях и в бедуинских лагерях в веселой болтовне и спорах. И они часто показывали себя самыми щедрыми и гостеприимными людьми в мире. Но они не были брезгливыми и привередливыми, ни в коей мере. Аксумское царство отплатило восстанию традиционной монетой. Арабские купцы, стоящие перед царем царей, просто поздравляли себя за то, что у них хватило ума не вмешиваться.

Эон очевидно решил, что у арабов было достаточно времени на раздумья.

— Если у кого-то есть возражения, говорите сейчас, — приказал он. Зал погрузился в молчание. Эон ждал по крайней мере минуту.

Никто не выражал протеста. Антонина приглядывалась, нет ли небольших подергиваний тел, которые означали бы неудобство или неловкость, но ничего не заметила.

— Хорошая идея, Усанас, — прошептала она.

— Я — гений, — согласился бывший давазз. — Это хорошо известно в кругах образованных людей. — Гармат фыркнул. — Конечно, не среди престарелых бывших бандитов.

Он собрался добавить что-то еще, но замолчал. Снова говорил Эон.

— Отправляйте ваших девушек в гарем. Слуги покажут вам дорогу. Антонина вскоре присоединится к ним.

Мгновение спустя толпа уже покидала зал. Глаза нескольких дюжин девушек с закрытыми паранджой лицами теперь поглядывали на Антонину. Во всех этих глазах светилось любопытство.

Некоторые смотрели робко, некоторые смело. Некоторые казались дружелюбными, некоторые неуверенными, некоторые, возможно, даже враждебными.

Последние, как подозревала Антонина, были особенно хорошенькими девушками. Глупые создания, которые явно подозревали, что не закрывающую лицо римскую женщину, саму красавицу, их красота не сметет с ног.

«Вы это поняли правильно, мои прекрасные кобылки, — подумала она сардонически. — Забудьте всю эту чушь. Я ищу жену для молодого человека. Это совершенно другое дело».

Задача Антонины упростилась с самого начала благодаря ее непроизнесенному вслух решению искать жену только среди родов курейшей. Все племена с Хиджаза прислали девушек, но это, в основном, был вопрос чести. Курейши благоразумно не выражали протестов и не требовали для себя предпочтений. Тем не менее факт оставался: курейши доминировали в Западной Аравии. Выбор жены из какого-то другого племени сильно их оскорбит. А с другой стороны, ни одно из прочих племен не воспримет выбор девушки из курейшей неверно. На самом деле они ждут от нее этого. Они просто хотят, чтобы их драгоценным дочерям дали формальную возможность участвовать в конкурсе.

Что Антонина и делала. Она проявляла осторожность, стараясь проводить с девушками из других племен столько же времени, сколько проводила с девушками из различных родов курейшей. И разговаривала с ними не просто так. Наложницы являлись обычной практикой среди арабов. Антонина намеревалась выбрать несколько наложниц для негусы нагаста из девушек-некурейшей. Она не обсуждала вопрос с Эоном до захода в гарем. Антонина знала, что молодой царь не хотел думать даже о жене, не говоря уже о толпе наложниц. Но он смирится с политической необходимостью, когда придет время.

Ее звали Рукайя, и она была из рода хашим из курейшей.

Вначале Антонина отвергла ее. Девушка оказалась слишком красива — на самом деле просто поразительно красива — и, что еще хуже, — очень стройна. Эон единственный выжил из правящей династии Аксумского царства, и Антонина не хотела рисковать с продолжением царского рода. Ее подруга, императрица Феодора, тоже была стройной женщиной. Феодора чуть не умерла во время родов из-за узких бедер. Ребенок умер, и Феодора не смогла родить другого.

Антонина хотела найти девушку с широкими бедрами. А также умную и с хорошим характером. Но она хотела девушку, которая могла бы без труда рожать наследников престола. Много наследников.

Но по мере того как текли часы первого дня, в разговорах с различными претендентками, Антонина обнаружила, что ее глаза притягиваются к Рукайе. И не потому, что девушка из рода хашим пыталась привлечь ее внимание. Как раз наоборот. Рукайя, казалось, почти избегала ее.

Конечно, полностью избежать ее было невозможно. Не в гареме, который, если не считать спален, состоял из одной большой комнаты. Потолок в комнате отсутствовал, а в центре находился мелкий бассейн. Девушки — их насчитывалось почти пятьдесят — сидели на скамьях. Большинство занимали скамьи, которые окружали бассейн, где их можно было лучше всего рассмотреть. Но примерно две дюжины сидели на скамьях, установленных у дальних стен.

Вначале Антонина подумала, что эти — самые скромные. Но когда она познакомилась

с ними со всеми, то поняла: большинство девушек на дальних скамьях — не из курейшей. Они прекрасно знали, что их не выберут, и не видели оснований толкаться в толпе у бассейна.

Все, за исключением Рукайи, которая, хотя и была из курейшей, очевидно, выбрала то положение в тени не из-за скромности. По мере того как день склонялся к вечеру, Антонина начала обращать внимание, как часто другие девушки подходят к Рукайе и разговаривают с ней.

Антонина не могла слышать слов, но ей не потребовалось много времени, чтобы понять происходящее.

В первые несколько часов взволнованные девушки шли к Рукайе, чтобы успокоиться. Казалось, привести в порядок нервы им помогают несколько слов, произнесенные спокойным и дружелюбным тоном. Немного расслабившись, девушки снова садились на свои места у бассейна.

По мере того как продолжался день, Антонина обратила внимание на нескольких других девушек, которые украдкой бегали к скамье Рукайи. Эти, как она думала, находились в плохом настроении, поскольку не могли считаться красивыми и искали успокоения и заверений. Казалось, их им дает самая красивая девушка в помещении. По большей части словами. Но Антонина также обратила внимание на краткие объятия, поглаживания волос, а один раз Рукайя несколько минут прижимала к себе тихо плачущую пятнадцатилетнюю девушку. Девушка с грузным телом и некрасивым лицом явно чувствовала, что слишком непривлекательна для жены царя.

Что на самом деле так и было. Антонина не искала красоту в первую очередь. Но та, кого она выберет, должна оказаться достаточно симпатичной, чтобы вызвать интерес у царя. Аксумскому царству требовалась стабильная династия. Это означало наследников, которых царица-дурнушка может и не обеспечить.

Но хотя Рукайя произвела на Антонину впечатление, римлянка продолжала исключать ее. Какое-то время, слушая то, что ей говорила та или другая девушка, Антонина раздумывала над возможностью выбрать Рукайю в качестве одной из наложниц Эона. Но отказалась и от этой мысли. Дочь из рода хашим просто слишком красива. Слишком привлекательна во всех отношениях. После многих часов в гареме, наблюдая внимательными глазами и оценивая разумом, Антонина не могла не заметить хорошие манеры и отличный характер Рукайи.

И все это, конечно, говорило против нее.

«Она слишком худа для царицы и слишком ослепительна для кого-то еще».

Антонина не хотела рисковать. Нельзя допустить, чтобы царь царей не произвел никаких законных наследников, поскольку слишком очарован наложницей.

В первую ночь она отправилась спать с твердым решением. К концу второго дня твердое решение поистрепалось по краям.

Второй день был днем отбора. В его процессе Антонина — так мягко, как только возможно — дала понять большинству девушек, с которыми говорила, что они больше не рассматриваются. Многие из них достаточно весело восприняли новость, в особенности те, кто были не из курейшей. Но, конечно, нашлись и другие, которые расстроились.

По крайней мере половина из них, как не могла не заметить Антонина, тут же отправились к скамье Рукайи. К середине дня девушку из рода хашим окружила толпа других девушек. Это была самая веселая группа в гареме. Слезы, которые текли по этим молодым щекам, высохли, и девушки смеялись тихо произносимым шуткам Рукайи. Похоже, ко всему вдобавок, Рукайя еще и умна.

Антонина пока еще не обменялась с ней ни словом. Она сразу же исключила Рукайю, и сама Рукайя не предпринимала попыток привлечь внимание Антонины. Но римлянка прекрасно знала, что происходит на той скамье.

В этом мире есть люди, которые имеют склонность привлекать к себе других. Люди,

которые привлекают к себе других, как магнит привлекает кусочки железа. Тип людей, к которым другие, когда подворачивают ногу и падают, автоматически обращаются за помощью и советом.

Короче, тип людей, которых ты хочешь видеть сидящими на троне — но видишь редко. Антонина покачала головой.

«Слишком худая».

К утру третьего дня Антонина сузила выбор до трех девушек. Она решила провести весь день в разговорах с этими финальными претендентками.

Рукайи среди них не было. Тем не менее, когда пришло время делать объявление собравшимся в гареме девушкам, казалось, что у языка Антонины появилась своя воля. После того, как она назвала имена трех финалисток, восставший орган продолжал говорить.

— И Рукайя, — выпалил ее язык.

Сидевшая через комнату Рукайя резко подняла голову. Девушка уставилась на Антонину широко раскрытыми глазами. Она удивилась, но... было что-то еще. Рукайя казалась опечаленной объявлением.

«Это странно, — подумала Антонина. Затем твердо сказала своему языку: — Она все равно слишком тощая».

Антонина разговаривала с Рукайей в последнюю очередь. День уже клонился к вечеру, когда девушка из рода хашим вошла в небольшую спальню в гареме, которую Антонина использовала для встреч один на один.

Когда Рукайя села на скамью напротив Антонины, последнюю восхитила грациозность движений девушки. Было что-то почти волнообразное в том, как Рукайя ходила и соскальзывала на сиденье. Даже манера сидеть, со скромно сложенными на коленях руками, несла в себе кошачью грацию. У нее были ясные карие глаза, которые наблюдали за Антониной, в них практически отсутствовали неуверенность и скованность шестнадцатилетней девочки.

Антонина молча смотрела на Рукайю примерно с минуту или около того. Она внимательно изучала девушку, но ничего не могла прочесть на ее лице. Это красивое молодое лицо вполне могло быть маской. Антонина не заметила никакого быстрого ума или живости, которые видела на протяжении двух дней, ни удивления и настороженности, которые сверкнули в глазах Рукайи, когда она услышала свое имя среди четырех финалисток.

«Давай вначале проясним эту тайну», — решила Антонина.

— Ты казалась удивленной, когда я назвала твое имя, — заявила Антонина. — Почему? Девушка ответила без очевидных колебаний.

— Я на самом деле удивилась. Казалось, вы не обращали на меня внимания в первые два дня. И я не ожидала, что меня выберут. Я слишком худая. Двое мужчин — на самом деле, их родители — уже отвергли меня. Они боялись, что я не смогу рожать детей.

Заявление было деловым, равнодушным — почти философским. Это само по себе удивляло. Большинство арабских девушек, если бы их отвергли родители потенциального жениха, долго страдали бы.

Проблема не была романтической, ни о каком разбитом сердце не шло и речи. О браках между представителями высшего класса арабов договаривались семьи. Достаточно часто жених и невеста не были знакомы до свадьбы. Но брак считался высшим достижением, к которому могли стремиться арабские девушки. Если тебя отвергали, то это почти неизбежно приводило к чувству никчемности и позору.

Тем не менее казалось, что Рукайя ничего этого не чувствует. Почему?

Антонина забеспокоилась. Одним очевидным объяснением отношения Рукайи мог быть эгоизм — девушка влюблена в собственную красоту и грациозность настолько, что просто не воспринимает отказ адекватно. Она может относиться к людям, которые, если

сталкиваются с разочарованием, всегда взваливают вину на других.

В долгой истории Римской империи, напомнила себе Антонина, имелась более чем одна императрица с такой ментальностью. Большинство из них были ужасны, в особенности те, благородное происхождение которых усиливало их эгоизм. Подруга Антонины Феодора имела те же врожденные черты. Но трудная жизнь Феодоры научила женщину смирять свою гордыню. Девушка, подобная Рукайе, рожденная среди арабской элиты, не могла сталкиваться в жизни ни с чем, что научило бы ее сдерживать надменность.

— Ты не кажешься расстроенной этим фактом, — заметила Антонина. Заявление прозвучало почти как обвинение.

Впервые после того, как Рукайя вошла в спальню, на ее лицо вернулись эмоции. Девушка рассмеялась. Всем своим видом она показывала, что принимает несовершенство мира, как факт, да еще и находит его забавным. Выражение ее лица и смех оказались очаровательными.

— Моя семья к этому привычна. Все женщины на протяжении столетий были худыми. Моя мать стройнее меня, и ее отвергали четыре раза до того, как семья моего отца решила рискнуть.

Рукайя в упор смотрела на Антонину.

— Я ее старшая дочь. У нее есть еще три и двое сыновей. Одна моя сестра и один брат умерли в детстве. Но не во время родов.

Моя бабушка родила девять детей. Никто не умер при рождении, и шесть дожили до взрослых лет. У ее матери — моей прабабушки — было двенадцать детей. Она умерла до моего рождения, но все вспоминают ее бедра змеи. — Рукайя пожала плечами.

— Для нас это просто не имеет значения. Моя мать говорила мне, что в первый раз рожать будет очень больно, но потом станет полегче. И она не беспокоится, что я умру.

«Ну, с этой проблемой разобрались, — насмешливо подумала Антонина. — Но я все равно удивлена...»

— Ты не казалась просто удивленной, когда услышала, как я называю твое имя. Ты также казалась расстроенной.

И снова заявление Антонины прозвучало, как обвинение.

Маска вернулась на место. Рукайя приоткрыла губы, словно для того, чтобы ответить. Для Антонины было очевидно: девушка собирается отрицать обвинение. Но через мгновение Рукайя опустила голову и пробормотала:

— Я не расстроилась, не совсем. Стать женой негусы нагаста — большая честь. Моя семья будет очень гордиться. Но...

Она сделала паузу и подняла голову.

— Мне нравится моя жизнь. Я очень счастлива в доме моего отца. Мой отец — веселый человек. Очень добрый и очень умный.

Рукайя колебалась, подыскивая слова.

— Конечно, я всегда знала, что однажды выйду замуж и перееду в дом другого мужчины. И часть меня с нетерпением ждет того дня. Но не... — она жалобно вздохнула. — Не так скоро.

Теперь лицо девушки оживилось, и ее руки возбужденно жестикулировали.

— Я не знаю, что буду делать в доме другого мужчины. Я так боюсь скуки. В особенности если муж — суровый человек. Большинство мужей очень строги с женами. С десяти лет отец разрешал мне помогать ему с работой. Он — один из богатейших купцов Мекки, и у него много караванов. Я веду большую часть его учетной документации и пишу большую часть его писем и...

У Антонины отвисла челюсть. Она думала, что во всей Аравии найдется не более двух дюжин грамотных женщин — и все они, несомненно, вдовы средних лет...

— Ты умеешь читать? — спросила она.

Рот Рукайи резко захлопнулся. На мгновение ее молодое лицо напоминало Антонине морду мула. Да, красивого мула, но такого же упрямого и волевого.

Однако это выражение быстро ушло. Рукайя опустила голову. И снова ее быстро жестикулировавшие руки скромно лежали на коленях.

— Отец научил меня, — тихо сказала она. — Он настаивает, чтобы все женщины в его семье умели читать. Как он говорит, это нужно, поскольку когда-нибудь они могут стать вдовами, и им потребуется вести дела своих мужей.

И снова слова полились потоком.

— Но, как я думаю, он говорит это просто, чтобы успокоить мать. Она не любит читать. И мои сестры не любят. Они считают, что это слишком трудно. Но я люблю читать, как и мой отец. Мы провели столько прекрасных вечеров, обсуждая прочитанное в книгах. У моего отца много книг. Он их собирает. Мать жалуется, потому что они дорогие, но это единственный вопрос, по которому закон в доме устанавливает отец. Большинство наших книг, конечно, на греческом, но у нас даже есть...

Тогда она замолчала, но ее прервал смех Антонины. Смех продолжался какое-то время. К тому времени, как Антонина прекратила смеяться, вытирая выступившие на глазах слезы, выражение шока на лице Рукайи превратилось в простое любопытство.

— А почему вам так смешно? — спросила она. Антонина потрясла головой.

— Негуса нагаст Аксумского царства — один из главных в мире библиофилов. Его отец, царь Калев, собрал в своем дворце в Аксуме самую большую библиотеку к югу от Александрии. Если честно, я не думаю, что сам Калев на самом деле прочитал какие-то из тех книг. Но к тому времени, как принцу Эону исполнилось пятнадцать, он прочитал их все. Я помню, как он приехал в Рим и проводил много часов с моей подругой Ириной Макремболитиссой, а она является величайшим в мире библиофилом...

Антонина замолчала, уставившись на девушку напротив нее. И снова ей на глаза навернулись слезы, когда она вспомнила подругу, которую, как думала Антонина, она никогда больше не увидит.

«О Боже, дитя, как ты мне напоминаешь Ирину».

Воспоминание помогло принять решение. Воспоминание о другой женщине — умной, быстро соображающей, активной, чьи жизненные планы и вся жизнь так много раз расстраивались и менялись из-за необходимости вести себя и действовать так, как от нее ожидали другие.

«Черт побери. У нас тоже есть души».

— Ты будешь счастлива, Рукайя, — предсказала Антонина. — И тебе никогда не будет скучно, я обещаю, — И снова Антонина смахнула слезы, и снова рассмеялась. — Не как жена этого человека! О, нет! Ты будешь вести учетную документацию царя царей, Рукайя, и писать его письма. Он строит империю и ведет войну с сильнейшей империей в мире. Думаю, достаточно скоро ты будешь мечтать о возможности немного поскучать.

Наконец лицо напротив нее стало только лицом молодой девушки. Девственницы, едва шестнадцати лет. Скромной, беспокойной, неуверенной, раздираемой опасениями, готовой, любопытной — и, конечно, жаждающей перемен.

— А он?.. Он будет?.. — Рукайя искала слова и запинаясь.

— Да, ты ему понравишься. Да, он будет добрым. И да, он принесет тебе много удовольствия.

Антонина встала и подошла к ней. Она взяла лицо Рукайи в ладони и посмотрела в глаза девушке.

— Поверь мне, ребенок. Я очень хорошо знаю царя Эона. Отбрось все сомнения и страхи. Тебе понравится быть женщиной.

Теперь Рукайя светила от счастья. Как невеста.

Глава 21

Гармат совсем не светился от счастья, когда впервые увидел Рукайю.

— Она слишком тощая, — пожаловался он. Гармат стоял на почетном месте на нижних

ступенях перед входом во дворец. Он повернул голову и прошепел ей в ухо: — О чем ты думала, Антонина?

Настроение Антонины немного портило жара. Она совсем не испытывала наслаждения, стоя под открытым солнцем Южной Аравии в тяжелых официальных одеждах. Поэтому на мгновение римского посла сменила девушка, выросшая на суровых улицах Александрии.

— Да мочилась я на тебя, старый пердун, — прошепела она в ответ. Потом, вспомнив о своем долге, Антонина смилостивилась. — Я проверила историю семьи, Гармат. Все женщины — стройные и у них никогда не возникало с этим проблем. Мать Рукайи...

Последовал краткий урок истории. Скорее, не очень краткий. Антонина ожидала, что вопрос встанет, и проверила рассказ Рукайи более тщательным собственным расследованием. К счастью, девушка не приукрашивала правду. На протяжении многих поколений, на которые простиралась память рода, что типично для арабских племен, только две женщины умерли при деторождении. В те времена это считалось показателем лучше среднего.

Когда урок истории со всей торжественностью и римской официальностью закончился, вернулся ребенок с улиц Александрии.

— Поэтому мочилась я на тебя с головокружительной высоты, старый пердун.

— Хорошо сказано, — послышался шепот Усанаса. Бывший давазз — ему все еще не присвоили официального титула — стоял прямо за ними, на более высокой ступеньке.

Антонина на четверть повернула голову и слегка склонила ее набок.

— Ты не беспокоишься? — прошептала она через плечо. И добавила кисло: — Я ожидала, что все мужчины в радиусе пятидесяти миль будут меня ругать за этот выбор.

На мгновение мелькнула светящаяся улыбка Усанаса.

— Какая чушь. Это все из-за столкновения с цивилизацией и ее декадентскими путями. Мой народ, настоящие варвары, никогда не расстраивается по такому вопросу. Женщины просто рожают в поле, как антилопы и львицы.

Гармат, все еще с натянутым лицом, снова начал ворчать. Теперь он сам читал лекцию, по естественной истории. Объяснял римской женщине с птичьим умом и необразованному дикарю из племени банту разницу между трудностью, с которой большой человеческий череп проходит через узкие родовые пути, и легкостью, с которой глупые животные практически без усилий...

Он замолчал и напрягся, потом стал полностью неподвижен. Царь царей наконец выезжал на площадь перед дворцом, где ждали его невеста и сопровождающие ее лица.

Это был впечатляющий выход. Даже после многих лет наблюдения за императорской римской помпой, Антонина смогла его оценить. Как правило, аксумиты не особо уважали формальности. Но если требовал случай, они бросались в дело с дикостью и силой людей, которых сформировало величие Африки,

Перед Эоном шли танцоры, облаченные в шкуры леопардов и накидки из перьев страуса. Они прыгали и извивались под ритм больших барабанов. Барабанщики были одеты менее ярко и цветисто. Они облачились в многослойные замшевые тоги, которые являлись обычным костюмом аксумитов, живущих на возвышенностях. Но эта замша специально предназначалась для церемоний. Материал был богато украшен слоновой костью и заклепками из черепашьего панциря.

За танцорами и барабанщиками шла церемониальная стража Эона. Она состояла из офицеров его полка и насчитывала гораздо большее количество людей, чем обычно. Эона приняли три полка, а не традиционный один, и все три присутствовали. Вахси, Афилас и Сайзана, командующие сарваами Дакуэн, Лазен и Хадефан, вели процессию.

Здесь снова проявлялась более типичная для Аксумского царства практичность. Да, на солдатах были головные уборы из страусиных перьев, причем более крупных размеров и более изысканные, чем они когда-либо надевали в битву. Но оружие и легкие доспехи оказались теми же практичными и утилитарными приспособлениями, с которыми аксумская армия выходила на поле брани.

Солдаты находились там не столько для того, чтобы защитить своего царя от наемных убийц, а чтобы напомнить большой толпе, заполнившей площадь, простую истину: после того как все сказано и сделано, Аксум правит копьем. Не забывайте об этом.

Однако, изучая толпу, Антонина не могла найти ни следа негодования в море по большей части арабских лиц. Несмотря на всю свою любовь к поэзии, люди пустыни не имели склонности к полетам фантазии, когда дело касалось политики. Они знали: эти правители будут править. Это данность. А раз так, то лучше иметь сильное и надежное правление. Это также делает возможным — только возможным — и справедливое правление.

Антонина решила, что правильно поняла толпу. Все лица, которые она видела, выражали только удовлетворение и удовольствие. Люди наслаждались грандиозным зрелищем, и ничем больше. Меры, которые предпринял Эон, концессии, которые он предоставил Хиджазу, даже больше, чем его мягкость по отношению к мятежным бедуинам, смирили Южную Аравию с правлением Аксумского царства. Антонина подумала, что бракосочетание, которое должно сейчас состояться, завершит работу. Арабы славилась своими торговыми способностями, так и своей поэзией и непрекращающимися политическими склоками. Они умели распознать хорошую сделку.

Теперь на площади появился Эон, и ликование толпы взвилось к небесам.

— Боже праведный, — прошептала Антонина. — Эта штука из чистого золота?

Гармат улыбнулся. Его обычный юмор вернулся.

— Конечно, нет, Антонина, — прошептал он в ответ. — Колесница из чистого золота развалилась бы от собственного веса.

Гармат с восхищением посмотрел на выезжающее на площадь средство передвижения.

— Но поверь мне, там достаточно золота. Достаточно золотых пластин, чтобы она вся казалось сделанной из золота, даже в нижней части, где шасси. — Он легко мотнул бородой. — Эти слоны там не только напоказ. Работа предназначена для слонов. Они тянут колесницу.

— Вы только взгляните на их костюмы, — пробормотала Антонина. Четыре слона, которые тащили колесницу, были одеты в толстокожую версию церемониальной замши, а не воинские доспехи, но Антонина даже не хотела гадать относительно веса слоновой кости и украшений из черепашьего панциря. Эон ехал в одиночестве на открытой сзади двухколесной повозке. Сама колесница была сделана по образцу древних боевых колесниц Египта, которые планировались для двух человек — один управлял лошадьми, в то время как другой стрелял из лука. Но Эону помощь не требовалась — ему не требовалось даже держать вожжи. Слонами управляли четыре погонщика. Эти люди, как с облегчением увидела Антонина, оделись только в свои обычные практичные одежды. Четыре слона, которые тащили колесницу Эона, на самом деле были боевыми слонами, с соответствующим темпераментом. И только Бог может помочь толпе, если погонщики потеряют над ними контроль.

Собственный костюм Эона вначале показался Антонине несколько странным, пока она не поняла, что видит обычную аксумскую комбинацию великолепия и практичности. С одной стороны, его туника была сшита из простого, некрашеного льна. Римский император, и даже любой римский господин благородного происхождения, выше уровня сословия всадников, надел бы шелк. Но утилитарный материал украшали жемчуга и бусины из красных кораллов, а шили одежду золотыми нитями.

Его тиара, в отличие от грандиозных корон римских или персидских императоров, представляла собой только серебряный обруч, с вкраплениями сердолика. Простота дизайна, как подозревала Антонина, должна была подчеркивать важность головного убора, состоявшего из четырех длинных узких перевязей, который тиара удерживала на месте. Этот головной убор назывался аксумитами фахиолин и являлся традиционным символом царя царей Аксумского царства.

Антонина подумала, что в этом головном уборе заключается хитроумное послание. Эон

уже объявил вчера, что столица Аксумского царства переносится в Асэб. Собравшиеся во дворце арабские господа благородного происхождения отреагировали на объявление с нескрываемым удовлетворением. Решение перенести столицу, как знали эти хитрые люди, определенно означало, что их новый правитель намеревается приварить их к своей империи. Центром Аксумского царства с этого времени станет Красное море, а не возвышенности, то есть центр, который делят и Аравия, и Африка.

Сегодня Эон мягко напоминал им про кое-что еще. У него все еще остаются возвышенности и племя дисциплинированных копьеносцев, которые закалились в этих горах. Их символ все еще находился на голове негусы нагаста.

Жезл, свидетельствующий о положении царя, нес то же послание. Древко огромного копья покрывало золото и украшали жемчуга, также золотым был и христианский крест, установленный наверху. Но сам наконечник — огромный дикий предмет разрушения — был сделан из простой стали, и был острым, как бритва. Медленнодвигающаяся колесница наконец достигла центра площади. Погонщики остановили слонов, и Эон спешил. Через несколько быстрых шагов он занял место рядом с невестой. Началась брачная церемония.

Первая часть церемонии, и пока самая длинная, состояла из перехода Рукайи в христианство. Это продолжалось два часа. Задолго до ее окончания Антонина вся взмокла в своих одеждах и проклинала всех священников, которые когда-либо жили на земле.

Если быть справедливой, признала она, вина в основном лежала не на священниках. Да, они, как и обычно, оказались многословны, в особенности, когда купались во внимании такой большой толпы. Но в основном проблема заключалась просто в количестве обращаемых.

Рукайя не одна принимала христианство. Конечно, все знали, что новая царица Аксумского царства должна стать христианкой (если уже не была, как многие арабы). Ее отец, после того как кандидатуру Рукайи объявили публично, сделал собственное заявление. Он сам и вся его семья тоже перейдут в христианство.

Это произошло неделю назад. Ко дню свадьбы более половины членов рода хашим приняли то же решение, а также значительная часть других родов курейшей. На площади собрались сотни людей — по мнению Антонины, более тысячи, которые проходили через таинство вместе с новой царицей.

Несмотря на то что ей было так некомфортно и она так вспотела, Антонина не винила их за эту церемонию. Да, она подозревала, что большинство новообращенных руководствовались не духовными мотивами. Это были хитрые купцы, которые увидели свою выгоду. И, как она думала, ни один из них не принимал новую веру полностью.

Аравия была страной, где религия кипела и бурлила, но скрытно. Большинство арабов того времени все еще оставались язычниками, несмотря на большой успех еврейских и христианских миссионеров. Но даже арабские язычники, как знала Антонина, склонялись к мысли, что имеется верховный бог, который правит над многочисленными божествами в их пантеонах. Они звали этого бога Аллах.

По мере того как церемония продолжалась, внимание Антонины начало рассеиваться. Она вспомнила разговор с Велисарием в Персии, до его отъезда.

Ее муж рассказал ей про религию, которая поднимется в Аравии в будущем человечества. Ее назовут ислам, поклонение одному богу по имени Аллах. Эту религию не более чем через столетие принесет новый пророк. Человек по имени Мухаммед или Магомет...

На мгновение она резко выпрямилась, вспомнив кое-какую информацию из того разговора. Ее глаза переметнулись на Рукайю, которая стояла в центре площади.

«Мухаммед тоже будет из рода хашим из курейшей. И если я правильно помню, то у него родится дочь по имени Рукайя».

Она поняла, что ее выбор Рукайи уже, вероятно, изменил историю. Представители рода хашим из будущего Мухаммеда не являлись христианами, за исключением нескольких.

После сегодняшнего дня они ими станут все. А как этот факт повлияет на будущее?

Она снова вернулась в воспоминания.

— А теперь, в нашем будущем, это все равно произойдет? — спросила она тогда Велисария. — После всех перемен?

Ее муж пожал плечами.

— Кто знает? Главная причина, почему ислам распространился по Леванту и Египту, заключалась в том, что монофизиты перешли в эту веру практически сразу же. Большинство из них добровольно. Монотеизм — единобожие, проповедуемое Мухаммедом, как я думаю, им понравилось и было понятно их ветви христианства. Монофизиты были ближе всего к исламу в рамках триединства.

Велисарий нахмурился.

— А столетия преследований со стороны христиан-ортодоксов, я думаю, стояли у монофизитов поперек горла. Они увидели арабов, как освободителей, а не завоевателей.

— Антоний пытается... — заговорила Антонина.

— Я знаю, что пытается, — согласился Велисарий. — И, я надеюсь, новый патриарх Константинополя сможет сдерживать эти преследования. — Он снова пожал плечами. — Но кто знает?

Стоя на площади и потев в тяжелых одеждах, Антонина все еще помнила странный взгляд, который появился на лице мужа.

— На самом деле это странно, — сказал он. — То, что я чувствую. Мы уже всего лишь тем, что сделали за эти последние несколько лет, изменили историю. Необратимо. — Он похлопал себя по груди, там, где в мешочке под туникой висел Эйд. — Теперь видения, которые мне показывает Эйд, — это только видения, и ничего больше. Я, конечно, все равно очень многое узнаю из них, но на самом деле они — не больше чем иллюзии. Это никогда не случится — по крайней мере не так, как он мне показывает.

Его лицо на мгновение стало очень грустным.

— Я не думаю, что теперь когда-нибудь появится Мухаммед. По крайней мере, не так. Конечно, он все еще может подняться и стать пророком. Но если Антоний добьется успеха, я думаю, Мухаммед скорее станет силой, обновляющей христианство, чем основателем новой религии. На самом деле он так и видел себя вначале — пока его не отвергли ортодоксальные христиане и евреи, и он нашел аудиторию среди язычников и монофизитов. — Антонина удивилась.

— Но почему ты от этого грустишь? Я думала, что ты предпочтешь это. Ты же сам христианин.

Когда Велисарий улыбнулся, улыбка получилась очень хитрой.

— Правда?

Она вспомнила, как резко вдохнула воздух. И точно так же хорошо могла вспомнить теплую улыбку на лице мужа.

— Расслабься, любовь моя. Христианство мне очень подходит. Я не собираюсь от него отказываться. Это просто...

На его лицо вернулось странное выражение — странного удивления.

— Я столько всего видел, Антонина, — прошептал он. — Эйд уносил меня в будущее на миллионы лет, к звездам за пределами галактики. Как простой парень из фракийской сельской местности смог пережить такие видения?

Антонина потеряла дар речи. Велисарий протянул руку и погладил ее лицо.

— Я уверен только в одном, — сказал он. — Я не могу уследить за половиной теологии Антония, но знаю: он прав. Бог сделал триединство таким непостижимым, поскольку Он не хочет, чтобы люди Его поняли. Достаточно, что мы Его ищем.

Рука Велисария оставила ее щеку и обвела Вселенную.

— Что мы и будем делать, любовь моя. Будем. Мы участвуем в этой войне, в основном, для того, чтобы люди могли осуществлять этот поиск. Куда бы их ни привела эта дорога.

Мягкая улыбка вернулась.

— Этого достаточно. Для простого фракийского парня, которого вырастили солдатом, этого более чем достаточно.

Наконец церемония закончилась. Антонина чуть не рухнула от облегчения. Она чувствовала себя подобно куску тающего масла.

Она наблюдала за тем, как Эон повернулся к Рукайе и снял с нее паранджу. Затем Антонина с трудом сдержала улыбку. Царь Аксумского царства впервые увидел лицо своей жены. Он казался подобным волу, которого между глаз стукнули молотком.

От толпы послышался легкий гул, да вообще-то и не такой легкий, когда люди дружно выдохнули. Частично от шока: они видели девушку с непокрытым лицом в общественном месте. Конечно, арабы знали, что это случится. Эон очень четко дал понять, что не намерен следовать арабским традициям. Женщины в Аксумском царстве не носят паранджу, даже молодые девственницы, и царь царей недвусмысленно и определенно, в ясных выражениях, не вызывающих сомнения, заявил: его новая жена будет следовать аксумским традициям. Но все равно матроны на площади были шокированы. Они едва могли дождаться момента, когда побегут домой и станут обсуждать этот скандал.

Но по большей части люди вдохнули воздух, пораженные красотой Рукайи. Толпа ожидала симпатичную девушку, да. Но не — не такую!

Через несколько секунд начались перешептывания. Шокированные и удивленные взгляды сменились...

«Да будь я проклята, — подумала Антонина. — Я об этом даже не подумала».

— Ты гений, Антонина, — прошептал Усанас. — Именно так и следует выглядеть царице. И ты только посмотри на жадных ублюдков! Все эти считающие монеты купцы только что поняли: царь царей никак не сможет игнорировать свою новую жену из курейшей,

Гармат придерживался другого мнения.

— Она слишком великолепна, — пожаловался он. — Мы никогда не сможем вытащить Эона из постели. — Потом добавил с шипением: — О чем ты думала, Антонина?

Антонина проигнорировала старого пердуна. Она просто купалась в восхищенных взглядах, которые в ее сторону бросала толпа. И она определенно купалась в полусвете другого восхищения. Даже на таком расстоянии она не могла неправильно прочитать выражение лица Эона. Это молодое лицо покрывала тень с тех пор, как он нашел изувеченные тела своих наложниц среди камней Тааха Мариама. А теперь наконец Антонина увидела, как тень уходит.

Как ее муж до нее, Антонина полюбила Эона, как собственного сына. Теперь, когда все закончилось, она поняла, что руководствовалась материнским инстинктом, а не расчетами дипломата. Она верила этому инстинкту гораздо больше, чем верила политическим махинациям.

Гармат все еще не понял, но до Усанаса дошло. Высокий охотник склонился и прошептал:

— Гений, и я это повторяю. — Антонина скромно пожала плечами.

— Это хороший союз. Отец девушки, как я думаю, сам по себе окажется неплохим советником. И сама Рукайя очень умна. Она...

— Не надо этой чуши, — фыркнул Усанас.

Он ухмыльнулся, глядя на Гармата. Ухмылка Усанаса была так же великолепна, как и его улыбки.

— Политика — глупое дело. Игры для мальчиков, которые слишком стары, чтобы вырасти. — На лице появилась знаменитая улыбка. — Умные люди, такие как ты и я, понимаем правду. Пока мальчик счастлив, он все будет делать хорошо. Все остальное не имеет значения.

Этим вечером во время великого пира во дворце Эон подошел к Антонине, бормоча слова благодарности и признательности. Антонина улыбнулась.

— Она очень красива, не правда ли? — Эон счастливо кивнул.

— И она также умна. Ты знала, что она умеет читать? И она забавная. Даже до того, как я снял паранджу, я думал, что влюблюсь. Она немного пошутила, пока священники продолжали и продолжали нудно говорить. Я чуть не умер, стараясь не рассмеяться.

Он замолчал на несколько секунд, восхищаясь своей женой. Рукайя находилась в центре внимания толпы — с начала пира. На мгновение ее окружили многие молодые девушки, которые вместе с ней провели дни в гареме. Наблюдая, с какой легкостью Рукайя разобралась с этой маленькой толпой поклонниц — которые не так давно были ее соперницами, — Антонина снова поздравила себя.

«Из нее получится великая царица».

Пришла последняя награда. Эон взял руку Антонины и легко сжал.

— Спасибо, — прошептал он. — Ты для меня, как мать.

К концу пира Антонину нашла Рукайя. Молодая царица отвела Антонину в сторону, в уголок огромного зала. Она сжала руки Антонины своими.

— Я так нервничаю, — прошептала она. — Мы с Эоном очень скоро уйдем. В его спальню. Я так нервничаю. Так боюсь.

Антонина успокаивающе улыбнулась, почти безмятежно. Это выражение было тяжело поддерживать. Она вела яростную схватку — не против хихиканья, против раскатов смеха.

«Какая чушь! Неужели ты думаешь, девочка, что можешь обмануть меня! Ты не боишься. Ты просто не можешь дождаться, когда он тебя трахнет. И все».

Но снова ей на помощь пришел материнский инстинкт.

— Расслабься, Рукайя. Забудь то, что ты могла слышать. Большинство мужчин, верь или не верь, не забираются на своих жен подобно тому, как бык залезает на телку. Вначале они разговаривают.

«По крайней мере, некоторые. Эон будет».

Глаза Рукайи пронзали ее подобно тому, как ученик смотрит на пророка.

Черт побери. Антонина рассмеялась.

— Расслабься, я сказала!

Она высвободила одну руку и погладила девушку по щеке. Веселость ушла под напряженностью взгляда Рукайи. Она наполовину боялась, наполовину надеялась, наполовину горела готовностью, наполовину проявляла любопытство, наполовину...

«Слишком много половинок. В девушке одновременно бурлит слишком много эмоций».

— Поверь мне, Рукайя, — сказала Антонина мягко. — Когда время придет, Эон будет очень нежен. Но оно может не прийти так быстро, как ты думаешь. Может, сегодня ночью не придет вообще.

Рот Рукайи широко раскрылся.

Рука Антонины перешла со щеки на роскошные длинные черные волосы девушки. Все еще поглаживая, она продолжала:

— Вспомни, девочка, он недавно потерял наложниц, которых сильно любил. Ему тоже будет трудно, когда вы останетесь одни. Он вспомнит о них и ему станет грустно. И он сам будет нервничать. Конечно, он не девственник...

Она с трудом подавила смешок. «И это если мягко выразиться!»

— ...но он все равно молодой человек. Не намного старше тебя. Вначале, я думаю, он просто захочет поговорить.

Медленно рот Рукайи закрылся. Девушка какое-то время обдумывала слова Антонины, римлянка продолжала гладить ее волосы. Слова и поглаживания начали ее успокаивать.

— Я знаю, как это делать, — объявила Рукайя. — Я хорошо умею разговаривать.

На следующее утро за завтраком Гармат снова начал ворчать.

— О чем ты думала, Антонина?

Старый советник сидел рядом с ней, на почетном месте у центра огромного стола. С другой ее стороны сидел Усанас. Конечно, два места во главе стола были оставлены для царя царей и новой царицы. Судя по бою барабанов, они как раз собирались появиться.

— О чем ты думала? — повторил он. — Я только что обнаружил, что девушка умеет читать, вдобавок ко всему прочему. Прекрасно. Два книжных червя. Вероятно, они провели всю ночь, обсуждая философию. — Он грустно покачал головой. — Династия обречена. Не будет никаких наследников.

Эон и Рукайя вошли в зал и заняли свои места. Усанас один раз взглянул на их лица и объявил очевидное.

— Ты — глупый старый хрен, Гармат. А Антонина все равно гений.

«Да, гений, — счастливо подумала она. — Настоящий гений. Определенно».

Глава 22

Персия.

Лето 532 года н.э.

— Похоже, он один, — сказал Дамодара, прищурившись на крошечную фигуру на удалении. Господин из малва склонил голову, вопросительно глядя на высокого раджпута, который стоял рядом с ним. — Я прав? Ты видишь лучше меня?

Рана Шанга кивнул.

— Да. Он один.

Царь раджпутов наблюдал за тем, как всадник направляет к ним коня. Переговоры были назначены на самом открытом участке, который смогли найти следопыты Шанги в этой части горной системы Загрос. Но унылая, засушливая местность все равно была усыпана камнями и изрезана небольшими канавами.

— Это не просто так, господин Дамодара. — Темные глаза Шанги наполнились теплотой и восхищением. — Он таким образом говорит нам, что верит в нашу честь.

Дамодара быстро, внимательно взглянул на Шангу. На мгновение ему стало завидно. Дамодара был из малва. Практичен. Он не разделял кодекс чести Шанги. Даже его прозаическую римскую версию, которой обладал Велисарий. Но Дамодара понимал этот кодекс. Он понимал его очень хорошо. И обнаружил, как и часто раньше, что, не чувствуя никакой подобной уверенности перед лицом хаоса жизни, сожалеет об этом.

Дамодара ни в чем не был уверен. Он по натуре являлся скептиком — с тех пор как себя помнил. Он даже не верил в новых богов, которые правили его судьбой.

Он не сомневался в их существовании. Дамодара провел определенное время один на один с Линком, как и Шанга, а царь раджпутов был единственным человеком вне династии малва, кого допустили к Линку. Дамодару, как и Шангу, переносили в видения о будущем человечества. Он видел новых богов и судьбу, которую они принесли.

Нет, Дамодара не сомневался в этих богах. Он даже не сомневался в их идеальности. Он просто сомневался в их определенности. Дамодара не верил в судьбу и предопределенность, и определенные шаги времени.

Теперь Велисарий находился достаточно близко, чтобы Дамодара четко его разглядел. Вот в это Дамодара верил. В это и в реальность раджпута, который стоял рядом с ним в тени шатра. Он верил в наездников, которые ехали по каменистой местности под лучами утреннего солнца. Он верил в солнце и скалы, и прохладный бриз. Он верил в пищу, которая лежала на тарелках в центре низкого столика в шатре. Он верил в вино в кубках рядом с едой и верил в сам кубок.

Ничто из этих вещей не считалось идеальным. Даже на солнце временами появляются пятна. И он сам был очень далек от уверенности в будущем, за исключением последующих нескольких часов. Но все вещи, о которых он подумал, тем не менее оставались реальны.

Дамодара был из малва, а значит, практичен. Тем не менее он обнаружил, как и многие практичные люди до него, что оставаться практичным гораздо труднее, чем кажется. Поэтому на мгновение он позавидовал уверенности Шанги.

Но только на мгновение. Ему на помощь пришел юмор. Дамодара обладал хорошим чувством юмора. Практичным людям оно требуется.

— Ну, мы не можем этого допустить! — объявил он. — У командующего должен быть телохранитель.

Дамодара повернул голову и что-то прошептал Нарсесу. Евнух кивнул и передал послание молодому раджпуту, который прислуживал им в шатре. Мгновение спустя юноша вспрыгнул на коня и поскакал к лагерю раджпутов, находящемуся на небольшом удалении.

Наконец Велисарий остановил коня перед маленьким шатром, в котором будут проходить переговоры. Там он обнаружил, что ему предоставят телохранителя.

Валентин помог ему спешиться. На катафракте не было доспехов, за исключением легкого шлема раджпутов, и у него на перевязи висел меч. И, конечно, ножи и кинжалы. Велисарий увидел три, засунутые за широкий пояс. Он не сомневался, что еще есть по крайней мере столько же, спрятанные где-то. Большинство людей подсчитывают богатство в монетах. Валентин считал богатство в лезвиях.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил Велисарий. Узкое лицо Валентина еще больше заострилось.

— Не очень хорошо, если честно. Но по крайней мере у меня в глазах больше не двоится. Голова все еще болит, чаще болит, чем не болит, да и силы все не восстановились.

Валентин бросил взгляд на малва, сидящих в открытом шатре. Они находились вне пределов слышимости. Дамодара вежливо позволил Валентину одному встретить Велисария.

— Я сделаю все, что смогу, — прошептал Валентин. — Если возникнут проблемы. Но должен тебя предупредить: я не такой, как раньше. По крайней мере, пока.

Велисарий улыбнулся.

— Не будет проблем. А если и возникнут, то нас защитит Шанга. — Валентин скорчил гримасу.

— Мне жалко этих несчастных ублюдков. Этот человек — демон, — он осторожно коснулся маленького шлема на голове. — Я не хотел бы повторения поединка, говорю тебе с уверенностью. Только если он будет связан, а я вооружен гранатами.

И снова Валентин бросил взгляд на врагов в шатре. Однако на этот раз скорее взгляд уважения, чем подозрительности.

— Ко мне хорошо относятся, полководец. Если хочешь знать правду, то носятся, как со знатным господином. Несколько раз сам Шанга приходил меня навестить. Даже Дамодара. — На лице Валентина появилось веселое выражение. — Этот маленький толстячок на самом деле — дружелюбный тип. Странно для малва. Даже есть чувство юмора. И неплохое.

Велисарий пожал плечами.

— Почему это странно? Малва — люди, Валентин, а не боги, — Велисарий сам бросил быстрый взгляд в шатер. — А значит, когда уляжется пыль, новые боги обнаружат, что малва их подвели. Они пытаются сделать идеальное из чего-то, что не только не является идеальным по природе, но должно быть неидеальным. Только неидеальные вещи могут расти и развиваться, Валентин. Стремление к идеалу так же глупо, как и бессмысленно. Ты только можешь создать статую — вещь, которая великолепно выглядит на пьедестале, но не очень хорошо выстоит на поле брани.

Велисарий перевел взгляд назад, на Валентина.

— Ты поклялся, как я предполагаю. — Валентин кивнул. На мгновение казалось, что ему неуютно. Он не стыдится, просто... ему неловко, как крестьянину в компании особ королевской крови. Люди класса и положения Валентина не дают клятвы с той же легкостью, как господа благородного происхождения.

— Да. Они перестали меня охранять. Но я должен был поклясться, что не предприму попытки убежать и не стану сражаться, если только в целях самообороны. И, конечно, мне придется с ними вернуться после этих переговоров.

Появилась звериная улыбка Валентина. Улыбка ласки.

— С другой стороны, они не заставляли меня клясться, что я буду молчать. — Он снова бросил взгляд на шатер. — Я узнал кое-какие вещи, полководец. Быстро: ты был прав насчет оружейного комплекса Дамодары. Он в Марве, как и думал Васудева. У них вскоре будут собственные ручные пушки. Малва уже начали их производить в Каушамби. Но Дамодара хвастается, что у него будут свои, сделанные в Марве. — Велисарий покачал головой.

— Он не хвастался, Валентин, — и он сказал тебе не случайно. Он знает, что ты передашь информацию. Дамодара хочет, чтобы она до меня дошла.

Валентин нахмурился.

— Зачем ему это?

— Потому что он — умный человек. Достаточно умный, чтобы понять то, что понимает очень малое количество полководцев. Иногда выданная тайна служит так же хорошо, как сохраненная. Или даже лучше. Дамодара, вероятно, надеется, что я попытаюсь совершить набег на Марв после того, как он выгонит меня из Загроса. И сделаю я это скорее, чем стану отступать в Месопотамию. Город — оазис и я уверен, что он его укрепил, как челюсти Сатаны. Нас сожрут заживо, если мы попытаемся штурмовать то место, а остатки будут развеяны по пустыне.

Валентин прищурился, глядя на него так, словно у него опять двоилось в глазах. Его рука опять осторожно коснулась шлема.

— Боже, — пробормотал он. — Как ты только можешь так хитро мыслить? У меня голова болит только оттого, что я пытаюсь за тобой уследить. — Он зашипел. — И я все равно не понимаю, зачем это Дамодаре. Он не может на самом деле думать, что ты позаришься на приманку.

Велисарий пожал плечами.

— Вероятно, нет. Но никогда не знаешь. Почему бы не попробовать? — Он почесал подбородок. — Я думаю, этот человек во многом похож на меня. По крайней мере в некоторых вещах. Он любит окольные пути и не упускает из виду углы.

Валентин снова зашипел.

— Боже, у меня болит голова.

Велисарий взял Валентина под руку и повел к шатру. Когда они приближались медленным шагом, Валентин вспомнил кое-что еще.

— О, да. Маврикий был также прав насчет Нарсеса. Он... — Велисарий кивнул. Он уже заметил небольшую фигурку старого евнуха в тени шатра.

Полководец хитро улыбнулся.

— Подозреваю, что к этому времени всем парадом для Дамодары уже командует Нарсес.

Валентин улыбнулся тоже, у него получилась гримаса дружелюбного убийцы.

— Ты можешь поверить, насколько успешной оказалась атака? Знаешь ли — кавалерийская атака на лагерь малва, которую ты, вероятно, приказал устроить, даже хотя я никогда о ней не слышал, а все время находился рядом с тобой.

Велисарий сам улыбнулся.

— Это был прекрасный удар. Такой ослепительный, что ослепил даже мою память.

«И мою тоже, — вставил Эйд и сказал твердо: — Но я уверен: ты должен был приказать ее. И я абсолютно уверен, что атака оказалась потрясающе успешной».

— Убиты все главные шпионы Дамодары, — прошептал Валентин. Они находились возле шатра. — Злобные римляне перерезали им глотки. Очень аккуратно.

Теперь они заходили в шатер. Валентин отошел в сторону, и Велисарий широким шагом направился к низкому столику в центре.

Дамодара и Шанга приветственно кивнули. Дамодара улыбался, Шанга сидел

напряженно и торжественно. Нарсес устроился далеко от стола и смотрел гневно. Но он тоже кивнул.

Грациозно, с приобретенной после практики в Индии легкостью Велисарий сел в позу лотоса на одной из подушек.

Он не видел оснований терять время на бессмысленную дипломатическую болтовню.

— Какова цель этих переговоров? — спросил он. Предложение, несмотря на всю резкость слов, было не столько требованием ответа, сколько простым вопросом. Он интересовался. — Не вижу, чтобы у нас имелись для обсуждения военные вопросы. — Он кивнул на Валентина. — Если только вы не изменили решение насчет его выкупа.

Дамодара рассмеялся. Велисарий продолжал.

— Так какова цель разговоров? Вы пытаетесь пробраться в Месопотамию, я пытаюсь вас остановить. Если быть точнее, то замедлить ваше продвижение. Вам удалось почти выгнать меня из Загроса — теперь мы не так уж далеко от заливных лугов, — но я удерживал вас много месяцев. Это дало время императору Хусрау, и моему военачальнику Агафию, чтобы собрать римские силы в Месопотамии.

Велисарий пожал плечами.

— Я намереваюсь продолжать делать то же самое, вы намереваетесь продолжать делать свое дело. Раньше или позже — вероятно раньше — я откажусь от усилий и отступлю в Пероз-Шапур. Может быть, Ктесифон. Может, еще куда-то. Тогда мы встретимся на открытом поле. Я представляю, что вы с нетерпением этого ждете. Но вы не получите удовольствия и не насладитесь процессом, когда пробьет час битвы. Это я могу вам обещать.

Дамодара покачал головой, продолжая улыбаться.

— Я просил этих переговоров не для обсуждения военных вопросов.

Все еще улыбаясь, на самом деле очень весело, он продолжил:

— И я ни на минуту не сомневаюсь, что ты обеспечишь нам такую же трудную жизнь на равнине, как ты делал в горах.

Шанга фыркнул, как фыркает человек, который слышит объявление другого о том, что солнце встает на востоке.

— Я настаивал на этих переговорах, Велисарий, просто потому, что хотел с тобой встретиться. Наконец после всех этих месяцев. И также...

Господин из малва колебался.

— А также потому, что я подумал: мы можем обсудить будущее. Далекое будущее, я имею в виду, а не следующее непосредственно за настоящим.

«Прямое попадание. Разве я не гений, Эйд?»

«Настоящий гений, определенно, — тут же пришел ответ. — Но я все равно не понимаю, как ты догадался».

Велисарий склонился вперед, готовясь обсуждать будущее.

«Потому что господин Дамодара — человек. Самый лучший человек среди малва, поскольку он — единственный, кто не мечтает стать богом. Да, он следует за богами малва. Но, думаю, он начинает задумываться, как его глиняные ступни выдержат этот марш».

— Господин Дамодара, — начал Велисарий.

Полководец протянул руку и начал расстегивать тунику. Под материей, в кожаном мешочке лежало и ждало будущее. Как тигр, спрятавшийся в засаде.

«Давай, Эйд».

В ответе не было неуверенности. Ни сомнения, ни удивления.

«Я прочищу им часы, — ментально сказал Эйд, а потом добавил: — Скорее, отполирую их циферблаты».

Велисарий протянул Эйда Дамодаре. Господин из малва протянул руку, но в последний миг отдернул ее. Частично его отказ основывался на простом автоматическом недоверии. Но только отчасти. Он не думал, что Велисарий собирается отравить его каким-то таинственным магическим кристаллом. Дамодара верил в глубине души, что Велисарий говорит правду о

невероятном — камне? — который лежал у него на руке.

Нет, настоящая причина, по которой Дамодара не мог заставить себя взять камень, заключалась в том, что он наконец понял: он не хочет знать будущее. Он лучше будет сам создавать его. Может, плохо; может, вслепую; но своими руками. Пухлыми, непривлекательными руками. Ничем не напоминающими крепкие, сильные, мускулистые руки римского полководца или царя раджпутков. Но они были его руками, и он в них верил. Шанга даже не испытывал искушения.

— Я видел будущее, Велисарий, — заявил он торжественно. — Линк показал его мне. — Раджпут кивнул на Эйда. — А этот покажет мне что-то другое?

Велисарий покачал головой.

— Нет. Я уверен: будущее — если Линк и новые боги не изменяют его, используя малва как свой инструмент, — будет точно такое, как Линк показал тебе. Место хаоса и беспорядка. Мир, где люди — больше не люди, а чудовища. Вселенная, где нет ничего чистого и все загрязнено.

Велисарий поднял руку и широко расставил пальцы. Эйд светился и блистал, как самый идеальный в мире драгоценный камень.

— Это тоже вещь из загрязнения. Чудовище. Разумное существо, созданное из болезни. Самой худшей болезни, которая когда-либо поражала Вселенную. И тем не менее...

Велисарий посмотрел вниз на Эйда.

— Разве он не красив? Он подобен алмазу, сотворенному из загнивающих отходов.

Велисарий закрыл пальцы. Мерцающий свет Эйда больше не освещал шатер. И римский полководец, наблюдая за лицами своих врагов, знал: он — не единственный, кому не достает великолепия.

Он повернулся к Дамодаре.

— У тебя есть дети? — Господин из малва кивнул.

— Трое. Два мальчика и девочка.

— Они родились идеально? Или они родились все в крови, с болью и потом твоей жены и твоим страхом?

Тень пробежала по лицу римлянина.

— У меня нет своих детей. Моя жена Антонина больше не может их иметь. В те дни, когда она была куртизанкой, после того, как она родила одного сына, ее порезал человек, который хотел стать ее сутенером.

Эта суровая правда, которая говорилась человеком о собственной жене, не казалась странной его врагам в шатре. Они знали историю — Нарсес поведал детали, до которых еще не докопалась шпионская сеть малва. Тем не менее они также знали, с такой же уверенностью, как о восходе солнца, что римлянина не волнуют ни стыд, ни штор. Не потому, что он не знает о прошлом своей жены, а просто потому, что оно его не волнует. Не больше, чем жемчуг в раковине волнуется о том, что получился из отходов.

Тень прошла, солнечный свет вернулся.

— Тем не менее этот мальчик — этот незаконнорожденный ребенок, зачатый от клиента проститутки, — на самом деле стал моим сыном. Он так же дорог мне, как если бы был моим. Почему так получилось, как вы думаете?

Велисарий уставился на красоту, спрятанную у него в ладони.

— Это — чудовище — тоже стало мне, как сын. А почему, как вы думаете? — Когда римский полководец поднял лицо, оно было абсолютно спокойным. — Причину, господин из малва и царь Раджпутаны, объяснил мне Рагунат Рао. В видении о нем, которое показал мне Эйд. В нем Рао танцевал в честь славы времени. В конце только душа имеет значение. Все остальное — суета сует.

Велисарий повернулся к Ране Шанге.

— Моя жена — очень красивая женщина. А твоя, царь Раджпутаны?

Шанга уставился на римлянина. Велисарий никогда не встречался с женой Шанги. На мгновение Шанга со злостью подумал, не могли ли римские шпионы...

Но отмахнулся от подозрения. Велисарий, как он понял, просто догадался. Он просто ищет любой угол, с которого нанести удар копьём.

— Она полная и у нее некрасивое лицо, — резко ответил Шанга. — Ее волосы поседели к тридцати годам.

Велисарий кивнул. Открыл руку. Красота снова вошла в шатер.

— Тогда ты обменяешь ее на мою?

Сильные пальцы Шанги сомкнулись на рукоятке меча. Но через мгновение злость прошла, и Шанга просто погладил рукоятку. Как человек, который успокаивается от ощущения старой, знакомой, верной вещи. Лучшая сталь в мире производится в Индии. Эта сталь спасала его столько раз, что он уже сбился со счета.

— Она — моя жизнь, — сказал раджпут тихо. — Мать моих детей. Радость моей молодости и уверенность моей зрелости. Точно так же, как она будет успокоением моей старости.

Левая рука Шанги поднялась вверх и осторожно погладила новый шрам, который на его щеке оставил Валентин. Шрам все еще выглядел ужасно, поскольку был свежим, но даже после того, как краснота спадет, лицо Шанги останется изуродованным. Когда-то он был красивым мужчиной. Но больше — нет.

— Конечно, предполагая, что я доживу до старости, — сказал он и уныло улыбнулся. — И что моя жена не сбежит в ужасе, когда увидит великана-людоеда, заходящего в ее дверь.

И снова на мгновение пальцы его правой руки сжались на рукоятке меча. Сильные пальцы. Улыбка Шанги исчезла.

— Я не обменяю ее даже на богиню. — Слова были стальными, как его клинок.

— А я и не думал, — пробормотал Велисарий. Он убрал Эйда назад в мешочек и заново застегнул тунику. — Я и не думал, — повторил он, встал и поклонился Дамодаре. — Насколько я понимаю, наши дела закончены.

Велисарий был высоким мужчиной. Не таким высоким, как Шанга, но достаточно высоким, чтобы нависать над Дамодарой, как гигант. Он также был крупным мужчиной. Конечно, не таким могучим, как Шанга, но гораздо более впечатляющей фигурой, чем невысокий и пухлый господин из малва, который сидел на подушке перед ними.

Это совсем не имело значения. Господин Дамодара посмотрел на римского полководца спокойным взглядом Будды.

— Да, полагаю, что так, — любезно согласился он. Дамодара сам встал и поклонился Велисарию. Затем слегка повернулся и показал на Нарсеса. — Кроме...

Дамодара улыбнулся. Сам образ Будды.

— Ты попросил, чтобы Нарсес присутствовал. Как я предполагаю, на то имелась причина.

Велисарий осмотрел евнуха. На протяжении переговоров Нарсес молчал. Он и теперь продолжал молчать, хотя встретился со спокойным взглядом Велисария тем же гневным взглядом, которым поприветствовал его, когда Велисарий только вошел.

— Я хотел бы поговорить с Нарсесом с глазу на глаз, — сказал Велисарий. — С твоего разрешения.

Увидев недоверие в глазах Дамодары, Велисарий покачал головой.

— Я уверяю тебя, господин Дамодара: ничто из того, что я намерен обсуждать с Нарсесом, не принесет тебе зла.

Он ждал, пока Дамодара обдумывал вопрос.

«Это было красиво грамматически построенное предложение», — с восхищением заметил Эйд.

«Я — отличный грамматист. Мой отец не жалел денег на мое образование. Я знаю, как формулировать мысль».

Дамодара все еще колебался. Искал окольные пути, где бы они ни пролегали, проклятые. Дамодара ни на мгновение не сомневался, что Велисарий задумал какую-то

хитрость.

— Я тебе в этом поклянусь, если желаешь, — добавил Велисарий. «О, это прекрасно. Ты умен, дедушка. Не позволяй никому говорить тебе обратное».

Велисарий чуть скромно не пожал плечами. Но долгий опыт научил его держать беседы с кристаллом в тайне от окружающих.

«Я — человек чести. Я никогда не считал, что не могу использовать свою честь на практике. Мы, римляне, еще более практичны, чем малва. Гораздо больше, в особенности когда коса находит на камень».

Предложение, казалось, удовлетворило Дамодару.

— Нет необходимости, — сказал он любезно. И снова поклонился Велисарию. Затем, взяв Шангу под руку, вышел из шатра.

Велисарий с Нарсесом остались вдвоем. Нарсес наконец заговорил.

— Черт тебя побери. Что ты хочешь?

Велисарий улыбнулся.

— Я просто хотел рассказать тебе о твоём будущем, Нарсес. Думаю, я обязан сделать это, за то, что ты спас Феодоре жизнь.

— Я не делал это для тебя. Черт тебя побери.

Гневный взгляд старого евнуха был удивительным. Великолепным сам по себе, как ослепительное блистание Эйда. Чистая враждебность, такая чистая, как алмаз, выкованный из злобы, зависти и ненависти к себе протяженностью в жизнь.

— Да и какое мне дело? — спросил евнух. И ухмыльнулся. — Что? Ты собираешься сказать мне — что я старый человек, прямо на краю могилы? Я уже это знаю, ты, ублюдок. Я все равно буду делать твою жизнь настолько несчастной, насколько смогу. Даже в то время, пока на меня примеряют саван.

Улыбка Велисария в своем роде тоже была поразительной.

— Совсем нет, Нарсес. Как раз наоборот. — Он постучал по мешочку у себя под туникой. — Конечно, будущее изменилось, по сравнению с тем, которым оно должно было бы быть. Но кое-что останется тем же. Например, естественная продолжительность жизни человека.

Нарсес гневно смотрел на него. Улыбка Велисария сошла с лица, и ее заменило... сожаление? Жалость?

— Такая потеря, — пробормотал он. Затем заговорил более громко. — Я скажу тебе правду, евнух Нарсес. Я клянусь в этом перед Богом. Ты переживешь меня, а я не умру молодым.

Появилась хитрая улыбка.

— По крайней мере от естественных причин. Кто знает, что случится в этом мире, который мы создаем? Но в будущем, которое бы было, я умер в шестьдесят лет. Ты все еще жил.

Челюсть Нарсеса отвисла.

— Ты серьезно?

На мгновение привычная подозрительность Нарсеса исчезла. На это мгновение — очень короткое — морщинистое и чешуйчатое лицо снова стало лицом ребенка. Мальчика — до того, как его кастрировали и бросили в полную горечи жизнь.

— Ты в самом деле говоришь правду?

— Я клянусь тебе, Нарсес, перед самим Богом, что говорю правду.

Подозрение вернулось, подобно оползню.

— Почему ты мне это говоришь? — спросил Нарсес. — И только не надо нести мне чушь. Я знаю, насколько ты хитер. Здесь есть какая-то ловушка.

Гневные глаза евнуха обвели шатер и видимый сквозь проем пейзаж, словно в поисках ловушки.

— Конечно есть, Нарсес. Думаю, это очевидно. Амбиции. — Взгляд Нарсеса резко

вернулся к Велисарию.

— Такая потеря, — повторил Велисарий. Затем сказал твердо и уверенно: — Я прощаю тебе твое предательство, евнух Нарсес. Феодора не простит, потому что она не может отбросить свою злобу и неприязнь. Но я могу и делаю. Теперь я клянусь тебе перед Богом, что прошлое прощено. Я только прошу в ответ, чтобы ты оставался верен тому единственному, что привело тебя к предательству. Твоим амбициям.

Велисарий развел руки, словно гигант, держащий невидимый мир.

— Не думай мелко, Нарсес. Не удовлетворяйся мелкой амбицией свалить меня. Мысли по крупному. — Улыбка вернулась. — Почему бы и нет? У тебя все еще есть по крайней мере тридцать лет, чтобы насладиться плодами твоих трудов.

Нарсес быстро бросил взгляд на Рану Шангу. Царь раджпутов стоял снаружи, возможно в сорока футах. Они с Дамодарой дружелюбно болтали с Валентином.

— Не дури, — прошипел он. — Да, я очистил гнездо Дамодары. Он устал до смерти от шпионов Нанды Лала, наблюдавших за каждым его шагом. Но... больше, чем это?

Ухмылка вернулась с полной силой.

— Это армия раджпутов, Велисарий, на тот случай, если ты не заметил. Эти сумасшедшие ублюдки так же склонны нарушать клятву, как ты. Они поклялись в вечной верности императору малва, и этим все сказано.

Велисарий почесал подбородок и хитро улыбнулся.

— Да, поклялись. Но я предлагаю тебе, если ты этого еще не сделал, исследовать природу этой клятвы. Знаешь ли, клятва клятве рознь. В прошлом году я попросил Ирину точно выяснить для меня, в чем поклялись цари Раджпутаны в Аджере, когда наконец стали союзниками малва. — Улыбка стала очень хитрой. — Они поклялись в вечной верности императору малва, Нарсес. — Велисарий собрался уходить. У края шатра, в отбрасываемой им тени, он остановился и повернулся. — Кстати, Шандагупта не упоминался. Никаких имен, Нарсес. Просто: императору малва.

Он тогда чуть не рассмеялся, увидев лицо Нарсеса. И снова это было лицо маленького мальчика. Однако не лицо доверчивой невинности. Это было горящее готовностью лицо жадного ребенка, увидевшего торт, который его мать только что поставила перед ним в честь дня его рождения.

Ребенка, которого ждет еще много дней рождений. Много, и много тортов.

На пути назад, когда они ехали по неровной почве, Эйд послал только один ментальный импульс. «Смертельны удары Велисария».

Глава 23

Как только Велисарий зашел в командный шатер, то все понял. Улыбающиеся лица его военачальников служили достаточным свидетельством. Глубокая гримаса недовольства Маврикия — доказательством.

Увидев это недовольное выражение, Велисарий засмеялся.

— В чем дело, старый ворчун? — спросил он. — Признай правду — ты просто не терпишь, когда планы исполняются, и все идет хорошо. Это против твоей веры.

Маврикий изобразил улыбку, в некотором роде. Если бы лимон мог улыбаться.

— Это неестественно, — проворчал хилиарх. — Против законов человека и природы. — Он поднял в руке свиток и протянул Велисарию. Затем, пожимая плечами, сказал: — Но, очевидно, это не против законов Божьих.

Велисарий с готовностью развернул свиток и просмотрел содержание.

— Ты это прочитал. — Слова прозвучали, как утверждение, не вопрос.

Маврикий кивнул и показал на других офицеров.

— И передал им суть.

Велисарий бросил взгляды на Кирилла, Бузеса и Кутзеса и Васудеву. Грек, два

фракийца и кушан, но они вполне могли быть горошинами в одном стручке. Все четверо улыбались. Частично от удовлетворения, увидев, как выполняются планы. В основном от чистого удовольствия, поскольку наконец покончили с маневрами. Конечно, за исключением одного последнего, тяжелого марша — но это будет путь к битве. Они нисколько не сомневались, что этот марш окончится триумфом. Их армия была армией Велисария.

Одна горошина в стручке немного отличалась от других. Улыбка кушана была такой широкой, что, казалось, его лицо сейчас разорвет. Велисарий сурово посмотрел на него и предостерегающе потряс свитком.

— Шлемы остаются на головах, пока мы не зайдем достаточно далеко в кванат, Васудева. Любой кушан, который только расстегнет пряжку до того, как мы спустимся вниз... Я посажу его на кол. Клянусь, что посажу.

Улыбка Васудевы не сошла с лица, даже не стала менее широкой.

— Не беспокойся, полководец. Мы планируем религиозную церемонию после того, как спустимся вниз. Выложим огромную кучу вонючей-трахнутой-глупой варварской дряни. Произнесем короткую молитву, проклиная это дерьмо и обещая ему вечное забытие. — Он виновато развел руками. — Конечно, по праву мы должны бы их сжечь. Но...

Кутзес рассмеялся.

— Маловероятно! Если ты только не хочешь, чтобы мы все задохнулись в дыму. И так будет тяжело дышать, когда десять тысяч человек станут пробираться по туннелю. Даже отправляя их партиями, мы будем частично задыхаться.

Удовлетворенный Велисарий вернулся к изучению свитка. Однако на самом деле он не читал слов. Послание было таким коротким, что не требовалось особого изучения. Просто дата и приветствие.

Его глаза зафиксировались на приветствии, как усонгий рак прикрепляется к камню.

— Слава Богу, мы покончили с этими горами, — заявил Бузес.

— И с этими упрямыми ублюдками раджпутами! — радостно согласился его брат.

На глаза Велисария навернулись слезы.

— Это послание означает кое-что, гораздо более важное для меня, — прошептал он и погладил лист. — Оно означает, что моя жена все еще жива.

Увидев счастье на лице Велисария, его военачальники замолчали. Затем, откашлявшись, Кирилл пробормотал:

— Да. Вполне вероятно.

Велисарий внимательно посмотрел на греческого катафракта. Выражение Кирилла, как он видел, отражалось на лицах братьев и Васудевы. Неуверенность, надежда ради их полководца, но... но...

— На войне случается всякое, — заявил Велисарий, обращая сомнения в слова. — Может, Антонина и мертва. Может, послание отправил Ашот, сообщая нам, когда флот тронется из Асэба.

Он посмотрел на Маврикия. Хилиарх теперь улыбался, точно так же широко, как до него улыбался Васудева. В этом веселом выражении не осталось и следа ветеранского пессимизма.

Велисарий тоже улыбнулся.

— Скажи им, Маврикий. — Маврикий откашлялся.

— Ну, это так, парни. Я только передал вам суть самого послания. Да, определенно, Ашот мог его отправить. Мог его отправить, стоя над окровавленным трупом Антонины. Но я на самом деле сомневаюсь, что тот щетиный ублюдок стал бы обращаться к полководцу, как... я цитирую: «дорогой и любимый». Даже хотя он и армянин.

Шатер взорвался хохотом. Велисарий весело к нему присоединился, но его глаза оставались прикованными к свитку.

«Дорогой и любимый». Эти слова растекались по его душе, подобно вину. Стоя в шатре, среди горной системы Загрос, он чувствовал себя так, словно парил в небесах.

«Дорогой и любимый».

Они отправились на юг через два дня. Велисарий подождал, пока не закончилась следующая кавалерийская стычка. Просто быстрое столкновение в ближайшей долине между тридцатью римлянами и таким же количеством раджпутов. Ничем не отличающееся от дюжины других — даже сотни других, — которые имели место на протяжении последних нескольких месяцев.

Эта стычка, как обычно случалось после битвы на перевале, оказалась почти бескровной. Ни одна сторона больше не пыталась перебить другую. Они просто поддерживали контакт, демонстрируя, что каждая армия знает месторасположение другой.

Никого из римлян не убили. Только один получил серьезные ранения, но поклялся, что сможет отправиться в поход.

— Это только рука, полководец, — сказал он, приподнимая сильно забинтованную конечность. — Даже не повреждена кость. И крови я потерял немного.

У Велисария имелись сомнения. Но, увидев целеустремленность на лице катафракта, он решил взять его с собой. Армию только что информировали, на рассвете, о новом направлении. Раненый катафrakt хотел остаться со своими товарищами. В худшем случае раненый все равно не свалится за несколько дней. А этого вполне достаточно.

Полководец выпрямился.

— Хорошо, — сказал он и посмотрел на катафракта. Его взгляд не был мрачным, просто стоическим. — Если случится худшее, то ты окажешься в руках раджпутов.

Катафrakt пожал плечами. Очевидно, его не приводила в ужас эта перспектива. И у него не имелось на то оснований. Конфликт между двумя армиями, даже до битвы на перевале, был цивилизованным. После той битвы он стал рыцарским. Раджпуты станут относиться к человеку так же, как солдаты Велисария относились к пленным раджпутам.

Вспомнив об этих пленниках, Велисарий сам пожал плечами.

— А если уж до этого дойдет, то я просто оставлю тебя позади с пленными раджпутами, — сказал он. — Достаточно глубоко в кванате, что Дамодара не найдет тебя, пока не будет слишком поздно, и с достаточным количеством еды. Конечно, вода тебе не потребуется.

При упоминании воды катафrakt скорчил легкую гримасу. Весенние потоки давно закончились, но кванат все равно оставался по крайней мере на фут заполнен водой. Несмотря на все свое желание покинуть горы, никто из солдат не испытывал радости при мысли о долгом марше по туннелю. Какая радость идти по узким выступам по бокам, чтобы ноги не промокли в воде, которая бежала по центральному желобу?

Подошел Маврикий.

— Сейчас, — сказал он. — Нельзя выбрать лучшего времени.

Велисарий кивнул. Стояла только середина утра дня после столкновения кавалеристов. Наездники-раджпуты должны были вернуться к своей армии и сообщить Дамодаре о местонахождении римлян. Они не появятся, по крайней мере, день, вероятно, два.

Достаточно долго.

— А люди?..

— Готовы, — тут же ответил Маврикий. — Ждут только приказа.

Велисарий сделал глубокий вдох, наполняя легкие воздухом.

— Пора, — сказал он.

Надо действовать быстро, пока чистый горный воздух оживляет его и укрепляет намерение. Вскоре он будет хватать ртом воздух в кванате и потеть во влажной дымной темноте. Один из тысяч людей, которые, шатаясь, пойдут по туннелю шириной в восемь футов, по пути, едва освещенном несколькими факелами.

Через несколько минут римский лагерь напоминал гудящий улей.

Длинные колонны солдат на лошадях стали спускаться вниз в долину, направляясь в другую маленькую долину в двух днях пути. Та долина тоже бурлила от активности. Куруш и его шахтеры уже несколько недель готовили обманный маневр.

Велисарий ждал до самого конца, потом сел в седло и последовал за своей армией. Он понял, как сильно ему будет не доставать гор. Странно, думал он, после того, как он столько раз их проклинал. Но горная система Загрос оказалась к нему милостива, в общем и целом. И ему будет не доставать чистого воздуха. Но Велисарий отогнал все сожаления. Помог Эйд.

«Подумай о морском ветерке. Подумай о чайках, которые парят в голубом небе. Подумай о...»

«Черт побери это все! — весело ответил Велисарий ментально. — Все, о чем я хочу думать, — это Венера, поднимающаяся из пены морской».

И эта мысль поддерживала его на протяжении долгих, тяжелых дней впереди. Его жена, идущая ему навстречу через море.

«Дорогой и любимый».

Они встретятся в месте под названием Харк. Месте, где Велисарий копьём проткнет брюхо дракона и покажет новым богам, что они тоже, несмотря на свои мечты об идеальности, все еще нуждаются в кишках.

Харк. Велисарий выжжет это название в вечности.

Но название для него ничего не значило. Это просто место, где Венера поднимется из пены морской. Название, которое важно только потому, что мужчина обнимет там жену, как и многие мужчины, на протяжении многих лет, в стольких местах обнимали жен после долгой разлуки. Ничего больше.

«Так сделана вечность, — мягко сказал Эйд. — Из простой глины, и ничего больше».

Глава 24

Махараштра.

Лето 532 года н.э.

Ирина прошептала несколько слов в ухо своему агенту. Мужчина кивнул, поклонился и вышел из комнаты. Ирина закрыла за ним дверь.

Кунгас проигнорировал разговор. Он склонялся над читальным столиком в покоях Ирины, осторожно писал задание, которое она ему дала, и, казалось, абсолютно не обратил внимания на прибытие шпиона и его перешептывания с Ириной. Но в тот момент, когда шпион ушел, Кунгас поднял голову и вопросительно посмотрел на гречанку.

Увидев выражение на ее лице, он отвернулся от стола.

— Что-то не так? — спросил он.

Ирина уставилась на него, ее лицо ничего не выражало. Кунгас встал со стула. У него на лице отразилось легкое беспокойство — он нахмурился.

— Что случилось? — Ирина покачала головой.

— Ничего, — ответила она. — Ничего плохого.

С видом женщины, озабоченной чем-то, она прошла к окну. Кунгас оставался на месте, провожая ее только глазами.

У окна Ирина положила руки на подоконник. Потом склонилась вперед, подставляя лицо легкому, летящему с океана ветерку, закрыла глаза. Ее густые, роскошные каштановые волосы легко шевелились на ветру.

За ее спиной, невидимые ей, двигались руки Кунгаса. Они поднимались, словно желая погладить и приласкать. Но движение продолжалось недолго. Через несколько секунд его руки опять лежали спокойно на коленях.

Ирина отвернулась от окна.

— Мне нужен твой совет, — тихо сказала она.

Кунгас кивнул. Жест, как и всегда, был экономичным. Но сам он напрягся, глаза смотрели внимательно.

На мгновение ее мысли ушли в сторону, на горящее огнем место у нее в сердце. Ирина наслаждалась собственными словами. «Мне нужен твой совет». Простые слова. Но слова, которые, если не считать Велисария и время от времени Юстиниана, она никогда не

говорила мужчине. Мужчины, как правило, не дают советов женщинам. Они снисходят, или указывают, или тщеславно болтают, или пытаются совратить. Но они редко просто советуют.

Ирина больше не помнила, сколько раз произносила эти слова Кунгасу. И сколько раз после сражения, когда они разрушили осадные орудия малва, он просто давал советы.

Чистой силой воли Ирина заставила свои мысли вернуться в реальность, отвлечься от того уголка у себя в сердце. Огонь оставался там, но его на какое-то время окружила насыпь.

Она покачала головой и улыбнулась.

— Что тебя так веселит? — спросил Кунгас.

— Просто вспомнила нашу первую встречу. Мне казалось, что ты очень уродлив.

Его губы слегка пошевелились — это движение служило Кунгасу улыбкой.

— Но, надеюсь, больше так не думаешь?

Она не ответила. Но Кунгас не упустил легкое подергивание ее рук. Словно она тоже хотела гладить и ласкать. Ирина откашлялась.

— Есть новости. Новости, касающиеся семьи Дададжи. Мои люди обнаружили местонахождение его сына. Место, где он был, мне следует сказать. Похоже, несколько месяцев назад сын Дададжи вместе с группой рабов убежал с плантации своего хозяина в Восточной Индии. Очевидно, он был предводителем. А потом, судя по отчету, присоединился к одной из банд мятежников в лесу.

Кунгас хлопнул в ладоши. На мгновение маска исчезла. Его лицо светилось чистой радостью.

— Как здорово! Дададжи будет в экстазе!

Ирина предупреждающе подняла руку.

— Ему угрожает серьезная опасность, Кунгас, и я ничего не могу сделать, чтобы помочь ему. Малва направляют войска в леса, поскольку наконец поняли, что больше не могут отмахиваться от мятежников, как от обычной шайки разбойников.

Кунгас пожал плечами.

— И что? Парень умрет с оружием в руке, борясь с асурами, которые опустошают его родину. Это в худшем случае. Ты думаешь, это разорвет сердце Дададжи? Ты на самом деле его не понимаешь, Ирина. Под внешностью мягкого ученого скрывается человек Великой Страны. Он проведет погребальные обряды, будет плакать — в то время, как его сердце поет от радости.

Ирина уставилась на него. Вначале скептически. Затем кивнула и положила на его мнение (а ей нравилось полагаться на его мнение.)

— Это не все, — добавила она. — И это больше, чем новость. — Она сделала глубокий вдох. — Мои шпионы также нашли его жену. Она — рабыня в кухне господина благородного происхождения, прямо в Каушамби. Следуя моим указаниям, они решили, что ее можно выкрасть. В столице малва господина благородного происхождения не очень сурово охраняют свои особняки, — она фыркнула и усмехнулась.

Глаза Кунгаса округлились. У другого человека они фактически вылезли бы из орбит. Ирина рассмеялась.

— О, да. Она здесь, Кунгас. В Сурате. — Гречанка кивнула на дверь. — На самом деле в этом доме. Мой человек держит ее внизу, в гостиной.

Теперь даже легендарный самоконтроль Кунгаса ломался.

— Здесь? — Он глубоко вздохнул, уставился на дверь и приподнялся, словно готовясь сорваться с места. — Мы должны немедленно отвести ее к Дададжи! Он будет так...

— Прекрати!

Кунгас пошатнулся и остановился. Мгновение он хмурился, глядя на Ирину в непонимании. Затем, когда пришло понимание, выражение его лица изменилось. Или он, по крайней мере, решил, что все понял.

— Ее изуродовали, — заявил он. — Возможно, обесчестили. Ты боишься, что Дададжи...

Ирина издала удивленный смешок.

— Нет. Нет. — Она успокаивающе улыбнулась. — С ней все в порядке, Кунгас, по отчету моего агента. Конечно, она очень устала. Он сказал, что она заснула через несколько секунд после того, как оказалась на диване. Путешествие было долгим и утомительным, а жизнь раба — сплошная тяжелая работа. Но она в порядке. Что касается другого...

Ирина помахала рукой, словно успокаивая беспокойного ребенка.

— Мой шпион говорит, что ее никто не насиловал, даже ее хозяин. Знаешь ли, она — не молоденькая девушка. Она одного возраста с Дададжи.

Ирина отвернулась, ее челюсти сжались.

— Когда после покорения Андхры появилось столько молодых рабынь, которых можно насиловать, пожилых просто бьют, пока они не станут покорными. — Ее следующие слова были холодными, наполненными горечью столетий. Греческих женщин тоже насиловали, достаточно часто. И они слушали греческих мужчин и греческих поэтов, которые хвастались троянскими женщинами. — Даже Дададжи не станет считать это осквернением.

— Тогда почему бы сразу не позвать Дададжи? — резко спросил Кунгас.

Ирина сделала глубокий вдох и покачала головой.

— Как такой умный человек может быть таким глупым? — Кунгасу потребовалась секунда, может две, чтобы наконец понять причину ее беспокойства.

— А... — он мгновение смотрел в окно. — Понятно.

Кунгас посмотрел вниз на свои руки и широко развел пальцы.

— Сегодня вечером императрица созывает совет. Она говорит, что окончательно решит, какое брачное предложение принять.

Пальцы сложились в кулаки. Кунгас посмотрел вверх на Ирину.

— Тогда ты впервые объявишь свое мнение. И ты не хочешь, чтобы Дададжи воздержался от отстаивания своего, потому что считает себя твоим должником.

Она кивнула. Кунгас усмехнулся.

— Я никогда не мог представить, что у лучшей римской шпионки такой суровый кодекс чести.

Ирина саркастически посмотрела на него.

— Не хочу лишать тебя иллюзий, Кунгас. Я делаю это не из чести, а из простой... — она замолчала. Когда заговорила снова, то едкий сарказм ушел из ее голоса. — В некоторой степени да. В некоторой. — Она вздохнула. — Дададжи трудно манипулировать даже мне. Это все равно, что интриговать против святого.

Ирина подняла руку и вытерла лицо. Вернулась начальница шпионской сети.

— Но это все равно не главная причина. Дело это государственное. Какое бы решение ни приняла императрица, оно будет неизменяемым. Ты знаешь Шакунталу, Кунгас. Она, как я думаю, такая же умная, как Юстиниан.

Ирина засмеялась резко.

— У нее определенно сила воли Феодоры. — Затем, качая головой, она добавила: — Но она все еще девочка во многих смыслах. Если она обнаружит в будущем, что один из ее ближайших советников — он ей, как отец, и ты это знаешь — не дал совет по такому критическому вопросу... — Качание головой стало яростным. — Нет, нет, нет. Подобное потрясет ее уверенность в себе до самых корней. А это мы не можем позволить. Она может принять неправильное решение. Правители часто так делают. Но ее уверенность никогда не должна покачнуться — или все будет потеряно.

Кунгас смотрел на нее, склонив голову набок.

— Я тебе когда-нибудь говорил, что ты — очень умная женщина?

— Несколько раз, — ответила Ирина и улыбнулась. Она сама склонила голову набок и вопросительно посмотрела в его веселые глаза. — Ты все равно все еще не спросил, — тихо сказала она. — Какое у меня мнение. Странно, но мы никогда не обсуждали этот вопрос.

Кунгас развел руками.

— Почему это странно? Я знаю твое мнение, точно так же, как ты знаешь мое.

Он опустил руки и поднял плечи.

— Это очевидно. У меня даже есть надежда, что после того, как мы объясним нашу точку зрения, то убедим и Дададжи.

Ирина фыркнула. Кунгас улыбнулся, но покачал головой.

— Думаю, ты слишком скептически настроена. — Широкие тяжелые плечи расправились. — Но мы вскоре узнаем.

Он начал двигаться к двери.

— Я думаю, Ирина, будет лучше, если ты выступишь первой.

— Согласна. Удар получается сильнее, если приходит из неожиданного источника. Конечно, ты выступишь тоже, в нужное время.

Он не потрудился ответить. Не было необходимости. Мгновение, не произнося ни слова, мужчина и женщина в комнате вместе наслаждались пониманием этого.

Кунгас подошел к двери. Но Ирина заговорила до того, как он ее открыл.

— Кунгас. — Он повернул голову. Ирина показала на письменный стол. — Ты теперь можешь читать. Достаточно хорошо на кушанском, и твой греческий становится приемлемым. Пишешь ты пока еще плохо, но это только вопрос практики.

Его глаза устремились на стол и задержались там на мгновение. Затем закрылись.

— Почему, Кунгас? — спросила она. Ее голос был ровным, но окрашенным беспокойством. И, да, каким-то количеством боли и злости. — Моя постель всегда открыта для тебя. Но ты ни разу не пришел. Ни разу, за недели после битвы.

Кунгас открыл глаза. Когда он посмотрел на Ирину, глядел он спокойно. Спокойно и уверенно.

— Пока нет.

Взгляд Ирины не был таким спокойным.

— Я не девственница, Кунгас, — сказала она. Возможно, со злобой или просто просяще.

Маска на лице Кунгаса сломалась. Ирина сдержала глубокий вздох. Она никогда не видела, чтобы Кунгас по-настоящему улыбался.

— Я и не думал, что ты девственница! — выпалил он. Потом опустил голову и потряс ею, как бык. — Шокирующая новость. Она меня ужасно расстроила. Ты не поверишь, как я огорчен и разочарован! О, что мне делать?

Несмотря на сильное напряжение, Ирина не могла сдержать смех. Кунгас поднял голову, все еще улыбаясь.

Но в ее глазах оставался вопрос. Кунгас сделал несколько шагов вперед, протянул руку и привлек ее голову к своему плечу.

— Я должен вначале сделать это, Ирина, — тихо сказал он, поглаживая ее волосы. — Я не могу... — он замолчал, подыскивая слова. — Я не могу заниматься своими нуждами, пока нужды императрицы все еще остаются неудовлетворенными. Теперь я уже слишком долго ее охранял. А эта борьба, как я думаю, для нее самая отчаянная. Я должен проследить, чтобы она в безопасности прошла сквозь нее.

Ирина почувствовала, как его грудь легко вздымается от мягкого смеха.

— Называй это моей дхармой, если хочешь.

Ирина кивнула, ее голова все еще лежала на плече у Кунгаса. Она протянула руку и погладила его шею сзади. Нежные пальцы плясали на его крепких мышцах.

— Я понимаю, — прошептала Ирина. — Пока я понимаю. — Она один раз рассмеялась сама, очень тихо. — Но мне может снова потребоваться успокоение, учти. Если это будет и дальше продолжаться.

Ирина знала, что Кунгас улыбается.

— Недолго, я думаю, — услышала она его слова. — Знаешь ли, девушка она решительная.

Ирина вздохнула и прекратила гладить шею Кунгаса. Мгновение спустя она крепко положила руки ему на грудь, отодвигая его от себя.

— Да, — прошептала она. — Она определенно решительная. — Теперь Ирина

оттолкнула его.

— Тогда иди. Я увижу тебя сегодня вечером на совещании. — Он церемонно поклонился.

— Приготовься сражаться, Ирина Макремболитисса. Дракон индийских предрассудков ждет твоего римского копья.

Веселье вернулось с полной силой.

— Какая смехотворная метафора! Тебе пора снова заняться чтением, глупый варвар!

Глава 25

Был поздний вечер, когда Ирина заговорила. Совещание продолжалось уже несколько часов.

Ирина вытянула шею, поворачивая голову в одну и другую сторону. Внешне это казалось жестом человека, который просто потягивается, чтобы оставаться внимательным во время долгого, очень долгого совещания советников императрицы.

На самом деле она пыталась не улыбнуться образу, который возник у нее в сознании.

«Это не „совещание“. Это — улыбка, убирайся, убирайся! — чертов проклятый аукцион».

Ее глаза остановились на императрице. Шакунтала сидела напряженно с прямой спиной на подушке, положенной на трон. Сам трон был широким и низким. В позе лотоса, с руками по бокам Шакунтала напоминала Ирине статую богини на алтаре. Девушка поддерживала эту позу и суровое выражение лица на протяжении всего совещания — казалось, совсем без усилий. Как знала Ирина, эта самодисциплина была одним из многих подарков девочке Рагуната Рао.

Ирина легко покачала головой.

«Прекрати думать о ней, как о „девочке“. Теперь это женщина. Да, ей не больше двадцати, и она все еще девственница. Но тем не менее женщина».

За долгие месяцы — теперь уже почти год — с тех пор, как Ирина приехала в Индию, она очень полюбила Шакунталу. В частной жизни повелительное, императорское поведение Шакунталы превращалось в нечто совсем другое. Все равно оставались железная воля и уверенность в себе, которые посрамили бы слона. Но также присутствовали и юмор, и быстрый ум, и добродушное подшучивание, и готовность слушать, и принятие человеческих слабостей. И это тоже было наследство от Рагуната Рао.

Ни один из многих советников Шакунталы ни на мгновение не сомневался, что императрица, если посчитает необходимым, может приказать казнить тысячи человек, даже не моргнув глазом. Но ни один из этих советников ни на мгновение не колебался, высказывая свое мнение. И это тоже было наследством от Рао.

Теперь глаза Ирины остановились на большой группе мужчин, сидящих перед императрицей на собственных плюшевых подушках, которые лежали на покрытом ковром полу.

Они были участниками аукциона.

Здесь собрались послы из всех королевств Индии, все еще независимых от малва. Был представлен Тамрапарни, огромный остров к югу от Индии, который иногда называли Цейлон. И за последние две недели также прибыли полномочные представители из всех королевств индийского мира. Большинство этих послов привели с собой солдат, чтобы доказать искренность своих предложений. Подразделения из Чолы и с Тамрапарни оказались достаточно крупными. Сурат был набит, как ящик, солдаты размещались практически везде.

Они появились или путем, по которому шла контрабанда, украдкой прорвавшись сквозь блокаду побережья, или, гораздо чаще, добрались пешком по суше через Кералу. Керала, которой правил дедушка Шакунталы, тоже была представлена, несмотря на предательское попустительство в прошлом году, когда малва устроили заговор против императрицы и подослали к ней наемных убийц. Шакунтала практически заставила

представителя Кералы Ганапати унижаться и пресмыкаться. Но в конце она разрешила Керале присоединиться к аукциону.

Ирина до последних нескольких недель полностью не понимала истинные объемы индийского мира. Она всегда думала, что индуизм и его буддийское ответвление — это религии Индии. Но, как и христианство, эти религии за столетия широко распространились, а вместе с ними распространилась и культура.

Там были представители Чампы, и Хайнана, и Лангкави, и Тарумы, и многих других стран. Лица этих послов несли отпечатки рас Юго-Восточной Азии и ее великих архипелагов, но под кожей они оставались детьми Индии — в том, что имело значение. Нации, зачатые индийскими миссионерами, вскормленные индийскими обычаями, выращенные индийской торговлей и воспитанные на санскрите или одном из производных языков.

Даже Китай был представлен буддийским монахом, которого послало одно из великих королевств той далекой земли. Он, в отличие от остальных, не приехал бороться за руку Шакунталы. Он просто приехал посмотреть. Но люди — по крайней мере, королевские послы — не путешествуют через море просто, чтобы посмотреть на камень. Они приезжают, чтобы изучить комету.

Восстание Шакунталы потрясло малва. Самая могущественная в мире империя все еще стояла на ногах и все еще ревела в ярости. Но она ввязалась в смертельную схватку с противниками с таинственного Запада — врагами, которые оказались более значительными, чем представлял индуистский мир. А теперь, поднимаясь из каменистой почвы Великой Страны, восстание Шакунталы молотом било по коленям гиганта. Если эти колени когда-то сломаются...

Независимые королевства индуистского мира наконец отбросили колебания. Они все еще боялись малва, приходя в оцепенение от чудовища, но Шакунтала показала, что зверя можно ранить. Пустить кровь. Возможно, не сломить. Это еще нужно посмотреть. Но даже колеблющиеся, робкие, капризные королевства Южной Индии и Юго-Восточной Азии наконец поняли правду.

Вернулась Андхра. Великая Сатавахана, самая благородная династия в их мире, все еще жива. Эта империя и эта династия закрывали щитом Южную Индию и индийские земли за ней на протяжении столетий. Возможно, она все еще способна это делать.

Все они прибыли, и все они боролись за династический брак. И борьба получалась яростной. На протяжении недель перед совещанием хитрый пешва Дададжи Холкар сравнивал одно предложение с другим, ставя сопутствующие условия против ограничений, пока не осталось ничего, кроме твердых предложений союзничества. На самом совещании, на протяжении многих часов, Дададжи превратил эти твердые предложения в бруски железа.

Ирина сдержала улыбку. Дададжи Холкар, низкорожденный сын оскверненной Махараштры, перехитрил и обыграл послов более искусной тактикой, добился преимуществ искусными маневрами во время переговоров с самыми опытными дипломатами индуистского мира из касты брахманов. Если бы кому-то из них сейчас сказали, что сам Дададжи — только представитель низкой касты вайшиев, а на самом деле — просто шудра в любой индийской стране за исключением Великой Страны — они были бы шокированы от макушек своих аристократических голов до подошв своих чистых брахманских ног. Конечно, они также расстроились бы при мысли об осквернении, которому подвергались на протяжении многих часов частных бесед с этим человеком. Однако по большей части они просто поразились бы.

— Это невозможно! Он — один из самых образованных людей в Индии! Ученый, так же как и государственный деятель!

Ирина могла представить, как бы они недоверчиво восклицали:

— Это невозможно! Он же — пешва Андхры! Как могла великая Сатавахана — самые чистые в Индии кшатрии — быть обманута таким человеком? Невозможно!

Старания Ирины сдержать веселье трансформировалась в нечто более мрачное. Что-то

холодное и расчетливое и — в своем роде — полностью безжалостное. Она тоже могла быть палачом.

При виде дипломатов из брахманов, сидящих перед императрицей, глаза Ирины засверкали.

«Я покажу вам, что возможно. Дураки!»

Пришло время. Послы представили свои предложения. Дададжи суммировал ситуацию. Оставалось только принять решение императрице.

Ирина не смогла бы объяснить маленькие движения головой и руками, и глазами, которые привлекли внимание Шакунталы. Не могла и сама молодая императрица. Но две женщины провели много часов во время частных и официальных бесед. Ирина знала, как подать сигнал императрице, точно так же, как императрица понимала, как интерпретировать эти сигналы.

Голова Шакунталы повернулась к Ирине. Вероятно, большинству наблюдателей глаза императрицы казались яркими, как и всегда. Но Ирина чувствовала тупое смирение в этом императорском взгляде.

— Я хотела бы послушать римского посла, — заявила Шакунтала.

Как и всегда во время официальных мероприятий, голос императрицы поражал. Да, юный, по тембру. Но только что выточенный клинок — это все равно меч.

Среди дипломатов начал подниматься легкий шум. Глаза Шакунталы резко вернулись к ним.

— Я слышу возражения? — спросила она. — Среди вас есть кто-то, желающий высказаться?

Шепот прекратился. Глаза Шакунталы напоминали железные ядра. Ее часто называли Черноглазой Жемчужиной Сатаваханы. Черный, несмотря на всю свою красоту, может быть ужасающим цветом.

Черное железо ударило по глине.

— Вы посмеете возражать? — прошипела она. — Вы? — Статуя шевельнулась, слегка. Богиня легким движением руки отмахнулась от насекомых.

— После того как малва покорили Андхру и вывесили мешок из кожи моего отца, как трофеем Шандагупты, что вы сделали?

Статуя презрительно ухмыльнулась.

— Вы дрожали и выли, и скулили, и пытались спрятаться в своих дворцах. — Заговорила богиня. — Рим — только Рим — не стал съеживаться перед зверем.

Следующие слова Шакунтала произнесла сквозь стиснутые зубы.

— Не сомневайтесь в одном, вы, дипломаты. Если малва падут, то копье, которое положит это чудовище, будут держать римские руки. Не наши. Одни мы не сможем сделать это — даже если мы все объединимся. Наша задача — защищать Деканское плоскогорье и делать все возможное, чтобы изувечить зверя.

Дипломаты склонили головы. Эти брахманы, несмотря на все свое образование, оставались ограниченными людьми, поглощенными собой в такой степени, что Ирина, привыкшая к римскому космополитизму, часто находила это поразительным. Но даже они к этому времени знали имя Велисария. Странное имя, иноземное, но тем не менее легендарное. Даже в Южной Индии, даже в Юго-Восточной Азии слышали про Анату. И Нехар Малку, где Велисарий утопил войска малва.

Шакунтала не сводила взгляда со склоненных голов, не смягчаясь целую минуту. Черное железо так же тяжело, как и крепко. На протяжении этой долгой минуты, пока индийские дипломаты трусили, и прятали головы, Ирина через океан отправила ментальное послание одному человеку. Конечно, он не получит его, но она знала, что он бы получил наслаждение от ее каприза. Этот человек провел с ней много часов в Константинополе, скорее дней, советуя Ирине, как лучше выполнить полученное ею великое задание. Объясняя женщине настоящего будущее, помощи в создании которого он от нее хотел.

«Ну, Велисарий, ты хотел свою войну на полуострове²⁹. Верю, ты ее получил. И если у нас нет Веллингтона и Торрес Ведрас, у нас есть кое-что не менее хорошее. У нас есть Рао и горные форты Великой Страны, и...»³⁰

Ее взгляд упал на твердое, суровое, дикое лицо.

«...и у нас также есть мой мужчина. Мой».

Ирина получила успокоение от этой собственнической мысли и трансформировала мягкость в твердую цель.

— Говори, посол из Рима, — приказала Шакунтала.

Ирина встала со стула и шагнула в центр большой комнаты. Дюжины глаз зафиксировались на ней.

Она научилась этому у Феодоры. Римская императрица-регентша тоже учила Ирину перед тем, как она отправилась в Индию. Она объясняла начальнице шпионской сети, которая привыкла работать в тени, как действовать при дневном свете.

— Если нужно советовать и выносить суждения, всегда делай это сидя, — говорила ей Феодора. — Но всегда вставай, если на самом деле хочешь убедить и склонить к своей точке зрения.

Ирина, в своем стиле, начала с юмора.

— Посмотрите на эти одежды, люди Индии, — она взялась за тяжелый рукав. — Нелепые и противоречащие здравому смыслу, не так ли? Почти орудие пыток в этой жаркой стране.

Появилось много улыбок. Ирина тоже улыбнулась.

— Один раз мне посоветовали заменить их на сари. — Она почувствовала искривление знакомых губ, хотя и не поворачивала головы. — Но я отмахнулась от совета. Почему? Потому что, хотя одежды и нелепы, то, что они представляют, — нет.

Ирина медленно обвела взглядом толпу. Улыбка исчезла. Ее лицо стало серьезным.

— Они представляют сам Рим. Рим — и его тысячу лет. — Молчание. И снова она медленно обвела взглядом помещение.

— Тысячу лет, — повторила Ирина. — Какая-нибудь индийская династия может похвастаться таким сроком жизни?

Молчание. Ирина в очередной раз обвела взглядом комнату.

— Величайшая империя в истории Индии, империя династии Маурьев, правила только полтора столетия. Гупты — не более двух. — Она кивнула на Шакунталу. — Андхра больше, но даже Андхра не может претендовать на половину того, что имеет Рим.

Ее суровое лицо смягчилось, слегка. И снова Ирина кивнула императрице. Кивок был почти поклоном.

— Хотя, если Бог даст, в грядущие столетия Андхра сможет соответствовать достижениям Рима.

Вернулась суровость.

— Тысяча лет. Подумайте об этом, благородные господа Индии. А затем спросите себя: как это было сделано?

И снова Ирина улыбнулась и снова дернула за тяжелый рукав.

— Это было сделано такими одежками. Тяжелыми, неуместными, неподходящими одежками. В этих одежках заключается секрет.

Ирина сделала паузу и ждала. Теперь она получила их полное внимание. Она воспользовалась временем, пока ждала, и послала еще одно капризное, ментальное послание

²⁹ Война на полуострове — война на Пиренейском полуострове 1808-1814 гг.

³⁰ Торрес Ведрас — город в Центральной Португалии. Во время войны на Пиренейском полуострове Веллингтон построил рядом свою знаменитую защитную систему (линии Торрес Ведрас) и с успехом защитил Лиссабон от французов.

через океан. Ирина поблагодарила суровую, холодную императрицу по имени Феодора, которая родилась в нищете на улицах Александрии, за то, что та научила греческую даму благородного происхождения, как быть великолепной и величественной.

— Секрет вот в чем. Это одежды Рима. Но они не римские. Это одежда гуннов, которые мы приняли, как свои.

Поднялся шепот.

— Гуннов? Грязных, варварских гуннов?

— Да. Одежда гуннов. Мы приняли их и мы взяли у гуннов штаны, когда наши солдаты стали кавалеристами. Точно так же, как мы взяли у ариев доспехи, оружие и тактику персидских конников. Точно так же, как мы взяли у карфагенян — восемьсот лет назад — секреты морского боя. Точно так же, как мы брали столетие за столетием мудрость Греции и делали ее собственной. Точно так же, как мы приняли послание Христа в Палестине. Точно также, как мы взяли все, что нам требовалось — и отбросили все, что должны были, — чтобы Рим выстоял.

Она показала пальцем на север.

— Малва называют нас дворняжками или полукровками и хвастаются своей собственной чистотой. Пусть будет так. Рим отмахивается от названия, как слон от мухи. Или...

Ирина улыбнулась. Или, возможно, оскалила зубы.

— Скажем лучше: Рим проглатывает это название. Точно так же, как огромный, полудикий, косматый мастиф-полукровка, рожденный на улице от волка, справляется с чистокровным, ухоженным домашним животным.

По комнате пробежал смехок. Ирина подождала, пока веселье не прошло. Теперь она показала на Шакунталу.

— Императрица сказала — и сказала правильно, — что если зверь по имени малва падет, то рука, которая держит копье, будет римской. Я могу дать имя этой руке. Это Велисарий.

Ирина сделала паузу, позволив имени эхом прокатиться по комнате.

— Велисарий. Славное имя для Рима. Ужасное для малва. Но в конце концов это просто имя. Просто как это — только материя, — она потрогала пальцами рукав. — Поэтому вы должны спросить себя — почему имя несет такой вес? Откуда оно?

Он в пожала плечами.

— Во-первых, это фракийское имя, которое дали старшему сыну мелкого господина благородного происхождения в одной из римских сельскохозяйственных провинций. Если сказать по правде, не прошло даже трех поколений после того, как его предки были крестьянами.

Ирина холодно уставилась на толпу.

— Тем не менее этот крестьянин разбивал армии. Армии, гораздо более могущественные, чем те, которым вы способны противостоять. И почему это так, благородные господа Индии?

Ее смехок был таким же холодным, как глаза.

— Я скажу вам, почему. Потому что у Велисария есть душа, так же как и имя. И какая бы ни была плоть, которая сделала этого человека, или родословная, которая дала имя, душа выковалась на той великой наковальне, которую история назвала Рим.

Она широко развела и подняла руки в тяжелых рукавах.

— Точно так же как и я, гречанка благородного происхождения, одетая в одежды гуннов, была выкована на той же наковальне.

Ирина теперь чувствовала, как Феодора течет сквозь нее, подобно горячему огню по венам. Феодора и Антонина, и все женщины, которые рожали Рим, столетие за столетием, вплоть до волчицы, которая выкормила Ромула и Рема.

Она повернулась к Шакунтале.

— Ты, императрица Андхры, спросила моего совета относительно вступления в брак. Я

— римлянка и могу дать тебе только римский совет. У моей подруги Феодоры, которая сегодня правит в Риме, есть любимая поговорка. Не топчи старых друзей, стремясь получить новых.

Она обвела взглядом лица в толпе, высматривая признаки понимания.

Ничего. Люди смотрели на нее неотрывно, но не понимали. Только глаза Дададжи Холкара округлялись.

«Дави, дави. Нанеси еще один удар».

— За кого тебе следует выйти замуж? Для римлянки ответ очевиден. Ты — монархиня, Шакунтала, и у тебя есть долг перед твоим народом. Выходи замуж за силу — вот римский ответ. Выходи замуж за силу, и за смелость, и преданность, и крепость, которые привели тебя на трон и удерживают тебя там. Выходи замуж за сильную руку, которая может защитить тебя от малва и в ответ нанести сильные удары.

Ирина обвела взглядом лица. Смотрят неотрывно — но все равно ничего. За исключением Холкара. Лицо с широко открытыми глазами, почти бледное от шока, когда он начал понимать.

«И снова удар молота. Даже предрассудки в конце поддадутся железу».

— Не выходи замуж за мужчину, императрица. Выходи замуж за народ. Выходи замуж за народ — единственный народ, который никогда тебя не предал. Выходи замуж за народ, который нес Андхру на своих плечах, когда Андхра кровоточила и была сломлена. Выходи замуж за мужчин, которые изматывают малва в горах, и женщин, которые контрабандным путем доставляют еду в Деогхар. Выходи замуж за нацию, которая отправила сыновей в битву, не считаясь с ценой, в то время как все остальные нации сжимались в страхе. Выходи замуж за парней, которые были посажены на колы Подлого, и за их младших братьев, которые выходят вперед и занимают их места. Выходи за этот народ, Шакунтала! Выходи за огромного, дикого, косматого мастифа из гор, а не...

Она показала обвинительно на собравшихся представителей аристократии индуистского мира.

— А не этих... этих чистокровных комнатных собачек. — Обвиняющие пальцы сжались в кулаки. Она выставила кулак перед собой.

— Тогда... Тогда, Шакунтала, ты будешь держать в руке силу. Истинную силу, реальную силу, а не ее иллюзию. Сталь, а не хрупкое дерево.

Ирина опустила кулак и словно сбросила что-то с пальцев. В этом жесте было тысячелетнее презрение.

— Выходи замуж римским образом, девочка, — сказала Ирина. Мягко, но с уверенностью римского тысячелетия. — Выходи замуж за Махараштру. Найди лучшего мужчину этой грубой нации и вложи свою руку в его. Пусть этот человек танцует брачный танец на твоей свадьбе. Открой свое лоно самой благородной династии Индии и самой древней династии для сырого, свежего зерна Великой Страны. Пусть сыновья, которые родятся от этого союза, несут судьбу Андхры в будущее. Если ты так сделаешь, то эта судьба будет измеряться веками. Если сделаешь наоборот, то годами. Что касается остального... — Ирина пожала плечами.

— Что могут сказать или подумать люди... — Теперь она рассмеялась. В этом звуке совсем не было веселья. В нем не слышалось ничего, кроме несклоняющегося, безжалостного презрения. Соль, посеянная в почву. — Пусть болтают, Шакунтала. Пусть кудахчут и жалуются. Пусть пищат о чистоте и загрязнении. Пусть ухмыляются, если посмеют. Какое тебе дело? Пока их троны шатаются, твой будет стоять твердо. И они вскоре придут к тебе — поверь мне — как нищие на пыльной улице. Станут просить тебя отпустить грубого и неотесанного мужа, который сидит рядом с тобой на троне и лежит в твоей постели, вести их армии в битву.

Наконец — наконец! — все в комнате поняли. Послы смотрели на нее, открыв рты, подобно рыбам-собакам. Ирина не могла видеть лицо Дададжи. Пешва опустил голову, словно в раздумьях. Или, возможно, в молитве.

Ирина снова повернулась к Шакунтале. Императрица, хотя и не раскрыла рот, казалось, пребывала в состоянии чистого шока. Она больше не сидела на троне, как статуя или богиня, а просто как маленький ребенок. Школьница, парализованная вопросом, который, как она считала, никто никогда не задаст.

Римская учительница улыбнулась.

— Помни, Шакунтала. Только душа играет роль в конце. Все остальное — шелуха. И это касается и империи, не только человека.

Затем тихо, но быстро Ирина заняла свое место. Во время последовавшего долгого молчания, пока послы хватали ртами воздух и пешва склонял голову — и школьница пыталась найти ответ, который уже знала, но не могла вспомнить, — Ирина просто ждала. Она сложила руки на коленях, легко дышала и просто ждала.

Естественно на поверхность поднимутся предрассудки. Вскоре комната наполнится негодованием и возражениями. Ее это не волновало. Ни в коей мере.

Она сделала свою работу. Достаточно хорошо, как она думала. Держа щипцы в твердых руках, Ирина установила клинок, чтобы он был должным образом выкован. Конечно, предрассудки станут шипеть, точно так же, как шипит горячее железо. Но молот, удерживаемый в варварских сильных руках, ударит уверенно. И задавит протест о чистоте в большей чистоте закаленного металла.

Кунгас не стал ждать, когда протест вырвется на поверхность. Кушаны были степными людьми и людьми быстрых лошадей.

— Наконец-то!

Он стоял в центре комнаты до того, как кто-то заметил, как он поднимается.

— Наконец-то.

Он позволил слову устояться, позвенеть, как звенит слово. Затем скрестил толстые от мускулов руки на бочкообразной груди и повернул голову к императрице.

— Сделай, как она говорит, девочка. Это очевидно. Очевидно. — Толпа господ благородного происхождения заворчала. Кунгас резко повернул голову к ним, подобно повороту пушки.

— Помолчите.

Приказ, хотя и произнесенный тихо, привел к мгновенному повиновению. Теперь маска стала безжалостной. Такой безжалостной и суровой, как степная зима.

— Я не хочу слушать вас. — Маска исказилась, совсем чуть-чуть. Но сам Сатана затрепетал бы от этой усмешки. — Вы? Вы посмеете мне возразить? — Последовавшее фырканье соответствовало усмешке. Чистое презрение, без каких-либо примесей. Кунгас повернул голову назад, к Шакунтале. — Я скажу тебе кое-что, девочка. Послушай меня и слушай хорошо. Однажды я взял тебя в плен, до того, как стал твоим охранником. Я знал тогда правду, точно так же, как я знаю ее сейчас. С той же уверенностью. Дело очевидно — очевидно — для всех, кроме дураков, ослепленных традициями.

И он снова фыркнул. Презрение осталось, усиленное холодным юмором.

— Все те месяцы во дворце Подлого, пока я держал тебя в плену. Ты помнишь? Ты помнишь, как осторожно я выставлял стражу? Как сурово я поддерживал дисциплину? У тебя были глаза, чтобы видеть, и разум, тренированный для схватки. Ты видела?

Кунгас уставился на императрицу. Через мгновение Шакунтала кивнула. Кивнула не как императрица, а как школьница, когда начинает понимать урок.

Кунгас резко повернул голову на господ благородного происхождения.

— Против кого я устанавливал железную стражу, девочка? Против них?

Он хрипло усмехнулся, так дико, что это почти пугало.

— Против них? Этих чистокровных домашних животных? — Он снова засмеялся, звук напоминал лай.

— Я не боялся их, девочка. Я не следил так внимательно, потому что волновался о Чоле. Или Тамрапарни, или Керале, или...

Он замолчал и махнул мощной рукой.

— Тогда я был твоим врагом, Шакунтала. И таким же хорошим врагом, каким я впоследствии стал другом. Я знал правду. Я всегда знал. Я знал, кто придет за тобой. Я знал, и боялся этого.

На мгновение его глаза переместились на Дададжи. Лицо пешвы все еще оставалось спрятанным. Кунгас слегка кивнул в сторону склоненной головы, словно признавая поражение в старом споре.

— Моя душа знала, что он там. Я мог чувствовать его душу, прячущуюся в лесах у дворца. Я ни разу не заметил его, ни одного раза, но я знал. Именно поэтому я установил стражу, и поддерживал дисциплину, и каждую секунду оставался настороже. Я никогда ничего не боялся, кроме прихода Пантеры. Только один человек, знал я, может угрожать моей цели. Ветер Великой Страны — это, и только это, могло вырвать тебя из рук малва.

Его взгляд вернулся на императрицу. Ясные, яркие миндалевидные глаза на бронзовом лице.

— И этот Ветер, один, девочка, может удержать тебя вне лап асуров. — Кунгас распрямил руки и опустил их по бокам.

— Сделай, как тебе говорит римская женщина, Шакунтала. Сделай так и никак больше. Ее совет — это совет империи, которая на протяжении тысячи лет никогда не выпускала правду из вида. В то время как эти...

И снова напряженные, презрительные пальцы.

— Эти — только послы давно заблудившихся в иллюзии. — Теперь Кунгас занял свое место. И снова воцарилась тишина.

Послы даже не шептались. Комнатные собачки присмирели и сжались.

Ирина задержала дыхание. Оставалось услышать только один голос. Один голос в этой комнате, который все еще может склонить императрицу к ошибке. Ирина боялась этого голоса и обнаружила, что молится. Она страстно желала, чтобы человек, которого она полюбила, правильно понял душу другого человека. Возможно, в первый раз в жизни Ирина молилась, чтобы она сама ошиблась.

Лицо Шакунталы оставалось неподвижным, как у статуи. Но внешняя напряженность не могла скрыть — ни от Ирины, ни от кого-то в комнате — смятение, которое кипело внутри.

Ирина испытывала жалость. Разум девочки — а теперь императрица была девочкой — оказался крепко заперт. Полностью парализован. Самое сильное, глубоко спрятанное желание Шакунталы боролось с железным чувством долга — а теперь иностранка повернула долг против желания. Да, освободила одно другим. Но для девочки, которая никогда не видела между ними связи, получилась лишь запутанная паутина сомнения и смятения.

Тогда Шакунтала сделала только то, что могла сделать. Она повернулась к человеку, на которого полагалась, чтобы найти нити, которые направляли ее жизнь.

— Дададжи? — спросила она тихо, просяще. — Дададжи? Ты должен сказать, что мне делать?

Челюсти Ирины сжались. Губы были плотно сомкнуты. Этот вопрос не задавался советнику императрицей. Этот вопрос дочь задавала отцу. Любящая дочь обращалась к отцу, которому доверяла, и искала не совет, а указание.

Теперь решение было за Холкаром. Ирина точно знала это. В своем нынешнем состоянии, парализованная и в смятении, Шакунтала покорится пешве так уверенно, как дочь покорится отцу.

Ирина увидела, как поднялись и опустились плечи Дададжи, когда он сделал глубокий вдох. Он поднял голову. Впервые с тех пор, как Ирина заметила понимание на лице Дададжи, она увидела его лицо.

Облегчение оказалось почти взрывным. Ей пришлось бороться, чтобы выдохнуть бесшумно.

До того, как Холкар произнес первое слово, Ирина знала ответ. Это было лицо отца, а

не пешвы. Любящего отца, который, как и миллионы до него, мог упрекать, и обучать, и дисциплинировать дочь. Но который не мог, когда час наконец пробил, отказать ей в том, чего она хотела на самом деле. Дададжи Холкар начал говорить. Слушая, Ирина знала, что Кунгас правильно понял душу этого человека, а она сама — нет. Если отбросить парадный мундир и знания, Дададжи Холкар оставался тем, кем всегда был. Простым, скромным, добрым человеком из маленького городка в Махаращтре, который пытался содержать семью так, как мог. Малва разрушили его дом и вырвали у него его дочерей. Он не станет, не сможет лишить счастья девочку, которую взял на их место.

Лицо Холкара принесло облегчение. Такое большое облегчение, что Ирина едва слышала его первые слова. Но через несколько секунд стала слушать. А затем, менее чем через минуту, стала бороться со смехом.

Душа Дададжи Холкара была душой отца, да. Но разум все еще принадлежал императорскому советнику. И снова низкороджденный пешва великой Сатаваханы смог перехитрить брахманов.

— Я понимаю, что тебе трудно, императрица, — Дададжи поднял руку, как будто защищая свою монархию от уничтожения. — Твоя собственная чистота... — Он замолчал, вздохнул и продолжил: — Но ты должна в первую голову ставить нужды своего народа. Каким бы трудным ни был выбор для тебя, с такой священной родословной. — Пешва повернулся вбок на подушке, в сторону Ирины, и поклонился.

— Я внимательно слушал, что сказала посол из Рима. Так внимательно, как только мог, хотя все мое существо сопротивлялось смыслу ее речей. Но мой разум не мог отказать словам. И это правда — то, что она говорит. — И снова Холкар вздохнул, как человек, который отдает предпочтение долгу. — Если ты поставишь долг перед своим народом над всем остальным, отбросив в сторону свои личные заботы, то ты на самом деле должна сделать, как говорит римлянка. Если ты хочешь выйти замуж за силу, императрица, то ты должна выйти замуж за человека из Великой Страны.

От сидящих поблизости послов стали подниматься слабые возражения. Варварский кушан пугал их своими дикими насмешками. Ученому пешве — брахману, как они сами, или по крайней мере они так думали — можно привести доводы разума.

Дададжи вытянул вперед руку, ладонью вниз. Жест в своем роде был таким же презрительным, как усмешка Кунгаса. Ученый старец, пресекающий глупую болтовню деревенских дурачков.

— Помолчите, — Холкар зафиксировал холодный взгляд на собравшихся послах. — Что вы знаете о силе?

Пешва был человеком средних лет, но все еще оставался активным. Дададжи поднялся с подушки с юношеской легкостью. Мгновение смотрел сверху вниз на послов, перед тем как начать ходить взад и вперед. Он сжал руки за спиной, склонил голову вперед — учитель, наставляющий школьников.

— Вы ничего не знаете! Истинные пути силы так же таинственны для вас, как движение планет.

Шагал и шагал, взад и вперед.

— Ни одна страна в Индии — даже все мы, вместе взятые, — не сможем собрать армию, способную разбить малва на поле брани. Это задача римлян, возглавляемых Велисарием. Но он тоже не может сделать это один. Велисарий в состоянии проткнуть копьем асура, но только если демон будет покалечен. А это мы можем сделать. Но это будет трудно, и прольется много крови, и придется заплатить высокую цену. Это, кроме всего прочего, потребует смелости и крепости.

Он остановился, глядя вниз на посла Чолы.

— Когда отец Шакунталы много лет назад попросил вашей помощи против малва, что вы сделали?

Холкар ждал ответа. Ответа не последовало, кроме повернутой в сторону головы.

Дададжи посмотрел на Ганапати.

— Что сделала Керала? — спросил он. Ганапати тоже отвернулся.

Горький взгляд Холкара обвел послов. Большинство отвернулись, некоторые склонили головы и несколько — из дальней Юго-Восточной Азии — просто пожали плечами. Их помощи отец Шакунталы не просил.

Но Холкар не позволил им так легко уйти от ответа; через некоторое время они тоже отвернулись. Они, как и он, знали правду. Если бы Андхра попросила, ответ был бы тот же. Нет.

У него раздулись ноздри.

— Сила! — Он фыркнул. — Вы, дипломаты, знаете, как манипулировать властью. Вы не представляете, как создавать силу. Сегодня я скажу вам. Или скорее... — И снова он поклонился Ирине. — Я просто повторяю ее слова. Сила приходит снизу, благородные господа Индии. С этого скромного места и никакого другого. Империя, неважно какая великая, неважно какие у нее огромные армии или как хорошо она снабжена оружием, имеет не больше силы, чем люди, на которых она опирается, дают, ее ей. Потому что это они — не вы — должны быть готовы и хотеть шагнуть вперед и умереть, когда пробьет час. И этим низкороджденным людям — не вам — хватает смелости взобраться на горб демону и перерезать ему сухожилия.

Он повернулся к ним спиной. Презрительно бросил через плечо:

— В то время как вы консультируетесь с предсказателями и магами и пытаетесь умиловить зверя в надежде, что он будет обедать в другом месте.

Его руки все еще были сжаты за спиной. На мгновение они напряглись, как и спина Холкара.

— Не забывайте, благородные господа Индии, что я тоже из маратхи. Я знаю мой народ, а вы — нет. Вы пренебрежительно относитесь к ним, из-за их оскверненной натуры и свободных нравов. Но вы — слепцы, несмотря на все ваше образование. Как и говорит кушан, вы потерялись в иллюзии.

Дададжи сделал глубокий вдох и продолжил.

— Сегодня Махараштра дрожит на грани победы и поражения. Маратхи симпатизируют Шакунтале и многие из их лучших сынов пришли под ее знамена. Но большинство маратхи все еще ждут. Они станут контрабандой поставлять еду, возможно, шпионить или спрячут беженца. Но не больше. Пока нет. Каблук малва стоит у них на шее. Палачи Подлого покрыли их города телами мятежников.

Еще один глубокий вдох, почти великий вздох.

— Однако если вы затынете им в сердца, то поймете: их сдерживает не страх, а просто сомнение. Да, они помнят Андхру и преданы этой памяти. Но Андхра один раз предала их. Кто может сказать, не повторится ли это снова?

Он повернул голову на юго-восток, внимательно глядя на стены комнаты, словно мог видеть за ними Великую Страну.

— Им нужен залог, — сказал он тихо. — Залог, что династия, которую они поддерживают, никогда не оставит их. И какой залог может быть больше, чем превращение императрицей Андхры династии в их собственную? Никто из маратхи никогда не сидел на троне. Через год ребенок величайшего представителя Махараштры продолжит династию.

Его собственное лицо — мягкое, спокойное, ученое — теперь стало такой же жесткой и твердой маской, как лицо кушана.

— Это будет сделано, — объявил Дададжи Холкар. — Императрица, я уверен, найдет путь к своему долгу. Как и Рао. — Затем он повернулся и снова уставился на послов. — Но это будет сделано правильно.

Появилась улыбка, но она получилась такой же дикой, как у Кунгаса.

— Императрица выйдет замуж за Рао в Деогхаре, не здесь. Она станцует свой брачный танец перед лицом Подлого, в центре осады. Бросит вызов малва за нас всех. И вы, благородные господа Индии, вы, из Чолы, Кералы и Тамрапарни, будете присутствовать на

бракосочетании. И обеспечите войска, чтобы провести императрицу через линии Подлого.

Послы взорвались в возражениях. Они задыхались от ярости и негодования.

Холкар их спокойно игнорировал. Он повернулся назад к императрице. Шакунтала неотрывно смотрела на него — для всех ее лицо ничего не выражало. Но Холкар чувствовал ослабление самоконтроля.

Ирина со своего места отправила ему настоящую мысль.

«Заканчивай, Дададжи. Дай ей место и время до того, как она сломается. Все остальное можно обсудить завтра».

Очевидно, телепатия сработала. Или, возможно, два человека думали одинаково.

— Выходи замуж за Рао, императрица, — постановил Дададжи Холкар. Затем добавил таким тихим голосом, что только она одна могла его слышать: — Это просто твой долг, девочка, и ничего больше. Твоя дхарма. Пусть твое сознание будет спокойно.

Эти слова отца сняли все сомнения. Шакунтала теперь отчаянно боролась, чтобы поддержать свой императорский имидж. Под тонкой, как яичная скорлупа, королевской оболочкой начинала появляться девушка, нет, женщина.

Дададжи повернулся, но Кунгас уже поднялся на ноги, хлопая в ладоши.

— Достаточно! Достаточно! — выкрикнул кушан. — Уже поздно. Императрица очень устала. Освободите помещение!

Ни один посол, независимо от того, был он возмущен или нет, не хотел спорить с этим голосом. Они сразу же бросились к двери. Не прошло и минуты, как в комнате остались лишь Ирина, Кунгас и Дададжи. И императрица, которая все еще сидела на троне, но уже начала сворачиваться в клубок. Как только тяжелая дверь закрылась, она плотно прижала колени к груди.

Годы дисциплины и печали взорвались, как вулкан. Шакунтала плакала, и плакала, и плакала и все время смеялась. Смех не выражал веселья или даже счастья. Это были глубокие, освобождающие, вздымающие грудь смешки девушки, которая наконец может — после всех лет, когда она вкушала долг, ни разу не пожаловавшись на его горький вкус, — наслаждаться простыми радостями и желаниями обычной женщины.

Кунгас подошел к ней и обнял ее. Мгновение спустя, извиваясь как угорь, Шакунтала заставила его сесть на трон и устроилась у него на коленях. И там она и оставалась, на руках у человека, который охранял ее — раньше и снова в этот день — от всех ужасов мира. С того дня, как умер ее отец, и малва сделали ее сиротой, Кунгас ни разу не подвел ее. Ребенок находил успокоение у него на коленях, девушка — у него в объятиях, императрица — у него в сознании. Но женщина, наконец выпущенная из клетки, — только в его душе. А в ответ она давилась словами любви и благодарности, которые шептала между рыданиями. И даже Кунгас, когда гладил ее по волосам, не мог держать маску. Его лицо сейчас тоже было только лицом отца.

Дададжи начал двигаться к императрице, готовый разделить эти объятия. Но Ирина остановила его рукой.

— Не сейчас, Дададжи. Не сегодня.

Холкар обернулся, удивленный.

— Она захочет... я ей нужен...

Ирина покачала головой и улыбнулась.

— Ее желания и нужды могут подождать, Дададжи. Они достаточно хорошо удовлетворены, и на сегодня есть Кунгас. Он будет охранять ее в радости, точно так же как охранял в отчаянии. А сегодняшнюю ночь, Дададжи, ты должен посвятить себе.

Он нахмурился, поставленный в тупик. Ирина начала тянуть его к двери.

— Есть кое-кто, кого ты должен увидеть. Человек, которого ты искал с того дня, как потерял. Она уже должна ждать в твоих покоях.

К тому времени, как Ирина открыла дверь, Дададжи понял. К тому времени, как Ирина закрыла дверь, он уже ушел. Ирина только слышала его шаги, стучащие по коридору. На самом деле это было странно. Они звучали, как шаги молодого человека, бегущего как ветер.

Когда Ирина вернулась в свои покои, лампы уже зажгли. Ее слуги, знающие ее странные вкусы после месяцев работы на нее, приготовили стул, на котором она читала. Был готов и чай, в медном чайнике. К этому времени он подостыл, но Ирина любила как раз такой.

Как и всегда, ее слуги достали несколько книг из сундука и положили на стол рядом с лампой. Книги выбирались наугад женщинами, которые не могли прочитать названия. Ирина предпочитала, чтобы делалось именно так. Всегда было приятно посмотреть, что ей выбрали на вечер. Ирина любила сюрпризы.

Она села и сделала глоток чаю. Затем несколько минут взвешивала Платона против Гомера, Горация против Лукреция.

Никто из них не соответствовал ее настроению. Ее взгляд устремился на дверь в спальню. Прилив страсти обжег ее. Но она и от этого отмахнулась. Кунгас не придет этой ночью. И еще много ночей.

В этом знании присутствовало сожаление и расстройство, но никакой злобы или беспокойства. Ирина теперь знала своего мужчину. Она его не понимала, по крайней мере, не полностью. Возможно, не поймет никогда. Но она все-таки знала его и могла принять то, что не понимала. Та же самая упрямая целеустремленность, которая удерживала безграмотного у книг, неделя за неделей, какое-то время будет удерживать его от постели Ирины. До тех пор, пока императрица не выйдет замуж за своего героя и Кунгас не отдаст свою девочку мужчине, которого она выбрала. До тех пор Кунгас не будет считать, что выполнил свой долг.

Вот такой это человек. И таким он будет всегда. Ирина, сравнивая его с другими мужчинами, которых знала, была удовлетворена своим выбором.

Она встала и подошла к окну. Она ощутила бриз, насладилась звуком прибоя. Она поняла, что счастлива. Так счастлива, как никогда раньше. Это понимание принесло с собой понимание ее настроения. И новое огорчение.

Она рассмеялась.

— О, черт побери! Где ты, Антонина? Я хочу напиться до потери сознания!

Глава 26

Аравийский берег.

Осень 532 года н.э.

— Как я могла быть такой глупой? — спрашивала Антонина, гневно глядя через палубное ограждение кормы флагманского корабля. Она яростно терла лицо, словно могла выжать расстройство голой силой. — Я должна была знать, что они последуют за нами. Жадные ублюдки! Нас должны были заметить, после того как мы окажемся в пределах видимости с земли. Есть только одна очевидная причина, почему военно-морской флот Аксумского царства пойдет вдоль южного берега Аравии — мы собираемся где-то ограбить малва. Проклятые поедатели падали!

Вахси, который стоял рядом с ней, смотрел таким же гневным взглядом. Даже на лице Усанаса, с другой ее стороны, полностью отсутствовал юмор.

— Никто из нас об этом не подумал, Антонина. — Усанас повернул голову, словно искал отсутствующего человека на палубе военного корабля аксумитов. Что в некотором роде он и делал. — Жаль, здесь нет Гармата, — проворчал он. — Если кто-то и знает, как думает бандит, то это он. — Усанас показал на арабские суденышки, которые следовали за флотом Антонины. — Он мог бы придумать, как уговорить их убраться прочь.

— Сомневаюсь, — устало сказала Антонина. Она перестала тереть лицо и уставилась на небольшую армаду. Суденышки напоминали ей канюков³¹, которые следуют за стаей

³¹ Канюки — род хищных птиц семейства ястребиных. Истребляют грызунов.

волков. — Проблема в том, Усанас, что они на самом деле не являются пиратами. Просто бедные рыбаки и бедуины, почувствовавшие шанс пожить трофеями.

— Они нарушат все наши планы! — рявкнул Вахси. — Нам никак не сохранить наше путешествие в тайне, если за нами следует такой косяк гусей. При условии, что они просто не продадут информацию малва.

Антонина снова стала тереть лицо. На этот раз только одной рукой, медленно проводя по челюсти. Не осознавая, она частично имитировала любимый жест мужа, когда он находился в глубоких размышлениях.

— Может, и нет, — задумчиво сказала она. — Может... — Антонина посмотрела вверх, определяя время дня.

— Вскоре солнце сядет. — Она показала на небольшой залив по левому борту. — А мы сегодня ночью можем там спрятать флот? — спросила у Вахси.

Командующий сарвом Дакуэн быстро осмотрел залив.

— Конечно. Но зачем? Ты сказала, чтобы мы оставались вне пределов видимости с суши, после того как пройдем полпути от Хадрамаута³². Мы прошли. Мы должны уходить дальше в море. Следить, что остаемся за горизонтом в дневное время, пока не достигнем Ормузского пролива.

Антонина пожала плечами.

— Я хотела этого в целях секретности. А когда они следуют за нами... — она показала на флот суденышек. — Нет смысла. Мы также должны и их держать вне пределов видимости. Это невозможно сделать, не поговорив с ними. Поэтому я и хочу бросить якорь в заливе. Суденышки последуют за нами, и, думаю, я смогу провести с ними переговоры.

— Переговоры? — подавился Вахси. Антонина улыбнулась.

— Почему нет?

Вахси теперь гневно смотрел на нее.

— Ты сошла с ума? Неужели ты думаешь, что сможешь найти разумные доводы с этими... этими...

Его оборвал смех Усанаса. Смех и последовавшая за ним улыбка.

— Конечно, она это не думает, Вахси!

Высокий охотник улыбался маленькой римлянке, глядя на нее сверху вниз.

— Она не собирается вызывать к их «разумности», парень. Просто к их жадности.

— Хорошо сказано, — пробормотала Антонина. И скромно улыбнулась Вахси. — Помнишь, я же — гений?

Конечно, переговоры с небольшой ордой арабских вождей и их помощников отняли много часов. У каждого маленького суденышка имелся своей независимый капитан, и у каждого из них было свое мнение. А часто — четыре или пять мнений.

— Мы не можем взобраться на борт этих огромных судов малва, — рявкнул один из бывших деревенских старейшин, который превратился в пиратского капитана. Он говорил медленно и делал множество ударений, чтобы Антонина все понимала. Она все еще не очень хорошо говорила на арабском. — Один раз, когда мы попытались... — он вскинул руки вверх. — Убили! Разбили! Вернулись только два корабля.

— Убили! Разбили! — слышался шум толпы.

Шатер, который Антонина приказала поставить на берегу, был заполнен арабскими вождями. Все они присоединились к возгласам, как греческий хор.

Антонина ответила улыбкой, достойной бандита.

— Предполагаю, это был корабль моего мужа.

³² Хадрамаут — государство, известное с 3 тыс. до н.э., как место добычи ароматической смолы (ладана). На протяжении истории было и самостоятельным, и входило в состав Аксумского царства, Химьярийского царства и Персии.

Заявление вызвало мгновенную тишину. Семнадцать пар глаз-бусинок осматривали ее, подобно хорькам, изучающим курицу. За исключением того, что эта курица мгновение назад объявила о своем браке с птицей Рух³³. Антонина кивнула на Усанаса. Охотник сидел на корточках в стороне, в углу шатра. Он находился там с тех пор, как начали заходить арабы. После одного беглого взгляда никто из них не обращал на него внимания. Очевидно, раб римской женщины был недостоин их внимания.

Усанас улыбнулся и лениво поднялся. Высокий охотник отвел руку назад и взял свое огромное копье. Затем, легко его подняв, стал быстро произносить предложения на беглом арабском. Антонина понимала только часть, но суть уловить было несложно.

На самом деле он говорил простые вещи.

— Да, это так, вы, шелудивые псы. Я тоже там был.

(Здесь двое из военачальников зашипели и попытались скрыться в гуще толпы. Никакого перевода не требовалось — они совершенно ясно понимали Усанаса.)

— Это было почти смешно — то, как вы, жалкие пираты-любители, разлетались во все стороны — те немногие из вас, кто все еще мог после того, как мы вспарывали вам животы, обезглавливали, лишали конечностей, и калечили, и резали, и рубили...

И так далее, и тому подобное. К счастью, Усанас закончил на радостной ноте.

— Поэтому давайте пропустим всю чушь о том, что можно и что нельзя сделать. Вы определенно не могли это сделать. Но никто вас и не просит. Мы выполним серьезную работу. А все, что от вас требуется, — это забрать трофеи.

Рыбаки-бандиты не оскорбились, выслушав мрачные насмешки Усанаса. Но их глубоко оскорбило его последнее заявление.

И снова у Антонины не возникло сложностей с интерпретацией сути их горячих замечаний.

— Что? Мы выглядим дураками? Почему вы станете делать всю опасную работу и позволите нам взять трофеи? — фыркание, фыркание. — Вы принимаете нас за идиотов?

Антонина решила вставить слово голосом женского разума.

— Никто не сказал, что вы получите все трофеи, вы, глупые болваны. Мы что, сами выглядим дураками?

Она повелительно показала на флот аксумских военных кораблей, которые стояли на якоре в заливе. Корабли хорошо просматривались в лунном свете, поскольку полы шатра были раздвинуты, чтобы мог залетать прохладный ветерок.

— Вот это, вы, необразованные болваны, то, что называется военными кораблями. Они также отличаются от ваших жалких каноэ, как лев от овцы. Вы знаете, что такое овца? Вам следует. Вы слишком часто их трахали, поскольку вы слишком уродливы, чтобы совратить женщину, и слишком неуклюжи, чтобы поймать ее.

Арабы громко расхохотались. Затем уселись поудобнее на пятках и приготовились к серьезному торгу. Ясно, что с римлянкой можно иметь дело. Она великолепно владеет оскорблениями, даже если и не очень хорошо знает язык, и говорит о деле. Но следует сделать скидки. В конце концов арабский все-таки — не ее язык.

Антонина хлопнула в ладоши, как школьная учительница, привлекающая внимание глупых и трудноуправляемых учеников. Арабы улыбнулись.

— Аксумские военные корабли вполне способны захватить суда малва. Проблема в том, что это — военные корабли. Недостаточно места со всеми солдатами, чтобы унести все трофеи. — Следующие слова Антонина произнесла медленно, чтобы тупицы смогли следить за ее простыми доводами. — Мы-возьмем-все-что-можем. Вы-возьмете-остальное. Вы-меня-поняли?

Подозрение вернулось, с полной силой.

³³ Птица Рух — огромная легендарная птица из арабской мифологии, которая относит слонов и других крупных животных к себе в гнездо и пожирает их там. О ней рассказывается в «Тысяче и одной ночи».

— Почему ты предлагаешь нам благотворительность? Мы что, дураки? Капкан! Ловушка!

Один из них начал предупреждать товарищей, что предатели — римляне и аксумиты пытаются украсть их лодки, но его заставили замолчать хмурые лица. Это было оскорбительно для их ума. Арабы прекрасно знали, что аксумиты также заинтересованы в их латанных-перелатанных лодках, как в верблюжьем дерьме. Тем не менее...

— Почему?

— Мы воюем с малва, — последовал ответ Антонины. — Мы ударим по их охране и сопровождению, но мы не ищем трофеи как таковые. После того, как мы закончим, мы поплывем на восток, чтобы штурмовать крепость в Бароде. Сжечь ее дотла. Во время войны нужно перемещаться быстро. У нас не будет времени заниматься всей флотилией и проверять, что они полностью разбиты. Мы просто калечим их, берем, что можем, и быстро отправляемся в путь. Быстро. Вы с ними покончите.

Она откинулась назад, спокойно на них глядя. Как школьная учительница, удовлетворенная, что наконец донесла до учеников простой урок.

— С вашей помощью мы нанесем самый тяжелый удар по малва. С нашей помощью вы получаете много трофеев. Это сделка.

Потребовалось еще два часа. Но на самом деле это было нетрудно. Большая часть этого времени прошла в спорах по мелким деталям.

Арабы останутся вне пределов видимости земли, как и аксумиты. Они будут подчиняться приказам командующего флотилией. (Тут Антонина показала на Усанаса, а охотник начал точить копье.) Они не станут отклоняться, если увидят одинокий торговый корабль. И так далее, и тому подобное.

Эти люди знали хорошую сделку, когда ее видели. Даже если и не были гениями.

Глава 27

Тигр.

Осень 532 года н.э.

— Ты кажешься несчастным, Шанга, — заметил Дамодара. — Почему?

Господин из малва остановил коня на склоне рядом с царем раджпутлов. Дамодара показал на заливной луг под ними. Была четко видна большая река в нескольких милях, которая, медленно извиваясь, несла свои воды к морю.

— Я думал, ты обрадуешься при виде Тигра. Наконец-то.

Рана Шанга потер шрам на левой щеке. Затем, поняв, что делает, отдернул руку. Он — царь Раджпутаны. Полученные в битве шрамы следует с достоинством игнорировать.

Все еще хмурясь, Шанга повернулся в седле и уставился назад на горы. Пики горной системы Загрос маячили за ними, как несчастливые гиганты. Они тоже казались обеспокоенными.

— Что-то не так, — пробормотал он.

Шанга снова повернулся и посмотрел вниз по склону перед ними. Территория была усыпана кавалеристами-раджпутами. Каждое кавалерийское подразделение сопровождалось следопытом-патаном, но присутствие следопытов казалось излишним. Огромный след, оставленный римской армией, не пропустил бы и слепой. Десять тысяч лошадей и столько же вьючных мулов разрывают почву, как плуг Титана.

— Почему ты это говоришь? — спросил Дамодара. — Тебя беспокоит, что наши высланные вперед разведчики все еще не добрались до Велисария? — Господин из малва пожал плечами. — Я не нахожу это странным. После того как Велисарий принял решение отступить в Месопотамию, у него имелись все основания двигаться так быстро, как он только мог. Мы, с другой стороны, двигались осторожно и медленно. Ведь он вполне мог устроить засаду.

Дамодара показал на заливной луг и провел рукой по широкой дуге.

— Нет способа устроить засаду здесь, Рана Шанга. Эта земля плоская, как доска. Просматривается на несколько миль.

Командующий из малва сел в седле поудобнее.

— Да, мы не знаем, где он. Ктесифон. Скорее, Пероз-Шапур. Может, где-то еще. Но в том, что он в долине, нельзя сомневаться. Едва ли можно оставить более четкий след.

Губы Шанги искривились.

— Нет, нельзя. И именно это меня и беспокоит. — Он снова повернулся в седле и уставился назад на горы. — По моему опыту, господин Дамодара, Велисария следует больше всего бояться, когда его действия кажутся наиболее очевидными.

Дамодара на мгновение почувствовал раздражение от упрямой мрачности Шанги, но подавил его. Он научился не отмахиваться от предчувствий Шанги. Царь раджпутов, несмотря на все аристократические атрибуты, обладал боевыми инстинктами дикого зверя. Человек был бесстрашным, как тигр, но без претензий тигра на верховодство.

Дамодара чуть не рассмеялся от образа, который пришел ему на ум. Мышь размером с тигра, с клыками и когтями тигра, с хмурым лицом Шанги. Яростное беспокойство, тревожная смелость.

Шанга все еще смотрел на горы.

— Я не могу не вспомнить еще один след, оставленный Велисарием, — сказал он медленно. И легко дернул головой, показывая на заливной луг внизу. — Точно такой же очевидный, как этот.

Он повернул голову к Дамодаре.

— Я хотел бы получить твое разрешение пройти назад по нашим следам. Мне потребуется несколько следопытов-патанов и люди из моего клана. Ты можешь отпустить пятьсот кавалеристов на две недели.

Впервые легкая улыбка появилась на лице Шанги.

— Несмотря ни на что, я думаю, тебе не нужно бояться засады. — Улыбка исчезла. — У меня есть чувство, что Велисарий охотится за большей дичью, чем мы.

Хмурясь от удивления, Дамодара кивнул на юг.

— Единственная большая, чем мы, дичь — это армия Великой Госпожи Холи.

Господин из малва в присутствии Шанги не притворялся, что Великая Госпожа Холи просто сопровождает основную силу империи малва в Месопотамии. Шанга, как и Дамодара, знал, что «Великая Госпожа Холи» — это только человеческая оболочка. Внутри тела старой женщины находилась божественная сущность из будущего по имени Линк. Линк, и только Линк, командовал той огромной армией.

— В той армии более ста пятидесяти тысяч человек, Рана Шанга, — возразил Дамодара. — Уже сейчас они оставили укрепления Харка и маршируют на север вдоль по Евфрату, и им нечего бояться Велисария. Военный гений он или нет, армия этого человека слишком мала, чтобы им угрожать.

Шанга пожал плечами.

— Я не претендую на то, что у меня есть какие-то ответы, господин Дамодара. Я почти уверен, что это, — он показал на след, оставленный римской армией, — ножевой порез на копыте лошади³⁴.

Дамодара не понял последнее замечание, но не стал требовать объяснений от Шанги. Но и не стал отказывать в разрешении. Зачем ему? На открытой местности в долине Велисарий не представлял реальной угрозы его армии. Дамодара мог позволить себе на две недели отказаться от услуг Раны Шанги и пятисот кавалеристов-раджпутов.

— Очень хорошо, — сказал Дамодара, сделал паузу и потер поясницу. — Вероятно, так даже лучше. Армия устала. Пока тебя нет, мы встанем лагерем у Тигра. После шести месяцев кампаний солдаты могут позволить себе отдохнуть.

³⁴ См. роман Д. Дрейка и Э.Флинта «В сердце тьмы».

Глава 28

Ормузский пролив.

Осень 532 года н.э.

Вначале Вахси отнесся к делу скептически. Но к тому времени, как флотилия достигла Ормузского пролива, даже он не сомневался, что арабы не выдадут секрет.

— По крайней мере до тех пор, пока не обнаружат, что с ними сыграли шутку, — сказал он Антонине.

Командующий сарвом Дакуэн прижался плечами к главной мачте и терся ими об нее, чтобы избавиться от зуда. То кошачье удовольствие, которое он, казалось, получал от трения, плохо вязалось с несчастливой гримасой на его лице.

Вахси пребывал в мрачном настроении с начала экспедиции. Как и Маврикий, Вахси смотрел на «хитрые планы» с предубеждением — в особенности на планы, которые зависели от правильного расчета времени и секретности. Синхронизация — миф; и камни болтают; и ничто никогда не срабатывает, как должно. Это для Вахси, как и для Маврикия, было триединой истиной.

— Наверное, на самом деле не имеет значения, — проворчал он мрачно. — В любом случае, я уверен: половину толпы, которая наблюдала за нашим отплытием из Асэба, составляли агенты малва.

— Пожалуйста, Вахси! — запротестовала Антонина. И улыбнулась: — Ты преувеличиваешь. Не больше трети толпы, в самом худшем случае.

Вахси нахмурился еще сильнее. Антонина вздохнула и решительно произнесла:

— Вахси, они видели, как мы отплывали на север. Везли Когорту Феодоры назад, в Египет.

— Они не поверят...

— Конечно, нет! — рявкнула Антонина. — Именно поэтому я заставила своих сирийцев весело болтать на рынках, что у нас есть тайный план выгрузиться в Аиле и маршировать в Месопотамию. Малва будут искать правду под иллюзией, и это должно их удовлетворить. В особенности, когда они увидят Ашота и его катафрактов — и всю Когорту за исключением пушечных расчетов — сходящих на берег с кораблей и марширующих внутрь материка. — Она захихикала. — Кутина также выглядела идеально в той бесстыдной копии моей бесстыдной кирасы.

Вахси все еще хмурился. Антонина снова вздохнула. Теперь в раздражении и выведенная из себя добавила:

— Неужели ты в самом деле думаешь, что шпионы малва в Аиле собираются сверять данные со шпионами малва на другом берегу Красного моря, чтобы проверить, сошлось у них количество кораблей в огромной флотилии или нет? Неужели ты в самом деле думаешь, что кто-то видел, как двенадцать кораблей поворачивали после спуска темноты и плыли назад? Неужели ты в самом деле думаешь, что агенты малва могут видеть в темноте? Мы находились вне видимости земли, когда проходили мимо Асэба, и мы оставались вне пределов видимости, пока не добрались до Хадрамаута. — Она завершила твердо: — Единственными, кто нас заметил, были арабские рыбаки с побережья, а теперь они с нами.

Вахси было нечего возразить. Но у него все равно оставалось упрямое выражение лица.

Прислонившийся к палубному ограждению поблизости Усанас внимательно слушал разговор. Когда он заговорил, его лицо выглядело серьезнее, чем обычно.

— Тем не менее, Антонина, Вахси поднял важный вопрос, — Усанас рукой показал на флотилию суденышек, которые следовали за аксумскими боевыми кораблями. — Что они сделают после того, как обнаружат обман?

Антонина пожала плечами.

— Представляю, что будут очень мной недовольны. И что? Маловероятно, что они атакуют нас. Эти потрепанные, искушенные блохами бандиты не посмеют атаковать как

аксумские военные корабли, так и корабли малва.

Вахси прекратил тереться плечами о мачту и встал прямо. Он положил руки на бедра, повернулся и гневно посмотрел на арабские суденышки.

— Я скажу тебе, что они сделают, Антонина. Они будут такими же ворчливыми и недовольными, как такое же количество верблюдов. И начнут искать, что бы получить за эти безветренные дни, когда они сидели на веслах. Этого не случится, пока мы не окажемся почти в Харке. Жадные ублюдки будут надеяться, до последней минуты, что флотилия малва, которую ты им обещала, находится прямо за горизонтом. Но к тому времени, как они поймут, что нет никакой флотилии малва и никогда не было, они также поймут, что ты на самом деле планируешь сделать. Они выйдут на берег и отправятся искать первых же малва, которым можно будет продать информацию.

Он повернулся назад к Антонине и склонил голову.

— Разве я не прав? — спросил. Она ответила веселой улыбкой.

— Да. Да, прав. И что тогда?

За ее вопросом последовало молчание. Внезапно Усанас расхохотался.

— Конечно! Тогда... — Он снова хохотнул. — Тогда группа бедных арабов, для которых торговаться о цене — это и искусство, и спорт, проведут двадцать восемь лет, споря о цене с высокомерным и надутым чиновником малва. До того, как что-то скажут малва. К тому времени... — Он одобрительно улыбнулся Антонине. — Все уже закончится, тем или другим образом.

Он перевел сияющую улыбку на Вахси.

— Эта женщина — гений. Я говорил это раньше, говорю и теперь. — Даже Вахси улыбнулся.

— Она хитрая, с этим я согласен. — И недоволю: — Может быть. Может быть, это сработает. — Затем он снова нахмурился. — Ненавижу хитрую тактику. — Мгновение его глаза ласкали его огромное копье, прислоненное к палубному ограждению рядом. Он вздохнул и почесал голову. — Знаете, чего я хочу? Я хочу...

Внезапно послышался крик впередсмотрящего. За ним последовал поток слов. Мгновение спустя Вахси уже прыгал, сияя от радости.

Усанас вскочил на палубное ограждение левого борта, держась за штаг. После того, как он убедился в заявлении впередсмотрящего собственными глазами, на его лице появилась улыбка.

— Твое желание исполнилось, командующий сарвом Дакуэн! — весело закричал он.

Даже если бы Антонина стояла на палубном ограждении, она все равно ничего не увидела бы из-за маленького роста.

— Неужели в самом деле?..

— Да! Радуйся, Антонина! Твое имя не будут проклинать в деревнях Хадрамаута и не будут называть тебя хитрой обманщицей. — Усанас драматически показал на северный горизонт. — Идет флотилия малва — как ты и обещала!

Глава 29

Конечно, это была слепая удача. Сезон муссонов с западными ветрами, который принесет орды кораблей с провизией и боеприпасами для малва в Харке, не начнется еще несколько недель. В это время года муссоны восточных направлений дули последние дни, и Антонина не ожидала встретить корабли, плывущие назад в Индию.

В некотором роде это было неудачно. Вообще-то Антонина предпочла бы не встретить никаких кораблей малва на пути в Харк. Всегда оставалась опасность, что ее собственная флотилия получит слишком сильные повреждения во время морского сражения, чтобы выполнить свою задачу. Если бы арабские суда не присоединились к ее флотилии, то она бы испытала искушение позволить кораблям малва пройти мимо неповрежденными.

Но когда она поделилась своими опасениями с Вахси, командующий сарвом Дакуэн

покачал головой.

— Это бессмысленно, Антонина. Малва заметили нас, когда мы заметили их. Вероятно, раньше, если впередсмотрящие сидят у них на огромных мачтах. Они бы послали предупреждение в Харк на одной из галер. Нам в любом случае пришлось бы их атаковать.

Теперь флотилия малва была полностью видна. Корабли плыли с запада на восток. Аксумский флот, приближающийся с юга, с ветром на траверзе³⁵, шел к ним под углом в девяносто градусов. Вахси изучил вражеские корабли. Корпуса огромных грузовых судов появились над горизонтом и аксумиты могли видеть паруса двух меньших галер, которые служили эскортом. Галеры уже сворачивали паруса и доставали весла, готовясь к сражению.

— Самоуверенное надменное дерьмо, — рявкнул Вахси. — Две галеры? Для флотилии такого размера? — Его аксумское *амоур пропре*³⁶ было глубоко оскорблено.

Усанас рассмеялся.

— Вероятно, они не ожидали встретить военные корабли аксумитов, Вахси. По крайней мере не в этом году. — Он показал большим пальцем через плечо на арабские суда. Суденышки уже отставали и рассредоточивались. Арабы планировали оставаться вне сражения, но быть готовыми броситься вперед, когда придет время брать трофеи.

— Двух галер более чем достаточно, чтобы защититься от этого сброда. Мы отразили атаку флота такого же размера одним неохраняемым грузовым судном³⁷. — Он окинул взглядом пять грузовых судов.

— Большие негодяи, не так ли?

— И что? — Вахси пожал плечами. — Мы не планируем брать на abordаж эти деревянные скалы. — Он одобрительно посмотрел на римские артиллерийские расчеты, которые готовили орудия к бою. — Мы просто разобьем их в щепки и позволим арабам доделать остальное.

В глубине души Антонина подумала, что Вахси слишком оптимистичен. Как и многие люди, не имевшие опыта с пушками, Вахси склонялся к преувеличению их эффективности. Но она ничего не сказала. Это было не время для сомнений. Не сейчас, когда осталось менее чем два часа до напряженного морского сражения.

Она перевела взгляд на мужчин и женщин Когорты Феодоры, которые готовили пушки к бою. Но в отличие от незапятнанного восхищения Вахси, ее взгляд был понимающим.

Слишком маленькие суда. Это беспокоило ее больше всего. Аксумские боевые корабли, в отличие от корабля, который Иоанн Родосский соорудил год назад, не предназначались для пушек. В имевшееся время, до того, как они покинули Асэб, ее сирийские артиллеристы сделали все, что могли. Но справиться с основными проблемами конструкции самих судов не представлялось возможным.

Как почти все военные корабли того времени, аксумские суда строились ради скорости и маневренности. Хорошо укрепляли только нос, все остальные части делались легкими. И даже носы на аксумских военных кораблях были относительно хрупкими. Аксумская военная тактика базировалась на abordаже. На этих кораблях отсутствовали бревна в носовой части, при помощи которых идут на таран и делаются пробоины в кораблях противника.

А что еще хуже, эти корабли строились с использованием метода, обычного для Средиземного и Эритрейского морей. Вместо того чтобы начинать с крепкого каркаса, киля и шпангоутов — этот метод во времена Антонины использовался только на севере Европы, — аксумские корабли строились из планок, которые сколачивались или сшивались

³⁵ Траверз — направление, перпендикулярное курсу судна или самолета.

³⁶ *Amour propre* (фр.) — чувство собственного достоинства, гордость, самолюбие.

³⁷ См. роман Д. Дрейка и Э. Флинта «Окольный путь».

вместе, с небольшим количеством внутренних сцеплений, добавляемых в самом конце. На самом деле эти корабли были не более чем деревянными скорлупками. Отдача от пальбы пятидюймовых орудий начнет ломать корпуса после нескольких выстрелов.

Артиллерийские расчеты Антонины пришли к компромиссу, просто укрепив корпуса прямо по центру судов. На каждом аксумском корабле стояло по четыре орудия, по два на каждой стороне. Да, внушающие страх орудия, в особенности на расстоянии нескольких сотен ярдов. Но два орудия — это слабая артиллерия одного борта, и для бортового залпа маловато.

На мгновение Антонина почувствовала глубокое сожаление, что у нее нет с собой корабля Иоанна. В это мгновение она бы обменяла половину аксумской флотилии на одну «Феодору». Но...

Антонина мысленно пожала плечами. Она приняла правильное решение. Было бы возможно, хотя и очень трудно, переправить «Феодору» волоком из Нила в Красное море. Но сделать это тайно не представлялось возможным, не с тем количеством рабочей силы, которая потребуется для выполнения этой задачи. Малва бы получили информацию о ее планах. Единственной причиной перетаскивать «Феодору» в Красное море было бы намерение отправиться за судами малва в Персидском заливе. Малва, вероятно, не додумались бы до ее конечной цели: атаковать Харк с моря. Безумие, ведь Харк — самая укрепленная гавань в мире. Но они определенно усилили бы патрули в Персидском заливе, и этого оказалось бы достаточно, чтобы сорвать ее планы.

Ее раздумья прервал крик впередсмотрящего. Через несколько секунд Антонина увидела причину. Две галеры малва отделились от вражеской флотилии и направлялись прямо на аксумитов.

— Они — смелые ублюдки, — сказала она наполовину с восхищением.

Вахси бросил на нее взгляд и ухмыльнулся.

— Смелые? Нет, Антонина. Они просто — важные задиры, которые никогда не встречались с аксумитами в море.

Взгляд командующего сарвом Дакуэн вернулся к пушкам. Антонина подавила смешок. Вахси, как думала она, испытывал искушение не использовать пушки — просто чтобы доказать малва, насколько безнадежно они уступают классом.

Но Вахси был ветераном. Через несколько секунд, он очевидно, подавил детский импульс. Он повернулся к Усанасу и сказал:

— Я рекомендую просто разорвать их на части на пути к самой флотилии. Но решение за тобой, аквабе ценцен.

Термин «аквабе ценцен» означал «хранитель мухобойки (в виде конского хвоста на ручке)». Римлянке Антонине казался странным титул человека, который по власти шел вторым за самым негусой нагастом. Но мухобойка вместе с копьем являлась традиционной эмблемой аксумского королевского дома. Через три дня после вступления в брак царь царей присвоил титул Усанасу. Если не считать сил в самом Аксумском царстве, и войска, которым командовал Гармат, как новый наместник в Аравии, Усанас теперь стал высшим военачальником в Аксуме, а также главным советником царя.

Усанас улыбнулся.

— Пожалуйста, Вахси! Я все еще старый грубый варварский охотник. Я столько же знаю о морских сражениях, сколько гиппопотам о поэзии. — Он сделал широкий круговой жест. — Я оставляю все в твоих компетентных руках.

Вахси заворчал.

В конце концов, все эти велеблужения не были потеряны зря.

Мгновение спустя он уже выкрикивал приказы команде. Флагманский корабль продолжал идти курсом на север, все еще под парусом. Другие аксумские военные корабли следовали за ним. Антонина удивлялась. Она ожидала, что Вахси прикажет убрать паруса и приготовить весла. Как и все подобные суда того времени, аксумские военные корабли вступали в сражения на веслах, а не под парусами.

Вначале она предположила, что Вахси отдал такой приказ, поскольку не доверяет гребной способности кораблей. Для установки на судах пушек пришлось вывести из строя большое количество скамеек для гребцов. Но затем, когда Антонина увидела мрачное удовлетворение на лице Вахси, ей пришлось подавить смех.

Вахси был слишком опытным ветераном, чтобы удовлетворять детский порыв сражаться без пушек. Но она подумала, что он нашел замену. Вахси победит врага, даже не попытавшись использовать весла — точно так же, как мальчик хвастается, что он может кнутом побить другого, когда одна его рука привязана за спиной.

Когда галеры приблизились, веселость Антонины исчезла. Ее заменила настороженность. Несмотря на все превосходство аксумских кораблей над судами малва, они все равно не могли маневрировать, оставаясь под парусами.

Антонина просяще посмотрела на Усанаса. Он улыбнулся в ответ. Она с неохотой открыла рот, готовясь призвать к осторожности упрямого командующего сарвом Дакуэн.

Какие бы слова она ни собиралась произнести, они были потоплены внезапным криком Вахси.

— Меняйте курс! По ветру!

Через несколько мгновений корабль положил руль направо и пошел по ветру. За ними один за другим корабли повторяли маневр предыдущего, пока его не скопировала вся флотилия.

Антонина задержала дыхание. Они теперь неслись наперерез приближающимся галерам малва на скорости, казавшейся поразительной. Столкновение казалось почти неизбежным — а суда малва, в отличие от их собственного, были снабжены жуткими выступающими вперед бревнами, разрезающими волны.

Только в последнее мгновение она все поняла. Малва на веслах могут быть более маневренными. Но они двигаются не быстрее, чем несущиеся по ветру аксумиты. Аксумские военные корабли пересекут путь вражеских галер на очень близком расстоянии. Для выстрелов в упор.

Сирийские артиллеристы отлично показали себя. И если Антонина не смогла привезти «Феодору», она смогла привезти с собой офицера, командующего артиллерийскими расчетами. Самого лучшего офицера-артиллериста в мире.

Прозвучал высокий голос Эйсебия. Два пятидюймовых орудия на левом борту прогрохотали, покачнув корабль.

Когда дым рассеялся...

Два пятидюймовых мраморных ядра, которые выпустили с тридцати ярдов, пробили нос галеры. Оба ядра, вероятно, ударили в дюймах друг от друга, прямо в нос.

После того как тяжелые сцепления, которые удерживали используемое для тарана бревно, разбились, они стали напоминать многочисленные коперы, вбивающие тонкие планки в корпус³⁸. Корабль малва раскрылся, как жуткий цветок, выплескивая людей и кровь в море.

Жуткий вид остался позади. Вторая галера малва приблизилась, также с левой стороны. Прошло недостаточно времени, чтобы артиллеристы могли перезарядить орудия, поэтому Вахси просто повел корабль дальше. Несколько секунд спустя Антонина слышала грохот орудий на другом корабле, следующем за ними. Затем третьем и четвертом.

Она не стала поворачивать голову, чтобы посмотреть на результаты. Не было необходимости. Некогда веселые лица Усанаса и Вахси служили ей зеркалом.

— Рыбам достанется много еды, — объявил Вахси.

Он посмотрел вперед. За носом он мог видеть пять больших грузовых кораблей, менее чем в миле от них.

— Теперь скоро, — Вахси показал пальцем. — Посмотрите. Они уже приготовили

³⁸ Копер — устройство для вбивания свай в твердый грунт или на большую глубину.

ракеты.

Словно его указывающий палец послужил сигналом, партия ракет взмыла вверх с одного из кораблей малва. Из шести ракет пять бесцельно дергались в небе, пока не упали в море. Но одна летела по прямому курсу, пока тоже не упала, не принеся вреда, в волну, в двухстах ярдах.

Антонина не почувствовала облегчения при виде неприцельной стрельбы малва. Первая партия была ошибкой, несомненно выпущенная по приказу потерявшего голову капитана. Расстояние все еще оставалось слишком большим, чтобы ракеты имели какую-то реальную надежду на успех. Но то, как ровно одна ракета выдерживала курс, могло означать только одно.

«Они снабдили их настоящими выхлопными соплами. По крайней мере некоторые ракеты. Как и предсказывал Велисарий».

Антонина вздохнула.

— Я думаю...

Вахси уже выкрикивал приказы. Мгновение спустя аксумский экипаж носился по кораблю, воздвигая новый противоракетный щит. На каждом аксумском корабле размещалось почти двести солдат. Большинство из них при обычных условиях были бы заняты на веслах. Но когда корабль шел под парусом, они освобождались для другой работы. Щит воздвигли за несколько минут.

Наблюдая, Антонина молча укоряла себя. Намерение Вахси сражаться под парусом, как она теперь поняла, не было решением воинственного и агрессивного мужчины, горящего желанием показать свою храбрость. Командующий предвидел необходимость быстро воздвигнуть щиты.

Антонина бросила взгляд на Усанаса. Аккабе ценцен снова ей улыбался. Она улыбнулась в ответ, с юмором принимая насмешку.

«Я тоже, когда доходит до дела, — только любитель. Пусть делом занимаются профессионалы».

Она перевела взгляд на щит. В ней пробудилась профессиональная гордость. Антонина может ничего не знать о кораблях, но разбирается в ведении военных действий с использованием пороха. Как она думала, лучше, чем кто-либо в мире. Иоанн Родосский может лучше знать теорию, но не практику. «За исключением моего мужа. После всех этих месяцев борьбы с раджпутами в Персии, я уверена: он лучше меня».

Мысль вызвала одновременно гордость и беспокойство. Антонина не представляла, жив ли еще Велисарий. К этому времени он уже должен был получить послание, которое она ему отправила, сообщая Велисария, когда покинет Асэб для их встречи в Харке. Это послание планировалось доставить самыми быстрыми лошадьми к ближайшей сигнальной станции в Аиле. А оттуда передавать от одной сигнальной станции к другой, которые они с Велисарием построили в прошлом году. Послание должно было дойти до Ктесифона за день. Персидские курьеры доставят его в армию Велисария в горной системе Загрос, снова используя самых быстрых лошадей.

Но не было способа отправить ответ. Однажды Велисарий рассказал Антонине о почти магических средствах передачи информации будущих столетий. Одно называлось радио. Такие приспособления оставались вне технологических возможностей ее времени и останутся еще много десятилетий, даже при помощи Эйда.

Антонина вздохнула, чувствуя себя несчастной. Чтобы стряхнуть беспокойство о Велисарии, она снова принялась изучать щит.

Антонина сама спроектировала щиты до того, как покинула Константинополь в прошлом году. Конечно не без совета Велисария — и большой помощи, когда дело дошло до перевода теории в практику, от сирийцев из ее Когорты Феодоры. Артиллеристы и их жены родились и выросли на приграничных территориях и были великолепными кузнецами, плотниками и кожевниками. А то, что они не могли сделать сами, сделали аксумские ремесленники и мастера, которых в их распоряжение предоставил царь Эон в Асэбе.

Каждый аксумский корабль был снабжен железными обручами на палубных ограждениях у носа. Тяжелый деревянный коньковый брус прикреплялся к главной мачте. Брус шел параллельно корпусу корабля, прямо по центру, его конец крепился на корме.

Как только Вахси отдал приказ, сирийские артиллеристы и аксумские моряки начали воздвигать щит. В то время, как аксумиты сворачивали паруса, артиллеристы вставляли крепкие деревянные скрепы в железные обручи вдоль по палубным ограждениям. У каждого обруча имелся стержень, приваренный поперек нижней части, чтобы удерживать скрепы. В верхнем конце каждой скрепы имелось просверленное отверстие. Когда артиллеристы опустили скрепы по направлению к брус, аксумские моряки стали продевать веревку сквозь отверстия. Через несколько минут верхние части скреп были крепко привязаны к мачте и брус. В конце получилась склоненная форма в виде буквы «А», которая покрывала нос корабля.

Другие люди уже перебрасывали веревки через брус и скрепы. Опытные моряки быстро и крепко затянули веревки. Теперь щит был привязан и снизу.

Тем временем жены артиллеристов закончили вытягивать из трюмов специальную броню — куски вареной кожи, предварительно разрезанные и с проделанными отверстиями, пришивались к каркасу из бруса и веревок тонкой нитью. Моряки начали поливать кожаную броню морской водой.

Антонина отправилась на нос вместе с Усанасом и Вахси, она восхищалась работой. Вахси не разделял ее энтузиазма.

— Уродство, — ворчал он.

Через отверстие для наблюдения в щите командующий гневно смотрел на поднимаемые носом корабля волны.

— Медленно. Неловко.

— Не обращай на него внимание, Антонина, — спокойно сказал Усанас. Аквабе ценцен показал пальцем на ближайшее судно малва. Огромный грузовой корабль находился менее, чем в четырехстах ярдах от них. Кштарики на нем суетились вокруг ракетных желобов. — Очень скоро Вахси будет рад, что у нас есть этот щит.

Секундами позже судно малва окутал дым. Шесть ракет полетели над водой.

Пять прошли мимо, причем на значительном расстоянии. Но шестая снова летела прямо и верно. Антонина задержала дыхание. Ей предстояло проверить, может ли она гордиться своим изобретением.

Оказалось — может. Ракета ударила по наклонной стороне щита и отскочила. Щит зазвенел, как огромный барабан. Ракета взлетела в небо и взорвалась в пятидесяти ярдах над головой.

Антонина выдохнула воздух, снова испытала огромное облегчение.

«Никаких взрывных механизмов, срабатывающих при соприкосновении. Слава Богу. Велисарии не думал, что они у них будут. В любом случае не на грузовых судах».

Теоретически, как она знала, щит защитит корабль даже от ракет, снабженных запалами, взрывающимися при соприкосновении с целью. По крайней мере, частично. Если запалы малва хотя бы в некоторой степени подобны римским, то это грубые приспособления. Легкого соприкосновения с кожаным щитом, от которого ракеты отскакивают, недостаточно, чтобы запустить механизм — а если и достаточно, то большая часть взрывной силы распределится по щиту вместо того, чтобы прорваться внутрь. Конечно, приспособление оказалось бы бесполезно против тяжелого пушечного ядра. Но малва еще не снабдила свои суда пушками. По крайней мере, эти суда.

— Хорошо, — проворчал Вахси. — Срабатывает. — И добавил недовольно: — Я на самом деле не думал, что сработает.

«А почему нет? — весело подумала Антонина. — Это же сработало в заливе Хэмптон-Роде, не так ли?»

Но она не стала делиться с ними мыслью. И Вахси, и Усанас знали об Эйде. Усанас фактически был одним из немногих людей в мире, который заходил в мир видений Эйды. Но

на самом деле они не очень уютно чувствовали себя с получаемыми знаниями о будущем. В этот момент, в центре сражения им требовалась уверенность и твердая почва. Это было не лучшее время, чтобы начинать обсуждение видений. «Кроме того, я должна поддерживать репутацию гения. Ей не пойдет на пользу, если я признаю, что скопировала свой проект с судна будущего под названием „Мерримак“. Еще одна партия ракет вырвалась с корабля малва. Затем, секунды спустя ракеты взлетели с палубы другого вражеского судна. Вахси проигнорировал ракеты. Он склонился, высунул голову из отверстия в щите и прокричал приказы. Приказы тут же передали находящемуся на корме лоцману. Аксумский корабль стал придвигаться к ближайшему врагу. Конечно, шел медленно. Щит был не особенно тяжелым, но все-таки мешал. Гребцы напрягались, ворчали при каждом взмахе весел, заставляя судно идти вперед.

Медленное продвижение — это все равно продвижение. Флотилия малва — одни торговые суда, после того как разбили их эскорт — просто пыталась убежать от аксумитов. Но корабли малва расплачивались за свой неуклюжий дизайн и огромные размеры. Они ползли, как улитки.

Усанас облек в слова ее собственную мысль.

— Мы их догоним, — объявил он. — Думаю, уже скоро.

Глава 30

«Вскоре» оказалось через полчаса. Через полчаса после этого «вскоре» стало «никогда». Антонина снова вспомнила первый закон битвы. Ничто никогда не срабатывает, как должно.

— Поворачивай, Вахси! — крикнула она, стараясь, чтобы ее услышали сквозь грохот пушек и свист ракет. — Мы не можем их потопить!

Аксумский командир упрямо покачал головой. Затем втянул голову, когда еще одна партия ракет пролетела над головой. Но урона они не принесли. Сирийские артиллеристы через несколько минут сражения переключились на картечь — полые ядра, начиненные маленькими кусочками железа. Выстрелы крепкими мраморными ядрами оказались неэффективными, но выстрелы картечью удерживали кшатриев малва от палубных ограждений. Кшатрии не могли опустить свои желоба достаточно низко, чтобы те стреляли по аксумским кораблям под нужным углом.

— Нет смысла! — кричала Антонина. — Мы можем неделю пробивать дыры в этих проклятых судах, но не будет никакой разницы. Мы их не потопим!

Вахси проигнорировал ее. Он высовывался из-за щита, изучая остальные участки моря, где шла битва. Огромные грузовые корабли малва напоминали бизонов, которых разрывает дюжина сухопарых волков. Грохот пушечного огня смешивался со свистом ракет, которые взрывались над волнами. Каждый аксумский корабль окутывал дым, в каждом корабле малва в корпусе зияли пробоины — но ни одному из них не угрожало затопление, и это было ясно, как день. Сражение зашло в тупик.

Ожидая, чтобы Вахси принял решение, Антонина в раздражении ругалась по адресу корабля малва, маячившего над ней менее чем в двадцати ярдах.

В своем роде это было невероятное зрелище. Корпус корабля малва выглядел, как решето. По крайней мере дюжина пятидюймовых мраморных ядер проделали пробоины в тонких досках. Но...

«Я боялась, что это может случиться. Велисарий предупреждал меня, что деревянные суда будущего практически никогда не топили пушечным огнем. Испанская армада пострадала от шторма, а не от английских орудий. Единственный корабль, который фактически разрушили пушечным огнем во время Трафальгарского сражения³⁹, — это

³⁹ Трафальгарское сражение (21.10.1805) — у мыса Трафальгар (Испания) во время войны Франции против

„Ахилл“, да и то после того, как огонь распространился на склад боеприпасов. Остальные захватили, взяв на abordаж, или они потерялись во время последовавшего шторма. Все равно я надеялась, — ведь те суда в конце концов были тяжелыми, построенными на севере Европы. Не эти скорлупки. Но это не имеет значения. Дерево не тонет. Это все так просто». Еще одна партия ненацеленных ракет со свистом пролетела над головой. Малва просто вымещали собственное раздражение. Ракеты упали в море в нескольких сотнях ярдов за двумя аксумскими судами, которые шли рядом.

Вахси снова нырнул под щит. Теперь кожа поистрепалась — там, где ракеты малва ударяли на протяжении сражения. Но это по крайней мере сработало, как надеялась Антонина. Даже одна ракета, которая взорвалась, ударив по щиту, практически не принесла вреда. Пять гребцов получили ранения, но ни одного серьезного.

— Мы сделаем по-старому! — закричал Вахси.

Он схватил копьё и стал выкрикивать новые приказы. Гребцы подвели судно к борту корабля малва. Аксумиты тут же достали крюки, чтобы цепляться за борт вражеского судна, и приготовили десантные трапы.

Антонина начала возражать. Это сражение с флотилией малва отвлекало их от цели. Они могли выйти из боя и все еще добраться до Харка задолго до того, как флотилия малва доставит тревожную весть. Последним, чего она хотела, были тяжелые потери аксумских сил во время abordаж.

Но возражения умерли у нее на губах. Одного взгляда на лицо Вахси оказалось достаточно. Командующего сарвом Дакуэн охватила ярость битвы. Боже, он возьмет эти суда — и неважно, как.

Антонина бросила взгляд на Усанаса. Аквабе ценцен пожал плечами.

Пушки, из которых сделали по последнему выстрелу картечью, быстро отводили в сторону, чтобы освободить места у палубных оградений. С Вахси во главе дюжины аксумских солдат перебросили крюки через проем между судами и начали атаковать борт корабля малва. Их воинский клич «Тааха Мариам! Тааха Мариам!» звучал с истинной жаждой крови.

— Забудь об этом, Антонина, — сказал Усанас. — Если бы здесь был Эзана...

Усанас бросил взгляд на другие корабли малва. Он уже видел, как аксумские солдаты их флотилии тоже готовятся к abordажу. И почти не слышал безжалостные слова:

— Тааха Мариам! Тааха Мариам!

Он повернулся назад к Антонине.

— Эзана всегда был более хладнокровным. Но я не уверен, смог ли бы он сдержать сарвенов. Особенно после того, как сражение зашло так далеко. В Аксумском царстве самый яростный военно-морской флот в Эритрейском море.

Антонина вздохнула и прислонилась к одному, из удерживавших щит шестов. Ее лицо покрывал пот и полосы, оставленные орудийным дымом. Внутренняя часть скрытого щитом носа, в жаркий день в середине осени, напоминала плавильную яму.

— Ну тогда давай просто надеяться, — пробормотала она.

— Расслабься, — Усанас изучал ее умными глазами. — Ты думаешь о другой операции, когда брали на abordаж, не так ли? Когда мы — Велисарий и его товарищи — разбили арабских пиратов, которые пытались штурмовать наш корабль?⁴⁰

Антонина устало кивнула. Усанас успокаивающе похлопал ее по плечу.

— Расслабься, говорю тебе.

Усанас замолчал на мгновение, прислушиваясь к звукам битвы, долетавшим с верхней палубы. Затем добавил очень спокойно:

3-й антифранцузской коалиции. Английский флот адмирала Нельсона разгромил франко-испанский флот, что обеспечило господство английского флота на море.

⁴⁰ См. роман Д. Дрейка и Э. Флинта «Окольный путь».

— Здесь есть четыре отличия. Во-первых, тогда арабы столкнулись с большой силой йетайцев, которые сопровождали господина Венандакатру. На этих же торговых судах только несколько опасных ублюдков. Во-вторых, у арабов не было картечи, чтобы расчистить себе путь на палубу. Половина из них умерла до того, как они вообще добрались до палубных ограждений. В-третьих, там действовали пираты, а не аксумские военные моряки. Наконец...

Появилась широкая улыбка. Во мраке под щитом она показалась Антонине маяком.

— И наконец — глупая женщина! — у этих жалких ублюдков из малва нет твоего мужа, чтобы спасти их шкуры. Или меня, — добавил он скромно. — В особенности меня, если подумать. — Усанас схватил огромное копье и стал прыгать вокруг, изображая выпады и удары. — Я был ужасен. Сама ярость! Демон из ада!

Антонине удалось улыбнуться. Несмотря на мрачные мысли, кривлянье и ужимки Усанаса развеселили ее. Находясь рядом с Усанасом, было невозможно долго предаваться унынию.

Внезапно звуки битвы изменились. Антонина быстро высунула голову из-под щита и посмотрела вверх.

Мгновение спустя солдаты и кшатрии малва стали прыгать за борт. За их собственными криками страха следовал убийственный воинский клич — «Тааха Мариам! Тааха Мариам!». Один из прыгающих малва, в ужасе неправильно оценив расстояние, приземлился на палубном ограждении флагманского корабля Антонины. Казалось, его тело развалилось пополам не более чем в десяти футах от нее. Звук от удара был такой, как будто в мешке с мусором переломились палочки. Антонина подумала, что у него сломана спина. Но это не имело значения. Даже до того, как ее телохранители Матвей и Лев достали оружие, Усанас бросился мимо нее и заколол упавшего моряка копьем. Огромный наконечник вскрыл его грудь и перекинул его за борт.

Она вытянула шею. Еще один — йеталец — прижался спиной к палубному ограждению и сражался с невидимым оппонентом. Менее, чем через две секунды, Антонина заметила его и увидела, как сквозь грудь йетальца проходит копье. Окровавленный наконечник вышел из спины на четыре дюйма.

Йеталец наполовину склонился через палубное ограждение от силы удара. Потом перегнулся и упал в море, копье осталось у него в теле.

Вахси показался у палубного ограждения, пытаясь схватиться за копье. Слишком поздно.

Лицо командующего сарвом Дакуэн исказила ярость. Он потряс кулаком над падающим телом йетальца.

— Это было мое лучшее копье! — заорал он. — Ты, вонючий... — Затем, казалось, все случилось одновременно — и тем не менее для Антонины так медленно, как что-либо из когда-либо виденного.

Лицо Вахси внезапно стало маской — не шока, а скорее простого удивления. Затем он летел по воздуху, парил над волнами, словно стал птицей. Ракета малва, которая попала ему прямо по позвоночнику, несла его в море, как чайку. На мгновение показалось, что он даже машет руками. Но Антонина, увидев, как пламя рвется из его спины, знала: этот человек уже мертв.

Горящий порох достиг боеголовки. Ракета взорвалась в тридцати ярдах от корабля и в пятнадцати над волнами. Самый большой кусок тела Вахси, который ударил по воде, был его правой ногой. Больше от командующего сарвом Дакуэн ничего не осталось, только облако крови и кусков плоти и костей,

— Боже праведный, — прошептала Антонина и повернула потрясенное лицо к Усанасу.

Аквабе ценцен сжал зубы. Затем, не говоря ни слова, схватил копье и понесся к веревкам в середине палубы, к которым были приделаны крюки, зацепившиеся за палубные ограждения вражеского корабля. Не прошло и нескольких секунд, как Антонина увидела его

уже на вражеском корабле.

Вначале она предположила, что Усанас просто выплескивает свою собственную ярость и удовлетворяет жажду битвы. Но затем, услышав его оглушительные крики, она поняла: он делает прямо противоположное. Аквабе ценцен брал командование в свои руки и отвлекал сарвенов от бессмысленной мести.

Фигурально оттаскивал, в некоторых случаях. Антонина увидела, как Усанас лично толкнул трех аксумских моряков к палубному ограждению. Ему даже потребовалось стукнуть одного из них по голове древком копья, чтобы парень стал карабкаться по веревкам вниз на аксумское судно.

Кровь начинала капать с бортов корабля. Антонина не хотела думать о бойне там. В лучшие времена аксумские сарвены были страшны в сражениях. А теперь, после того как убили командующего их полком, они воплощали в себе саму ярость.

— Какая потеря, — сказала она. — Какая бессмысленная потеря. — Антонина уставилась на океан, где исчез Вахси — то, что от него осталось. Она знала: нет смысла искать куски его тела. Рыбы доберутся до них раньше, чем люди смогут их извлечь. Антонина вытерла лицо, размазав пот, дым и слезы.

— Какая потеря, — прошептала она снова. — Какая глупая, глупая, глупая потеря.

Усанасу потребовалось пятнадцать минут, чтобы согнать аксумских солдат с корабля малва. К тому времени все малва были давно мертвы, за исключением нескольких, которые смогли найти укрытия в трюме. Усанасу пришлось силой удержать дюжину сарвенов от потери времени на поиски в грузовом отсеке.

По его приказу два аксумских судна оторвались от корабля малва и начали грести к другим судам, которые брали на абордаж. И вскоре аквабе ценцен призывал прекратить сражение уже там.

Это оказалось нетрудно. Штурмовали все пять судов малва. Как и предсказывал Усанас, грузовые корабли малва не были соперниками аксумитам.

Усанас разумно не сказал ничего о смерти Вахси, пока аксумский флот не восстановил курс к Персидскому заливу. Пять судов малва остались позади, покачиваясь на волнах. К ним уже приближались арабские суденышки.

Когда новость распространилась от одного судна к другому, Усанасу пришлось заново устанавливать власть. Он был вынужден лично посетить один корабль, команда которого состояла из людей из сарва Дакуэн, и разбираться с экипажем, который почти вышел из подчинения.

— Проклятые дураки, — рявкнул он Антонине после того, как вернулся назад на флагманский коарбль. — Они собирались возвращаться, чтобы проверить, все ли малва мертвы.

Антонина посмотрела на сгрудившиеся суда малва, теперь уже в нескольких милях позади. Арабские суденышки были привязаны вокруг, подобно миногам.

Она покачала головой.

— Это...

— Глупо! — взревел Усанас. Аквабе ценцен гневно показал на суда малва, которые теперь кишели арабами. — Что они думают сделать? Арабы выполняют всю работу. — Он гневно посмотрел за корму. — Спрятавшимся в трюмах малва прямо в эти минуты, когда мы говорим, перерезают глотки.

Антонина скорчила гримасу.

— Их необязательно убьют. Арабы могут схватить их, чтобы...

— Еще лучше! — заорал Усанас. — Еще лучше! Мы порадуемся перед сном, думая, как рабы малва таскают воду для бедуинок.

Он покачал головой.

— Но им так не повезет, поверь мне. Эти корабли направлялись в Индию, Антонина. Они нагружены трофеями из Персии. Сарвены кое-что прихватили, но большая часть

осталась. Эти арабы теперь — самые богатые люди в Хадрамауте. Зачем им какие-то паршивые рабы малва? Они могут купить гораздо лучших дома. — Он провел по горлу. — Корм рыбам, и все.

Усанас склонился на палубное ограждение и сжал дерево крепкими руками. Злость ушла из его глаз, ее заменила печаль.

— Какая потеря, — пробормотал он. — Какая глупая потеря. И все ради какой-то вонючей флотилии, которую мы просто случайно встретили на пути.

Он грустно потряс головой.

— Мы не можем провести погребальный обряд. Ничего не осталось. — Антонина положила руку на плечо Усанаса и сильно потрясла.

— Это также глупо. Конечно, мы можем провести погребальный обряд. Мы же не язычники, Усанас. — Самое любимое выражение мужа пришло ей на ум. — В конце только душа имеет значение. Мы можем молиться за душу Вахси — и души других умерших.

Усанас вздохнул и опустил голову. Затем фыркнул.

— Каких других умерших? — На мгновение почти появилась его обычная широкая улыбка. — Вахси — единственный. По крайней мере, погиб только он.

У Антонины отвисла челюсть. Увидев ее выражение, Усанасу удалось изобразить слабую и бледную улыбку.

— Я говорил тебе, женщина, — он поднял голову и ухмыльнулся, глядя на скрывающиеся вдали суда малва. — Овцы в руках аксумских моряков. Ничто, кроме овец. Единственные раны были нанесены йетайцами, да и у них не особо получалось. Нет в мире солдат, Антонина, которые были бы лучше аксумских сарвенов в ближнем бою во время взятия вражеского судна на abordаж.

Усанас потер лицо. Жест был грустным, не усталым.

— Даже ракету, которая убила Вахси, выпустили случайно. Группа кшатриев пыталась повернуть желоб, чтобы встретить атакующих. Запал был зажжен — одного из них убило копьем — он пошатнулся, упал и подтолкнул желоб с ракетой вбок...

Усанас махнул рукой.

— Глупо, — пробормотал он. — Одна из тех глупых, бессмысленных смертей, которые случаются в битве. Вот что это было. И все.

Смерть Вахси стала чем-то большим, когда на следующий день проводили поминальную церемонию. К тому времени, после того как сотни аксумских солдат шептались всю ночь, саравит пришел к своим собственным выводам.

Поверхностное сознание Антонины, слушающей заунывные песнопения, считала происходящее абсурдным. Среди солдат имелись барды, конечно любители, но тем не менее дело они делали хорошо. Но только часть души женщины, причем небольшая часть, считала услышанное абсурдом.

Душа, которая находилась в центре нее, не судила солдат за придуманный ими миф. Не выражала недовольства. Как Антонина знала, к тому времени, как экспедиция вернется в Аксумское царство, Вахси уже войдет в военные легенды Африки. Его смерть, смерть полководца во время великого морского сражения, станет славным подвигом.

Она не выражала недовольства сарвенам из-за этих легенд. Она не стала бы выражать недовольства, даже если бы сама не стояла во главе экспедиции, которая направлялась спасти ее мужа от гибели.

Но поскольку она являлась тут главной и шла спасать своего мужа, то определенно не намеревалась начинать ораторствовать, мелочно придирается, настаивая на истине. Пусть этим занимаются историки и букинисты будущего.

Усанас высказал ее мысли вслух.

— Мне жаль бедных малва в Харке, — произнес он весело, когда они с Антониной слушали песнопения. — Эта глупая смерть превратила хитрый маневр по разрушению материально-технического обеспечения врага в крестовый поход. Теперь аксумиты будут

штурмовать врата ада.

Глава 31

Харк.

Осень 532 года н.э.

Когда капитан подразделения, охраняющего северо-восточные ворота Харка, наконец смог точно определить национальную принадлежность надвигающихся войск, он совсем не почувствовал себя счастливым.

— Дерьмо, — выругался он тихо. — Кушаны.

Лицо лейтенанта, который стоял в трех футах от него, отразило тревогу капитана.

— Вы уверены?

Капитан оторвался от телескопа, который стоял на крепостном валу, и раздраженно посмотрел на лейтенанта.

— Взгляни сам, если мне не веришь, — рявкнул он и отошел от телескопа.

Лейтенант не пошевелился, чтобы занять его место. Он знал: невозможно спутать кушанов с кем-то еще после того, как они подобрались достаточно близко, чтобы рассмотреть детали в телескоп. Если и не по какой другой причине, то потому, что никто в Персии, кроме кушанов, не связывал волосы в хвост.

Капитан прошел к внутренней стене и склонился в бойницу. Дюжина его солдат стояли внизу, задрав головы и ожидая услышать новости.

— Кушаны! — сообщил он. — Зовите начальника караула! — заорал капитан. Затем еще громче: — И прячьте женщин!

Последний приказ не требовался. Солдаты уже суетились вокруг, собирая рабынь, которых батальон охраны силой принудил себе служить.

Не то чтобы этих женщин требовалось гнать. За исключением небольшого количества представительниц других национальностей, типичного для большого порта, эти женщины были персиянками и арабками. Некоторых взяли в плен во время разграбления Харка, когда малва впервые захватили порт. Других поймали та или другая карательные экспедиции, которые малва посылали грабить Месопотамию на протяжении последних полутора лет. Да, они ненавидели своих захватчиков. Но еще меньше желали быть захваченными солдатами, которые войдут в Харк после нескольких недель кампаний. Гарнизонные войска — мерзкие и жестокие, но по крайней мере они больше не свирепствуют и не буянят.

Пусть несчастные создания в военных борделях занимаются вновь прибывшими. Женщины, находившиеся на охраняемой территории, еще больше, чем их хозяева, желали оставаться вне поля зрения кушанов.

Удостоверившись, что необходимые незамедлительные меры предпринимаются, капитан стражи вернулся назад на пост. В его отсутствие телескопом управлял лейтенант.

— Хорошие новости, — объявил лейтенант, все еще глядя в телескоп. — Большая их часть — пленники. Вероятно, тысяч десять.

Капитан удовлетворенно заворчал. Да, это на самом деле хорошая новость. На самом деле отличная новость и по двум причинам.

Во-первых, это означало, что малва где-то одержали большую победу. Капитан испытал облегчение. После провала у Нехар Малки, за которым последовал год разочарований, и неверия в свои силы, командующие армии малва напоминали наполовину охромевших тигров, которые зализывали раненые лапы, пересчитывали сломанные зубы и выплескивали злость на подчиненных. Победа, как думал капитан, поможет избавиться от мрачной атмосферы.

Во-вторых, что было важно для непосредственного будущего, это означало: кушаны будут заняты. Рабы, которых поймали малва после первых легких побед в Месопотамии, давно заработались до смерти, за исключением женщин, которых держали для удовольствия армии. До тех пор, пока новых пленников не распределят по батальонам рабского труда и не

отправят работать, расширяя гавань, кушаны потребуются для их охраны. Это означало, что у них не будет свободного времени, чтобы отправляться искать лучших женщин и вино, которое спрятали гарнизонные войска. Им придется удовлетвориться потрепанным товаром в борделях и уксусом, который сходил за вино в казармах.

Капитан видел, как авангард кушанов подходит к воротам. Основная часть кушанов и их пленников находилась не более чем в двухстах ярдах.

Капитан повернулся в поисках начальника караула. Болван должен был уже прийти, чтобы приказывать открывать ворота. Вместо этого капитан заметил, как солдаты стоят у осадного орудия, установленного на огромной, приделанной к стене платформе. Как и всегда, орудие было направлено в пустыню. К этому времени расчет орудия уже явно зарядил его картечью. Один из солдат уже вынимал раскаленный прут из печи. Загнутый кончик прута раскалился докрасна, готовый к вставлению в специальное отверстие.

Капитан злобно закричал на солдат. Его слова не были приказами. Их даже трудно было разобрать. Просто поток ругательств. Солдат быстро остудил прут в стоявшем рядом ведре.

— Чертовы идиоты! — рявкнул капитан. Рядом с ним лейтенант согласно кивнул.

— Как раз то, что нам надо, — проворчал лейтенант. — Чтобы какой-то глупый осел выпустил картечь в пару тысяч кушанов.

Лейтенант направился к лестнице и стал спускаться вниз.

— Я схожу туда, — сказал он. — Проверю, чтобы не было других полоумных, выпущенных на свободу. — Его голова скрылась за стеной. — Кушаны! — послышался его голос.

И снова капитан стал искать начальника караула. Увидев солдата, которого он послал за ним, стоявшего внизу в одиночестве, он выругался себе под нос. Солдат посмотрел вверх, развел руками и пожал плечами.

«Еще даже солнце не зашло, а этот ублюдок уже напился».

Капитан вздохнул. Он ненавидел брать на себя ответственность за что-либо, в особенности за открывание городских ворот. Но...

Он посмотрел на приближающиеся войска.

«Кушаны. Разгоряченные, усталые, испытывающие жажду, желающие женщин — и они только что одержали победу. Если я не открою эти ворота, то они перелезут через стены и...»

Мысль была слишком мрачной, чтобы думать ее дальше. Капитан выкрикнул новые приказы. К тому времени, как прибыл авангард кушанов, ворота открыли. По крайней мере достаточно широко, чтобы пропустить дюжину всадников. Потребуется еще минута, чтобы отвести в сторону огромную, тяжелую створку.

К удивлению капитана командующий кушанов, едва спешившись, тут же стал взбираться по лестнице. Капитан ожидал, что он присоединится к своим товарищам у колодца внизу. Стражники уже курсировали среди вновь прибывших, разбавляя воду из колодца вином, разливаемым из амфор. Делая все возможное, чтобы умиротворить вновь прибывших, которые прекрасно знают, что у гарнизонных войск где-то спрятано хорошее вино. Надо надеяться, что кушаны удовлетворятся гостеприимством и не пойдут искать погребя.

— Ну давайте будем гостеприимны, — пробормотал капитан себе под нос, отправился навстречу кушану, который взбирался на крепостной вал, и вытянул руки. — Великая победа! — закричал капитан, улыбаясь от уха до уха.

Кушан ответил улыбкой на улыбку.

— Лучше, чем ты думаешь, — сообщил он. И гордо показал на приближающуюся массу пленников. — Это римляне. Люди Велисария! Мы разбили их шесть дней назад. Разгромили их! Мы даже захватили их лошадей.

Капитан задумался, увидев, столько пленников сидит на лошадях. Большинство шло

пешком, связанные длинными цепями, но по крайней мере четыре тысячи пленников оказались привязаны к седлам.

«Если бы я был одним из этих римлян, я бы тоже не пытался убежать. Пусть будет проклята лошадь. Как раз в стиле этих сумасшедших кушанов устроить игру, охотясь за тобой. Порезать тебя вместе с твоей лошастью, а потом притащить за твои же кишки. И вероятно, и лошадь тоже».

Предводитель кушанов крепко обнял капитана. Хватая ртом воздух, но не смея жаловаться, капитан стал изучать ближайших пленников. Первые ряды теперь находились в тридцати ярдах от ворот. Впереди ехали два высоких человека. Один из них был огромным, просто гигант.

Капитан скорчил гримасу.

«Как я рад, что не мне пришлось ловить это чудовище! Спасибо за то, что я сижу в гарнизоне».

К облегчению капитана, кушан разжал медвежьи объятия и показал на ближайшую платформу с орудием.

— Вы все загасили? — спросил он. Улыбка кушана стала менее дружелюбной. — Мы не хотим никаких несчастных случаев, а? — Улыбка стала очень холодной. — Мы даже не станем искать ваших женщин. После того, как мы закончим, ты сможешь засунуть дуло этого орудия себя в задницу.

Капитан быстро покачал головой. Заверения полились у него изо рта. К его облегчению, на лицо кушана вернулась дружеская улыбка.

— Достаточно сказано! — воскликнул кушан. Он схватил капитана за руки и успокаивающе их сжал.

Первые пленники добрались до ворот. Их проводили шеренгой по десять человек, кушанские охранники шли по обоим бокам. Как заметил капитан, гигант в первом ряду на самом деле был гигантом. Человек рядом с ним казался карликом, хотя самого по себе его никто не подумал бы называть маленьким.

Капитан принял быстрое решение.

— Послушай, — сказал он тихо, заговорщически. — Приходи... — Он посмотрел на горизонт. Солнце почти село. — Сегодня ночью, после того, как стемнеет. Если хочешь, приводи с собой нескольких офицеров.

Он дружелюбно и похотливо улыбнулся кушану.

— У нас для вас будет несколько свежих молодых женщин. — Он собрался весело пожать плечами, но кушан все еще держал его руки. — Ну, конечно, они не совсем свежие...

Теперь пленники потоком заходили в ворота, распространяясь по ровному участку внутри стен. Колонна едва протискивалась в ворота, несмотря на их ширину. Кушаны безжалостно гнали пленников, подобно человеческому наводнению.

— Но они лучше, чем сломленные шлюхи в борделях, — сказал капитан и, посмеиваясь, добавил: — На прошлой неделе половина экипажа грузового судна воспользовалась одной из сук до того, как они заметили, что она мертва.

Он снова засмеялся. Кушан присоединился и хохотал громко. Очевидно, он находил рассказ таким смешным, что никак не мог выпустить и прекратить сжимать руки капитана. Кушан был очень сильным. Капитан начал морщиться.

Потом гримаса перешла в хватание ртом воздуха. Лошадь ударила его в живот. Капитан не мог понять, откуда появилась лошадь.

Он стоял на коленях. Он не понимал, как оказался в таком положении. И увидел, но не понял, как меч оказался в руке кушана.

Меч шевельнулся. Зрение капитана затуманилось на мгновение, словно его крутило и мотало в бочке. Он слышал приглушенные и неясные звуки, как будто крики и вопли, идущие через слой шерсти.

Когда зрение капитана сфокусировалось, его щека прижималась к камню. В нескольких футах от него кровь вытекала из шеи обезглавленного трупа. Звук был тихим, ритмичным.

Всплеск. Всплеск.

У него было время до того, как все погрузилось во тьму, понять, что он смотрел на собственное тело.

Глава 32

— Я вначале подумал, что ты действовал слишком быстро, — сказал Велисарий. Он закончил стирать кровь с меча и бросил тряпку в угол комнаты. Потрепанный кусок материи, оторванный от туники солдата малва, приземлился с хлюпающим звуком на большую гору себе подобных. Из-под мрачной горы тряпок по каменному полу медленно растекалась лужа крови, отражая свет с ламп на стенах. Это был большой пол. Помещение когда-то служило залом для приемов наместника в Харке, до того, как малва превратили его в свой штаб. Но даже этот пол теперь был наполовину запятнан. Кровь, натекающая с груды тел в одном углу, практически соединилась с лужей, натекающей с тряпок. Васудева пожал плечами.

— Я планировал подождать, пока все не войдут в ворота. Но всегда оставалась опасность, что кто-то заметит странность, и кроме того...

Он снова пожал плечами. Кутзес, сидевший за ближайшим столом, закинув на него ноги, весело рассмеялся.

— Признай это, степной маньяк! — Молодой сирийский военачальник поднял кубок и поприветствовал им кушана. — Ты просто не мог устоять! Как волк, у которого в зубах ягненок, пытается противостоять искушению.

Кутзес осушил кубок одним глотком. Затем скорчил гримасу.

— Боже, терпеть не могу простую воду.

Но Кутзес даже не взглянул на амфоры, выставленные в ряд на полке на ближайшей стене. Велисарий в предыдущий день отдал самые драконовские приказы относительно потребления алкоголя. Полководец раньше видел, что случается с армией, штурмующей город, если солдаты вдруг начинают пить. В такое время итак тяжело контролировать войска, как и управлять ими, даже если они абсолютно трезвы. Важно — обязательно! — чтобы Харк оставался неповрежденным, пока римская армия не будет готова уйти. Пьяные солдаты, не считая многочисленных других преступлений, неизбежно что-то поджигают. Если позволить огню распространиться в Харке с его большим арсеналом пороха, результатом определенно станет разрушение.

Велисарий вставил меч назад в ножны.

— Я не критиковал, — мягко сказал он. — После того как я понял, с противником какого калибра ты столкнулся, я только удивился, что ты так долго ждал.

В дверь вошел Бузес. Его меч все еще оставался в руке, но лезвие было чистым. Несколько струек указывало, что меч использовался, но определенно не последние несколько минут.

Брат Кутзеса яростно хмурился.

— Где они нашли этот мусор? — спросил он. — Неужели они собрали всех сутенеров в Индии и расквартировали их здесь?

Он казался искренне опечаленным.

Прислонившийся к ближайшей стене Маврикий усмехнулся.

— А чего ты ожидал, парень? — он мотнул головой на север. — Все солдаты, достойные называться солдатами, маршируют вдоль Евфрата, готовые сражаться с Хусрау. Малва, вероятно, решили, что в месте, укрепленном, как это, в гарнизоне можно оставить любого, кто способен ходить.

— Некоторые из них даже ходить не могли! — рявкнул Бузес. — Половина гарнизона уже была пьяна до того, как мы начали атаку. А солнце еще даже не зашло! — Он нахмурился так, что его лицо стало напоминать звериный оскал. — Теперь они определенно не станут ходить. Никогда.

— Мне бы хотелось получить как можно больше пленников, Бузес, — сказал

Велисарий. Как и раньше, говорил он спокойным тоном.

«Да, — согласился Эйд. — Чем больше солдат мы сможем выгнать за ворота, тем больше ртов придется кормить Линку. Когда их нечем будет кормить».

Бузес покраснел от подразумеваемого укора.

— Я пытался, полководец, — он быстро просяще посмотрел на других военачальников в зале. — Мы все пытались. Но...

Маврикий отлепился от стены резким движением и сделал два шага вперед. Бузес вздохнул с облегчением.

— Забудь это, полководец, — резко сказал Маврикий. — Если к завтрашнему утру для отправки в пустыню найдется пятьсот представителей этого сброда, я сильно удивлюсь. Этой ночью пощады для малва не будет. Не после того, как люди обнаружили камеры пыток и бордели. Все жрецы Махаведы и махамимамсы, которые умерли от меча, могут считать себя счастливыми. Люди тащат большинство из них в камеры пыток, чтобы дать им испытать на себе их собственные удовольствия. — Вместе со всеми солдатами, которых они поймали поблизости от борделей, — проворчал Кутзес. — Боже!

Велисарий не стал спорить по этому вопросу. Он сам видел один из борделей.

Римские солдаты, если мягко выразиться, не были самыми нежными людьми в мире. И слово «галантность» никто в здравом уме не стал бы с ними ассоциировать. Любой римский ветеран — а теперь они все стали ветеранами — проводил время в работающих для солдат борделях, заглядывая в дешевые публичные дома за несколькими минутами удовольствия.

Но сцена в там борделе была видением из кошмарного сна.

Кошмарного сна, от которого бы проснулся и Сатана, дрожащий и потрясенный. Длинные ряды женщин — вероятно девушек, хотя определить их возраст не представлялось возможным — лежали там, прикованные цепями и распростертые на тонких настилах.

Временами, судя по остаткам влаги, их поливали водой из ведра, чтобы немного отмыть. Все женщины были больны, у большинства появились пролежни, многие умирали, некоторые уже отправились на тот свет.

Нет, римские солдаты не были теми, кого в более поздние времена назовут «рыцарями без страха и упрека». Но у них имелась собственная твердая концепция мужественности, и это не была концепция сутенеров и садистов. Все женщины в борделях оказались или персиянками, или арабками, как и женщины, с которыми эти солдаты имели дело с тех пор, как начали кампанию в Персии. Многие римские солдаты женились на их родственницах. Среди персов после начала завоевания малва название Харк стало синонимично жестокости и зверствам. Их римские союзники — и часто друзья, как и мужья — впитали эту идею за прошедшие полтора года. Теперь, увидев правду собственными глазами, они отомстят за Персию.

«И, кроме того, они провели последние шесть месяцев, сражаясь против раджпутов, — задумчиво сказал Эйд. — Невозможно не перенять у них хоть сколько-то рыцарства, даже самому грубому драчуну, которого взяли в армию с ипподрома в Константинополе».

Взгляд Велисария упал на груды трупов в углу. Тело командующего гарнизоном малва лежало сверху. Велисарий сам положил его туда, пронзив мечом сердце, после того как враг не успел достаточно быстро, заикаясь, объявить о сдаче.

На мгновение Велисарий пожалел о том ударе меча. Он мог разооружить противника. Но спас его от камеры пыток.

Он отмахнулся от этой мысли. Сделал глубокий вдох и подавил ярость, кипящую где-то глубоко внутри. Это не время для ярости. Если уж ему самому достаточно трудно контролировать ярость, то что говорить о ментальном состоянии его войск.

«Эту ярость нельзя остановить, — подумал Велисарий. — Но ее обязательно нужно контролировать».

Он повернулся к военачальникам. Все они смотрели на него. С уважением, но прямо в лицо.

Велисарий заставил себя улыбнуться.

— Я не спорю по этому вопросу, Маврикий. Но если это выйдет из-под контроля, если люди...

— Не беспокойся об этом, — резко перебил Маврикий и покачал головой. Он показал на ряд выставленных на полке амфор. — Насколько мне известно, это — единственное оставшееся в Харке спиртное, которое не разлили по улицам. Чаще всего люди сами от него избавляются, даже до того, как им прикажут. Никто не хочет, чтобы кто-то из малва убежал, поскольку какой-то ублюдок оказался слишком пьян, чтобы их заметить. Что касается женщин...

Он пожал плечами. Кутзес спустил ноги со стола и прошелся к полке. Когда он начал снимать амфоры с полки и выбрасывать на ближайшую улицу, то сказал:

— Единственная проблема, полководец, заключается в том, что любая женщина в Харке, которой удалось не попасть в бордель — если она оказалась при гарнизоне или с каким-то офицером — бросается сегодня ночью на римских солдат. — Первые звуки разбивающихся на улице внизу амфор долетели до них. — Не могу их винить. Они сделают все, чтобы выбраться отсюда. И я бы сделал.

Покончив с последней амфорой, он повернулся назад и улыбнулся.

— Даже если бы это означало носить кличку Кутзес-На-Содержании-У-Педераста до конца жизни.

Велисарий усмехнулся вместе с другими офицерами.

— Хорошо, — сказал он. — Меня это не волнует. Я знаю: мои солдаты — не святые или не монахи. К завтрашнему дню к нашим войскам привяжется обычная компания, которая следует за армией. Пока к женщинам относятся прилично и люди не пьют, я удовлетворен. Когда мы будем уходить, то заберем с собой женщин. Тех, кто захочет, мы постараемся воссоединить с семьями.

— У большинства из них не осталось семей, — заметил Бузес.

— За исключением нас, — добавил Маврикий.

Серые глаза хилиарха были мрачными, как смерть. Он большим пальцем показал на окно. Теперь, после того как звуки разбивающихся амфор прекратились, снова слышались крики.

— Говорю тебе, полководец, — расслабься. Это не звуки города, разграбляемого вышедшими из-под контроля войсками, насилующими, пьющими и поджигающими все подряд. Это просто звуки, производимые палачом, делающим свое дело.

Через мгновение Велисарий кивнул. Он решил, что Маврикий прав. Сфокусированную ярость армии он мог контролировать.

Он хлопнул в ладоши. Резкий звук отдался эхом в помещении и тут же привлек внимание офицеров.

— Тогда давайте займемся остальным, — он повернулся к Васудеве. — Как дела с судами?

Васудева погладил волосы. Удовольствие, которое он явно получал от поглаживания длинных волос, почти заставило Велисария рассмеяться.

— Последняя информация, которую я получил от Кирилла — примерно полчаса назад, — заключалась в том, что все грузовые суда захвачены. За исключением одного, которому удалось уйти от причала до того, как до него добрались греки. Конечно, большинство галер тоже ушли. — Кушан пожал плечами.

— Не было способа остановить суда до того, как они добрались до галер, патрулирующих выход из гавани. Поэтому Кирилл их не тронул. Как он говорит, у нас в любом случае больше судов, чем нужно, а он не хотел рисковать взрывом или дрейфующим, охваченным огнем судном.

— Боже, нет! — воскликнул Бузес. Молодой офицер слегка содрогнулся. Харк был городом из камня и кирпича. Он не сгорит быстро и легко, если сгорит вообще. Но он также являлся гигантской пороховой бочкой — в нем хранились боеприпасы для планируемого малва покорения Персии.

— Греки еще не обыскивали суда, — продолжал Васудева. — Хотя, как я предполагаю, к этому времени они, вероятно... — Он замолчал, услышав шаги. Затем махнул рукой. — Но пусть он сам нам расскажет.

В дверь заходил Кирилл. Как только он вошел, его взгляд упал на груды трупов в углу.

— Слишком легко отделались, свиньи, — пробормотал он. Потом повернулся к Велисарию и сказал: — Мы начали поиски. Все выглядит хорошо. К счастью для нас, никто из жрецов не находился на судах.

Велисарий боялся этого больше всего. Некоторые из огромных кораблей, стоявших на причале в гавани, были нагружены порохом. Фанатичный жрец на борту одного из них, если бы не сомневался в захвате, поджег бы груз. Взрыв вполне мог бы разрушить гавань, и вместе с ней — путь к отступлению для римлян.

— Больше ничего? — спросил полководец. Кирилл улыбнулся.

— На борту находились только матросы. После того как мы штурмовали несколько судов, остальные стали договариваться о сдаче. После того как мы удостоверились, что все суда стоят у причалов и должным образом закреплены...

Его улыбка была такой же мрачной, как глаза Маврикия.

— Мы предложили им новые условия сдачи. Их они не обрадовали, но... — Он пожал плечами. — Их возражения длились недолго.

По залу снова прокатился смех. К нему присоединился даже Велисарий. Этой ночью ни для кого из малва не будет пощады. Даже если бы собака залаяла на хинди, то ее бы зарезали.

Велисарий повернулся к Бузесу. Без подбадривания молодой фракийский офицер подошел к окну и показал на стены за ним. Жест в некотором роде был бесполезным. До рассвета все еще оставалось много времени. Тьма никем и ничем не нарушалась, за исключением медленно передвигающихся римских подразделений, которые несли факелы и искали места, где могли спрятаться малва.

— Все осадные орудия захвачены. Я двадцать минут назад разговаривал с Феликсом. — Он наполовину виновато бросил взгляд через плечо на Кирилла. — В отличие от греков, у которых много моряков, у Григория нет никого, кто бы раньше стрелял из орудий такого размера. Поэтому он сохранил жизнь где-то двум дюжинам артиллеристов малва. Феликс говорит, что они выбалтывают все, что знают, быстрее, чем наши спрашивают.

— Хорошо, — проворчал его брат. — К завтрашнему утру мы сможем сделать несколько пробных выстрелов. И использовать малва в качестве ядер.

И снова дикий смех наполнил комнату. И снова к нему присоединился Велисарий.

И даже Эйд.

«Почему нет? Англичане это делали во время сипайского восстания⁴¹. В отличие от них у нас даже есть приличный повод».

Кровожадная аура этой мысли не удивила Велисария. Он только задумался на мгновение об обширности Вселенной, которая может производить, через миллиарды лет, такие чудеса, как кристаллическое сознание, научившееся людскому гневу.

Его взгляд вернулся на Васудеву. После того как кушан стал служить Риму, Велисарий научился использовать его навыки и сделал Васудеву своим заместителем по вопросам материально-технического обеспечения. Васудева был таким же умелым и опытным в этой сложной работе, как Маврикий на поле брани.

Васудева подергал свою козлиную бородку.

— Конечно, еще везде бардак. И будет по крайней мере до завтрашнего вечера. Но меня это не волнует.

⁴¹ Сипайское восстание (1857-1859 гг.) — восстание против английского колониального господства в Индии. Жестоко подавлено.

Он развел руки, очень широко, словно обнимал любимого, но тучного друга.

— Здесь в гарнизоне постоянно было расквартировано пятнадцать тысяч человек. Если взять их запасы и огромные запасы для основной армии, то малва подарили нам сокровище. На самом деле нам не нужно ничего особо организовывать. Просто взять, что нам требуется, загрузить на суда и быть готовыми к отплытию, когда придет время. Это займет не более трех дней.

— К тому времени армия малва должна вернуться сюда, — высказал свое мнение Кирилл. — По крайней мере, их первые подразделения. Достаточно, чтобы окружить и обложить город.

Маврикий сжал кулак и осмотрел костяшки.

— Это будет слишком поздно. Слишком поздно. Еще два дня, и мы сможем удерживать Харк против них. По меньшей мере три недели. Полтора месяца меня удивят. Хотя я не хочу думать о наших потерях к тому времени.

Теперь все глаза уставились на Велисария. Он улыбнулся. Широко, не хитро. Вся ярость и гнев исчезли, когда он вспомнил другую — более глубокую — сторону жизни.

— Она придет, — сказал Велисарий. — Она придет.

Глава 33

Тигр.

Осень 532 года н.э.

Господин Дамодара лишился услуг Шанги только на десять дней. Утром десятого дня царь раджпутов широкими шагами вошел в шатер Дамодары и вывалил правду на стол главнокомандующего.

Дамодара уставился на предмет, который лежал перед ним. Он также почувствовал, как сидевший сбоку Нарсес дернулся от удивления. Мгновение спустя евнух зашипел.

«Правда» была шлемом. Большим, тяжелым, уродливым, неуклюжим соединением стальных пластин. Готский шлем, как смутно догадался Дамодара.

— Мы обнаружили небольшую гору этих шлемов, — сказал Шанга. — Вместе со всем остальным обмундированием, которое носили эти наемники.

Дамодара поднял глаза.

— Где?

Шанга гневно посмотрел на шлем.

— Ты помнишь небольшую долину, которую мы проходили, где персы занимались горнодобычей? — Он фыркнул. — Я помню, что обратил внимание, насколько свежи следы разработок. В то время на меня произвели впечатление смелость и целеустремленность персидских шахтеров — работали до последней минуты, когда война бушевала над их головами.

— Туннель! — объяснил Нарсес. — Там был туннель. Штольня. Вход в шахту.

Шанга покачал головой.

— Нет там шахты, Нарсес. Они изменили первые несколько дюжин ярдов, чтобы это выглядело, как шахта, но на самом деле там находится вход в кванат. — Шанга показал пальцем на шлем. — Мы нашли их примерно через пятьдесят ярдов от входа. Лежали в куче, как я и сказал. Нам потребовался час, чтобы разрыть вход и добраться до них. А там...

Он отодвинул стул и тяжело сел.

— С места, где лежали шлемы, и дальше след такой же четкий, как тот, по которому мы шли. Вся армия Велисария — я в этом уверен точно так же, как в собственном имени — воспользовалась тем путем. Они скрылись из виду под землей и отправились на юг. Вероятно, они вышли на поверхность в многих милях отсюда, в другой долине. Персидские союзники явно приготовили для них свежих лошадей.

Рана Шанга шлепнул ладонью по карте.

— Именно поэтому Велисарий всегда позволял нам двигаться на север, но был таким

упрямым соперником на юге. Он защищал месторасположение туннеля. Вероятно, им потребовались недели — месяцы, — чтобы все подготовить, даже с помощью персов. Велисарий не мог позволить нам наткнуться на секрет случайно, в процессе маневров.

Глаза Дамодары были широко открыты. Он практически подавился следующими словами.

— Ты говоришь мне, что... — он вяло махнул рукой, словно пытаясь включить все время и пространство. — Все, что мы делали, на протяжении месяцев — все маневры и сражения — даже битва на перевале — все было обманным маневром?

Шанга кивнул.

— Да, господин. Это все было обманным маневром. Да, Велисарий тянул время. Но он тянул время не для императора Хусрау или своего человека Агафия в Пероз-Шапуре. Он тянул его для себя. До того, как не пробьет час, и приготовления не закончат, и он не сможет ударить по своей истинной цели. Теперь, когда отступление императора Хусрау оттянуло на себя нашу основную армию из Харка, римлянин может нанести смертельный удар. Здесь, — сказал Шанга и пальцем ткнул в точку на карте. — В Харке.

Уже расширившиеся глаза Дамодары теперь просто вылезали из орбит.

— Это сумасшествие! — закричал он. — Харк — самое укрепленное место в мире! Даже когда там нет основной армии, гарнизон все равно по размеру равняется армии Велисария. Даже больше! Велисарий не сможет штурмовать Харк — пусть бы у него и были осадные орудия.

Нарсес перебил его. Говорил он сухо и холодно, подобно арктическому льду.

— А вы когда-нибудь слышали о троянском коне, господин Дамодара? — спросил он.

Господин из малва повернул голову и перевел неверящий взгляд на Нарсеса.

Старый евнух невесело рассмеялся.

— Неважно. Я расскажу вам эту историю как-нибудь в другой раз. Но вы можете мне в этом поверить, господин. Это...

Он показал пальцем на лежащий на столе шлем.

— Это троянский шлем, — Нарсес рассмеялся. В этом смехе слышались одновременно печаль и восхищение. — Боже, неужели в мире был еще один такой интриган? — Он снова рассмеялся. — Эти шлемы, господин Дамодара, говорят нам правду. Их бросили две тысячи готских наемников Велисария, после того как им больше не требуется маскироваться. Потому что эти люди никогда не были готами.

Наконец до Дамодары дошло. Его разум ухватил след. Глаза оставались расширенными. Челюсти сжались. Следующие слова он произнес сквозь стиснутые зубы.

— В армии, которую Велисарий разбил под Анатой в прошлом году, было две тысячи кушанов. Мы всегда предполагали, что их убили вместе с остальными.

Рана Шанга провел пальцами по густым волосам. Затем он тоже рассмеялся — и как и у Нарсеса, в его смехе смешались печаль и восхищение.

— Он воспользовался тем же самым трюком против нас в Индии, — задумчиво произнес Шанга. — Завоевал преданность кушанов, затем повел по ложному следу, чтобы кушаны могли выполнить за него нужную работу⁴².

Дамодара снова уставился на карту. Через мгновение его глаза сузились.

— Это все равно не имеет смысла, — тихо сказал он и постучал пальцем по месту, где находился Харк. — Я вижу, где Велисарий, используя кушанов, может попасть в Харк. И определенно после того, как он окажется внутри... — Дамодара фыркнул. — Его солдаты против гарнизонных войск будут подобны волкам в загоне для овец.

Господин из малва медленно поднялся и облокотился о стол. Его глаза перемещались взад и вперед между Шангой и Нарсесом.

— Но затем... Как он оттуда выберется?

⁴² См. роман Д. Дрейка и Э. Флинта «В сердце тьмы».

И снова Дамодара постучал пальцем по карте. На этот раз очень сильно, как обвинительным перстом.

— Наши основные силы все еще находятся не более чем в нескольких днях пути от Харка. До того, как Велисарий закончит свою разрушительную работу, его окружит самая большая армия в мире. Нет способа сбежать. Велисарий даже не может уплыть на грузовых кораблях, стоящих в гавани. Ему не прорваться сквозь защиту из боевых галер, стоящих у входа в гавань. И даже Велисарий, даже за этими укреплениями не продержится более нескольких недель против армии, когда ставки пятнадцать к одному. Самое большее, два месяца.

И снова он стукнул пальцем по карте.

— Это самоубийство! — воскликнул он. — Невозможно! — Шанга покачал головой.

— Почему, господин? Велисарий — один из самых смелых людей на Земле. Я бы положил свою жизнь за мою страну и честь. Почему бы ему этого не сделать?

Дамодара качал головой до того, как раджапут закончил говорить.

— Дело не в этом, Шанга. За честь и страну, да. Но за это? — Шанга уставился вверх на Дамодару, словно смотрел на единорога. Или кретина.

— Ты понимаешь, что сделает Велисарий? — спросил Рана Шанга, медленно произнося слова. — После того, как он окажется в Харке...

Дамодара злобно шлепнул ладонью по столу.

— Я не дурак, Шанга! Конечно, я знаю, что он сделает. Он разрушит всю нашу базу материально-технического обеспечения для вторжения в Персию. Он оставит сто пятьдесят тысяч человек без запасов еды и боеприпасов — и без средств для побега. Он обязательно разрушит флот, который стоит там на якоре. Конечно, он не сможет добраться до боевых галер, которые дежурят за пределами гавани, но даже если и смог бы... — Дамодара вскинул руки вверх. — Эти суда не вмещают более двух тысяч человек. Даже включая корабли, осуществляющие поставки по Евфрату, мы не сможем эвакуировать более...

Дамодара резко сел. Его лицо вытянулось.

— Это будет худшим военным поражением в истории. Смертельный удар, как ты и сказал. У нашей армии не будет выбора. Им придется пойти путем — только в другую сторону, — которым воспользовался Александр Македонский, когда отступал из Индии на запад. За исключением того, что у наших вообще не будет провизии и гораздо больше людей, которых нужно кормить и поить. Для Александра Македонского та дорога оказалась ужасной.

Дамодара мрачно уставился на карту. Его глаза смотрели на указанные на ней земли, граничащие с Персидским заливом. По правде, карта показывала очень мало, поскольку там не было ничего, что представляло бы военный интерес. Миля за милей голой, безводной местности.

Его взгляд метнулся вверх.

— Они даже не могут попытаться пройти назад по дороге, которой воспользовались мы, через плато. Мы слишком далеко на севере. Им придется прорываться сквозь армию Хусрау. И у них не будет возможности пополнить свои запасы пороха.

— Мы можем помочь, — быстро вставил Шанга. — Мы придем на выручку, нанесем удар и откроем для них путь в горную систему Загрос. Тогда... — Он замолчал. Шанга, в отличие от Дамодары, не был специалистом по материально-техническому обеспечению. Но он знал достаточно, чтобы понять: это безнадежно.

— Тогда что? — спросил Дамодара. — Армия такого размера — через Персидское плато и горную систему Гиндукуш? Нам самим было достаточно трудно, а у нас была четверть их количества и все продукты и боеприпасы, которые требовались.

Он снова уставился на карту.

— Нет. Нет. Если Велисарий нанесет тот удар, то он уничтожит армию из ста пятидесяти тысяч человек. Не более чем один из десяти доберется до Индии. Остальные умрут от жажды или голода или сдадутся в рабство.

И снова Дамодара ударил по столу. На этот раз обеими руками.

— Если! Если! — закричал он. — Это все равно не имеет смысла! Велисарий не станет платить такую цену!

Шанга начал говорить, но Дамодара махнул рукой, приказывая ему замолчать.

— Ты не думаешь, Шанга! — Дамодара подбирал слова, пытаясь объяснить. — Да, Велисарий может совершить самоубийство, чтобы нанести такой невероятный удар. Но я не думаю...

Он сделал паузу и несколько глубоких вдохов.

— Есть одна вещь, на которую я обращал внимание на протяжении этих последних месяцев — обращал внимание и восхищался, поскольку это качество, как мне хочется думать, есть и у меня самого: Велисарий не разбрасывается жизнями солдат. Некоторые полководцы относятся к своим людям, как пушечному мясу. Но не он.

Дамодара проницательно посмотрел на Шангу.

— Ты сказал, что отдал бы свою жизнь, царь Раджпутаны. Определенно за честь и страну. Но ради стратегического мастерского удара?

Он ждал. Шанга молчал. Дамодара пожал плечами.

— Возможно. Возможно. Но станешь ли ты также приговаривать десять тысяч человек?

Шанга отвернулся.

— Я так и не думал, — тихо сказал Дамодара. — И Велисарий не станет.

Не было слышно ни звука на протяжении примерно полминуты. Затем Нарсес начал посмеиваться.

— Что смешного? — злобно спросил Дамодара. Шанга просто гневно посмотрел на евнуха.

Нарсес проигнорировал Дамодару. Он посмотрел на Шангу с легкой улыбкой и задал вопрос:

— Кому ты больше всего доверяешь в этом мире, царь Раджпутаны? Если бы твоя жизнь зависела от отрезания веревки, в чьих руках ты бы хотел видеть клинок?

— Моей жены, — последовал мгновенный ответ.

Нарсес улыбнулся. Секундой спустя глаза Шанги и Дамодары вернулись назад к карте. И еще через секунду полностью ушли с карты, словно где-то на полу они могли найти другую часть, на которой бы изображались Египет, Аксумское царство и Эритрейское море.

Они едва слышали слова Нарсеса. Все еще посмеиваясь, он продолжал:

— Теперь мы знаем — теперь мы, по крайней мере, понимаем. Почему Велисарий поставил свою жену во главе римской экспедиции в Египет и Аксумское царство? Помните? Мы думали об этом. Зачем рисковать ею? Любой из его лучших военачальников мог бы командовать той экспедицией. Но если от этого зависит твоя жизнь — твоя и еще десяти тысяч других — о, да. Тогда да. Тогда хочешь жену, и никого больше.

— Как человек может просчитывать все так далеко вперед? — прошептал Дамодара. — Но даже если он и может — как им скоординировать движение?

Шанга скрестил большие руки на груди и закрыл глаза. Затем медленно заговорил:

— Что касается первого, то ему не требовалось планировать все до мельчайшей детали. Велисарий — блестящий тактик, как и стратег. Он положился бы на себя, чтобы создавать возможности, где потребуется. Что касается другого, у них есть сигнальные станции. И...

Все следы гнева ушли с его лица. Его глаза открылись.

— Я часто замечал, как близко могут сходиться мысли мужа и жены. Не так, как мысли какого-то другого человека.

Шанга сделал глубокий вдох, затем выдохнул.

— Я считаю: Нарсес прав, господин Дамодара. В этот самый момент, как я думаю, Велисарий разрушает Харк. И в этот самый момент его жена ведет флотилию, чтобы разбить боевые галеры и отвезти мужа и его людей в безопасное место.

Царь раджпутов уставился на карту.

— Вопрос в том, что делать нам?

Он выпрямил руки и склонился над столом. Длинный сильный палец пошел вдоль по Тигру.

— Мы ничего не можем сделать, чтобы помочь. Но у нас сейчас есть одно преимущество — Велисарий больше не загораживает нам путь. Мы можем нанести удар на север, в Ассирию и...

— Нет!

Шанга в удивлении уставился на Нарсеса. Старый евнух редко ввязывался в чисто военные дискуссии. И даже тогда робко и с неуверенностью в себе.

Нарсес встал.

— Я говорю — нет. — Он посмотрел на Дамодару. — Эта армия — лучшая в империи малва, господин. Через месяц, самое большее два, это будет единственная армия малва, о которой имеет смысл говорить, к западу от реки Инд. Я прошу тебя, господин, не выбрасывать эту армию.

Нарсес показал пальцем на карту.

— Если вы отправитесь на север в Ассирию — то что потом? Да, определенно, вы можете там наделать шороху. Возможно, даже пройти в Анатолию. Но вы недостаточно сильны, только с одной вашей армией, чтобы покорить Персию или Рим. И ваша армия понесет тяжелые потери в процессе. Очень тяжелые.

Дамодара нахмурился.

— Тогда что ты предлагаешь, Нарсес? — Евнух пожал плечами.

— В настоящий момент ничего не делай.

Он бросил взгляд на Шангу. Царь раджпутов хмурился, но в выражении не было злобы. Он больше казался человеком, поставленным в тупик, чем кем-то еще.

— Ничего не делай, господин, — повторил Нарсес. — До того, как не прояснится ситуация. Кто знает? Император вполне может захотеть, чтобы ты вернулся в Индию как можно быстрее. Даже империя малва не в состоянии выдержать удар, который собирается нанести Велисарий, и не быть потрясенной до корней. Восстание на Деканском плоскогорье продолжается. Могут начаться другие. Очень скоро вы можете потребоваться в Индии, а не в Ассирии. А если так, то вам лучше вернуться в Индию...

Следующие слова были произнесены без какого-либо изменения интонации. Что сделало их только более весомыми.

— ...с лучшей армией в распоряжении династии малва. В целости и под вашим командованием.

Казалось, глаза Дамодары слегка расширились. Затем он опустил веки.

— Нарсес поднял важный вопрос, Шанга, — тихо сказал он после минутного размышления. — Я думаю, мы должны очень внимательно его рассмотреть.

Его глаза открылись. Господин выпрямился на стуле и отдал приказы.

— Пусть люди разбивают лагерь, Рана Шанга. На ближайшем берегу Тигра. Не постоянный, но и не походный. Мы можем простоять здесь несколько недель. И начинать приготовления к возможному маршу назад через плато.

Он снова прикрыл глаза.

— То, что говорит Нарсес, — правда. Кто знает, что принесет будущее? На самом деле мы можем потребоваться в Индии, и быстро.

Шанга колебался, возможно, секунду или две. Затем легко пожал плечами, встал и вышел из шатра.

Когда он ушел, Дамодара открыл глаза и посмотрел на Нарсеса. Это был взгляд Будды.

— Я думал о том, что мне сказал Велисарий, — спокойно произнес он. — Когда он поклялся: то, что он хочет обсудить с тобой с глазу на глаз, не принесет мне зла. Мне. Когда я вспоминаю это, то понимаю: это было очень тщательно сформулированное предложение. Ты согласен?

Нарсес тут же кивнул. Его лицо было таким же спокойным и лишенным выражения, как и у Дамодары.

— О, да, господин. Знаете ли, такова природа клятв. Они всегда очень специфичны.

Дамодара молча смотрел на него. Все еще как Будда.

— Да, это так, — пробормотал он. — Интересное наблюдение. — Он отвернулся и уставился в никуда. Его глаза казались лишенными выражения.

— В настоящий момент мы не будем ничего предпринимать, — тихо и задумчиво произнес он. — Я принимаю твой совет, Нарсес. Ничего в настоящий момент. Независимо от того, что принесет будущее, лучшая армия малва должна быть готова для... того, что потребуется.

— Ничего, — согласился Нарсес. — В настоящий момент.

— Да. Это практический курс. А я — практичный человек.

Глава 34

Харк.

Осень 532 года н.э.

Велисарий выглянул между щитов, которые держали Анастасий и Григорий, прикрывая его. Они скорчились под бойницами, прячась от туч летящих стрел. Велисарий настоял, чтобы лично наблюдать за осадой. Это означало высовывать голову, несмотря на единодушное неодобрение его офицеров.

— Ты был прав, Григорий, — пробормотал он. — Они приготовят осадные орудия к завтрашнему вечеру. Но не раньше. И им придется работать всю ночь. Если они попытаются стрелять сейчас, до того, как установили каменные платформы, отдача, вероятно, разобьет орудия.

Григорий воздержался от каких-либо комментариев. Маврикий на его месте уже бы выдавал саркастические замечания. «Как я тебе и говорил» было бы подано вместе с «Что? Я ослеп?» и «Главкомандующий должен рисковать головой, чтобы изображать из себя разведчика?».

Но у Маврикия сложились уникальные отношения с Велисарием. Григорий не считал себя вправе укорять полководца. Даже если чертов дурак на самом деле настаивает на том, чтобы бессмысленно рисковать.

Велисарий нырнул под крепостной вал. Григорий и Анастасий опустили щиты и вздохнули с облегчением.

— Можно сделать вылазку, — сказал Григорий. — Попытаться повредить орудия. Вероятно, мы не сможем подобраться достаточно близко, но, не исключено, удастся выстрелить в несущие устройства.

Велисарий покачал головой.

— Это будет чистое самоубийство. Основная часть армии малва еще не прибыла, но там по крайней мере находятся тридцать тысяч человек. Большинство — йетайцы и кушаны, вместе с несколькими подразделениями кавалеристов-раджпутов.

Велисарий снова покачал головой. Однако жест был почти ленивым. Большая часть разума полководца, казалось, концентрировалась за пределами его тела.

— Нет шанса, Григорий. Даже если бы мы и сделали вылазку со всеми имеющимися у нас людьми. Малва знают так же, как мы, что эти орудия — ключ к быстрому прорыву в Харк. Именно поэтому они высвободили большинство своих судов, осуществляющих поставки, чтобы побыстрее доставить орудия сюда. Они, вероятно, надеются снова занять город до того, как мы полностью его разрушим.

Велисарий замолчал. Теперь он отвернулся от врага за стенами. Полководец изучал внутреннюю часть Харка. Город, как и большинство больших портов, представлял собой лабиринт. Если не считать причалы и небольшой императорский квартал, где в прошлом жили персидские наместники, Харк состоял из множества узких улочек. В одно время, судя по всему, в городе имелось несколько небольших площадей. Но на протяжении многих лет требования и реалии торговли дали о себе знать. Харк был городом арендуемых помещений,

складов, базаров, пакгаузов, общежитий, гостиниц, борделей и многочисленных других зданий, спроектированных для моряков и их грузов. Здания в городе строились или из кирпича, сделанного из глины, или просто представляли собой покрытую гипсом насыпь.

Короче, строения, которые ждут, чтобы стать мусором.

— Если мы сможем спасти его от пожара... — произнес Велисарий задумчиво. Его мысли бежали по широкому кругу, перескакивая через столетия, которые ему показывал Эйд.

«Ты думаешь о Сталинграде».

Велисарий почесал подбородок.

«Да, Эйд. Сколько времени люди Чуйкова продержались в руинах?»⁴³ До того, как наконец начали контрнаступление?»

«Дольше, чем потребуется нам, — сообщил Эйд ментально. — Удерживать улицу за улицей — это самый трудный вид сражения, которое только можно представить, конечно если тебя не беспокоит спасение города».

Велисарий улыбнулся. Звериное выражение было бы достойно Валентина.

«Я в любом случае планирую его разрушить. Я собирался сделать все это сразу, когда мы уйдем. Но нет оснований не устроить гала-представление немного пораньше. Зачем ограничиваться вечерним балом, когда можно устраивать танцы каждую ночь? А если потребуется, то и на протяжении нескольких недель».

Велисарий принял решение и повернулся к Григорию.

— Как много времени потребуется, чтобы повернуть осадные орудия? Я имею в виду наши — те, которые смотрят на море с южной стены. Я хочу, чтобы они смотрели на город.

Григорий дернулся.

— А что с...?

Катафракт замолчал. Его взгляд обратился на юг. С возвышения на крепостном валу северной стены Григорий мог видеть весь город до гавани. Четко просматривались двадцать галер малва, которые патрулировали как раз вне радиуса действия обращенных к морю осадных орудий.

Григорий ответил на собственный вопрос.

— Наверное, они нам не требуются против галер. — Он нахмурился на мгновение, раздумывая. — Мне потребуется по крайней мере три дня, полководец. — И добавил виновато: — Орудия огромные. Единственная причина, почему мы вообще можем это сделать менее чем за две недели, — это возможность воспользоваться портовыми кранами...

Велисарий похлопал его по руке.

— Пяти дней достаточно, Григорий. Возьми неделю. Не забудь: тебе придется построить новые крепостные валы. Защищая орудия от огня, идущего из города. — Глаза Григория округлились.

— Ты собираешься впустить малва внутрь! — Велисарий кивнул.

— В любом случае они пробьют бреши в стенах, после того как начнут стрелять из осадных орудий. Вместо того чтобы терять людей, попытаюсь удержать стены, когда подобное просто невозможно, мы лучше позволим им войти. Тогда... — Он показал на «муравейник» города. — Чем больше стен и зданий они разобьют, тем хуже для них. Мы можем везде установить обычные мины и мины-ловушки. Мы будем отступать через город, день за днем, разрушая его по мере отступления. Малва придется бросаться в атаку на катафрактов и мушкетеров на самой худшей местности, которую я только могу придумать. К тому времени, как они прижмут нас у причалов, они потеряют тысячи людей. Скорее десятки тысяч.

На мгновение обычно спокойное лицо Велисария стало похожим на дикую железную маску.

⁴³ Чуйков Василий Иванович (1900-1982 гг.) — маршал Советского Союза. Во время Великой Отечественной войны командовал рядом армий, в том числе 62-й армией в Сталинградской битве.

— Даже если Антонина никогда не появится и мы умрем здесь, я намереваюсь вскрыть брюхо этому зверю малва. Одним или другим способом.

Он встал, пригнувшись.

— Давайте это сделаем, — приказал он. — Я поставлю Феликса вместо тебя командовать пикинерами. В любом случае пришло время для его следующего повышения. Ты концентрируйся на осадных орудиях. После того, как мы повернем их кругом, малва будут противостоять картечи. Они никогда не смогут перетащить свои осадные орудия в этот бедлам.

Григорий изучал далекие южные стены города, смотрящие на море.

— У них все равно будет радиус... — Велисарий фыркнул.

— С какой точностью? Да, несколько выстрелов ударят по гавани. Но большинство пролетят мимо, и требуется очень много времени, чтобы перезарядить эти орудия. Более того, чем дальше они оттесняют нас, тем ближе подходят к собственной артиллерии — бывшей артиллерии малва, направленной теперь на них.

Улыбка Григория стала звериной.

— Да, это так. А до того, как они попадут в радиус действия картечи... Помнишь твою идею о цепных выстрелах?

Велисарий намеревался тут же уйти. Но энтузиазму на лице офицера-артиллериста было невозможно противостоять. И поэтому несколько приятных минут полководец и его военачальник обсуждали способы убийства и нанесения увечий. Если сказать по правде, они их смаковали.

Эйд держался вне обсуждения, в большей или меньшей степени, за исключением замечаний время от времени.

Нежелательных замечаний, с точки зрения Велисария.

«Как мы, кристаллы, когда-то могли вырасти из таких протоплазменных головорезов? — язвительно замечал он. — Неужели мы не можем научиться просто ладить друг с другом?»

К утру десятого дня осадные орудия малва завершили свою работу по разрушению. Кусок северной стены Харка длиной в двести ярдов не представлял собой ничего, кроме груды обломков. Двадцать тысяч йетайцев штурмовали город из траншей, расположенных в четверти мили. Они всей своей массой бросились в проем. Подразделения кушанов мешались с батальонами йетайцев, охраняющими подразделения гренадеров из кшатриев.

— Они наконец чему-то научились, — заметил Маврикий, изучая надвигающуюся орду через узкое окно-щель. Он сидел на корточках рядом с Велисарием в башне, менее чем в двухстах ярдах от того, что раньше было северной стеной Харка. Положение на возвышении предоставляло обоим мужчинам четкий вид на поля брани.

Велисарий все еще тяжело дышал от усилия, которое потребовалось, чтобы подняться по узким ступеням. Он забрался наверх башни всего несколько секунд назад. Маврикий твердо отказался позволить ему подняться наверх, пока осадные орудия не прекратили стрелять. Хилиарх не хотел, чтобы случайный осколок убил римского главнокомандующего.

Велисарий пытался спорить с подчиненным, но Маврикий отказался уступить. Более того, Анастасий отказался уступить. Гигант дал ясно понять, простыми словами, что готов исполнять желания Маврикия грубой силой — поднять Велисария на руки и держать его.

— Что происходит? — спросил Велисарий.

Полководец прижался глазом к другому окну. На мгновение он был дезориентирован узким полем зрения. Узкое окно проектировалось для лучников. Одно время, до того, как Харк разросся, башня, в которой он находился, являлась частью изначальной защитной стены.

— Они, наконец, научились воевать, — повторил Маврикий и показал пальцем в узкое окно. — Посмотри на них, парень. Теперь атаку ведут йетайцы вместо того, чтобы гнать вперед регулярную армию. И они используют кушанов в качестве легкой пехоты, чтобы

прикрывать гренадеров. — Через мгновение он проворчал: — Хорошее построение. Точно так же я бы сам все сделал, если без мушкетеров.

Он повернулся и улыбнулся полководцу.

— Готов поспорить: чудовище Линк бьет себя по старой женской заднице. Жалеет, что провалился с мушкетерами.

Велисарий ответил улыбкой на улыбку. Тремя днями раньше, в одном из складов рядом с гаванью, римские солдаты нашли двести ящиков с мушкетами. Оружие все еще было покрыто маслом, защищающим его от соленого воздуха во время морского путешествия.

Империя малва наконец начала выпускать ручные пушки — это было ясно. И точно так же ясно, что не доставила их в Месопотамию вовремя, чтобы это принесло какую-то пользу Линку. Как подозревал Велисарий, Линк намеревался начать подготовку мушкетеров. Три ящика были открыты и оружие вычищено. Но порох в Харк еще не доставили. По крайней мере римские солдаты, исследующие склады и готовящие их к уничтожению, не обнаружили его.

Велисарий улыбнулся. Теперь все мушкеты лежали под водой в гавани Харка. Римские мушкетеры один раз взглянули на оружие и объявили его непригодным для использования. Слишком грубое. Слишком примитивно сделано. Главное — не для нас. Полное дерьмо.

По правде говоря, Велисарий не думал, что приспособления малва значительно хуже римских. Но он позволил мушкетерам насладиться процессом, когда они выбрасывали «полное дерьмо» в море. У них в любом случае было столько мушкетов, сколько требовалось, да и корабли для побега и так окажутся переполнены.

Требовалось эвакуировать по крайней мере шесть тысяч персидских гражданских лиц вместе с римскими войсками.

Первая волна йетайцев уже перебиралась через разрушенную стену. Партии гранат летели через их головы, расчищая путь.

Однако нечего было расчищать. Как только стали стрелять осадные орудия, Маврикий отвел назад войска со стен. Эти солдаты уже давно заняли другие позиции.

— Когда? — спросил Маврикий.

Велисарий изучал атаку через узкое окно. То, что было северной стеной, теперь стало кишачим йетайцами муравейником. Солдаты медленно продвигались вперед, спотыкаясь и падая на обломках камня, но по крайней мере пятьсот уже находились на ровной местности внутри города.

Если бы йетайцев не охватила ярость атаки, они могли бы задуматься о ровной местности. Площадь составляла в ширину пятьдесят ярдов, находилась прямо за северной стеной и была расчищена войсками Велисария. «Расчищена» в смысле, что здания поспешно разрушили. Высушенные на солнце кирпичи никто не уносил, их просто распределили вокруг. В результате получилось поле из камней и кусков стен, которое перемежалось небольшими холмиками из кирпичей, сделанных из глины.

Йетайцы также могли бы задуматься об этих холмиках. Но у них не будет для этого времени.

Теперь по крайней мере тысяча йетайцев плотно сгруппировались на ровной местности вместе с примерно двумястами кушанами и кшатриями. Солдаты малва приближались к первой линии все еще стоящих неповрежденными зданий. Они теперь двигались более медленно, ожидая засаду. Гренадеры из кшатриев стали бросать гранаты в первые здания.

— Теперь, — сказал Велисарий.

Маврикий свистнул. Мгновение спустя небольшое подразделение трубачей на нижнем уровне башни начало трубить в трубы. Звук внутри каменных стен башни имел странный тембр. Но ожидающие солдаты узнали сигнал.

Зажгли дюжины запалов. Это были быстро горящие запалы. Три секунды спустя начался кошмар.

Разбросанные везде кучки кирпичей взорвались, когда спрятанные внутри них большие амфоры разорвались от взрывающихся веществ. Амфоры — большие сосуды с двумя

ручками — проектировались, чтобы держать в них зерно. Но с таким же успехом в них мог храниться лигроин.

Некоторые сосуды загорелись от взрывов. Кучки превратились во взметающиеся вверх шары пламени и ярости, обжигающие собравшихся вокруг них солдат.

Большинство сосудов только разбились, выплеснув содержимое. Лигроин, который находился в них, был неразбавленным и с большим количеством добавок. Обычно одного запала было недостаточно, чтобы его зажечь. Но взрывы послали облака испарений и потоки пахучего лигроина во все стороны. Через несколько секунд большинство солдат малва, собравшихся на ровном участке, покрылись налетом этой смеси.

Прозвучала следующая партия взрывов.

Мины, спрятанные под обломками, были уложены у стен ближайших жилых зданий. Их за последние несколько дней сделали римские войска, работающие на складах в гавани, в кузницах и ремонтных мастерских.

Эти мины получились грубыми. На самом деле это были ведра, наполненные взрывчатыми веществами и лежащие на боку. Некоторые — медные кастрюли, но большинство — просто амфоры, армированные железными обручами. Деревянные крышки удерживали заряды, чтобы те не вывалились.

Эти мины проектировались для поджигательных целей. Как только заряды в основании ведер сработали, легко воспламеняющиеся материалы, смоченные разлитым лигроином, взметнулись вверх. Сотни — тысячи — горящих предметов дождем падали по всей территории перед малва, зажигая грубый лигроин, который уже смочил местность.

Через несколько секунд сотни воинов малва превратились в человеческие факелы. Все остальные звуки исчезли в едином вопле боли.

— Боже, — прошептал Маврикий, выглядывая через отверстие. — Боже, прости нам грехи наши.

Через несколько секунд Велисарий отвернулся. Казалось, его лицо превратилось в камень.

— Это должно остановить атаку, — сказал он. — Теперь они будут наступать, как улитки.

Взгляд Маврикия все еще фокусировался на живых факелах внизу. Нельзя сказать, что он побледнел, но его лицо вытянулось. Он с шипением медленно выпустил воздух между стиснутых зубов.

Затем быстро, резко тряхнув головой, он тоже отвернулся. И бросил взгляд на Велисария.

— Улитки? Скорее они будут наступать с той же скоростью, как растущие корни деревьев. — Затем снова прошипел: — Боже.

Мушкетеры стали с грохотом забираться на платформу башни, чтобы занять места у отверстий для лучников. Велисарий с Маврикием протиснулись между солдат и стали спускаться по лестнице. Оба молчали.

По крайней мере не произносили ничего вслух, пытаясь стряхнуть с себя ужас, Велисарий разговаривал с Эйдом.

«Именно это ты имел в виду, да?»

Эйд понял вопрос. Его разум и разум Велисария на протяжении лет сплелись собственными корнями.

«Да. Войны будущего на самом деле не станут цивилизованными, даже следуя Женевской конвенции. Возможно, более антисептическими в том смысле, что люди смогут убивать друг друга на расстоянии, с которого не видят лиц врагов. Но я думаю, что это делает войну еще более бесчеловечной».

Ни человеку, ни кристаллу не показалось странным, что Эйд использовал слово «бесчеловечный» так, как использовал. Так сказать «изнутри». Не казалось странным и то, что, использовав слово, Эйд также готов отвечать за последствия. Если в слове и имелось

какое-то обвинение, то оно направлялось в той же мере на кристалл, как и на использовавших лигроин людей. В конце концов ведь именно Эйд показал Велисарии мины «клеимор»⁴⁴ из будущего.

Вопрос о собственной человечности Эйда был решен. Великие создали Эйда и ему подобных и назвали их «люди». Но, как и всегда, это звание следовало устанавливать в борьбе. Эйд претендовал на свою человечность и человечность рода кристаллов в человеческом племени самым уверенным и самым древним способом.

Он за нее боролся.

Глава 35

Деогхар.

Осень 532 года н.э.

Ирина саркастически рассмеялась.

— Ну, Дададжи, как ты думаешь, что они теперь говорят? — Она оперлась правым локтем о стенку паланкина, высунулась наружу, повернула голову назад и посмотрела на слонов, которые следовали за ними. В следующем паланкине ехала керальская делегация. Вида лица Ганапати оказалось достаточно, чтобы Ирина откровенно расхохоталась.

Холкар не потрудился повернуть голову. Он просто смотрел на приветствующие их толпы вдоль дороги и улыбался.

— Несомненно, они понимают свою ошибку и клянутся снова заняться изучением философии.

Глаза Ирины все еще были направлены в конец процессии, и она удивленно покачала головой.

— Если Ганапати не закроет рот, то первый сильный порыв ветра вышвырнет его из паланкина.

Ирина слегка вытянула шею, пытаясь получше рассмотреть слонов, которые шли по дороге за керальцами.

— То же касается и послов Чолы. И судя по тому, что я вижу, и послов с Хайнаня. — И снова она покачала головой — на этот раз не в удивлении, а весело. — О вы, неверящие, — пробормотала она. — Вы не верили в нее.

Ирина убрала локоть и повернулась назад в их паланкин. На мгновение глаза Ирины встретились с глазами другой женщины, которая сидела напротив нее в объятиях Холкара. Жена Дададжи улыбнулась ей. Выражение лица было робким, даже очень робким, таким, что Ирина могла смотреть на женщину только с болью.

Ирина тут же ответила собственной улыбкой, добавив в выражение столько утешения, уверенности и подбадривания, сколько могла. Жена Дададжи практически мгновенно опустила глаза.

«Бедная Гаутами! Она все еще в шоке. Но по крайней мере мне удалось получить от нее улыбку».

Ирина отвела взгляд от маленькой, седой женщины, которую обнимал Холкар. Она чувствовала к ней глубокую симпатию, но знала: пристальные взгляды только заставят жену Холкара еще больше уйти в себя. Проблема была не в том, что Гаутами до сих пор страдала от каких-то симптомов после долгого пребывания в плену. На самом деле совсем наоборот. Гаутами прошла путь от жены скромного писаря в городе маратхи до рабыни в кухне малва, а затем от рабыни до жены пешвы древней Сатаваханы. Последний прыжок, как думала Ирина, принес в некотором роде больший стресс, чем первое падение. Несчастная женщина вдруг обнаружила себя на самой вершине индийской социальной лестницы.

Когда Ирина отвернулась, то заметила еще одну колонну маратхи, приближающихся к

⁴⁴ Мина «клеимор» — противопехотная мина направленного действия.

дороге, по которой Шакунтала с триумфом следовала в Деогхар. Мягкая улыбка, которой Ирина улыбалась Гаутами, переродилась в нечто гораздо более жизнерадостное и оптимистичное — улыбку на грани почти чистой дикости.

Слово «колонна» на самом деле не совсем подходило. «Разношерстная орда» лучше отражало реальность. Впереди, крича и гикая, следовали примерно две дюжины молодых мужчин. Пять из них сидели на лошадях, и они то выезжали вперед, то возвращались назад — самоназначенная «кавалерия» какой-то деревни, которая их снарядила. Остальные маршировали — лучше сказать изображали подобие атаки — пешком. У всех имелось оружие, хотя в большинстве случаев оно все еще несло на себе следы недавних превращений. По большей части маратхи вооружились мотыгами, которые местный кузнец превратил в подобие боевых топоров. Но Ирина тут и там заметила несколько настоящих копий и мечей.

За неугомонными и буйными молодыми людьми шли другие, более взрослые. Они тоже несли оружие порой самое неожиданное. Часть из них, которые сидели на лошадях, даже надели доспехи и держали у седел хорошо сделанные луки и мечи. Эти в той деревне сходили за кшатриев, а деревня явно находилась где-то в вулканической местности Великой Страны. За ними, маршируя более медленно, шло, возможно, двести или триста человек. Женщины, дети, старики, больные и калеки, священники — Ирина не сомневалась ни на мгновение, что толпа включает всех жителей деревни, которые могли передвигаться на своих ногах.

Колонна достигла дороги и стала смешиваться с толпой по обеим сторонам, вытянувшейся насколько могли видеть глаза. Ирина не стала снова оглядываться назад, но знала: многие из этих людей, после того как пройдет процессия Шакунталы, присоединятся к огромной толпе, которая последует за императрицей в Деогхар. Греческая дама благородного происхождения даже прекратила оценивать их количество.

«Я не представляла, что в Великой Стране столько людей. Она кажется такой голой местностью».

Дададжи, вероятно, почувствовал какие-то из ее мыслей.

— Нас много, да? — заметил он. Холкар покрутил головой, оценивая происходящее вокруг. — Я сам не осознавал. И не думаю, что кто-то осознавал. И это тоже придаст им смелости, когда они отправятся назад в свои деревни.

Внезапный крик донесся из толпы впереди. Мгновение спустя процессия остановилась. Дададжи перегнулся через боковую сторону паланкина и посмотрел вперед.

— Она снова произносит речь, — Холкар покачал головой и улыбнулся. — Если она будет так продолжать...

Громкий рев потопил его слова. Затем, подобно волне, рев прокатился по толпе, которая стояла вдоль дороги. Через секунды, когда люди рядом с паланкином присоединились, шум стал оглушительным. Большинство из этих людей просто не могли слышать слов Шакунталы, но это не имело никакого значения. Они знали, что она сказала.

На протяжении дней, когда ее экспедиция в Деогхар двигалась через южную Махараштру, императрица Андхры повторяла одну простую, короткую, сжатую речь. К этому времени все маратхи в радиусе дня пути верхом — быстро, галопом — знали ее содержание:

— Андхра — невеста Махараштры. Моя армия — это мое приданое. Мой муж сломит хребет малва. Мои сыновья перемелют кости малва.

Это даже больше не была речь. Просто песня, все слова которой наизусть знали и повторяли тысячи — десятки тысяч — маратхи, которые не слышали лично выступлений императрицы. Они — и многие другие. Великая Страна на протяжении столетий служила раем людям, которые бежали от тирании и гнета. Маратхи, как народ, считались дворняжками, полукровками, нечистым результатом связей предшествующих поколений, которые нашли убежище в горах и на неплодородных почвах Махараштры. Новые беженцы, которые вливались потоком после того, как малва начала свое покорение Индии, просто

продолжили процесс. Многие из голосов, поющие слова Шакунталы, делали это не на языке маратхи, а на дюжинах других языков Индии.

Рев стих. Процессия опять тронулась в путь. Ирина вопросительно посмотрела на Холкара.

— Что ты говорил, Дададжи?

Пешва покачал головой, все еще улыбаясь.

— Если она станет продолжать в том же духе, то охрипнет к тому времени, как доберется до, Деогхара и совсем не сможет сделать предложение Рао. — Его улыбка стала шире, почти озорной. — Знаешь, он ведь до сих пор не сказал «да»? А его едва ли назовешь человеком, на которого можно давить и запугивать, даже она не сможет.

Ирина улыбнулась в ответ.

— Но мне не кажется, что ты сильно беспокоишься. Боже праведный! А что если он скажет «нет»? Ужас!

Холкар не ответил словами. Выражения его лица было достаточно.

Ирина рассмеялась.

— Тебе следует служить моделью скульпторам, Дададжи — в следующий раз, когда нам потребуется слепить Будду.

Холкар покрепче прижал к себе жену.

— Я это повторяю Гаутами, — он рассмеялся. — Упрямая женщина! Она настаивает на отрицании моей святости. — Конечно настаиваю, — тут же последовал ответ. Ирина чуть не сделала резкий вдох, увидев глаза женщины. Все еще робкие, все еще наполовину опущенные, но — да! Блестят!

— Какой же святой храпит? — спросила Гаутами. «Боже — она пошутила!»

— Девушка сошла с ума, Малоджи, — проворчал Рао, гневно глядя вниз на слона, вышагивающего первым в огромной и странной процессии, которая почти достигла огромных ворот в южной стене Деогхара. С места наверху этой стены Рао мог четко видеть Шакунталу. Императрица ехала в одиночестве на первом слоне и стояла абсолютно прямо во всех императорских регалиях.

— Посмотри! — закричал он, показывая обвинительным перстом. — У нее в паланкине даже нет телохранителя!

Малоджи спокойно изучил армию крестьян маратхи, вооруженных пиками, которые шли по обеим сторонам, сразу же за крепкими рядами кушанов, маршировавшими рядом с императрицей. Его взгляд переместился на чернокожих солдат, украшенных страусиными перьями, которые шли позади слона.

Затем Малоджи неторопливо изучил различные воинские подразделения, которые двигались по всему ландшафту к югу от окруженного стенами города, напряженно приглядываясь, нет ли где врагов из малва. Он узнал войска из Чолы и Кералы, но не мог точно определить, откуда остальные. В целом их, возможно, набиралось три тысячи, подумал он. Однако было трудно оценить точно, из-за большой толпы маратхи, которые, казалось, заполняли всю местность.

Рао стал стучать по верху стены ладонями.

— О чем думает Кунгас? — спросил он.

Малоджи отвернулся от процессии и удовлетворенно вздохнул.

— Я никогда не осознавал, как в этом мире много наций, — пробормотал он. Затем, бросив взгляд на раздраженного человека рядом, рассмеялся. — Расслабься, Рао! — Малоджи снова рассмеялся. — Я на самом деле не думаю, что ей угрожает какая-либо опасность от армии Подлого.

Теперь Малоджи рассмеялся открыто и показал головой назад, на север.

— Ха! Все войска Подлого окружают его лагерь, в то время как он сам дрожит в своем шатре. Подлый явно чувствует, что сегодня осаждают его.

Рао все еще шлепал ладонями по стене. Малоджи фыркнул.

— Прекрати это, старый друг! — Он прогнулся вперед и прижал руки Рао к камням. — Ты ведешь себя глупо и сам это знаешь. Только сегодня утром из Бхаруча пришел еще один отчет. Все большее количество войск малва вваливается в город, в поисках убежища. Полные гарнизоны, довольно часто из маленьких городков. Вся земля бурлит от восстания. Великая Страна начинает кипеть. Нет ни одного шанса в мире, что малва ударят по императрице. Не сегодня, это точно.

Рао уставился на него. Мгновение попытлся вырвать руки из-под рук Малоджи. Но в этом усилии не было особой уверенности.

— Она все равно сумасшедшая, — пробормотал он упрямо. — Весь этот ее план сумасшедший. Это... это... — Рао вдохнул воздух. — Она наносит угрозу своей чистоте — ее священной родословной — просто ради государственных интересов. — На мгновение вернулся обычный ум Рао.

— Признаю, это великолепный удар, с точки зрения привлечения союзничества маратхи. — Но через мгновение ум унесло ветром, и Рао снова нахмурился — Но это все равно...

— Прекрати! — приказал Малоджи.

Внезапно, почти злобно он схватил Рао за запястья и оттащил его от стены.

Рао удивился и встретился с взглядом Малоджи. Малоджи покачал головой.

— Ты ни во что это не веришь, Рао. Ты просто боишься, и это все. Боишься, что твои слова — правда. Боишься, что девушка, которая приезжает к тебе сегодня, — это не та девушка, которую ты страстно желал, а просто императрица, ведущая войну.

Через мгновение Рао опустил глаза. Он ничего не сказал. Не было необходимости в словах. Малоджи улыбнулся.

— Так я и думал.

Он освободил запястья Рао, только чтобы схватить его за плечи и повернуть к лестнице, которая вела вниз в город. Они уже слышали, как открываются огромные ворота.

— Иди, иди! Вы двое давно не разговаривали друг с другом. — Он стал толкать Рао впереди себя. Величайший танцор Махараштры волочил ноги.

— И позволь мне кое-что предложить, — Малоджи рассмеялся сдавленным смешком. — Думаю, тебе пора прекратить думать о ней, как о «девочке».

Теперь они остались одни. Даже Кунгас вышел из комнаты, спокойный, зная, что его императрица находится с человеком, который среди прочего является одним из величайших в Индии наемных убийц. Рао уставился на Шакунталу. Прошло три года с тех пор, как он в последний раз ее видел. И тогда только на два часа.

— Ты изменилась, — сказал он. — Сильно.

Шакунтала начала отводить глаза, но потом уверенно на него посмотрела.

— Как? — спросила она, распрямив спину. Обычно Шакунтала держалась очень прямо, поэтому всегда выглядела выше, чем на самом деле. Теперь она стояла, как императрица. В ее черных глазах блеснула та же императорская аура.

Рао покачал головой. Это было медленное движение человека в полубессознательном состоянии, который попытлся соединить реальность и видение.

— Ты кажешься... значительно старше. Значительно... — он махнул рукой. Жест, как и качание головой, получился неопределенным и робким. Он вдохнул воздух. — Ты была красивой девочкой. Теперь ты гораздо красивее, теперь, когда ты стала женщиной. Не понимаю, как такое возможно.

В глазах Шакунталы появился намек на влагу. Но единственным выражением на лице оставалась хитрая улыбка.

— Ты не сильно изменился, Рао. Если не считать, что в твоей бороде появились седые волосы.

Рао стоял так же прямо, как императрица. И сказал резко:

— Это — только одна из причин...

— Замолчи.

Рот Рао захлопнулся. Он никогда раньше не слышал, чтобы Шакунтала так разговаривала. Пантера Махараштры был поражен так же, как все изнеженные и избалованные послы из брахманов, которых тоже заставил замолчать этот древний голос великой Сатаваханы.

Когда Шакунтала продолжила, говорила она холодным и повелительным тоном.

— Я не желаю ничего слушать про твой возраст. Что с того? Для меня он никогда не имел значения. Он не имел для меня значения, когда я была девочкой и меня в плену держали малва. И теперь он для меня не имеет значения, когда я — императрица Андхры.

Она фыркнула.

— И значит даже меньше! Ни один неопытный молодой муж долго не продержался бы против малва, поэтому я все равно достаточно скоро стала бы вдовой.

Рао опять начал говорить.

— Замолчи.

И снова рот Рао захлопнулся.

— Я не буду слушать никаких возражений, Рао. Я не стану слушать никаких слов о возрасте, или крови и чистоте, или пристойности и традициях. Я приняла решение, и меня ничто не поколеблет.

Императорская надменность и высокомерие, казалось, дали трещину. Возможно. Совсем чуть-чуть. Шакунтала отвернулась.

— Я не стану тебя насиловать, Рао. От тебя требуется только сказать «нет». Отказывай мне, если хочешь, и я приму этот отказ. Но аргументов я слушать не буду.

— Если я хочу? — закричал он.

Взгляд Шакунталы вернулся к нему, со скоростью ветра. В это мгновение она узнала правду.

Теперь в ее глазах не было намека на влагу. Слезы полились, как дождь. Она крепко сжала руки перед собой. Ее плечи начали трястись.

— Я никогда не знала, — прошептала она. Затем рыдая, добавила: — О, Рао — я никогда не знала. Все эти годы...

Теперь голос Рао тоже была сдавленным, его глаза повлажнели.

— Как я мог?.. — Его ноги подкосились. На полу, стоя на коленях, склонив голову он говорил дальше: — Как я мог? Я только... только...

Шакунтала стояла на коленях перед ним. Обнимала его, шептала его имя, целовала его глаза и тихо плакала ему в волосы.

В конце концов юмор вернулся, напомнив о всем том, что они делили столько лет, когда Рао обучал Шакунталу.

— Тебе нужно идти, — пробормотал Рао. — Очень неподобающе для девственницы столько времени проводить одной с мужчиной.

Шакунтала расхохоталась.

— Я серьезно! — настаивал Рао. — Люди станут говорить, что я женился на шлюхе. Моя репутация будет подмочена.

Она обвила руками его шею, яростно его поцеловала и опрокинула на пол.

— Боги над нами, — вдохнул воздух Рао. — Я на самом деле женюсь на шлюхе!

Шакунтала залилась смехом.

— О, Рао, как мне тебя не хватало! Как! Никто никогда не заставлял меня так смеяться!

Она снова его поцеловала, и снова, и снова до того, как отвела свое лицо. Ее влажные глаза были полны обещания.

— Мы поженимся завтра, — постановила она. — Ты станцуешь самый великий танец, который кто-либо когда-либо видел.

Он уныло улыбнулся.

— Я не стану спорить по этому вопросу. Я не смею.

— Лучше не надо, — прошипела она. — Я — императрица. Больше даже не могу следить за своими палачами. Но этих ловких ребят, вероятно, уже набрались сотни.

Рао рассмеялся и крепко прижал ее.

— Никто никогда не заставлял меня так смеяться, — прошептал он.

Секундами позже они поднялись на ноги. Держась за руки они направились к двери, за которой ждали Кунгас и фортуна империи.

У двери Рао остановился. У него появилось странное выражение. Шакунтала никогда раньше не видела на лице Рао такое выражение. Колебание, неуверенность, смущение, беспокойство — он казался даже моложе нее.

Шакунтала все сразу же поняла.

— Ты беспокоишься, — сказала она мягко, но твердо. — О нашей брачной ночи. Все эти годы самодисциплины.

Он молча кивнул. Через мгновение сказал мягко:

— Я никогда... никогда...

— Никогда? — спросила она лукаво. Потом склонила голову набок и прищурилась. — Даже в тот раз — мне было четырнадцать, я помню, когда...

— Достаточно! — рявкнул он. Затем, слегка покраснев, Рао пожал плечами. — Почти, — пробормотал он. — Я пытался — так сильно. Я постился и медитировал. Но... возможно, не всегда.

Он все еще колебался, был неуверен, беспокоился. Шакунтала взяла его лицо в ладони и заставила посмотреть прямо на себя.

— Не беспокойся, Рао. Завтра ночью ты будешь моим мужем и идеально выполнишь свой долг. Поверь мне.

Он уставился на нее, как ученик смотрит на пророка.

— Поверь мне. — В ее голосе не было сомнений.

— Я думаю, что могла бы попробовать вот это, — сказала Шакунтала, показывая на иллюстрацию.

Глаза Ирины округлились. На самом деле почти вылезли из орбит.

— Ты сошла с ума? Я не стала бы... — Она замолчала и усмехнулась.

— Конечно, ты — танцовка и акробатка, которую обучал наемный убийца. А я — просто старая развалина. Греческая дама благородного происхождения к тому же. Я скриплю, когда встаю со стула, на котором читаю.

Шакунтала улыбнулась.

— Ты не такая уж и старая, Ирина. И я совсем не думаю, что развалина.

Ирина скорчила гримасу.

— Может быть. Но я все равно не стала бы пробовать это. — Мгновение спустя Шакунтала обнимала ее.

— Спасибо за то, что дала мне книгу, Ирина. Прости, что держала ее так долго. Но я хотела изучить ее наизусть.

Ирина улыбнулась. Она не сомневалась в ее словах. Разум молодой императрицы тренировал тот же человек, который тренировал ее тело. Шакунтала, вероятно, на самом деле запомнила каждую страницу.

— Спасибо за все остальное, — прошептала императрица. — Я навсегда перед тобой в долгу.

Когда Ирина провожала Шакунталу к двери, императрица захихикала.

— Что такого смешного?

— Ты будешь смешной, — предсказала императрица. — Очень скоро. — Они стояли у двери. Ирина вопросительно склонила голову. Шакунтала улыбалась очень сладко. Как мед, используемый для приманки.

— Ты знаешь Кунгаса, — тихо сказала она. — Такой упрямый и преданный человек.

Но я убедила его, что сегодня ночью мне на самом деле не потребуется телохранитель. Мне определенно не будут нужен телохранитель после завтрашнего дня, когда мою постель разделит Рао.

Ирина стояла, открыв рот, когда императрица выскользнула за дверь. Она все еще стояла, открыв рот, когда в комнату проскользнул Кунгас.

Он сразу же заметил ароматизированные масла, стоявшие на полочке у стены.

— Не думаю, что они нам потребуются, — задумчиво сказал он. — По крайней мере сегодня ночью.

Затем, заметив книгу на столе, подошел и изучил открытую страницу.

— Нет шанса, — объявил он. — Может, ты, Ирина, достаточно стройна для этого. Но я? — Он показал пальцем на иллюстрацию. — Думаешь, можно заставить такого крепкого варвара, как я...

Но к тому времени Ирина уже добралась до него, и он больше ничего не говорил. По крайней мере какое-то время.

Ирина любила сюрпризы, но этой ночью сюрпризов не получилось. Она давно знала, что Кунгас окажется лучшим любовником, который у нее был.

— Гораздо лучшим, — прошептала она несколько часов спустя. Ее влажная нога в наслаждении обвила его.

— Я говорил тебе, что нам масла не потребуются, — прошептал он в ответ.

Они рассмеялись, снова разделяя радость. Ирина подняла голову и, глядя сверху вниз на Кунгаса, порадовалась вновь, еще сильнее.

Маска ушла без следа. Открытое лицо, которое улыбалось ей, глядя вверх, было просто лицом влюбленного мужчины. Ее мужчины.

Глава 36

Харк.

Осень 532 года н.э.

— Я не понимаю, что делает это чудовище, — рявкнул Кутзес. Он нырнул за сломанную стену, когда еще одна партия ракет прилетела от войск малва в разбитый ряд зданий через улицу. Не принес вреда, стрелы влетели в другую комнату здания, которое когда-то было мастерской ремесленника. Кожевника, судя по нескольким приспособлениям и кускам сырого материала, которые все еще валялись вокруг.

Спина Велисария была удобно прижата к той же стене. Он вопросительно приподнял бровь.

Кутзес ткнул пальцем в стену, показывая на невидимого врага за ней.

— Какова цель происходящего, полководец? Это существо просто выкашивает наших солдат. Они выпустят еще одну партию ракет или две — ни одна из которых не попадет ни во что, если только по слепой удаче, потом бросят несколько гранат, затем кинутся в атаку через улицу. Мы их положим, они отступят, а затем повторят все снова. К тому времени, как мы наконец будем вынуждены отступить на следующую улицу, они станут двигаться через сотни тел и обломки зданий.

Фракийский офицер потер лицо, размазывая пот и грязь.

— Теперь все это продолжается уже две недели. Наши собственные потери не были тяжелыми. С такой скоростью им потребуется месяц — по крайней мере! — чтобы с боем прорваться к причалам. И они потеряют половину своей армии — по крайней мере! — в процессе.

Он снова сильно нахмурился.

— Я слышал о грубой тактике, но это!.. — На мгновение его молодое лицо просто выражало печаль. — Я думал, эта сущность суперразумная.

Велисарий улыбнулся. Улыбка получилась хитрой, но в ней было больше презрения, чем иронии.

— Линк на самом деле суперразумный, Кутзес. Но разумом всегда руководит душа. У Линка душа есть, независимо от того, понимает он это или нет. Или по крайней мере он является преданным слугой новых богов и их душ.

Велисарий вытянул шею и уставился на камни у себя над головой.

— Эти... — он резко выдохнул, словно плюнул. — Эти божественные свиньи не смотрят на людей, как на людей. Солдаты для них — просто орудия. Множество камней, чтобы вымостить дорогу до человеческой идеальности. Они смотрят на человеческую жизнь точно так же, как мы с тобой смотрим на клинок. Выкидываем отслуживший металл прочь, чтобы заменить его на новый и острый. А если он визжит от боли, то кому до этого дело?

Велисарий снова выдохнул воздух и снова у него получился плевок.

— Что касается тактики, то она имеет идеальный смысл — если посмотреть на нее с точки зрения Линка. Дело в том, что малва уже потеряли эту армию, и Линк это знает. Чудовище знает, что мы должны были разрушить все запасы в Харке — или по крайней мере у нас уже все приготовлено для их разрушения.

— Что мы и сделали! — рявкнул Кутзес. Велисарий кивнул.

— Так зачем беспокоиться об умной и хитрой тактике? И малва не могут использовать йетайцев, которых они оставили, как войска для ведения атаки. Больше не могут. После потерь, которые они понесли, им требуются эти йетайцы, чтобы поддерживать контроль над регулярной армией. Если бы этих несчастных ублюдков уже так сильно не побили... — Велисарий покачал головой. — Большинство армий, к этому времени, после того что они пережили, уже столкнулись бы с бунтом. Солдаты отказались бы подчиняться.

Он потер руку о грубую стену за спиной. Жест сопровождался еще одним покачиванием головы, словно Велисарий думал об абсурдности попыток стереть камень плотью.

— Дело в том, Кутзес, что происходящее — это вид комплимента, — сказал он тихо. — Если бы я был эгоистом, то распушил бы перья, как павлин.

Кутзес нахмурился. Улыбка Велисария стала очень хитрой.

— Единственное, что Линк намерен и нацелен сделать, единственное, чего он хотел бы добиться, несмотря на катастрофу, — это уничтожить меня. Меня и всю проклятую армию, которая принесла малва больше печали, чем все другие враги вместе взятые.

Кутзес улыбнулся от уха до уха.

— Ты в самом деле считаешь, что мы для него стали такой болью в заднице?

Велисарий фыркнул.

— Болью в заднице? Лучше сказать — болью в брюхе. — Он посмотрел одновременно серьезно и торжественно на молодого офицера, который сидел на корточках рядом с ним. — Пойми вот что, Кутзес. Независимо от того, выживем мы или нет, мы уже выпотрошили малва. Что бы ни случилось, вторжение в Персию закончилось. Закончилось! Малва даже не могут больше надеяться начать новую войну или покорение. По крайней мере много лет. Линк попытается спасти то, что удастся, от этой армии — а это будет немного. Но после Нехар Малки и Харка...

Он пытался найти пример. Его обеспечил Эйд.

«За немногим более года ты, Велисарий, обеспечил малва их собственный Сталинград и Курск. Теперь Линк может сделать только то, что сделал Гитлер. Попытаться удержать оставшееся и отступить настолько медленно, насколько возможно. Но с этого дня и дальше он — защитник, а не агрессор».

Велисарий кивнул. Он не пытался представить молодому подчиненному всю историю, которая лежала за заявлением Эйда, но передал ему сжатую суть.

— Кутзес, в будущем случится еще одна великая война против зла — или по крайней мере могла бы произойти. Эйд только что напомнил мне о ней.

Теперь Кутзес слушал его с глубоким вниманием, не отвлекаясь ни на что. Молодой

фракийский офицер знал об Эйде. Он видел его. Но как и все офицеры Велисария, он думал о кристалле просто, как о Талисмане Бога. Объявление Эйда, по мнению Кутзеса, было так близко к божественной непогрешимости, как когда-либо может надеяться услышать человек.

Увидев благоговение во взгляде Кутзеса, Велисарий улыбнулся.

«Чему ты улыбаешься? — спросил Эйд. Грани сверкнули. На мгновение у Велисария в сознании возник образ кристаллического павлина, вышагивающего с нескрываемым самодовольством. — Я думаю, „божественная непогрешимость" идеально мне подходит. Почему только ты не понимаешь очевидную истину?»

И снова грани сверкнули. Велисарий подавил смехок. Кристаллический павлин, всего долю секунды смотрел на него обвиняющими глазами-бусинками. Он напоминал птицу из курятника, которая требовала то, что ей причитается. Причесанное и оперенное божество, отмеченное агностической наглостью.

Велисарий махнул рукой, чтобы пресечь юмор Эйда.

— В той войне наступил момент, Кутзес, когда армии зла оказались сломлены. Сломлены, но не уничтожены. Но с того времени и дальше они могли только отступать. Только удерживать имеющееся в надежде, что когда-нибудь в будущем им удастся снова начать захватническую войну.

Теперь Велисарий заговорил сурово.

— Те мерзкие звери — их называли нацистами — никогда не получили нового шанса. Сломив их один раз, враги давили и давили, разрушая их. — Он ткнул большим пальцем за спину, показывая на нечеловеческое чудовище, которое маячило где-то за той стеной. — Линк знает эту историю точно так же, как и я. И эта сущность нацелена проверить, чтобы ни я и никто из солдат этой великолепной армии не выжили для участия в будущих войнах. Или, как Линк прекрасно знает...

Он закатил глаза и кивнул туда же, куда показывал большим пальцем. Следующие слова он прошептал, скорее — прошипел. Это было обещание.

— Я выживу, чудовище. И я покажу тебе операцию «Багратион» и разрушение группы Центр. И я покажу тебе Сицилию и день «Д»⁴⁵ и операцию союзников у Фалэза⁴⁶.

Велисарий перевел взгляд назад на Кутзеса. Ярость ушла, ее заменил мрачный юмор.

— Как я и сказал, эта неистовая атака — большой комплимент. На самом деле она хорошо подпитывает мою гордость. Ты только задумайся, Кутзес. Великие боги будущего, уверенные в своей собственной идеальности, поставили себе единственную задачу — убить одного жалкого, примитивного, неидеального, нелепого, смехотворного, несчастного фракийского проклятого сукиного сына. — Кутзес расхохотался.

— Не могу сказать, что виню их!

Еще одна партия стрел полетела над головами. За ними прилетел поток слов — йетайцы выкрикивали приказы. Кутзес высунул голову из-за стены. Опустив ее, нахмурился.

— Я думаю... — Кутзес хмуро посмотрел на Велисария. — Я хочу, полководец, чтобы ты отсюда ушел. Они в любую минуту начнут следующую атаку. Случайная граната... — он покачал головой. Велисарий не стал спорить по этому вопросу. Он поднялся, правда, в полный рост не вставал, и быстро покинул комнату. В следующем помещении без крыши ждал Анастасий вместе с другими катафрактами, которые теперь служили дополнительными телохранителями Велисария. Маврикий заменил Валентина двумя парнями, после того как Валентина взяли в плен. Выбранные катафракты не оскорбились из-за такой относительной оценки их талантов и достоинств в сравнении с Валентином. На самом деле они были очень довольны комплиментом. Они ожидали, что Маврикий выберет в два раза больше людей.

Анастасий фыркнул, увидев, как в комнату вбегает полководец. Но он воздержался от

⁴⁵ День «Д» — день высадки союзных войск в Европе 6 июня 1944 года.

⁴⁶ Фалэз — город на северо-западе Франции. Город был почти разрушен во время Второй мировой войны.

других выражений своего недовольствия.

Велисарий улыбнулся.

— Важно, чтобы главнокомандующего видели на передовой, Анастасий. Ты это знаешь.

Когда небольшая группа римлян поспешила из разбитых руин бывшей мастерской ремесленника, направляясь на юг, к относительной безопасности, Анастасий снова фыркнул. Но снова воздержался от дальнейших комментариев. Он уже столько раз проходил этот танец с Велисарием, что давно отказался от надежды научить полководца новым шагам.

Один из катафрактов-новичков не был так философичен.

— Послушай, Исаак, полководец вполне может лежать на причале и армия не станет возражать, — прошептал он своему товарищу. — На самом деле все будут только счастливы.

Исаак пожал плечами.

— Да, Приский, я тоже так думаю. Но, не исключено, именно поэтому он — лучший полководец — если хочешь знать мое мнение, то лучший за всю историю, — а мы только вышибалы с копьями.

Ответ Приския, каким бы он ни был, утонул под звуками гранат, взорвавшихся в нескольких дюжинах ярдов позади них. Малва начинали новую атаку. Секундами позже крики несущихся в атаку людей смешались с огнем мушкетов и следующими взрывами гранат. И затем в течение полминуты пришли первые звуки, создаваемые сталью, встречающейся со сталью.

Катафракты не оглядывались. Ни одного раза за все время, которое им потребовалось, охраняя Велисария, чтобы пробраться через заваленные улицы и поврежденные здания. Это было все, что осталось от центрального района Харка после многих дней разрушения их римлянами и выстрелов по ним малва. Когда они наконец достигли относительно неповрежденной гавани, которая составляла южную часть города, катафракты повернулись и посмотрели назад, на север.

— А на что ты в любом случае жалуешься? — спросил Исаак, возобновляя разговор, и кивнул на север. — Ты что, лучше снова окажешься там? Станешь сражаться улица за улицей?

Приский скорчил гримасу. Как и Исаак, он стал телохранителем Велисария только несколько дней назад. Первая пара телохранителей, которых выбрал Маврикий для замены Валентина, сменилась после того, как началась осада Харка. Маврикий, желающий, чтобы Велисарий оставался в живых, сделал окончательный выбор, основанный на самом хладнокровном соображении из возможных. Работу получили те из букеллариев, которые за дни яростных сражений на улицах Харка показали себя самыми кровожадными.

Исаак и Приский оказались наверху списка. Они завоевали это положение во время одного из самых жестоких тестов, которые когда-либо были придуманы человеческой расой. Ни один из них не слышал про Сталинград, и никогда не услышат. Но каждый из них, если бы оказался среди ветеранов 62-й армии Чуйкова, чувствовал бы себя, как дома. Пусть будут прокляты языковые барьеры.

— Хороший вопрос, — пробормотал Приский.

Он повернулся вместе с Исааком и пошел за Велисарием. Полководец направлялся к складу с толстыми стенами, где римская армия устроила свой штаб. Приский смотрел на фигуру высокого полководца, который наклонился, чтобы зайти в маленькую дверь.

— По крайней мере у него хватило здравого смысла уйти до того, как клинки смочила кровь.

— Пока, — проворчал Исаак. Он потянул за один из ремней, удерживающих тяжелые доспехи катафракта. — Проклятье, я устал ходить в этой броне.

Катафракты прошли еще несколько шагов. Когда они приблизились к двери, Исаак повторил:

— Пока. Но не надо питать надежду. Через две недели, самое большее три, малва доберутся до гавани. Ты знаешь, что случится, когда придет тот день.

Приский нахмурился.

— Вылазки, атаки копьеносцев, полный набор — и полководец в самом центре событий. Тогда мы пожалеем, что здесь нет Валентина.

На этой мрачной ноте два катафракта пригнулись и протиснулись в доспехах сквозь дверь, спроектированную для карликов. Дверь вела в туннель, длиной в шесть футов, в массивной стене склада. После усилий, потребовавшихся для преодоления этого туннеля, мужчины практически рычали.

Через пять минут они улыбались, как херувимы.

Глава 37

Только Велисарий выпрямился, протиснувшись через узкий проход, как увидел спешащего к нему Бузеса. Если не считать хорошо освещенную часть у дальней стены, где Велисарий разместил свой письменный стол и стол с картой, внутренняя часть напоминающего пещеру склада оставалась темной. Бузес так спешил, что споткнулся о какой-то завал на полу и упал Велисарию в объятия.

— Полегче, полегче, — засмеялся Велисарий и помог Бузесу встать прямо. — Дела не могут идти так плохо.

Бузес быстро пробормотал извинения. Затем показал пальцем на дверь в противоположной стене.

— Маврикий говорит, что ты должен пойти туда и кое-что посмотреть. Он велел мне сказать это тебе, как только появишься.

Велисарий нахмурился, правда, слегка.

— В чем проблема? — Бузес покачал головой.

— Не знаю. Маврикий мне ничего больше не сказал. Но он был очень настойчив.

Велисарий широкими шагами направился к двери. За собой он услышал тяжелые шаги катафрактов в доспехах, которые следовали за ним. Дверь, подобная той, через которую он только что проходил, была низкой и узкой. И снова Велисарию пришлось наклониться, чтобы пройти. Если не считать больших ворот, предназначенных для грузов, весь склад, казалось, строили карлики.

Выйдя из второй двери, Велисарий взобрался по деревянной лестнице, ведущей на крышу. Поскольку Велисарий шел быстро, то ему, взбираясь по крутым и узким ступеням, приходилось прилагать большие усилия, даже для человека в его прекрасной физической форме и одетому лишь в часть доспехов. Он на мгновение посочувствовал своим телохранителям из катафрактов. Они будут задыхаться от усталости, следуя за ним.

Лестница вела в небольшое помещение. И снова Велисарий протиснулся сквозь крошечную дверку и вышел на свежий воздух. Северная стена склада за ним возвышалась, подобно крепостной. Впереди поддерживаемая снизу тяжелыми балками кирпичная крыша представляла собой плоскую территорию, которая тянулась к морю. Полководец мог видеть дельту, которая блестела под полуденным солнцем.

Велисарий выбрал этот склад в качестве своего штаба из-за его странного дизайна. Одно время, как он подозревал, северная стена здания была внешней стеной Харка. По крайней мере ее строили как укрепление — что могло объяснить крошечные двери. Когда Харк разросся, возвели новые стены, а какой-то предприимчивый купец просто построил свой склад у северной стены, толщиной в шесть футов. С точки зрения римского полководца, лучшего полевого штаба он не мог и желать. Массивная северная стена представляла какую-то защиту от артиллерии, в то же время плоская крыша обеспечивала прекрасную точку обзора, откуда он мог наблюдать за дельтой.

Он увидел Маврикия на южном краю крыши. Там не было никакого ограждения, чтобы защитить от падения на причал в тридцати футах внизу, но, казалось, это Маврикия не беспокоит. Хилиарх определенно слышал скрип двери, потому что уже смотрел на Велисария, когда полководец вышел на крышу.

— Иди сюда! — прокричал Маврикий, держа телескоп. — Есть новое развитие событий, которое, как я считаю, тебе следует учесть.

Велисарий поспешил к Маврикию. Пересекая пространство шириной в пятьдесят футов, он быстро осмотрел всю территорию. С крыши он мог видеть весь южный Харк, а также огромную дельту, которая простиралась на юг к самому Персидскому заливу, примерно на десять миль. Харк построили на восточном берегу самого большого притока, который формировал дельту Тигра и Евфрата, на стрелке, простирающейся к югу и западу основной части материка Месопотамии. Приток вряд ли можно было назвать рекой. Если брать ширину, то он сам по себе почти составлял залив. Для всех практических целей Харк был портовым городом, который окружала вода, начиная с запада по кругу до юго-восточного сектора.

Глаза Велисария осмотрели местность вначале справа, потом слева. Он не видел ничего, что могло бы вызвать такое очевидное беспокойство Маврикия. На обоих берегах притока собрались массы войск малва, но они находились там с первых дней осады. Малва пытались установить осадные орудия на этих берегах, откуда они могли бы стрелять по гавани, но через неделю отказались от усилий. Территория, как свидетельствовали тростники, покрывающие берега, была слишком болотистой. Войска находились там просто, чтобы не дать римлянам сбежать, в то время как основные силы малва пытались молотом пробить себе путь в город с севера. Также их галеры постоянно патрулировали дельту и поставляли припасы.

Велисарий повернул взгляд на приток в поисках галер. И снова не увидел, чтобы что-то было не так. Когда Велисарий ворвался в город, в Харке находилось более двадцати галер. Половина из них патрулировали территорию, и все, за исключением трех, которые стояли у причалов, смогли вырваться на свободу до того, как их захватили римские войска.

С тех пор малва использовали галеры для поддержания блокады. Очевидным путем для Велисария было бы уплыть на грузовых судах, которые он захватил. Но он не мог провести эти неповоротливые суда сквозь ряд боевых галер. Огромные грузовые корабли малва смогли бы выдержать попытки сделать в них пробоины таранами боевых галер — по крайней мере некоторые из них, но галеры были также оснащены ракетами в дополнение к бревнам, используемым для тарана. С близкого расстояния, когда нет места для маневров, партии ракет прекратят не оснащенные пушками грузовые суда в плавучие погребальные костры.

И так солдатам Велисария приходилось тушить небольшие пожары, которые начинались на стоящих у причалов судах после попадания ракет, присылаемых с дальнего расстояния. Линк не притворялся, что спасает грузовые суда для эвакуации войск малва.

Хотя подавляющее большинство ракет и близко не подлетали к причалам, галеры, а также войска, стоящие на берегах, с начала осады постоянно посылали партии ракет. Велисарий не хотел думать о дисциплинарных мерах, которые, вероятно, применял Линк для поддержания продвижения войск вперед и атак. К этому времени даже самые тупые малва должны были понять, что эти атаки — самоубийство.

«Я уверен: Линк обещал командирам йетайцев, что малва спасут йетайцев, если варвары будут держать регулярные войска под контролем», — пришел ментальный импульс от Эйда.

Велисарий согласился с оценкой Эйда. Но когда он приближался к Маврикию, то все еще не видел ничего в дельте, что могло бы вызвать беспокойство. Если не считать три галеры, которые стояли у самодельного причала на восточном берегу и загружали припасы, остальные патрулировали территорию. Как и обычно, малва держали пять галер рядом с гаванью, а остальные растянулись в промежутке между одной и двумя милями.

Когда он подошел к Маврикию, седой хилиарх изучал сами галеры. На его лице выражалось мрачное удовлетворение.

— Они это еще не видели, — сказал он.

Маврикий вручил телескоп Велисарию. Мрачное удовлетворение сошло с его лица...

До того, как поднять телескоп — таким быстрым движением, что он сам чуть не поставил себе синяк под глазом — Велисарий догадался, что происходит. Он только смутно слышал следующие слова Маврикия, сквозь пульсирующую в ушах кровь.

— Да, я думал, что ты захочешь это увидеть сам, парень. Нечасто, в конце концов, человек видит, как Венера поднимается из пены морской.

Велисарий увидел мерцание до того, как заметил мачты. Он искал глазами паруса, пока не понял, что их нет. Подойдя так близко к пункту назначения, аксумские боевые корабли уже шли на веслах.

Однако не возникало сомнения в том, что он видел. Велисарий не был моряком, но он на вид мог отличить боевой корабль от грузового. Двенадцать судов, мачты которых он видел примерно в десяти милях, являлись боевыми. И у него было достаточно опыта, чтобы после примерно минуты изучения отличить верхнюю часть аксумского боевого корабля от галеры малва.

— Они наши, правильно, — радостно пробормотал он. — В этом нет сомнений. Но...

Велисарий снова перевел телескоп на флагманский корабль приближающейся флотилии. И снова там это мелькнуло. Что-то блестящее.

Он отвел телескоп от глаз и нахмурился. Не в беспокойстве, просто поставленный в тупик.

— Там что-то странное... Маврикий кивнул.

— Ты тоже это заметил? Что-то блестит, причем то блестит, то нет, на флагманском корабле. — Глаза хилиарха сфокусировались на горизонте. — Я сам это увидел. Первое, что я заметил на самом деле. Все еще не могу догадаться, что это. Предполагаю, может быть зеркало, если Антонина хотела послать сигнал...

Оба мужчины одновременно поняли. И оба одновременно расхохотались.

— Ну конечно! — весело закричал Маврикий. — Она же — Венера, не так ли? Естественно, у нее самые большие латунные сиськи в мире, черт побери!

Велисарий не произнес ни слова, пока не закончил танец напоминающего одновременно пляску пьяного и дикарский обряд, который воины ряда племен исполняют перед походом или в ознаменование победы. Затем перед пораженными взглядами катафрактов-телохранителей, которые наконец, тяжело дыша, выбрались на крышу, стратег римской империи и командующий ее самой лучшей армией — который обычно оставался абсолютно хладнокровным перед лицом врага — начал насмехаться над далекими войсками малва, как восьмилетний мальчик в школьном дворе.

— Это моя женщина! Это моя женщина! — было единственным из всех выражений, которое не оказалось таким грубым, таким похабным, таким мерзким, таким гнусным и таким вульгарным, что слуги Сатаны убежали бы в ужасе, зажав когтистыми лапами свои уродливые как у летучих мышей уши.

В последовавшие часы, когда Маврикий и Васудева организовывали побег из Харка, Велисарий не обращал внимания на то, что делает его армия.

Конечно, у него не было необходимости принимать участие в подготовке. Планы побега разработали несколько недель назад, даже до захвата Харка. С тех пор как римляне взяли город, большая часть солдат работали, как бобры, чтобы подготовиться к отправке. Грузовые корабли заполнили провизией. Город заминировали для финального разрушения. Все, что оставалось сделать, — это выгнать лошадей, собрать гражданских лиц и организовать отступление с боем к причалам.

С лошадьми разобрались в течение первых двух часов. Их выпустили из конюшен и сараев рядом с причалами и погнали через разбитые улицы к линиям малва. Это задание римские солдаты выполняли с неохотой, но, вероятно по этой причине, так быстро, как могли. Они знали, что большинство лошадей умрут. Многих убьют сами малва, или потому, что примут за кавалерийскую атаку, или по лошадям просто попадут случайные ракеты или

гранаты. Другие животные сломают ноги, пробираясь через завалы. Большинство лошадей, которые выбегут из города, за исключением тех, которых поймает малва, вероятно, умрут от голода в пустыне или в болотах за ней. И даже те лошади, которые окажутся в относительной безопасности в плену у малва, скорее всего будут съедены войсками малва, когда они сами впадут в отчаяние в поисках пропитания. Но единственной альтернативой было уничтожить их вместе с городом. Поместить их на грузовые корабли римляне не могли. Транспортировка большого количества лошадей морским путем и так достаточно трудная задача, при самых лучших обстоятельствах. Она невозможна для армии, которая поспешно убегает под огнем противника. При таких альтернативах римляне решили выгнать лошадей. В конце концов некоторые проживут в пустыне достаточно долго, чтобы их поймали бедуины.

По крайней мере Велисарий так объяснил проблему своим войскам. И объяснение в общем-то не являлось нечестным. Но главной причиной, которой руководствовался полководец, не была гуманность. Когда требовалось, Велисарий мог проявить безжалостность. Он прекрасно знал: как только Линк обнаружит, что вражеские боевые корабли приближаются к Харку, то поймет наконец весь план Велисария. И в тот момент Линк прикажет начать полномасштабное наступление на Харк, погонит все имеющиеся в его распоряжении войска малва вперед. Несущиеся стада лошадей при встрече с этими наступающими стадами людей создадут беспорядок и путаницу. Беспорядок задержит наступление малва и даст убегающим римлянам гораздо больший шанс спасти свои жизни. Потребовалось даже меньше времени, чтобы организовать эвакуацию гражданских лиц. Гражданские лица все были женщинами. Когда римляне взяли город, имелось и небольшое количество мужчин, гражданских лиц из персов. В течение дня, после того как женщины рассказали о том, что с ними делали, этих мужчин казнили вместе с солдатами малва, с которыми они сотрудились.

Женщин из гражданского населения предупредили за несколько дней, и теперь их собирали. Но едва ли требовалось их «собирать». После того как прибыли римляне и освободили их из рабства малва, никто из женщин Харка не отходил более чем на несколько ярдов от римских солдат в любое время дня и ночи. Они делали это по собственному выбору, а не по принуждению. Женщины напоминали полуутопленных котят, которые отчаянно хватались за спасительную соломинку.

Как и другие несчастные женщины, которые оказывались в таком ужасном положении на протяжении истории и были спасены, выжившие от малва в Харке решили последовать за римской армией. В зависимости от возраста, внешности и темперамента, они стали наложницами, поварихами, прачками, медсестрами — а часто всем одновременно. И если их статус и представлялся неопределенным, по абстрактным стандартам, им он казался фактически раем.

Римские солдаты, несмотря на свою суровость и грубость, никогда не были жестокими к своим женщинам. По крайней мере, солдаты Велисария. Другие римские армии могли бы. Но, учитывая дисциплину Велисария — к которой они уже давно привыкли — и их собственный ужас от зверств малва, солдаты вели себя в манере, которую вполне можно было назвать рыцарской. Конечно, если понимать термин «рыцарский», как включающий: вульгарность; грубый юмор; бездумное предположение, что женщины будут им готовить, убирать за ними и стирать; и нет нужды говорить, мгновенную готовность совокупляться, всеми способами, исключая только откровенное насилие.

На самом деле социальное положение большинства женщин было не хуже, чем до вторжения малва. Да, они никогда не вели такую распутную жизнь. Но имелась и компенсация: новые мужчины в их жизни доказали, что достаточно крепки и способны дать женщинам настоящий шанс выжить. А это немало в водовороте будущей войны. Велисарий через своих офицеров уже сообщил женщинам, что они воссоединятся со своими семьями — с тем, что осталось от их семей. Но, к его удивлению, большинство дало ясно понять, что они предпочтут остаться с его армией, независимо от того, куда отправится армия.

Поэтому сложность в эвакуации женщин заключалась не в том, чтобы их собрать. Те женщины, которые могли сами двигаться, собрались на причалах быстрее, чем кто-либо еще. Проблема была в том, что даже через несколько недель после освобождения Харка многие женщины не могли передвигаться самостоятельно. По крайней мере треть женщин, которые были рабынями в военных борделях, оставались слишком слабыми или больными. Их эвакуация представляла собой главную медицинскую проблему.

Эвакуация заняла три часа — к тому времени все носилки занесли на борт. В конце оставили только двенадцать женщин, в медицинском отсеке, отделенном для рабынь, которым досталось больше всего. Все они были без сознания и так близки к смерти, что даже двигать их не представлялось возможным.

Римский офицер, который отвечал за эвакуацию этого отсека, прыгал взад и вперед в раздражении, не в состоянии принять решение. Медсестра, которая сама была прикована цепью в одном из борделей, прошептала несколько слов на ухо кушанскому солдату. Он вручил ей свой кинжал. Медсестра с холодным выражением лица приказала всем покинуть отсек, используя тон, который бы одобрила императрица Феодора. Когда она вышла через пять минут, ее лицо было спокойным, манеры расслабленными. Она даже нашла время, чтобы почистить кинжал. Все, что осталось, — это отступление с боем солдат, удерживающих передовые позиции. При любых обстоятельствах в мире, кроме тех, в которых теперь оказался Велисарий, он сам стал бы руководить отступлением. Его телохранители наполовину спятили бы от того риска, которому он себя подвергал. Но сегодня...

Маврикий даже не удосужился обсудить вопрос с Велисарием. Он просто выполнил задачу сам. В конце концов работа была ему вполне по плечу. На самом деле Маврикий руководил отступлением не хуже, чем мог бы Велисарий. И имелось еще дополнительное преимущество, по крайней мере у солдат, которые служили телохранителями Маврикия. Потрепанный ветеран правильно понимал правильное место правильного командующего в центре сражения.

Поэтому, по одной из маленьких исторических иронии, военный гений, который до этого дня руководил, бесспорно, самой смелой и блестящей кампанией всех времен, не играл никакой роли в ее драматическом завершении. На самом деле он даже не заметил его. Вместо этого его глаза были прикованы к телескопу, и полководец обнаружил, что столкнулся с совершенно новым жизненным опытом.

Он абстрактно знал, какие муки переживала Антонина, когда бы он ни отправлялся на войну. И смеялся, слушая рассказы Маврикия и Ирины о том, как Антонина проводила день после его отъезда.

Он больше не смеялся. Наблюдая за тем, как его жена участвует в морском сражении — прямо перед его глазами, но вне пределов его досягаемости или контроля, — Велисарий наконец понял, что это означает. Неотрывно глядеть на лошадь.

Глава 38

— Антонина, не поднимай голову! — проворчал Усанас. Аквабе ценцен посмотрел на Матвея и показал на женщину, которая пыталась просунуть голову под его локтем. — Сядь на нее, если потребуется.

Матвей покраснел. Затем осторожно приблизил свои огромные ручки к плечам Антонины.

Антонина гневно взглянула на него. На мгновение Матвей отступил. Но только на мгновение.

— Хорошо. Хорошо! — рывкнула Антонина и отошла назад примерно на полдвойма. Сказала сварливо и раздраженно: — Ну а теперь вы удовлетворены?

— Нет! — немедленно последовал ответ. — Я хочу, чтобы ты спустилась вниз, глупая

женщина. Теперь в любую минуту...

Протяжный крик привлек внимание Усанаса, и он снова повернул голову по ходу судна. Через узкий проем в щите, натянутом на нос флагманского корабля, Усанас наблюдал за первой партией ракет, которая направлялась в их сторону от галер малва.

— А теперь они летят, — толкая Антонину перед собой, Усанас отошел на два шага.

Легким взмахом руки он показал Герсему, чтобы шел вперед. Преемник Вахси приблизился к разрезу в щите, откуда мог видеть достаточно, чтобы руководить сражением.

— Помни, Герсем, — сказал Усанас. — Мы должны уничтожить галеры. Независимо от цены. Если потребуется — например, наши суда потопят — то мы найдем место на кораблях Велисария.

Новый командующий сарвом Дакуэн кивнул.

Мгновение спустя шипение первой партии ракет послышалось над головами. Как только ракеты пролетели мимо закрывающего нос щита, Усанас и Антонина вытянули шеи, чтобы посмотреть за их полетом.

— Слишком далеко, — пробормотал Усанас. — Но на них на всех есть насадки для регулирования выходящей струи газа. Давай надеяться, что щиты выстоят.

Он опустил глаза на маленькую римскую женщину, которая стояла рядом с ним.

— Я не допущу, чтобы Велисарий, когда поднимется на борт судна, увидел твой труп, — сказал Усанас. — Только не это, несмотря на все остальное.

— Мы все можем...

Усанас хлопнул в ладоши. Мгновение спустя беспомощную как куклу Антонину опустили на палубу. Матвей и Лев держали по ноге и руке каждый. Их захват был настолько нежным, насколько возможно при подобных обстоятельствах, но Антонина не успокоилась. Весь процесс сопровождался ее монологом.

— Вы уволены! Я вас увольняю, слышите? — была единственная из выплевываемых ею фраз, которая не звучала злоязычно, оскорбительно, мстительно, повелительно и абсолютно бранно и грязно. Усанас падал со смеху и шлепал себя ладонями по животу.

После того, как ее задницу плотно прижали к палубе, Антонина прервала тираду и гневно посмотрела вверх на Усанаса.

— Ты думаешь, это смешно? — спросила она.

Все еще хохоча, Усанас кивнул. Мгновение спустя — даже в ярости Антонина поразилась скорости, с которой мог двигаться Усанас без, как казалось, предупреждения или усилия, — аквабе ценцен уже сидел рядом с ней. Он улыбался ей, глядя на нее с высоты, которая теперь измерялась только дюймами вместо футов.

— Смешно до истерики, — объявил он.

Его следующие слова потонули под звуком еще одной партии ракет, которая провизжала над головами. И снова они с Антониной вытянули шеи, наблюдая за траекторией полета ракет.

— Не вижу, где они ударили, — пожаловалась Антонина. И нахмурилась. — Ничего не вижу из этого смехотворного положения.

Вернулась улыбка Усанаса.

— Так и должно быть, — сказал он удовлетворенно. — Тебе не нужно видеть, куда они попали. Если ты не можешь видеть ракеты, когда они попадают по цели, то мы можем надеяться, что они ответят тебе тем же самым.

Антонина, если такое возможно, нахмурилась сильнее.

— Это — самая большая глупость, которую я когда-либо слышала! Эти ракеты летят туда, куда хотят. Смотри! — Она сурово нахмурилась. — Только мы не сможем наблюдать, потому что, черт побери, ничего не видим, поэтому ракеты ударят по нам, когда мы этого не ждем, и это будет для нас чистым сюрпризом и...

Следующая партия ракет удивила их. Малва очевидно настроили угол ракетных желобов, установленных на носках приближающихся галер. Первым сигналом, который получили Антонина и Усанас, был внезапный звон ракет, врезающихся в щит на носу и

отлетающих на обе стороны. Мужчина и женщина мельком увидели, как ракеты проносятся мимо. Две секунды спустя они услышали, как взрываются боеголовки. Они оба знали только по одному звуку, что ракеты взорвались в воздухе, не нанеся урона.

Неудовольствие Антонины тут же исчезло.

— Красиво! — закричала она. — Красиво!

Извиваясь, она встала на колени и подняла голову достаточно высоко, чтобы выглянуть за борт судна. Усанас не возражал. Он даже успокаивающе махнул Матвею и Льву, которые сидели рядом на корточках. Суть этого жеста не вызвала сомнений: пусть, пока глупая женщина не высовывает голову и латунные сиськи туда, где малва могут в нее выстрелить.

Теперь Антонина поджала губы. Она слегка беспокоилась.

— Хотя есть одна проблема. Я раньше о ней не подумала. — Антонина показала пальцем вперед. — Мы определенно защищены от выстрелов по носу. Но рикошеты могут ударить по одному из кораблей, идущих рядом. Нет никаких щитов, которые бы закрывали большую часть судов.

Усанас пожал плечами.

— Это не сыграет роли, Антонина. Удача — какая бы она ни была — придет, как придет.

Щит на носу снова зазвенел от удара новой партии ракет. И снова грохот звучал почти как удар барабана, и снова от щита отскочили две ракеты. И снова они, не принеся урона, взорвались над волнами.

Направляясь к корме флагманского корабля, Антонина осматривала территорию справа и слева. Она испытала облегчение от увиденного. Капитаны аксумских кораблей уже осознали опасность и предпринимали ответные действия. Дельта Харка составляла в ширину несколько миль и предоставляла много морского пространства. Аксумские корабли, наступающие в одну линию, теперь расходились в стороны.

Антонина наблюдала, как еще несколько ракет отскочили от щитов на других кораблях и пролетели мимо всего формирования. Угол щитов, как она поняла, был выбран настолько точно, что ракета уходит в другой корабль только если очень не повезет.

— Главное — это то, что почти все ракеты не принесут вреда, — продолжал Усанас. В отличие от Антонины, он даже не удосужился проследить за траекториями последней партии. — После того, как мы окажемся в зоне тарана, они прекратят стрелять.

Он мрачно усмехнулся.

— Даже фанатичный жрец Махаведы не захочет оставаться на носу корабля, который собирается сделать пробоину в другом.

Антонина вернулась назад и склонилась пониже. Она изучала фигуру Герсема на носу. Новый командующий сарвом Дакуэн все еще напряженно смотрел в разрез в щите и внезапно показался ей очень молодым.

Усанас, очевидно, мог читать мысли.

— Расслабься. Я выбрал его, хотя он самый младший из офицеров, потому что он — лучший моряк.

— Это кто говорит? — спросила Антонина. — Ты знаешь о судах столько, сколько я...

— Говорят все остальные офицеры, — последовал спокойный ответ. Усанас развел руки, показывая на аксумские корабли, находящиеся по правому и левому борту от них. — И это касается всех судов. У нас есть капитаны и есть командующие войсками. Но пока не начнется абордаж, командование каждым из этих кораблей находится в руках наиболее способного капитана. И черт побери его ранг.

Упоминание «абордажа» сфокусировало внимание Антонины на другом. Она повернулась и сладко улыбнулась Матвею.

— Я прощаю тебя. А теперь, пожалуйста, принеси мне мой пистолет.

Пришел черед Усанаса хмуриться.

— А зачем тебе эта штукавина? — спросил он. — Ты не пойдешь на абордаж ни на какие палубы.

Антонина покачала головой.

— Конечно, нет! — и снова она сладко улыбнулась. — Вся эта идея абсурдна. Она не для знатной госпожи.

Матвей вернулся после выполнения задания. Антонина прижала жуткое оружие к груди, как любимого ребенка.

— Но никогда не знаешь заранее, что произойдет, — спокойно сказала она. — В сражении все может пойти не так, как планировалось изначально.

Усанас определенно не выглядел счастливым. Но больше не возражал. Какой контраргумент он мог представить? Антонина только что объявила старейшую из ветеранских мудростей.

— Дерьмо случается, — сказали Матвей и Лев, как греческий хор. Антонина увидела, как Герсем напрягся.

Она задержала дыхание. Антонина ничего не видела впереди, но знала: линия из двенадцати аксумских кораблей почти встретила с пятнадцатью судами малва, идущими на них. К этому времени враг уже должен был набрать скорость для тарана.

Она задержала дыхание.

— Расслабься, — сказал Усанас. Он казался таким же невозмутимым и спокойным, как кусок гранита. — В тебе мало веры. Галеры малва? В открытом сражении на море — против аксумитов?

Он поднял голову, как волк, воющий на луну.

— Ха!

Презрительный крик смешался с внезапной командой, которую выкрикнул Герсем.

В течение минуты и презрение, и невозмутимость со спокойствием оказались оправданными. И Антонина снова дала торжественную клятву не лезть в дела профессионалов и не мешать им.

Герсем очень точно рассчитал время приказа. Галера малва, которая неслась прямо на них — нос в нос, находилась в нескольких ярдах от столкновения. Аксумский боевой корабль с опытными гребцами и лоцманом внезапно отвернул в сторону. Потом, следуя новому приказу Герсема, быстро пошел вперед. А затем новый приказ — и гребцы на правой стороне судна подняли весла прямо вверх — быстро и скоординировано, одним движением. Маневр был идеально выполнен. Аксумиты позаимствовали его у родосцев, которые считались лучшими моряками в Средиземноморье.

Их сопернику из малва не поздоровилось. Капитан вражеского корабля не имел опыта морских сражений, типично для всех капитанов малва. По крайней мере он не имел опыта сражений против настоящих военных моряков. Несмотря на все могущество империи малва, ей редко бросали вызов на море другие королевства. Главной обязанностью военно-морского флага империи малва считалась защита торговых судов от пиратов.

Надменности и грубой силы хватало, чтобы расправляться с пиратами. Однако это были плохие методы против одной из самых лучших военно-морских держав в мире.

Корабль малва несся на полной скорости, намереваясь пробить судно врага. Увидев, что на вражеском судне нет бревна для тарана, капитан малва чуть ли не фыркнул от самодовольства. Он разобьет корпус врага напополам, отступит назад, а затем прикончит их ракетами. После того как он повредит вражеское судно, оно больше не сможет прятаться за этим странным и адски эффективным щитом.

В последний момент капитан малва приказал гребцам замедлить ход. Ни один капитан в здравом уме не идет на таран на полной скорости. Сила столкновения может повредить нос его собственного корабля. По крайней мере бревно войдет слишком глубоко и его будет сложно извлечь. Правильная тактика тарана требует: бросок на полной скорости, чтобы как можно скорее оказаться в зоне действия тарана; внезапное замедление хода судна; а затем, на последних нескольких футах — простое столкновение. Бревно пробивает корпус, но в нем не застревает. Потом отойти назад, если есть необходимость, повторить.

Хорошая тактика, классическая тактика. Но капитан малва никогда не рассматривал возможность, что соперник точно так же хорошо знает эту тактику и давно выбрал правильную контртактику, и у него также есть капитан и гребцы, и лоцман, которые гораздо опытнее и способнее его самого и его экипажа.

По приказу Герсема аксумский корабль отошел в сторону от изначального курса. К тому времени, как капитан малва понял, что не попадет по цели, Герсем приказал своему судну быстро идти вперед. Капитан малва начал выкрикивать новые команды своим запутавшимся гребцам и лоцману...

Было слишком поздно. Галера малва неотвратимо дрейфовала вперед. Аксумский корабль с поднятыми веслами прошел мимо бока судна малва не более чем в двух футах — борт к борту, практически царапаясь корпусами — разбивая и ломая весла малва, с которыми сталкивался. А учитывая смятение и неопытность экипажа малва, сломал почти все.

Галера малва была мгновенно выведена из боя. Экипажу пришлось еще хуже. Куски весел, отлетающие в сторону, расщепляющиеся и ударяющие, как молотки, сразу же убили одного человека. Но почти у половины гребцов с правого борта галеры малва оказались сломаны конечности или ребра, пробиты черепа — и все они получили раны и были просто ошарашены. Весь порядок и дисциплина на судне нарушились, когда выкрикиваемые офицерами команды потонули под криками и стонами.

Гребцы с другой стороны смотрели на сцену, открыв рты. А затем, при виде приближающихся двух пятидюймовых пушечных стволов, открыли рты еще шире. Секундами позже многие из этих открытых ртов полностью прекратили существование. Аксумские моряки уже перепрыгивали через проем до того, как рассеялся дым. И снова зазвучал убийственный клич:

— Тааха Мариам! Тааха Мариам!

Последовавшая схватка длилась не более пяти минут. Шесть моряков малва убежали, перепрыгнув через борт. Один из них, хороший пловец в великолепной физической форме, доберется до берега в нескольких милях. Остальные утонут, разделив судьбу товарищей.

В дельте Харка малва получают не больше жалости от Аксума, чем получили от римлян в самом городе.

Антонина сидела в безопасности во внутренней части флагманского корабля и еще плотнее прижимала к груди пистолет. Костяшки пальцев побелели не от страха. Просто от ужаса при звуках невидимой резни не более чем в пятнадцати футах. Крики ярости, крики боли. Копья разрывают плоть, ломаются кости. Тихие стоны, шипение в агонии и смерть, когда кровь, булькая, вытекает из горла и наступает тишина.

Теперь все стихало, за исключением волн, бьющихся о борт, и негромкого бормотания воинов. Замолкало — за исключением хлюпающих звуков, когда копья снова и снова входили в трупы. Результаты проверялись и проверялись, и проверялись. И только один раз прозвучал тихий, наполненный удовлетворением голос:

— Тааха Мариам.

— Я тебе говорил, — спокойно заметил Усанас. Аквабе ценцен на протяжении всего сражения даже не пошевелил пальцем. — О, у тебя так мало веры.

В сражении в целом Аксум полностью потерял только один корабль. Это была печальная потеря, поскольку весь экипаж погиб с судном, когда галера малва, на которую они взбирались, внезапно взорвалась. Что случилось? Никто никогда не узнает. Возможно, несчастный случай. Возможно, жрец-фанатик.

Пять других аксумских боевых кораблей понесли тяжелые потери. Количество играет роль, даже против опыта. Не каждый аксумский капитан маневрировал так умело, как Герсем. А когда двенадцать аксумских кораблей противостояли пятнадцати противникам, три галеры малва оставались свободны бить туда, куда захотят.

Капитаны малва, несмотря на надменность и неосторожность, ни в коей мере не были

трусами. Все три свободные галеры шли тараном на аксумские корабли. По крайней мере пытались. Одна из галер малва оказалась так сильно обескровлена правильно нацеленным пушечным огнем, что отошла в сторону — скорее дрейфовала. Ее капитана и лоцмана убили вместе с третьей экипажа. Две другие пошли на таран, потом на абордаж.

Но окончательный результат, даже там, получился таким же.

Количественного преимущества малва оказалось недостаточно — даже если бы их и набралось в два раза больше — чтобы отразить опыт и яростность аксумских копьеносцев. Единственная разница была между проигранной схваткой — и чистой бойней.

По приказу Усанаса аксумская флотилия перестроилась и снова шла к Харку. Теперь от городской гавани их отделяло менее трех миль. Аксумские впередсмотрящие с острым зрением сообщали, что римские суда с войсками начинают покидать причалы.

В аксумской флотилии осталось только восемь кораблей. В дополнение к взорванному, Усанас решил бросить два, которые пробили тараном, и один, который оказался просто сильно поврежден. Ни одному из этих кораблей не угрожало затопление, но повреждений оказалось достаточно, чтобы они стали бесполезными в сражении. Сарвены с трех брошенных судов быстро перебрались на другие военные корабли аксумитов, заполнив места в экипажах, которые понесли тяжелые потери.

Теперь флотилия аксумитов состояла из восьми кораблей, не двенадцати — но осталось только пять галер малва.

— Ты только посмотри на них, — фыркнула Антонина, изучая вражеские корабли. — И кто-то еще вечно обвиняет женщин в неспособности принять решение!

Усанас улыбнулся.

— То, что ты видишь, Антонина, — это современная версия мифа. Между Сциллой и Харибдой.

Командующий эскадрой малва, казалось, разрывался от неспособности принять решение. Или, возможно, как сказал Усанас, он просто оказался между двумя чудовищами. Вначале пять галер направились на наступающих аксумитов. Затем, увидев, как римские корабли отходят от причалов, направились назад. В конце концов главной задачей этих галер было не дать убежать Велисарии и его людям.

Затем, увидев первый из гигантских взрывов, которые начали уничтожать то, что осталось от Харка, маленький флот малва просто бесцельно дрейфовал.

Что делать? Что делать? Территория гавани все еще оставалась незатронутой пламенем, да и взрывы там не грохотали. Командующий флотилией малва знал: Велисарий не отдаст приказ на последнюю серию взрывов, пока не увидит, что его путь расчищен. Когда остальная часть Харка превратилась в яростно бушующий ад — лигроин там смешали с подрывными зарядами, наступающая армия малва просто не могла достичь причалов до того, как римские корабли уйдут далеко в дельту. Где...

Аксумские корабли находились в миле от эскадры врага. Они доберутся до галер малва менее чем за десять минут, задолго до того, как римские корабли с войсками окажутся в радиусе эффективного действия ракет.

Восемь против пяти теперь — и командующей эскадрой видел, что получилось, когда преимущество было на стороне малва.

Внезапно с восточного берега дельты в небо взмыли сигнальные ракеты. Зеленая, зеленая, белая. Не прошло и тридцати секунд, как все галеры малва уже шли к берегу. Они взяли единственный разумный курс, когда оказались пойманными между чудовищами. Убраться с их пути.

— Ты видишь, как они убегают? — рассмеялась Антонина несколько минут спустя, наблюдая, как галеры малва несутся на восток. — Ясон с аргонавтами не могли бы развить такую скорость.

Усанас улыбнулся.

— Ну конечно! А что еще они могут сделать?

Он показал пальцем прямо вперед. Теперь вид был открыт. Моряки и артиллеристы снимали щиты. Флот с римскими войсками полностью вышел из гавани, которая начала яростно гореть. Содрогающая землю серия взрывов развалила сами причалы.

— С одной стороны у них известный полководец Велисарий, который ведет своих устрашающих воинов, — объявил Усанас. — С другой — еще хуже!

Он начал прыгать вокруг, показательно делая выпады копьем.

— Они против меня! Я ужасен, ужасен — демон! — Антонина рассмеялась.

— Ты всю битву провел, сидя на заднице! Обманщик! Самозванец! — Усанас покачал головой.

— Это потому, что я правильно понимаю, где должен находиться командующий во время сражения, женщина. — Он нахмурился. — И в любом случае, какое это имеет отношение ко всему? Значение имеет душа, а не ничтожная плоть. Все это знают!

Он оскалил зубы, глядя на убегающие галеры.

— Душа Усанаса, вот что привело их в ужас! — Величественный взмах руки снизошедшего до остальных. — Конечно, сарвены помогли. Немного.

Антонина уже собралась добродушно подшутить над ним, когда что-то привлекло ее внимание.

Скорее кто-то. До ближайшего римского корабля оставалось менее двухсот ярдов. На самом краю носа находился солдат. Он казался высоким мужчиной. И он яростно махал ей.

Мгновение спустя Антонина уже балансировала на носу собственного корабля, судорожно махала в ответ и кричала неясные фразы.

Потом она прыгнула. Усанас едва успел ее схватить, до того как она рухнула в воду.

— Антонина! Будь осторожна! В этой кирасе ты утонешь за две минуты!

Антонина совсем не обращала на него внимания. Теперь она плакала от чистой радости, размахивая руками и пытаясь выпрыгнуть за борт. Несмотря на то что она была такой маленькой, а Усанас таким сильным, ему все равно оказалось трудно выполнять взваленную на себя работу.

— Великолечно, — проворчал он. — И снова мне приходится спасать глупую римскую женщину от уничтожения.

Глава 39

В этом случае Усанасу пришлось спасти глупого римского полководца. Когда корабль, несущий римские войска, оказался практически рядом с кораблем Антонины, Велисарий — который сам прыгал и орал от счастья — поскользнулся и упал за борт.

Антонина завизжала. Усанас с силой отшвырнул ее назад в руки Матвея,

— Держи ее и не выпускай! — заорал он. Мгновение спустя Усанас прыгнул в воду.

Он нашел Велисария менее чем через пятнадцать секунд, хватающего ртом воздух и пытающегося развязать доспехи. К счастью, полководец был великолепным пловцом и — что еще удачнее — не облачен в полные доспехи катафрактов. Если бы он сегодня их надел, то его бы уже потянуло вниз. Но часть доспехов все равно была достаточно тяжелой и снять ее в воде не представлялось возможным.

— Не дергайся, — рявкнул Усанас.

Он подхватил Велисария и потащил к кораблю Антонины. Велисарий тут же расслабился и использовал только ноги, помогая себе держаться на плаву.

— Рад снова встретиться с тобой, Усанас, — весело сказал он. Усанас фыркнул.

— Скажи мне кое-что, Велисарий, — он замолчал, чтобы перевести дыхание. Его сильные гребки практически доставили их до судна. — Как вам, римским придуркам, удается завоевать половину мира?

Замолчал, чтобы перевести дыхание. Теперь они были у борта судна. Протянутые руки

вытаскивали Велисария из воды.

— Лично я бы не выпустил тебя из дома, чтобы набрать воды из колодца. Ты определенно свалился бы в него.

Усанас не получил ответа. Римский придурок уже был в объятиях Венеры.

Примерно через десять минут Велисарий и Антонина наконец оторвались друг от друга. Велисарий поморщился.

— Ты должна избавиться от этой кирасы, — пробормотал он, потирая ребра, и посмотрел на приспособление с уважением. — Она даже более смертоносна, чем похабна.

Антонина улыбнулась, глядя на него снизу вверх.

— Ну так сними ее. Ты это можешь сделать. Я знаю, что можешь. — Она улыбнулась шире. — Я помню, как ты меня раздевал догола быстрее, чем...

— Тихо, жена! — приказал Велисарий. Он нахмурился с торжественным, суровым неодобрением. Выражение, к сожалению, не возымело действия. Улыбка Антонины стала определенно еще более непристойной.

Велисарий рассмеялся. Глаза Антонины быстро изучили непосредственно окружающую их территорию.

— Слегка примитивно, — задумчиво сказала она. — Но мы, вероятно, сможем устроиться на одной из скамей для гребцов, если ты воздержишься от своей обычной акробатики. — Она холодно посмотрела на окружающую их небольшую толпу. — Хотя нужно избавиться от зрителей. Вот что я тебе скажу. Ты — полководец. Ты приказываешь им отправиться за борт, а я пристрелю неповоротливых и отстающих.

Ее последние замечания не были произнесены тихо. Как раз наоборот, присутствующие улыбались ей. Антонина попыталась поддерживать убийственное свечение в глазах, но, по правде говоря, провалилась. Хихиканье не помогло.

— Наверное, нет. — Вздох, который последовал, мог бы обеспечить мир новым стандартом меланхолии. Если бы она не хихикала.

Велисарий опять сгреб ее в объятия. Ей на ухо прошептал:

— Так получилось, любовь моя, что я организовал размещение на корабле с моими войсками. Там есть капитанская каюта. Зарезервирована только для нас.

— Ну тогда пошли туда! — с готовностью прошептала Антонина. — Боже, как я рада, что вышла замуж за полководца. Люблю человека, который умеет планировать далеко вперед.

Теперь он сам вздохнул. В этом звуке была искренняя меланхолия.

— Пока нет, — прошептал он. — Сегодня ночью, любовь моя, сегодня ночью. Но нужно еще кое-что сделать.

Она удивилась, отвела голову назад и уставилась на него снизу вверх.

— Но все сделано! — возразила она.

Антонина покрутила головой, рассматривая корабли, которые, казалось, заполнили дельту.

— Разве нет? Разве ты не всех забрал с причалов? — Велисарий улыбнулся.

— О, это сделано. Идеально. Лучше всего спланированная и осуществленная операция, которую я когда-либо видел, даже если я сам это говорю. — На мгновение он казался немного смущенным. — Мне нужно не забыть сделать комплимент Маврикию, — пробормотал он. — Но все равно кое-что осталось. Кое-что еще. — Его улыбка изменилась, стала достаточно холодной и безжалостной. — Если хочешь, называй это десертом.

Антонина все еще смотрела на него в смятении. Велисарий повернул голову. Когда он заметил Усанаса, то подозвал его коротким кивком.

— Ты тут главный? — спросил он. Усанас улыбнулся, так широко, как всегда.

— Разве царь Эон не гений? Разве я не говорил всегда, когда был его даваззом, что парень далеко пойдет? Он принимает мудрые решения — в особенности в том, что касается назначений и постов.

Велисарий усмехнулся.

— Ты заметил что-нибудь странное в последние моменты перед нашим побегом?

Усанас ответил без колебаний.

— Сигнальные ракеты. Галеры не убегали. Их призвали на берег. Я не понял этого. Я ожидал, что они пойдут в последнюю отчаянную атаку.

Улыбка Велисария больше не была холодной. Она стала чисто звериной.

— Да. Это на самом деле интересно.

Он больше ничего не сказал. Но Усанасу потребовалось только четыре секунды, чтобы понять. Аквабе ценцен покрутил головой, глядя на далекие причалы, где теперь стояли пять галер малва.

— Хорошо известно, что раненые звери представляют собой легкую добычу, — пробормотал он. И повернулся назад к Велисарии. Хищная улыбка встретила с плотоядной. — Спроси любого охотника, римлянина. Лучший способ охотиться — из засады.

— Интересно, что ты это упомянул, — сказал Велисарий. — Я только что сам это подумал.

Глава 40

Великая Страна.

Осень 532 года н.э.

В день бракосочетания Кунгас взял на себя командование всеми военными силами в Деогхаре. Рао, поскольку был женихом, естественно не возражал. Точно так же не возражали различные послы и военачальники из многих королевств, теперь ставших союзниками Шакунталы. Во-первых, они боялись Кунгаса. Но даже если бы и не боялись, то все равно были бы более чем счастливы позволить ему взять на себя ответственность.

Более чем счастливы. На самом деле послы очень радовались. Теперь, после того, как у них имелось время переварить новую реальность и пережить свой первоначальный шок и негодование от неожиданного решения Шакунталы выйти замуж за Рао, послов очень радовала сложившаяся ситуация. Фактически они пребывали почти в экстазе.

Все королевства, которые они представляли, парализовали малва. Их решение искать династического брака с Андхрой вызывалось настоятельной необходимостью и ничем больше. Он подошли к проекту со всем энтузиазмом, с которым человек решает ампутировать конечность, чтобы спасти свою жизнь.

Шакунтала отказалась от их предложений. Поскольку она сама принимала решение, то навряд ли может в чем-то обвинить их.

Если бы они не были дипломатами, то улыбались бы от уха до уха. Они получили преимущества союза с возрождающейся Андхрой — без кандалов династического брака. Если дела пойдут плохо, то они всегда могут в мгновение ока бросить Шакунталу. Ведь в конце-то концов не их же наследный принц женат на сумасшедшей женщине.

Поэтому пусть грубый, жестокий, бесстыдный и неотесанный варвар берет на себя ответственность. Их положение полностью их устраивало.

Силы, которые теперь находились под командованием Кунгаса, оказались большими и разношерстными. В этот день Деогхар был полон, как любой город в кишасей людьми Бенгалии. При других обстоятельствах Кунгас бы наполовину сошел с ума от хаоса. Хотя, вероятно, нет, учитывая непоколебимую флегматичность этого человека.

И определенно нет при обстоятельствах, которые на самом деле имели место.

Его противника, господина Венандакатру, командующего силами, осаждающими Деогхар, не случайно называли Подлым. Другого человека могли бы назвать Венандакатра Жестокий, или Ванандакатра Ужасный, или просто Зверь. Но все эти клички несут определенный подтекст несдержанности, силы и ярости. Такие клички дают человеку, которого боятся так же, как ненавидят.

С другой стороны, подлого человека просто презирают. Если отбросить все, то это презренная фигура.

В этот день Подлый был так сильно напуган, как только может испугаться командующий любой армии. И все это знали.

Солдаты самого Венандакатры знали. На протяжении праздника, растянувшегося на весь день в Деогхаре, Подлый ни разу не вышел из шатра. Его солдаты, начиная с высшего командования и до самых последних рекрутов, точно так же, как и все остальные индусы, теперь слышали историю, ставшую сюжетом для рассказов сказочников. Рассказов о том, как похоть великого господина из малва к новой наложнице не была удовлетворена из-за героя. Герой сорвал планы господина, а последний даже не смог отомстить, отчего рассказ становился еще слаще.

Сегодня красивая девушка — когда-то рабыня, а теперь императрица — отдастся человеку, который спас ее от Венандакатры. Она станцует свой брачный танец прямо перед Подлым и бросит насмешку ему в лицо. Будет дразнить его своим девственным телом, которое никогда не станет принадлежать ему. Ни теперь, никогда.

Подлый в своем шатре скрипел зубами от ярости. Ярости, приправленной большими дозами позора и унижения. Его солдаты, которые презирали его не меньше, чем враги, с трудом сдерживали смех. Конечно, им это удавалось. Никто из них не был таким дураком, чтобы даже улыбаться — не тогда, когда шпионы Венандакатры и махамимамсы рыскали по лагерям и полевым укреплениям. Но в этот день их атака на Деогхар была также маловероятна, как атака такого же количества хихикающих мышей на львиное логово, чтобы потешить уязвленное самолюбие мышинного короля.

Кунгас приятно провел день, втирая соль в рану Подлого. Он перемещал все разнообразные силы под своим командованием по северным бойницам, которые выходили на шатер и основную часть войск Венандакатры. Позволяя солдатам малва, если и не самому скрывшемуся в шатре Подлому, увидеть все разнообразие и многочисленность сил, которые теперь объединились против них.

Под общие бурные аплодисменты четыреста копьеносцев из сарва Дакуэн появлялись там не менее трех раз. Частично из-за экзотической и великолепной внешности аксумитов — чернокожие мужчины из далекой сказочной страны, чернее, чем кто-либо из дравидов, с дико выглядящими копьями и яркими головными уборами из страусиных перьев. Однако по большей части они появлялись так часто из-за радости толпы при виде четырехсот голых задниц, которые по приказу Эзаны, лично подававшего пример, свешивались со стены в лица малва.

А лучшее еще ждало впереди. К середине дня сама брачная церемония закончилась и невеста с женихом начали танцевать.

Шакунтала танцевала первой. По традиции первым должен был танцевать муж. Но императрица постановила по-другому. Шакунтала сама по себе считалась прекрасной танцовщицей, но она не могла соперничать с Рао. Никто не мог. Поэтому она танцевала первой. Не потому, что стыдилась собственных умений, а просто потому, что хотела дать людям посмотреть и запомнить Рао на пике славы. Они увидят и расскажут другим, и своим детям и внукам, и Рао останется в истории в полном великолепии.

На самом деле ее собственный танец получился великолепным. Шакунтала не танцевала на центральной площади города, где происходило бракосочетание. Она выступала на вершине крепостного вала северной стены, на платформе, которую установили в предыдущий день.

Когда императрица быстро переоделась и появилась на платформе, толпа дружно вздохнула. Шакунтала сменила свои изысканные императорские одежды на одежды танцовщицы. Ее панталончики, несмотря на красивый цвет и фасон, можно было посчитать почти скандальными.

Тем не менее толпа осталась довольна. Вначале, когда императрица только начала танцевать, люди предполагали, что Шакунтала просто дразнит врага. Гарцует и резвится,

молодая и красивая, перед существом, которое когда-то мечтало ею обладать.

Что, конечно, она делала. Танец по своей природе — чувственный акт. Это относится и к пожилому мужчине, и тучной матроне, которые со скрипом делают шаги, как и к другим. Но нет ничего более чувственного, чем танец женщины, гибкой, подвижной и красивой.

Шакунтала была такой и этим воспользовалась. Венандакатре повезло, что он никогда не видел этого танца. А то Подлый бы стер свои зубы в порошок.

Но когда танец Шакунталы продолжался и претерпел превращения, толпа поняла правду. Насмешки над врагом — тривиальная вещь. Забавная, но вскоре отброшенная Шакунталой в сторону.

Императрица Шакунтала танцевала не для Подлого. Она даже не танцевала для Андхры. Теперь она танцевала для своего мужа. Вся чувственность этого танца, чистая его сексуальность не были насмешкой. Танец показывал обещание, давал залог и больше всего — демонстрировал ее собственную страсть и желание.

Они и раньше задумывались, вся эта большая толпа. Теперь они знали правду. Наблюдая за голыми быстрыми ножками своей императрицы, которые мелькали для сердца ее любимого, они знали. Государственные дела, политические расчеты, даже долг и обязанность ушли, словно никогда и не существовали.

Андхра вышла замуж за Великую Страну не потому, что ее собственное прошлое требовало этого, а потому, что это было будущее, которое она свободно выбрала. Будущее, которого она желала. Когда Шакунтала закончила — с вызовом ко всем традициям и обычаям, толпа взорвалась яростными аплодисментами. Аплодисменты продолжались полчаса.

Теперь пришла очередь Рао, и толпа замолчала. Его репутация танцора была известна всем маратхи. Но большинство из них никогда собственными глазами не видели, как он танцует.

Теперь они видели его и никогда не забудут. Рассказ станет передаваться из поколения в поколение.

Рао начал, как муж. И если его танец не получился таким чисто чувственным, как танец Шакунталы, никто, кто видел его, не сомневался в чувствах Рао.

Танец продолжался и продолжался. И по мере продолжения медленно превратил желание мужчиной женщины — жизни, которую она даст ему, детей, которых она родит ему, — в желание народом будущего.

Теперь это был танец Махараштры. Великая Страна давала в залог обещание, клялась в верности. Там присутствовала любовь, вместе с желанием. Но там также были смелость, и вера, и надежда, и доверие, и целеустремленность. Махараштра танцевала для своих пока не рожденных детей, точно так же, как танцевал для своей невесты. Это был танец мужа, не любовника. Каждый шаг, каждый жест, каждое движение несло обещание верности.

Затем танец снова переменился. Толпа смолкла и застыла.

Это был великий танец. Ужасный танец. Давно запрещенной, но никогда не забытый танец. Танец созидания. Танец разрушения. Крутящийся, вертящийся танец Времени.

В танце не было никакой ненависти. Больше не было. Любовь, да, всегда. Но даже любовь уступила, заняв свое почетное место. Это был высший танец, который говорил о высшей истине.

Эта истина танцевала для всех, чтобы все увидели ее, и держала толпу очарованной. Молчаливой, но не приведенной в замешательство. Нет, ни в коей мере. Каждый шаг, каждый жест, каждое движение несли великое обещание. Толпа, понимая это обещание, наливалась силой.

Империи могущественны. Время еще более могущественно. Тираны приходят, тираны уходят. Деспоты выходят на сцену, разглагольствуя о славе. А затем Время показывает им на выход. И только одни люди стойко держатся и выживают. Окончательная власть — это власть людей. Ни одна армия не может выстоять против нее, никакие крепостные стены с бойницами не выдержат.

Все закончилось. Танец завершился. Муж взял жену за руку и повел ее в комнату Времени. Люди, наблюдая за тем, как они уходили, увидели, как приближается их собственное будущее.

После того как они оказались в покоях, уверенность Рао исчезла. Теперь ничего не осталось от великолепного танцора, который уверенно делал уверенные шаги. Он едва смог подойти к кровати, его взгляд оставались рассеянным. Рао казался человеком в полубессознательном состоянии.

Шакунтала улыбалась и улыбалась. Улыбаясь, она сняла его одежду. Улыбаясь, сняла свою.

— Посмотри на меня, муж, — приказала императрица.

Глаза Рао переместились на нее. Его дыхание остановилось. Он никогда не видел ее обнаженной. Тело восстало против дисциплины, и у него не возникло никаких трудностей.

Все еще улыбаясь, Шакунтала прижалась к нему, целовала, касалась, гладила. Его разум — плотно закрытый годами самоотречения и самоограничения — был подобен куску льда. Его тело, теперь в полном и диком восстании, казалось чистой магмой.

— Однажды ты дал обещание моему отцу, — прошептала Шакунтала. — Помнишь?

Он кивнул, как статуя.

Улыбка Шакунталы стала хитровой. Она отодвинулась, двигаясь волнообразно, и распростерлась на постели. Глаза Рао были прикованы к этому зрелищу. Но разум все еще не мог охватить его.

— Ты пренебрегаешь своими обязанностями, Рао, — прошептала Шакунтала, лежа на кровати. — «Научи ее всему, что ты знаешь». Вот каким был приказ моего отца.

Она свернулась, развернулась, потянулась.

— Я никогда не учил тебя этому, — поперхнулся Рао. Шакунтала выгнулась дугой, потянулась. Тягучая, улыбающаяся.

— Ты научил меня читать, — возразила она. — Я взяла почитать книгу. — Шакунтала снова свернулась, и выгнулась дугой, и потянулась. Обещание, неприкрытое обещание.

— «Ничего не скрывай», — напомнила она. — Это твой долг. — Отрицание разбилось, самодисциплина исчезла с ветром. Рао двинулся, как пантера к своей самке.

В коридорах за покоем ждали женщины-служанки. По большей части, женщины старшего возраста. Все — маратхи. Услышав голос Шакунталы, без слов, объявляющий о ее дефлорации, они улыбнулись. У другой девственницы в этом крике могла бы быть боль. Но в голосе их яростной императрицы не звучало ничего, кроме экстаза, готовности и желания.

Обязательство выполнение. Обещание сдержано.

Женщины поспешили по залам, распространяя новость. Но в их усилиях вообще-то не было необходимости. Шакунтала никогда не отличалась застенчивостью. Теперь, став женщиной, она откровенно кричала о своей победе.

Молодые люди, ожидающие на улицах внизу, тоже услышали ее. Они сели на лошадей до того, как служанки добрались до конца первого коридора. К тому времени, как женщины Махараштры вышли на улицы, чтобы сообщить новость, сыны и племянники Махараштры уже уехали. К тому времени, как возобновились танцы и началось веселье, они несли послание к воротам и за ворота и со стуком конских копыт разносили его во всех направлениях.

Страна, называемая Махараштрой, была создана миллионы лет назад, когда магма с кипением поднялась на поверхность земли.

Геологи позднего времени назовут ее ловушками Деканского плоскогорья, с серьезным видом объясняя серьезным студентам, что это, возможно, была величайшая — и самая яростная — вулканическая деятельность в истории планеты.

Теперь, когда Деогхар плясал в радости, в Великой Стране началось новое извержение. Страна танцевала, объявляя новое время для малва. Время смерти и ужаса, и отчаянной борьбы. Новость быстро распространялась во все стороны.

Солдаты малва уже ненавидели службу в Махараштре. С этого дня они станут говорить о ней приглушенными и испуганными голосами. Как солдаты более позднего времени, наблюдая, как из зла вываливаются кишки, будут говорить о русском фронте.

Велисарий планировал и строил козни, и маневрировал, и действовал, руководствуясь видением Эйда о войне на Пиренейском полуострове.

У него уже была своя война на полуострове. Теперь он получил и Припять⁴⁷, и маки⁴⁸, и варшавское гетто, и горы, окружающие Дьен-Бьен-Фу⁴⁹, и улицы Будапешта⁵⁰, и все другие места в истории, где империи, полные надменности и страдающие короткой памятью, снова узнавали танец Времени.

Время, конечно, содержит все. Среди составляющих есть и фарс. Глаза Шакунталы были очень круглые. Лицо молодой женщины выражало удивление.

— Я думала, что это... не знаю. Займет больше времени.

Глядя на ее любящее, смущенное лицо с расстояния в несколько дюймов, Рао покраснел от смущения.

— Не могу поверить, — пробормотал он. — Я не делал этого с четырнадцати лет.

Он неловко подбирал слова.

— Ну, — путался он. — Ну. Да. На самом деле должно было. Гораздо дольше. — Рао вдохнул воздух. «Как объяснить?» Последовали слова, перемежающиеся паузами и остановками. Рассказ о самодисциплине. Излишняя поспешность из-за невозможности сдержаться. Мечта сбывается без достаточной эмоциональной подготовки и... и... Когда Шакунтала наконец поняла — что на самом деле не отняло слишком много времени: она была неопытна, но очень умна — императрица рассмеялась. Правда, Рао казалось, что объяснения отняли столетия.

— Вот! — закричала она.

Рао также обучал ее бороться. Через мгновение она вылезла из-под него и положила его на спину. Затем оседлала его и начала стыдить.

— Вот! — игриво она ударила его в грудь. — Правда вышла наружу! Удар.

— Победитель — ха! Герой — ха! — Удар. — Меня обманули! Обвели вокруг пальца!

Теперь сам Рао смеялся. Смех становился громче и громче, по мере того, как он слушал, как его жена наделяла его новыми кличками — смешными и позорными. Отдышка Махараштры. Нет, не Ветер Великой Страны — нет! Дуновение Великой Страны.

Смех изгнал стыд и принес страсть, чтобы заполнить пустоту. И вскоре — очень скоро — императрица прекратила жаловаться. И к концу длинной ночи признала — по-настоящему величественно, несмотря на весь пот — что ее муж все равно — герой.

Глава 41

⁴⁷ Припять — река на территории Украины и Белоруссии. На ней во время Второй мировой войны шли продолжительные бои.

⁴⁸ Маки — французские партизаны во Второй мировой войне.

⁴⁹ Дьен-Бьен-Фу — город и уезд на северо-западе Вьетнама. Весной 1954 года возле него состоялось решающее сражение войны в Индокитае, завершившееся капитуляцией французских войск.

⁵⁰ Имеется в виду так называемый «Венгерский мятеж» 1956 года.

Ормузский пролив.

Осень 532 года н.э.

Чудовище убежало от разрушения и поражения. Зализывая раны, оставляя кровавый след, волоча за собой раненые конечности, зверь полз назад к своему логову. Молча, несмотря на всю агонию. Его холодный разум наполняли планы мести. Мести и возвращения в конце концов к хищному образу жизни.

Другое чудовище бы кричало, от ярости и крушения планов, а также боли и страха. Но это не было свойственно чудовищу. Даже когда охотник, который его ранил, снова выпрыгнул из засады.

Хотя на мгновение где-то глубоко внутри древних глаз и могла сверкнуть ненависть.

Глава 42

Велисарий собрался говорить. Затем закрыл рот.

— Хорошо, хорошо, — пробормотал Усанас. Аквабе ценцен хитро посмотрел на Антонину.

Она посмотрела на него в ответ, фыркнула.

— Мой муж — опытный полководец, — объявила она. — Мой муж спокоен и холоден вечером перед битвой.

Усанас рассмеялся.

— Похоже на то. Хотя на мгновение я готов был поклясться, что он собрался указывать опытным капитанам, как управлять флотилией.

Велисарий ни разу не отвел взгляда от приближающихся судов малва. Но появилась его обычная хитрая улыбка.

— Какая чушь, — твердо сказал он. — Идея абсурдна. — Велисарий повернул голову и обратился к человеку, который стоял прямо за ним. — Разве нет, Маврикий?

Маврикий нахмурился.

— Конечно, полная чушь. Ты потратишь десять минут до того, как доберешься до сути, указывая Герсему, с какой стороны дует ветер. После того, как полчаса будешь объяснять, зачем нужны паруса.

— Проклятие полководца — угрюмые подчиненные, — пробормотал Велисарий.

— После того, как потратишь два часа, описывая, что такое ветер вообще, — продолжал Маврикий. — И три часа... — он вытянул вперед толстый короткий палец, показывая на море вокруг них. — О, Герсем, посмотри! Вот это называется вода.

Усанас с Антониной расхохотались. Велисарий, несмотря на то что яростно хмурился, прилагал большие усилия, чтобы к ним не присоединиться.

Однако через мгновение веселье прошло. В конце концов они охотились на чудовище. Они больше не сидели в засаде, не скрывались, а были на виду.

За своей спиной Велисарий услышал, как вздохнул Маврикий.

— Хорошо, хорошо, — пробормотал хилиарх. — Будем справедливы. Ты снова оказался прав, полководец. Но я все равно не знаю, как ты догадался.

— На самом деле я не «догадывался». Я просто предположил, и все. Но нам было нечего терять, кроме как потратить несколько дней здесь, в проливе, в то время как остальные грузовые корабли доставляют войска в Асэб.

Велисарий показал пальцем на север, проведя им дугу в воздухе. Теперь они далеко зашли в Ормузский пролив. Персидская материковая часть смутно маячила за носом огромного грузового судна.

— Это одна из самых худших местностей, которые я могу предложить для марша пешей армии, без надежной линии поставок. Причем армии любого размера, и уж никак не орды Линка.

Маврикий фыркнул.

— Теперь это не такая уж и орда! Не после того, как мы с ними разобрались.

Велисарий покачал головой.

— Не надо себя обманывать, Маврикий. Да, мы нанесли им жуткие потери. И только одному Богу известно, сколько умерло во время окончательного разрушения города. Но я уверен: две трети армии малва все еще целы. — Он скорчил легкую гримасу. — Ну по крайней мере живы. «Целы» — это я слишком сильно выразился.

Он сделал паузу, изучая приближающиеся суда малва. В этой маленькой флотилии насчитывалось шесть судов. Пять галер, которые избежали аксумитов в дельте, сопровождали грузовой корабль. Этот корабль, хотя и оказался больше, чем галеры, был гораздо меньше, чем грузовое судно, на борту которого стоял Велисарий.

Полководец прервал размышления, отклонился назад от палубного ограждения и выкрикнул вопрос Герсему. Аксумский командующий сидел на самом носу корабля и сам очень внимательно рассматривал врага,

— Три тысячи тонн, Велисарий! — пришел ответ. — Вероятно, это самый большой корабль из оставшихся у них.

Велисарий рассмеялся, увидев, как нахмурился Герсем. Корабль малва использовался для поставок продовольствия и боеприпасов по Евфрату. Аксумит, моряк, пришел в негодование от идеи использовать такое судно, как речную баржу, и он уже был недоволен оттого, что его вынудили стать капитаном огромного, уродливого, неповоротливого, неуклюжего судна малва — вместо одного из аксумских боевых кораблей, которые составляли оставшуюся часть его флота.

Велисарий вернулся к теме.

— Линк должен попытаться спасти столько солдат, сколько сможет, Маврикий. Он сможет спасти их — они все будут йетайцы — используя то, что осталось от судов, осуществлявших поставки по реке. Но единственный способ спасти основные силы — это использовать флот из Бхаруча, который ждет муссонов восточных направлений. В нем тридцать кораблей, судя по отчету, который Антонина получила от Ирины. Ирина написала тот отчет как раз перед тем, как покинуть Сурат, не так уж и давно. Тогда малва уже загружали провизию и боеприпасы на те корабли.

За упоминанием отчета Ирины последовало недолгое молчание, когда четверо людей, стоявших у палубного ограждения, улыбнулись с облегчением, одновременно радостно и весело. Они испытали облегчение оттого, что знали: Ирина все еще жива, чтобы писать отчеты. Радость от самого отчета. И им стало весело от поворотов судьбы.

Ирина написала тот отчет больше из сентиментальности, чем чего-либо еще. Шансы, что он попадет в руки Антонине, почти равнялись нулю. Но... почему бы и нет? В конце концов отчет не содержал секретов, чтобы любыми способами скрывать его от малва. И капитан аксумского контрабандного корабля поклялся — с насмешкой и цинично — что пронесет послание через блокаду малва и доставит в Аксумское царство. Конечно, он не мог поклясться, что оно когда-нибудь достигнет Антонину.

В данном случае корабль контрабандистов встретился с аксумской флотилией, которая ждала в проливе, чтобы устроить засаду на Линка. Послание оказалось в руках у Антонины днем раньше.

— Как жаль, что я не попал на свадьбу, — задумчиво произнес Велисарий. — Просто чтобы наконец посмотреть своими глазами, как танцует Рао.

Он на мгновение опустил веки. Велисарий на самом деле видел, как танцует Рао, но только в видении. В другое время, в другом будущем Велисарий провел тридцать лет в обществе Рао. Он восхищался военачальником маратхи, теперь супругом императрицы, возможно больше, чем каким-либо другим человеком, которого когда-либо знал. И поэтому на мгновение он наслаждался радостью Рао от того, что тот наконец, при этом повороте колеса судьбы, объединился с сокровищем своей души.

Антонина провела эти мгновения, наслаждаясь другой радостью. Ирина была ее лучшей подругой. Антонина смогла различить скрытое послание, которое содержалось внутри описания политических и военных событий. В этих предложениях слишком ясно

фигурировал Кунгас. Достаточно выделялся, даже если посчитать количество слов. И зачем бы Ирине с таким восторгом описывать прогресс неграмотного человека при постижении грамоты?

Поскольку Антонина лично не была знакома с этим человеком, то поделилась сомнениями с Велисарием. Ее муж, после того как понял, на что она намекает, тут же разразился смехом.

— Конечно! — воскликнул он. — Это союз, заключенный на небесах. — Затем, увидев на лице жены сомнения, добавил: — Поверь мне, любовь моя. Если и есть в этот мир человек, который не испугается Ирину, то это Кунгас. Что касается ее... — Он пожал плечами и рассмеялся. — Ты же знаешь, как она любит вызов!

Мгновение прошло и достаточно быстро. Меньше чем через час они снова ввяжутся в сражение.

— Так что сделает Линк, Маврикий? Отправит подчиненных организовывать поставки, пока сам ведет солдат пешком назад в Индию? — Велисарий покачал головой. — Не думаю. Нет, я почти уверен, что Линк сам захочет вернуться в Индию, так быстро, как только возможно. Зачем еще было отзывать неповрежденные галеры в последнюю минуту в том сражении в дельте? Одной хватило бы, ну, может, двух для надежности. Их достаточно, чтобы отправить подчиненных с посланием.

Велисарий показал пальцем на грузовое судно, которое шло в центре, окруженное галерами малва. До них оставалось менее двух миль. Полководец улыбался не как человек, а как улыбается волк, заведя толстого раненого карибу⁵¹.

— Это, друг мой, не корабль подчиненного. Это — самое лучшее, что мог достать Линк взамен роскошной баржи Великой Госпожи Холи в Каушамби.

Улыбка полностью исчезла. Ничего не осталось, кроме чистой ярости.

— Теперь это чудовище принадлежит мне. Наконец-то.

Тихая, кипящая ярость Велисария вызвала на поверхность скрытые, наполовину бессознательные мысли. Впервые Эйд понял все намерения Велисария. Возможно скорее, чем сам Велисарий.

«Нет! — закричал Эйд ментально. — Ты не должен! Он убьет тебя!»

Велисарий дернулся. В кристаллическом голосе звучала неприкрытая паника.

«Что не так, Эйд? — спросил Велисарий, потом добавил с силой: — Мы не станем больше об этом спорить. Я достаточно часто вел воинов в атаку в сражениях».

«То было отлично! Ты сражался против воинов, а не киборга. Людей, которые хотели жить так же, как и ты. Жизнь ничего не значит для Линка, даже его собственная!»

Последовали долгие минуты, на протяжении которых Велисарий яростно спорил с Эйдом. Его товарищи по опыту знали значение молчания и блуждающего взгляда полководца. Но по мере того, как время шло, они начали беспокоиться и больше всех беспокоилась Антонина. После первой встречи с Эйдом, когда он отправил Велисария в видение будущего, в чистый ужас, Антонина ни разу не видела, чтобы ее муж проводил столько времени в состоянии странного транса.

Когда Велисарий наконец вернулся к действительности, его лицо было мрачным и полным горькой целеустремленности.

Велисарий показал на грузовое судно малва, на котором, если он прав, ждал Линк. Теперь до судна оставалось немногим больше мили. И кшатрии уже устанавливали желоба для ракет на палубе.

— Есть некая информация, которую вы должны знать. Эйд мне это только что объяснил. Новые боги выбирают женщин, которые служат телами для Линка. Сегодня это

⁵¹ Карибу — канадский олень.

Великая Госпожа Холи. Если она умрет, то Линк переместится в личность — наверное, следует сказать: тело — ее племянницы Сати. Вероятно, она все еще в Каушамби. Если умрет Сати, то будет другая девушка, из той же семьи. Также, по всей вероятности, где-то в Каушамби.

Велисарий замолчал, пытаясь подобрать слова, чтобы перевести на доступный человеческий язык представленное ему Эйдом. Усилия были безнадежны. Слова типа «генетика» и «митохондрия ДНК»⁵² ничего не значат для его товарищей. Он сам их едва понимал.

Он махнул рукой.

— Детали не важны. Линк — это частично машина, частично человек. Машинная часть, ее основа, находится где-то в Индии. Вероятно, также в Каушамби. Ее сознание передается после смерти от одной женщины к ее преемнице. Новый Линк после того, как он... давайте скажем: активизируется — сохраняет всю память предыдущего до того момента, как он... она... — и снова Велисарий подыскивал слова. — ...в последний раз устанавливала связь с машиной.

Он замолчал. Маврикий с готовностью заполнил паузу.

— Ты знаешь, что это означает? — спросил хилиарх и яростно схватился на палубные ограждения, гневно глядя на вражеский корабль. — Это означает, то если мы убьем эту старую суку, то малва окажутся в полной растерянности и смятении, — прошипел он. — Новый Линк — как там ее зовут? Сати? — не будет знать, что произошло после отъезда Холи. Теперь это уже полтора года! Ей потребуются месяцы — месяцы! — чтобы все заново организовать.

Он с готовностью отвернулся от палубного ограждения. Горел энтузиазмом.

— Боже, полководец, это идеально! Нам самим нужно время. Да, мы определенно выиграли это сражение. Но наши войска также вымотались. Нам нужно пополнить запасы, снова связаться с Агафием и персами, отправить еще кого-то в Махараштру и...

Он замолчал. Наконец Маврикий увидел и другую сторону. Антонина поняла сразу. Ее лицо побледнело.

— Ты не можешь забраться на борт этого судна! Линк совершит самоубийство! У него нет оснований этого не сделать. Он — не человек, это просто... оболочка. Сосуд. Инструмент, — она хватала ртом воздух. — Он не может себе позволить быть схваченным.

Теперь они все понимали, что подразумевалось. Так почему бы Линку не взять с собой и его врага?

— Он уже готовит корабль, — пробормотал Маврикий. — Вероятно, как раз в эти минуты. Чтобы взорвать его, когда ты окажешься на борту.

Антонина его проигнорировала. Она побледнела, сильно побледнела. Она знала это выражение на лице Велисария. Причем очень хорошо его знала, потому что оно появлялось так редко.

— Мне на это наплевать, — рявкнул Велисарий. — Я сражаюсь против этого чудовища уже четыре года. Я устал от стратегии и тактики. Я просто собираюсь его убить.

Послышался нарастающий гул протеста — но тут заговорил новый голос.

— Конечно, убьем! — пророкотал Усанас. — И что тут сложного? — Все глаза зафиксировались на нем. Аквабе ценцен улыбнулся.

— Конечно, при других обстоятельствах дело было бы сумасшествием. Глупым самоубийством! — Он пожал плечами. — Но вы забываете — у вас есть я! — Усанас стал прыгать вокруг, размахивая копьем. — Ужасный! Демон!

Антонине на этот раз не было весело. Она начала рявкать в ответ, пока внезапно не поняла...

⁵² Митохондрия — клеточная органелла. Органеллы — «органы» простейших, выполняющие различные функции: двигательные, сократительные, рецепторные и т.п.

Усанас больше не прыгал. Он просто улыбался, спокойный как икона.

— Нет, Антонина, — произнес он мягко. — Сейчас я не шучу. Есть простой факт, — и снова Усанас пожал плечами. — Я на самом деле самый лучший охотник, которого я знаю.

Он показал пальцем на корабль Линка. Теперь до него оставалось не больше полумили.

— Вы только подумайте. У этого чудовища не может быть достаточно пороха, чтобы взорвать весь корабль. Он захватил с собой лишь оборонительное оружие. Ракеты, гранаты. Он использует их, чтобы разрушить свою каюту после того, как мы возьмем судно на абордаж. А для этого потребуется время.

Усанас поднял огромное копье так легко, словно это был прутик.

— Думаю, где-то внизу. Где-то в трюме. — Он повернулся к Велисария.

— Как я предполагаю, ты намерен сам вести группу на абордаж. — Единственным ответом Велисария был рев. Усанас кивнул.

— Сделай это, римлянин. Возьми своих лучших людей. Я позабочусь об остальном.

Спор все продолжался, но вопрос был решен. Вдвоем Велисарий и Усанас подавили все возражения. Даже Анастасий — даже после того, как ему приказал Маврикий — не мог остановить полководца. Он вспомнил Валентина, не сдающегося на горном склоне в Персии. И знал, что полководец героя в этот день сделает не меньше.

К этому времени боевые корабли аксумитов уже ввязались в битву с галерами сопровождения малва. Сражение не получилось таким быстротечным, как в дельте. Не совсем. Малва уже видели маневр с быстрым отходом в сторону и подниманием весел и попытались избежать разрушения. Но если их осторожность и оттянула конечный результат, она его не изменила. Менее чем за десять минут пять галер взяли на абордаж и экипажи порезали. Аксумиты потеряли только один корабль, который пробили тараном. Но даже и в том случае они смогли спасти весь экипаж до того, как корабль пошел ко дну.

Однако Велисарий ничего этого не видел. На протяжении сражения он снова спорил. Этот спор он проиграл, так же уверенно и неизбежно, как выиграл первый.

— Хорошо! — проворчал он, гневно глядя на жену. Затем тяжело вздохнул. — Но ты останешься позади, Антонина. Ты слышишь меня? Я не допущу тебя на передовую!

Упрямое выражение ушло с ее лица, его заменила беззаботная улыбка.

— Ну конечно! У меня не было намерений вести людей в атаку, — она очень деликатно фыркнула. — Вся идея смехотворна. Не для благородной госпожи.

Глава 43

Чудовище ждало. Терпеливо, с уверенностью вечной жизни. Не собственной — она не имела значения — но своих хозяев.

Теперь все закончилось, за исключением мести. Палуба корабля представляла собой рай для поедателей падали. Катафракты стреляли с высоты своего огромного судна из мощных луков и таким образом смели всю жизнь. Кшатрии у ракетных желобов и их охранники-йетайцы теперь представляли собой только разорванные куски мяса.

Это не потеря. Партии ракет в то короткое время, пока их выпускали, оказались бесполезны. Огромное судно, на котором появился великий враг чудовища, просто отталкивало ракеты. В любом случае ракет было немного. Большинство отнесли в трюм. Их вскоре используют гораздо лучше. С большей пользой.

Чудовище ждало, удовлетворенное. Рядом с ним на корточках у трона сидел наемный убийца и держал в руках гонг, который подаст сигнал ожидающим внизу жрецам. Наемный убийца, как и жрецы, и их особые охранники, был преданным служителем культа чудовища. Когда чудовище отдаст приказ, наемный убийца исполнит свой долг и не провалится.

Чудовище ждало. Холодное, очень холодное. Но, возможно, где-то в этих глубинах мерцал уголек горячего торжества.

Чудовище боролось со своим великим врагом — своим мучителем — четыре года. Сегодня наконец оно собиралось этого врага убить.

Чудовище проводило время в воспоминаниях. Оно вспомнило уловку в Гвалияре и хитрость, которая разбила восстание «Ника!». Оно вспомнило разбитую под Анатой армию и еще одну у Нехар Малки. И вспомнило катастрофу в Харке.

«Иди ко мне, Велисарий. Иди ко мне».

Глава 44

Усанас медленно пробирался через трюм в поисках охранников. Он прислушивался в поисках охранников, если выразиться точнее. Трюм был таким же темным, как лес в дождливую безлунную ночь.

Усанас подождал, пока солнце не сядет, перед тем как взлезть в люк, ведущий в трюм от носа судна. Горизонт все еще озарялся красным цветом, но ничто из этого слабого свечения не попадало внутрь судна.

Конечно, у входа ждали охранники. Двое прятались среди амфор с зерном, прикрепленных к корпусу. Оба были отличными наемными убийцами. Они произвели на Усанаса впечатление. До того, как ноги мертвого йетайца коснулись пола, наемные убийцы уже оказались рядом, сверкая ножами. Лезвия уверенно и точно проникли в проемы надетых на труп римских доспехов.

Отличные наемные убийцы. Они поняли правду почти сразу, после первых же ударов. Они уже извлекали влажные ножи к тому времени, как Усанас бросил веревку, держащую труп прямо, и бросился в проем. Но наемные убийцы извлекли ножи слишком поздно. Слишком поздно. Усанас пробил череп первого прямым ударом железного набалдашника наверху копья. Для второго сгодилось острие.

Усанас оставил копье с ними, все еще воткнутое в грудь наемного убийцы. С этого времени придется работать ножом. Трюм был заполнен — там стояло много амфор и мешков с провизией. Нет места для огромного копья Усанаса.

Он подождал несколько минут, скорчившись в темноте и прислушиваясь. Где-то поблизости следовало находиться третьему охраннику, чтобы в случае необходимости поддержать двух первых, дежуривших у входа.

Ничего. Усанас удивился, но только слегка. Лучший военный разум в мире это предрекал.

Усанас улыбнулся. Это была холодная улыбка, но в темноте не находилось никого, кто мог бы увидеть убийственное выражение. Наемные убийцы малва считались высшей элитой среди воинов малва. И поэтому — точно, как оценил Велисарий, — страдали от неизбежного синдрома всех представителей преторианской гвардии. Да, смертоносные. Но также надменные, слишком уверенные в себе, с презрением относящиеся к соперникам. Да, хорошо тренированные, но подготовка — это не совсем то, что опыт сражений. Эти наемные убийцы много лет не сражались против настоящего врага. Как и представители преторианской гвардии на протяжении истории, они превратились из высокочлассных убийц в простых головорезов.

Усанас снова тронулся с места. Медленно, очень медленно. Он не торопился. Велисарий подождет, пока Усанас не подаст сигнал. Римский полководец и его товарищи устроились на корме, далеко от каюты в центре судна. Если заряд сработает, то они успеют уйти, невредимые. Даже в броне они смогут оставаться на плаву достаточно долго, чтобы аксумские боевые корабли, окружающие судно Линка, спасли их.

Конечно, для самого Усанаса ситуация сложится гораздо хуже. Вероятно, фатально. Но бывший охотник, теперь помощник царя царей, нисколько не волновался. Он стал философом на протяжении лет. Но он всегда был убийцей. Он шел рядом с тенью смерти с детских лет.

Усанас решал и свои проблемы. Он восхищался царем Калобом, несмотря на то что

никогда не произносил этих слов вслух. Отец Эона не обладал острым умом сына. Тем не менее он был хорошим царем. И Усанасу очень нравились Тарабай и Зайя и многие люди из тех, что погибли среди камней Тааха Мариама.

«Твоя очередь, малва».

Черная смерть ползла сквозь трюм. Еще двое убийц умерли от ножа убийцы.

— Я пойду первым, полководец, — заявил Анастасий. Тяжелые челюсти гиганта были сжаты, словно он ожидал спора.

Велисарий улыбнулся.

— Конечно! Я смелый, но не сумасшедший. Стражники Линка по размеру напоминают маленьких гиппопотамов.

Анастасий презрительно усмехнулся.

— И я тоже. — Он поднял булаву и взвесил на руке. Огромные мускулы напряглись под доспехами. — Но я не провел последние несколько лет, купаясь в роскоши.

— Теперь у тебя ее будет достаточно, — весело присоединилась Антонина. — Хотя, конечно, учитывая твою склонность к философии, я уверена: ты собираешься раздать все богатства бедным.

Анастасий улыбнулся. Когда римская армия захватила Харк, они также захватили и сундуки малва с жалованьем, не упоминая небольшую гору золота, серебра и драгоценностей, которые собрала огромная армия офицеров. Богатства оставались в Харке, когда армия Линка ушла из города. Нет необходимости говорить, что они не остались в городе, когда от него отплыли римляне.

Теперь все солдаты в армии Велисария стали богатыми людьми. Конечно, не по меркам римских сенаторов. Но по стандартам фракийских, греческих и сирийских простолюдинов — не упоминая военнопленных кушанов — они были страшно, черт побери, умопомрачительно богаты. На самом деле это немного беспокоило Велисария. Теперь он лишится части ветеранов. Но все-таки беспокоило немного. Большинство ветеранов останутся, готовые поделить трофеи будущих кампаний. А за каждого, кто выйдет в отставку, придет десять желающих занять его место. У других римских армий могли быть трудности с поиском рекрутов. После того как новости распространятся, армии Велисария придется отказывать многим желающим.

Но это была проблема будущего. Что касается настоящего...

Из-под палубы послышался звук. Слабый, напоминающий удар в ладоши, который эхом отдался по корпусу. Возможно, как шутиха.

— Вот оно! — взревел Анастасий.

Мгновение спустя огромный катафракт бросился к каюте. За ним неслись Лев и Исаак, Приский и Матвей. Шествие замыкали Велисарий и Антонина.

«Твоя очередь, чудовище».

Когда Усанас наконец добрался до своей цели, то немного задержался в темноте, чтобы удостовериться, правильно ли посчитал противников.

Часть трюма в центре корабля, прямо под каютой Линка, освободили от амфор и мешков с зерном. На небольшой расчищенной территории, площадью примерно в десять квадратных футов, скорчившись сидели два жреца и один наемный убийца. Место освещалось двумя небольшими лампами. Один из жрецов держал в руках несколько запалов, второй — кремень. Голова наемного убийцы склонилась на сторону: он ожидал сигнала хозяина, находящегося в каюте наверху.

На мгновение Усанас восхитился находчивостью малва. Как и Велисарий, он думал, что они разберут ракеты и установят запалы под каютой. Вместо этого подчиненные Линка выбрали первобытную простоту. Да, имелись гранаты, прикрепленные к деревянной обшивке. Запалы обрезали очень коротко. Но ракеты просто установили кругом, смотрели они точно вверх. Как только зажгут запалы, каюту наверху прорежут две дюжины ракет. От

ракет, их выхлопов, зажгутся гранаты.

Не было оснований ждать. Тихо, медленно, Усанас извлек из гранаты чеку.

Затем быстрым и сильным движением кисти бросил взрывное приспособление к дальней стене трюма. Граната была разобрана, ее запал вынут, а затем снова собрана. Но удар о стену произвел очень громкий шум внутри трюма.

Малва дернулись и посмотрели в направлении звука. Наемный убийца понял правду почти мгновенно. Но «почти», если против тебя выступает охотник типа Усанаса, это недостаточно быстро. Сердце наемного убийцы разрывал римский нож до того, как он наполовину успел поднять собственный кинжал. Однако ему все равно удалось порезать ногу африканца до того, как он умер. Это произвело большое впечатление на Усанаса.

Жрецам удалось только резко вдохнуть воздух. Усанас не стал тратить время, извлекая нож из спины наемного убийцы. Если бы Велисарий находился рядом и наблюдал за охотником, то его старое подозрение подтвердилось бы. Усанас на самом деле был сильнее Анастасия.

Аквабе ценцен просто схватил жрецов за горло, по одному в руке, и сломал им шеи.

До того, как опустить тела на пол, Усанас слышал громоподобные шаги бросающихся в каюту катафрактов. Затем дверь разлетелась в щепки и внутрь, как ураган, влетел Анастасий. Затем...

Теперь охотник улыбался. Как и всегда в темноте, эти блестящие зубы напоминали маяк.

«Прощай, чудовище».

Анастасий потерял равновесие, когда первый охранник занес свою кривую саблю. По этой причине он не смог должным образом отклонить огромный клинок. Вместо этого его щит раскололся на две части.

Охранник выпучил глаза. Удар должен был прикончить противника или по крайней мере свалить с ног. Охранник все еще ошалело таранился, когда булава Анастасия разможила ему череп.

Еще один стражник замахнулся кривой саблей. Анастасий уклонился от удара. Конечно, не так проворно и легко, как сделал бы Валентин, но гораздо быстрее, чем, по мнению охранника, способен двигаться человек размеров Анастасия.

Анастасий мог бы легко прикончить и этого стражника еще одним ударом булавы. Но он хотел создать какое-то свободное пространство для схватки в тесной каюте. Он видел еще четырех охранников, сгрудившихся позади. Поэтому откинул булаву в сторону и провел полунельсон. Затем, приподняв бедро, бросил противника в его наступающих товарищей.

Анастасий быстро уклонился и прижался к стене каюты. Он заберет булаву позднее. Теперь ему просто требовалось дать пройти другим катафрактам.

Следующим в каюту сквозь разбитую дверь влетел Лев. Орал он, как великан-людоед. Сказать по правде, Лев был таким же недалеким, как подразумевала его кличка Вол. Поэтому всегда в сражении он воздерживался от сложной тактики. И почему нет? Ему она никогда раньше не требовалась.

И на этот раз не потребовалась. К тому времени, как Исаак, Приский и Матвей втокнули свои огромные и убийственные тела в каюту, Лев уже убил одного охранника и покалечил другого.

Остальные умерли в течение полминуты. Сражение, несмотря на всю ярость — одиннадцать огромных мужчин бились друг с другом в каюте размером с небольшую гостиную, было настолько односторонним, насколько доводилось видеть Велисарию.

Он не удивился. Наблюдая от дверного проема вместе с Антониной, выглядывающей у него из-за руки, Велисарий видел одно из немногих сражений, которое шло точно по плану.

Велисарий знал, что так и будет. Анастасий был единственным римлянином, который по своим габаритам соответствовал специальным охранникам Линка.

Но остальные соответствовали им по силе, если не по габаритам. И они, в отличие от

стражников, не были изнеженной и избалованной «элитой». Они постоянно участвовали в настоящих схватках. Мечи и булавы, которые использовались на полях сражений и жестоких улицах Харка, прошли через кривые сабли, как клыки сквозь плоть.

Все происходило в молчании, если не считать звенящий гонг, который держал в руках наемный убийца. Затем последовала тишина, когда меч Матвея отрубил голову державшего гонг человека.

Велисарий вошел в каюту и устался на Линка.

Теперь чудовище умирало. Своим нечеловеческим разумом Линк уже оценил новую реальность. Никакие ракеты не прилетят через пол и не убьют его великого врага. Никакие гранаты не взорвутся, чтобы уничтожить то, что останется.

Линк был готов к такой возможности. Поэтому он воспользовался последней, жалкой мстостью.

Украшенный драгоценными камнями кубок выскользнул из руки чудовища. Тело старой женщины — оболочка чудовища — просто тяжело осело на украшенном драгоценными камнями изысканном стуле. Голова старой женщины склонилась в сторону.

Это был быстроедействующий яд. Но в этих мудрых глазах все еще оставалось свечение. Возможно, слабое победное свечение. Если и ничего больше, то врагу чудовища не удастся лишить его жизни.

Антонина оттолкнула Велисария в сторону. Она прыгнула вперед и подняла свой уродливый, неуклюжий и ненавидимый пистолет.

Теперь — проверенное оружие.

— Черт тебя побери! — крикнула она. Взвести левый курок, нажать сзади, огонь.

Первый выстрел вонзился в сердце чудовища и прошел сквозь позвоночник, саму Антонину наполовину развернуло. Через секунду она повернулась назад.

— Черт тебя побери! — взвести правый курок, нажать спереди, огонь.

Второй выстрел разнес мозги чудовища по дальней стене. Антонина приземлилась на задницу, вниз ее кираса тянула. Задница болела. Кисти болели. Руки болели. Плечи болели. Сиськи болели. Она подняла голову и улыбнулась мужу, глядя на него снизу вверх.

— Боже, как хорошо!

Велисарий гордо улыбался своим катафрактам.

— Вот какая у меня жена, — объявил он. — Вон она у меня какая!

ЭПИЛОГ

Помеха и вывод

Чудовище вернулось к жизни. Когда душа, которая когда-то населяла тело молодой женщины, была удалена, чудовище на ощупь обследовало сознание.

Момент завершения был коротким.

«Провал, — появилась первая мысль. — Имело место какое-то бедствие».

Чудовище обследовало свою память со скоростью света.

«Ничего. Все шло хорошо. Что могло случиться?»

Возникла помеха.

— С вами все в порядке, госпожа Сати?

Женщина — полная, молодая, довольно симпатичная — смотрела на чудовище с беспокойством на лице.

— Вы кажетесь... возможно, вам нездоровится. Ваши глаза... — Как и всегда, мысли чудовища заработали с нечеловеческой скоростью. Через мгновение оно уже классифицировало побеспокоившую его женщину. Одна из служанок Сати. Ее звали Индира. Она была довольно близка с хозяйкой.

Это может оказаться неудобно. Могут возникнуть другие помехи.

Чудовище повернуло голову. Да. Наемные убийцы находились на посту.

— Убить ее.

К тому времени, как ножи закончили свою быструю работу, мысли чудовища пришли к предварительному выводу.

«Велисарий. Ни одно другое объяснение не кажется возможным». В мысли не было гнева. В мысли ничего не было.

Приказ и выбор

— Ты сошел с ума? — спросил Нанда Лал, как только вошел в шатер Венандакатры. — Почему ты еще не начал отступление?

Подлый сжал челюсти. Любой другой человек за исключением Нанды Лала — и конечно императора — получил бы палками за использование такого тона с гоптрием Деканского плоскогорья. И палками бы его побили, только если бы ему повезло. Но...

Венандакатра контролировал ярость. Едва. Он показал пальцем на стены Деогхара.

— Я возьму этот город! — завопил он. — Что бы я еще ни сделал, я возьму его!

Нанда Лал схватил Подлого за плечо и резко развернул. Венандакатра так поразился — «Никто не имеет права ко мне прикасаться!» — что пошатнулся и чуть не растянулся на ковре. Затем он все-таки растянулся. Этому поспособствовала пощечина, которую ему дал Нанда Лал. Частично физическая сила — начальник шпионской сети империи малва был сильным человеком и мускулистым. Но по большей части Венандакатра рухнул от чистого, полнейшего шока. Никто никогда не смел бить господина Венандакату. Он же — двоюродный брат императора!

Но и Нанда Лал тоже являлся двоюродным братом императора. А начальник шпионской сети в эти минуты определенно был в ярости.

— Ты — идиот, — прошипел Нанда Лал. — Ты не смог взять Деогхар, когда это было возможно. А сегодня?

Начальник шпионской сети гневно показал в открытый проем — кусок материи, закрывающий вход в шатер, откинули в сторону. За ним лежала дорога в Бхаруч.

— Мне пришлось прорываться сюда с боем, ты, придурок! С небольшой армией раджпутов!

Он наклонился, схватил Венандакату за богатые одежды и поднял на ноги. Последовал новый удар — тяжелая пощечина по дряблой щеке.

— Если ты сейчас тронешься с места — дурак! — мы все еще можем вывести твою армию с легкими потерями. Но на следующей неделе — через неделю определенно — половина твоих солдат умрет к тому времени, как ты доберешься до Бхаруча.

Нанда Лал с презрением отпустил его. И снова Венандакатра рухнул на ковер. Его рот был открыт, взгляд блуждал. Нанда Лал отвернулся и сжал руки за спиной.

— Мы можем надеяться удержать Бхаруч и реку Нармаду. Большие города в северной части Деканского плоскогорья. И это все на настоящий момент. Но мы должны удержать Бхаруч. Должны. Если мы его не удержим, то наша армия в Месопотамии умрет с голода.

Его тяжелые челюсти сжались. Нанда Лал открыл рот, словно собирался говорить дальше, но просто покачал головой. Начальник шпионской сети не был готов делиться своим все еще ориентировочным анализом наиболее вероятного развития ситуации в Месопотамии. Своими опасениями, связанными с Месопотамией. Определенно не с Венандакатрой.

— Делай это, — приказал он и похлопал по поясу, который удерживал его собственные одежды. За пояс был заткнут императорский свиток. — У меня есть полномочия делать здесь все, что я захочу. Это включает приказать твою казнь, Венандакатра.

Нанда Лал повернул голову и гневно посмотрел вниз на распростертого у его ног человека.

— Кстати, свиток подписывал не только император. На нем стоит подпись Великой Госпожи Сати.

Шок и негодование Венандакатры тут же исчезли. Его лицо, уже бледное, стало пепельным.

— Да, — процедил сквозь зубы Нанда Лал. — Великой Госпожи Сати.

Начальник шпионской сети посмотрел на северо-запад сквозь открытый проем. И добавил тихо:

— Осада Деогхара закончилась, Венандакатра. К завтрашнему утру твоя армия должна быть на пути в Бхаруч. Это данность. У тебя есть один выбор: поведешь ты ее или не поведешь. Или просто твоя голова, посаженная на кол.

Желание и решение

— Как у нас обстоят дела с новыми боевыми кораблями? — спросил царь царей, войдя в комнату, которая служила Аксумскому царству военным центром, или генеральным штабом.

Рукайя подняла голову от стола в центре комнаты. Это был большой стол, но взору представлялась лишь малая часть его поверхности. Большую часть покрывали свитки и связанные листы папируса.

Царица показала на лист перед нею.

— Я как раз сейчас заканчиваю письмо Иоанну Родосскому, благодарю его за последнюю поставку оружия. У нас теперь достаточно для экипировки первых двух кораблей.

— Хорошо, хорошо, — проворчал Эон и подошел к столу. — Я хочу сразу же выпустить их в море, чтобы мы начали разбираться с осуществляющим поставки флотом малва, как только он выйдет из Бхаруча.

Эон склонился вперед и потерялся о волосы жены. Она улыбнулась и притянула его голову к своей.

— Есть еще хорошие новости, — прошептала Рукайя.

Эон вопросительно приподнял бровь. Рукайя улыбнулась шире.

— Конечно, мы назовем его Вахси, если это мальчик. Но ты на самом деле должен начинать думать и о женских именах.

Вопрос и ответ

Кунгас поднялся с постели и прошел к окну. Положил ладони на подоконник и уставился на Деогхар. Город был погружен во тьму, если не считать лампы, которые мерцали в одной из комнат в близлежащем дворце.

Его губы исказились.

— Ему хорошо, что у него есть понимающая жена. — Ирина приподнялась на локте.

— Что? Дададжи снова работает ночью? — Увидев, как кушан кивнул, Ирина рассмеялась.

— «Понимающая» — не совсем подходящее слово для этого, Кунгас. Она сидит там сама, и ты это знаешь. Так терпеливо, как Луна.

Кунгас ничего не сказал. Ирина мгновение изучала его, пытаясь прочесть скрытые знаки у него на лице.

— В чем дело, Кунгас? — спросила она. — Тебя всю ночь что-то беспокоит.

Кунгас пальцами выбил дробь на подоконнике. Ирина слегка напряглась. Кушан никогда раньше не подходил так близко к состоянию нервного опасения.

— В чем дело? — повторила Ирина. — И не надо рассказывать мне сказки. Тебя что-то беспокоит, я знаю, что беспокоит. И это что-то касается меня.

Кунгас вздохнул.

— Да, есть недостатки в общении с умной женщиной, — пробормотал он.

Кунгас отвернулся от окна и вернулся к постели. Затем сел на край и уставился на

Ирину. И сказал резко:

— Я сегодня разговаривал с Канишкой и Куджуло. О Пешеваре и моих планах на будущее.

Она одобрительно кивнула. Канишка и Куджуло были старшими офицерами в небольшой армии кушанов, которая служила Шакунтале. Ирина уже несколько недель давила на Кунгаса, чтобы он поднял с ними этот вопрос.

— И? — склонив голову, спросила она.

— Они согласились присоединиться ко мне. Они сказали, в общем, что, по их мнению, из меня получится хороший царь.

И снова Кунгас вздохнул.

— Тем не менее они были критичны. И на самом деле довольно резки. Как они считают, я проигнорировал первое требование успешной династии.

Он отвернулся.

— Конечно, они абсолютно правы. Поэтому я обещал им немедленно заняться вопросом. Если это возможно.

Ирина на мгновение уставилась на него. Затем резко села, прижав простыню к груди.

— Что? — прошипела она. — Ты ожидаешь, что я — я, гречанка благородного происхождения, привыкшая к роскоши и комфорту — пойду носиться с тобой по диким местностям Центральной Азии? Буду сидеть в каких-то руинах в центре гор и пустынь, окруженная ордами варваров и Бог знает какими еще опасностями? — Ее глаза сильно округлились. — Буду царицей группы кушанских наемников с иллюзиями о грандиозности? Проведу остаток моей жизни в отчаянной борьбе и попытках выковать царство из ничего?

Если не считать легкого сжатия челюстей, лицо Кунгаса казалось маской.

— Я не ожидаю, — сказал он тихо. — Я просто прошу. Надеюсь.

Ирина обвила его шею руками и потащила его вниз. Через несколько секунд огромная, тяжелая кровать практически прыгала на полу от чистой энергии. Дрожала и содрогалась, качалась и тряслась.

— О, Кунгас! — закричала Ирина. — Мы так повеселимся!

Напоминание и различие

Закончив читать письмо от императора Шандагупты, Дамодара повернул голову и уставился на Тигр. Мгновение его взгляд следил за течением реки, на север к Ассирии — и Анатолии, и Константинополю за ними. Затем, дольше, его взгляд остановился на армейском лагере. Это был хорошо построенный лагерь, надежный, крепкий. Почти постоянный форт, после всех недель работы.

— Ну вот оно, — тихо произнес он. — Все закончилось. — Дамодара повернулся к человеку рядом и сложил письмо.

— Готовь армию, Рана Шанга. Нас зовут назад в Индию. Император требует поторопиться.

Шанга кивнул. Он уже начал поворачиваться, но остановился.

— Если я могу спросить, господин... Какое у нас будет новое задание?

Дамодара тяжело вздохнул.

— По всей Индии распространяются волнения. Все Деканские плоскогорья восстало. Венандакатру отогнали назад в Бхаруч. Он уверен, что сможет без чьей-либо помощи удержать город, хотя сам по себе не может заново завоевать Махараштру. Несомненно, это и станет нашим заданием. Но вначале мы должны подавить волнения в Бихаре и Бенгалии, в то время как император заново собирает основную армию. Он ожидает, что римляне атакуют наши северо-западные провинции в течение года. Самое большее, двух лет.

Шанга ничего не сказал. Но его лицо напряглось.

— Похоже, когда-нибудь ты снова встретишься с Рагунатом Рао, — задумчиво сказал Дамодара. — После всех этих лет. Барды и поэты будут радоваться.

Дамодара внимательно изучал Шангу. Затем добавил очень тихо:

— Может прийти день, Рана Шанга — может прийти — когда мне придется попросить тебя вспомнить твою клятву.

Лицо Шанги, которое и так уже напряглось, просто напоминало теперь туго натянутую ткань.

— Мне не нужно напомирать о чести, господин Дамодара, — ответил он резко.

Дамодара покачал головой.

— Я не говорил, что попрошу тебя выполнить клятву, Шанга. Просто вспомнить ее.

Шанга нахмурился.

— А есть разница?

Ответа не последовало. Через мгновение, гневно пожав плечами, Шанга ушел.

Дамодара остался, уставившись на реку. Возможно, он находил какое-то успокоение, глядя на движущуюся воду.

Беспокойство и объяснение

— Я ваш покорный слуга, господин, — сказал Нарсес и склонил голову.

Как только Дамодара вышел из шатра, Нарсес улыбнулся.

— Пошли дела, — потирая руки, пробормотал он. Аджатасутра поднял глаза от шахматной доски.

— Что это тебя так возбудило?

Нарсес уставился на него. Улыбка сошла у него с лица, ее заменило странное выражение, почти на грани грусти.

— Ты стал мне, как сын, — резко сказал Нарсес.

Лицо Аджатасутры ничего не выражало. Мгновение, не больше. Затем появилась хитрая улыбка.

— Это не совсем успокаивает, Нарсес. Насколько я помню, когда ты в последний раз удочерял духовного отпрыска, ты попытался ее убить.

Нарсес махнул рукой.

— Не сразу, — возразил он. — Фактически через много лет. Кроме того...

Евнух сел на стул напротив Аджатасутры. И уставился на шахматную доску.

— Кроме того, ситуация несравнима. Она была императрицей. А ты — просто бедный авантюрист.

Аджатасутра фыркнул. Нарсес бросил взгляд на небольшой сундук в углу шатра.

— Ну... относительно бедный.

Наемный убийца скрестил руки на груди и откинулся на спинку стула.

— Почему бы тебе не спросить прямо, Нарсес? Если ты хочешь знать, кому я предан, просто спроси.

Евнух открыл рот. Закрыл. Аджатасутра рассмеялся, довольно весело.

— Боги! Не хотелось бы мне жить в твоём разуме. Ты просто не можешь этого сделать, не так ли? Не можешь спросить прямо?

Нарсес открыл рот. Закрыл.

Все еще посмеиваясь, Аджатасутра покачал головой.

— Расслабься, старик. Как ты и сказал, я — авантюрист. И я не могу представить кого-то, кто обеспечит меня большим количеством авантур, чем ты.

Нарсес вздохнул.

— Спасибо, — прошептал он и скривил рот. — Это для меня многое значит, Аджатасутра. Независимо от того, способен я это сказать или нет.

Аджатасутра мгновение смотрел на евнуха.

— Хотя я поставлен в тупик. Почему внезапное беспокойство? — Наемный убийца кивнул на вход в шатер.

— Я не уловил ничего из вашего разговора с Дамодарой. Но слышал последнее

предложение. «Я не разрешаю тебе ничего делать, Нарсес». Для меня это прозвучало вполне определенно.

Нарсес фыркнул.

— Ну ты прямо новичок! Ну просто невинное дитя! — он склонился вперед. — Ты на самом деле должен научиться правильно формулировать предложения, Аджатасутра. «Я не разрешаю», мой мальчик, не означает то же, что «Я тебе запрещаю».

Глаза Аджатасутры округлились. Нарсес снова фыркнул.

— Кстати, через шесть ходов мат, — добавил евнух.

Приветствие и жалоба

От Харка осталось немного, когда Велисарий с Антониной вернулись из Асэба несколько недель спустя. Но персам удалось спасти достаточно от причала, чтобы там смог встать их корабль.

Император Хусрау ждал там, чтобы встретить их вместе с Баресманасом, Курушем и Агафием. Персы радостно улыбались. Агафий — нет.

Персы вежливо разрешили Агафию встретить полководца первым. Бывший командующий греческими катафрактами прохромал вперед, помогая своей деревянной ноге парой костылей.

— Ну и оставил ты мне подарочек, — проворчал он, как только к нему подошел Велисарий.

Велисарий огляделся по сторонам и нахмурился.

— А что ты ожидал? Ты знал, что я намереваюсь разрушить город.

— Не это, — фыркнул Агафий. — Я имел в виду гневные письма, которые я получил от императрицы. Феодора хочет узнать, как я мог быть таким неосторожным. Как позволил персам выяснить технологию изготовления пороха.

— О — это, — Велисарий похлопал Агафия по плечу. — Надеюсь, ты меня прикрыл?

Агафий пожал плечами.

— Конечно, почему нет? Я все еще знаю, как печь хлеб, на тот случай, если меня уволят с позором. — И добавил мрачно: — При условии, что она позволит мне сохранить голову.

Велисарий повернулся к Антонине.

— Как я понимаю, вы никогда не встречались. Антонина, познакомься с одним из моих лучших военачальников. Агафий, это моя жена. Я также должен упомянуть, что она еще и лучшая подруга Феодоры.

Агафий протянул руку.

— Ну. Я определенно рад познакомиться с вами.

Сожаление и приветствие

Гораздо позднее тем вечером, после того, как ушли Хусрау и сопровождающие его лица, Велисарий лениво потянулся.

— Надо кое-что признать, имея персов в союзниках, — объявил он и с восхищением обвел глазами роскошно украшенный шатер, который им предоставил персидский император.

Антонина улыbnулась.

— Прекрати, солдат. С каких это пор тебя стала беспокоить роскошь? Тебе просто нравится мысль, что дехганы бьют кого-то другого, и все.

Велисарий ответил на улыбку.

— Да, да, — признал он. — Радостно думать, как малва пытаются отступить, а эти гнусные ублюдки лезут и лезут на них.

Через мгновение его веселость стала спадать. Через короткое время ушла совсем.

— Это не твоя вина, любовь моя, — мягко сказала Антонина. Велисарий выдохнул.

— Нет. Не моя. И если бы мне пришлось сделать это снова, то я не колебался бы ни минуты. Но... — он вздохнул. — Большинство из них — просто крестьяне, Антонина. Не более двадцати тысяч когда-либо доберутся до своих семей в Индии. Хусрау и Куруш будут гнать их нещадно. По всему пути до долины Инда. — Велисарий потер лицо. — А если новые боевые корабли Эона смогут удерживать малва от выгрузки припасов на побережье, то и десять тысяч не выживут.

«Это не твоя вина», — пришел ментальный импульс от Эйда.

Велисарий покачал головой.

— Дело не в этом, Эйд, Антонина. Меня не беспокоит вина. За смерть солдат надо винить малва, точно так же как и за преступления, которые совершили эти солдаты, пока находились в Персии. И никого больше.

Его руки сжались в кулаки.

— Это просто...

Велисарий повернул голову и уставился в огонь лампы.

— Просто временами я на самом деле жалею, что не стал кузнецом.

Последовало молчание. Через минуту или около того в шатер вошел Маврикий. Хилиарх посмотрел на полководца, все еще не отводящего взгляд от лампы.

— Мы опять впали в нашу обычную победную меланхолию? — спросил Маврикий.

Велисарий, так и не отводя взгляда от лампы, хитро улыбнулся.

— Неужели я такой предсказуемый?

Маврикий фыркнул, прошел в шатер и положил руку на плечо Велисария.

— Ну, развеселись, парень. У меня есть хорошие новости. Я расширяю состав твоих телохранителей. Во время следующей кампании ты поведешь большую армию союзников. Должен иметь более внушительную охрану. И если и ничего больше, то персы будут дуться и обижаться, если у тебя ее нет.

Велисарий скорчил гримасу.

— Ради Бога, Маврикий. Если ты дашь мне охрану в персидском стиле, то я не смогу увидеть и собственную руку.

Маврикий рассмеялся.

— О, я не думал ни о чем таком изысканном. Просто собираюсь добавить еще одного человека, чтобы дать немного отдохнуть Анастасию, Исааку и Прискию. Кстати, новый человек здесь, прямо у шатра. Я бы вас представил, только это было бы просто смешотворно. И я не хочу слушать, как он бормочет себе под нос о глупых формальностях.

Велисарий вскочил и вылетел из шатра через мгновение.

— Видишь? — спросил Маврикий у Антонины. — Разве я не говорил, что развеселю его?

Обвинение и упрек

— Он просто отпустил меня, полководец, — сказал Валентин. Катафракт показал большим пальцем назад, в направлении персидского лагеря. Казалось, там идет дикая гулянка. — Он отпустил всех римских пленников. Велел мне передать тебе, что взамен всех пленных раджпутов, которых ты оставил в кванате.

Велисарий почесал подбородок.

— Это я могу понять. Но почему тебя! Я предлагал ему настоящее богатство в качестве выкупа за тебя.

Узкое лицо Валентина озарила улыбка.

— Если я проживу достаточно долго, полководец, то попрошу тебя вспомнить про этот выкуп. Когда ты будешь решать вопрос о выходном пособии.

Велисарий улыбнулся и кивнул.

— Я не забуду, Валентин. Ты можешь быть в этом уверен.

В его глазах все равно стоял вопрос. Валентин пожал плечами.

— Я на самом деле не знаю, полководец. Но он сказал кое-что странное, когда я уходил.

Велисарий вопросительно приподнял бровь. И снова Валентин пожал плечами.

— Для меня ничего не значило. Я даже подумал, что это какая-то глупость. Но как раз когда я садился в седло, Дамодара сказал, что, как он надеется, ты — человек, который уважает грамматику.

Тогда Велисарий рассмеялся. Смех продолжался так долго, что Валентин начал бормотать.

«Мне показалось, он сказал: „загадочные чертовы клоуны"», — объявил Эйд.

«Мне тоже, — ответил Велисарий ментально, все еще посмеиваясь. — Но я уверен: мы ошиблись. Было бы очень неуважительно по отношению к главнокомандующему».

«Определенно! — Грани сверкнули. Появился кристаллический павлин, его глазбусинки наполнились обвинением. — Говоря о чем...»

Смех продолжался и продолжался. Маврикий с Антониной вышли из шатра.

— У нас проблемы, девочка, — объявил Маврикий. — Серьезные проблемы. Этот сумасшедший идиот, как предполагается, должен вести нас к окончательной победе.

— Следи за языком! — холодно сказала Антонина. — Ты говоришь о моем муже. — Она нахмурилась. — Даже если он и чертов клоун.